

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

 СЛАВЯНСКИЙ МИР

2018 В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Вып. 13

№ 3–4

МОСКВА
2018

УДК 93/94
ББК 63.3-8

Главный редактор журнала

Узенёва Елена Семёновна

Ответственный секретарь журнала

Леонтьева Анна Андреевна

Редакционная коллегия

Данченко Светлана Ивановна
Мельчакова Ксения Валерьевна
Пахомова Лидия Юрьевна
Хаванова Ольга Владимировна
Чепелевская Татьяна Ивановна

Редакционный совет

Бебешу Дёрдь (Венгрия)
Дель Гаудио Сальваторе
(Италия/Украина)
Запека Оксана Анатольевна (Россия)
Заржицкий Алеш
(Чехия)

Китанова Мария (Болгария)
Корина Наталия (Австрия)
Никифоров Константин Владимирович
(Россия)
Пазио-Влазловска Дорота (Польша)
Раич Сузана (Сербия)

Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Выпуск 13. № 3–4. — М.:
Институт славяноведения РАН, 2018. — 262 с.

Очередной выпуск журнала включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории, истории культуры, литературы и фольклора, этнолингвистики славянских народов и их соседей. Хронологический охват материалов — от Нового времени до современности. В выпуске представлены статьи исследователей из России, Венгрии и Словении.

Slavic World in the Third Millennium. 2018. Volume 13. Issue 3–4. — Moscow:
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2018. 262 p.

The latest issue contains articles on history, culture, literature, folklore, and ethno-linguistics of the Slavic peoples and their neighbours. Articles are devoted to the modern and contemporary periods. Researchers from Russia, Hungary and Slovenia are represented in this issue.

ISSN 2412–6446
DOI 10.31168/2412–6446

© Институт славяноведения РАН, 2018
© Коллектив авторов, текст, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Диннеш П. (Эгер, Венгрия).* Впечатления от поездки в Россию в 1780 г.: дневник императорского духовника Ференца Ксавьера Калатаи 7
- Касаткин К.А. (Санкт-Петербург).* От болгар к Болгарии: эволюция образа болгар в работах И.П. Липранди 1830–1870-х гг. 15
- Рошонци И. (Будапешт, Венгрия).* Роль железнодорожного сообщения в оказании Россией военной помощи Австрии в мае 1849 г. 32
- Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. (Москва).* Вскоре после Брестского мира: белорусоведческие научные и учебные организации в Москве и Петрограде 50
- Лобачева Ю.В. (Москва).* Женщины в истории независимой Сербии (1878–1918) в освещении современной сербской историографии 62
- Искендеров П.А. (Москва).* Балканы: горная индустрия и большая политика (конец XIX – начало XX вв.) 76
- Гуськова Е.Ю. (Москва).* Развитие межнациональных отношений в Боснии и Герцеговине в первые десятилетия после Второй мировой войны 87
- Коровицына Н.В. (Москва).* Словакия между традицией и современностью 97
- Бодрова А.Г. (Санкт-Петербург).* Национальный нарратив Ивана Цанкара и его роль в формировании словенской культурной идентичности 108
- Радомская Т.И. (Москва).* «Поэма о Царской Семье» в творчестве и судьбе М. Цветаевой 118
- Запека О.А. (Москва).* Идея свободы в этике В.С. Соловьева 126
- Козак К.-Я. (Копер, Словения).* Глобализация как разрушение декалога: пример словенской драмы 137
- Переволочанская С.Н. (Москва).* Русский язык на рубеже веков: семантический потенциал и перспективы развития 150
- Гаврюшина Л.К. (Москва).* Старообрядческие села Румынии: жизнь поколений и судьба традиций 160
- Агапкина Т.А. (Москва).* ...Чтобы корова погуляла: о некоторых приемах славянской продуцирующей магии 174
- Гура А.В. (Москва).* Свадебный обряд словенцев Прекмурья на общеславянском фоне. 1. Обрядовая структура 182

Публикации источников

- Фролова М.М. (Москва)*. К 140-летию окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «Не дозволено цензурой»: поэма М.А. Хитрово «Сан-Стефаниада» (1878 г.) 196

Рецензии

- Дронов М.Ю. (Москва)*. Hrabovec E. Slovensko a svätá stolica v kontexte vatikánskej východnej politiky (1962–1989). Bratislava, 2016. 400 s. 216
- Узенёва Е.С. (Москва)*. Терминология родства в болгарском языке: новые подходы в исследовании 221

Хроника научной жизни

- Колосков Е.А. (Санкт-Петербург)*. Международная научная конференция «Столетие русской эмиграции в Сербии: итоги и судьбы» 229
- Струганова Е.Н. (Москва)*. Девятые аркаимские чтения «Горизонты цивилизации. Вода в истории и современности: ресурс, образ, символ» 233
- Калиганов И.И. (Москва)*. Юбилей Института литературы Болгарской академии наук 238
- Красовец А.Н. (Москва)*. Международная научная конференция «Категории “воля” и “принуждение” в славянских культурах» 241

In memoriam

- Фролова М.М. (Москва)*. Блаже Петров Ристовский (1931–2018) 247
- Чиварзина А.И. (Москва)*. Рина Павловна Усикова (1933–2018) 249
- Библиография научных трудов Р.П. Усиковой (сост. *Верижникова Е.В.*) 252

CONTENTS

Articles

- Patrik Dinnyés*
Impression from Travelling to Russia in 1780: The Diary of Emperor's
Confessor Francis Xavier Kalatay 7
- Konstantin A. Kasatkin*
From Bulgarians to Bulgaria: Evolution of the Image of Bulgarians
in the Works of Ivan Petrovich Liprandi (1830–1870s) 15
- Ildikó Rosonczy*
The Role of Railway Communication in Providing
Russian Military Support for Austria in May 1849..... 32
- Jurij A. Labyntsev, Larisa L. Shchavinskaja*
After the Treaty of Brest-Litovsk: Belarusian Scientific
and Educational Organizations in Moscow and Petrograd 50
- Yulia V. Lobacheva*
The Contemporary Serbian Historiography on Women
in the Independent Serbian State (1878–1918): An Overview 62
- Petr A. Iskenderov*
The Balkans: Mining Industry and “Big Politics” (1878–1914) 76
- Elena Yu. Guskova*
Development of Interethnic Relations in Bosnia and Herzegovina
in the First Decades after the Second World War 87
- Natalia V. Korovitsyna*
Slovakia Between Tradition and Modernity 97
- Anna G. Bodrova*
Ivan Cankar's National Narrative and Its Role
in the Formation of the Slovenian Cultural Identity 108
- Tatiana I. Radomskaya*
“Poem about Tsar Family” in Marina Tsvetaeva's Works and Life 118
- Oksana A. Zapeka*
The Idea of Freedom in Vladimir Solovyov's Ethics 126
- Krištof Jacek Kozak*
Globalization as the Destruction of the Decalogue:
An Example of Slovenian Drama 137
- Svetlana N. Perevolochanskaya*
The Russian Language at the Turn of the Century:
Semantic Capability and Development Prospects 150
- Lidia K. Gavryushina*
The Old Believers' villages in Romania:
Life of Generations and the Destiny of Traditions 160

<i>Tatiana A. Agapkina</i>	
...Chtoby korova pogulyala. On Some Rituals in Slavic Producing Magic	174
<i>Aleksandr V. Gura</i>	
Wedding Ceremony of Prekmurje Slovenes in the General Slavic Background. 1. Ritual Structure	182

Publication of historical sources

<i>Marina M. Frolova</i>	
The 140th Anniversary of the End of the Russo-Turkish War of 1877–1878. “‘It is not allowed by censorship’”: The poem of Mikhail A. Khitrovo “San-Stefaniada” (1878)	196

Reviews

<i>Mikhail Yu. Dronov</i>	
Hrabovec E. Slovensko a svätá stolica v kontexte vatikánskej východnej politiky (1962–1989). Bratislava, 2016. 400 s.	216
<i>Elena S. Uzeneva</i>	
Kinship Terminology in the Bulgarian Language: New Approaches to the Study	221

Chronicle of scientific life

<i>Evgenii A. Koloskov</i>	
International Conference “100 Years of Russian Emigration in Serbia: Results and Fates”	229
<i>Ekaterina N. Struganova</i>	
The Ninth Arkaim Symposium “The Horizons of Civilization. Water in History and Modernity: Resource, Image, Symbol”	233
<i>Igor I. Kaliganov</i>	
Seventieth Anniversary of the Institute of Literature of the Bulgarian Academy of Sciences	238
<i>Aleksandra N. Krasovets</i>	
International Conference “Categories of “will” and “coercion” in Slavic cultures”	241

In memoriam

<i>Marina M. Frolova</i>	
Blaže Ristovski (1931–2018).....	247
<i>Alexandra I. Chivarzina</i>	
Rina Pavlovna Usikova (1933–2018)	249
List of works by Rina Pavlovna Usikova (prepared by <i>Elena V. Verizhnikova</i>)	252

**ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПОЕЗДКИ В РОССИЮ В 1780 Г.:
ДНЕВНИК ИМПЕРАТОРСКОГО ДУХОВНИКА
ФЕРЕНЦА КСАВЬЕРА КАЛАТАИ***

Патрик Диннеш –

младший научный сотрудник,
исторический факультет,
Эгерский университет им. К. Эстерхази.
Эстерхази тер, 1, Эгер, Венгрия, 3300.
dinnyes.patrik@uni-eszterhazy.hu

Аннотация

В статье на малоизвестном материале воспоминаний венгерского священника Ференца Ксавьера Калатаи, сопровождавшего императора Иосифа II в поездке по России в 1780 г., воссоздаются детали маршрута, представленные через призму личных впечатлений автора.

Ключевые слова

Иосиф II, Екатерина II, русско-австрийские отношения, путешествие в Россию в 1780 г., Ференц Ксавьер Калатаи, мемуары.

**IMPRESSION FROM TRAVELLING TO RUSSIA IN 1780:
THE DIARY OF EMPEROR'S CONFESSOR
FRANCIS XAVIER KALATAY**

Patrik Dinnyés –

Junior Researcher, Institute of History,
Eger Eszterházy Károly University.
Eszterházy tér 1, Eger, Hungary, 3300.
dinnyes.patrik@uni-eszterhazy.hu

Abstract

The article, based on less known memoirs of the Hungarian priest Francis Xavier Kalatay, who accompanied Joseph II in his voyage to Russia in 1780, depicts details of the journey presented through the prism of personal impressions of the author.

Keywords

Joseph II, Catherine II, Russian-Austrian relations, travel to Russia in 1780, Francis Xavier Kalatay, memoirs.

* Статья написана при финансовой поддержке программы «Kutatási kapacitások és szolgáltatások komplex fejlesztése az Eszterházy Károly Egyetemen» («Комплексное развитие исследовательских возможностей и услуг Университета им. К. Эстерхази») № ЕФОР-3.6.1-16-2016-00001. Благодарю за помощь в переводе статьи на русский язык О.В. Хаванову (Институт славяноведения РАН), Шандора Гебеи (Эгерский университет им. К. Эстерхази) и Н.Д. Алексееву (Венгерский Культурный Центр в Москве).

Венгерской исторической науке еще предстоит внести свой вклад в изучение политических отношений Иосифа II (1765/80–1790 гг.) и Екатерины II (1762–1796 гг.). Венгерские историки традиционно рассматривали и продолжают рассматривать историю «нелегитимного» правления Иосифа II — венгерского короля, который отказался короноваться короной св. Стефана (Иштвана) — преимущественно, даже исключительно в контексте его внутренней политики.

Такая диспропорция особенно бросается в глаза, если посмотреть на историю российско-австрийских отношений в XVIII в. В период между 1873 и 2017 гг. в свет вышло 23 обобщающие работы по истории Венгрии на венгерском языке, но только в каждой четвертой можно прочесть о первом путешествии Иосифа в Россию (1780), и только в каждой шестой о втором русском путешествии (1787) императора, хотя эти события непосредственно повлияли и на Венгрию¹. В сравнении с венграми, по понятным причинам, несравненно больших результатов добились австрийские² и российские³ ученые. Самой новой и полной на сегодняшний день работой в России является книга М.А. Петровой «Екатерина II и Иосиф II. Формирование российско-австрийского союза 1780–1790»⁴.

В статье использован дневник, который вел венгерский священник Ференц Ксаверий Калатаи (1722–1795), сопровождавший Иосифа II в путешествии по России в 1780 г. Он родился в Сепешофалу (Спишска Стара Вес,

¹ *Dinnyés P. II. József császár oroszországi útjai (1780, 1787) a magyar szakirodalomban I. // ACTA Universitatis de Carolo Eszterházy Nominatae. Sectio Historiae / Szerk. L. Kiss. 2018. T. XLV. 59–81. old.*

² *May W. Die Reisen Joseph II. nach Russland 1780 und 1787 // Österreich zur Zeit Kaisers Joseph II. — Mitregent Kaiserin Maria Theresias, Kaiser und Landesfürst. Katalog der Niederösterreichischen Landesausstellung in Stift Melk 1980 / Hrsg. von K. Gutkas. Wien, 1980; Donnert E. Joseph II. und Katharina II. Ein Beitrag zu Österreichs Russland- und Orientpolitik 1780 bis 1790 // Österreich im Europa der Aufklärung: Kontinuität oder Zäsur in Europa zur Zeit Maria Theresias und Josephs II. / Hrsg. von R.G. Plaschka. Wien, 1980. Bd. 1. S. 575–592; Idem. Die Russlandreise Josephs II. im Jahre 1780 // Deutsch-russische Beziehungen in 18. Jahrhundert. Kultur, Wissenschaft und Diplomatie / Hrsg. von K. Grau, S. Karp. et J. Voss. Wiesbaden, 1997. S. 23–38; Aretin K.O., Freiherr von. Russland und die Reichspolitik Kaiser Josephs // Katharina II., Russland und Europa: Beiträge zur internationalen Forschung / Hrsg. C. Scharf. Mainz, 2001. S. 121–132.*

³ *Трачевский А.С. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II. 1780–1790. СПб., 1877; Брикнер А.Г. Путешествие императрицы Екатерины II в Могилев в 1780 году // Русский вестник. 1881. Т. 154. № 8; Т. 155. № 9; Он же. Путешествие императрицы Екатерины II-й в Крым // Исторический вестник. 1885. Т. 21. С. 5–23, 242–264, 444–509; Митрофанов П.П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги 1780–1790. СПб., 1907; Бессарабова Н.В. Иосиф II и Екатерина II в путешествиях по России // Немцы в России: Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 461–469; Петрова М.А. Переписка Екатерины II и Иосифа II как исторический источник // Источниковедческие исследования: Сб. ст. М., 2004. Вып. 2. С. 167–194.*

⁴ *Петрова М.А. Екатерина II и Иосиф II. Формирование российско-австрийского союза 1780–1790. М., 2011.*

совр. Словакия) на северо-востоке Венгрии, учился в Вене, где вступил в Общество Иисуса, после этого продолжил учебу в Граце, Кашше (Кошице, Словакия) и Эгере. В 1760 г. он стал армейским капелланом, некоторое время преподавал в Будайском университете, но вернулся в армию, служил полковым священником, получил назначение генеральным викарием в военный ординариат Галиции, Лодомерии и Буковины. Именно в этот период он попал в свиту направлявшегося в Россию императора Иосифа II как его духовник⁵.

У нас нет сведений о том, что Калатаи вел дневник путешествия, но известно, что по возвращении домой он записал свои впечатления, причем, как минимум, дважды. Первый раз по заказу барона Кароя Ревички, второй — по просьбе неизвестных граждан Эгера. Оба «отчета» написаны на латыни. Первый впервые увидел свет (в оригинале) в 1806 г. в Надьвараде (Орадя-Маре, Румыния)⁶, затем в 1823 г. появился его перевод на венгерский язык под редакцией Миклоша Понори-Тёрёка в журнале «Tudományos Gyűjtemény» («Научная коллекция»)⁷. Наконец, в 1831 г. в Вене и в 1841 г. в Брашшо (Брашшов, Румыния) были напечатаны немецкие переводы воспоминаний Калатаи о поездке в Россию⁸.

Вторую редакцию записок уже в XX в. обнаружил историк Дюла Капошвари в личном фонде известного археолога Виктора Хилда и опубликовал ее в 1959 г., используя сделанный ученым перевод⁹. Ни оба оригинальных латинских текста, ни их переводы еще никто не сопоставлял. Даже Капошвари ничего не писал о других публикациях, хотя ставил себе целью выявление, сравнение и источниковедческий анализ дошедших до наших дней копий¹⁰. Эта исследовательская программа так и не была выполнена и остается задачей будущего.

Из дневника можно узнать, что 18 мая 1780 г. (по григорианскому календарю) Иосиф II инкогнито под именем графа Фалькенштейна вместе со свитой, насчитывавшей 27 человек, в семи каретах отправился в путь из Лемберга (Львів/Львов, Украина)¹¹. Имя Калатаи в числе этих 27-ми не упоминается, однако указание на численность свиты весьма ценно. М.А. Пет-

⁵ Molnár J. Magyar Könyvtár. VIII. sz. 100–101. old.; Kalatay Ferencz (Xaver) // Szinnyei J. Magyar írók élete és munkái. 5. kötet. Budapest, 1897. 814–815. old.

⁶ См.: Szinnyei J. Magyar írók élete és munkái. Budapest, 1897. 5. köt. 815. old.

⁷ Ponori Thewrewk M. Franciscus Xaverius Kalataynak, Praepost' Báró Rewiczky Urhoz, Löwenbergből datalt és küldött Levele; mellyben, néhai b.e. II. József Császár' és Király' 1780 Eszendőbéli, Muszka Országba tett útazását írja // Tudományos Gyűjtemény. Pest, 1823. X. köt. 27–36. old.

⁸ См.: Szinnyei J. Magyar írók élete és munkái. 815. old.

⁹ Kaposvári Gy. Útinapló II. József császár Kijev—Moszkva—Leningrád-i [sic!] utazásáról // Jászkunság. 1959 (március). 5. évf. 1. sz. 36–39. old.

¹⁰ Ibid. 39. old.

¹¹ Ibid. 36. old.

рова о них писала больше: «Генерал-майор И. Броун, полковник Ценгер и подполковник И. Ланген (...) священник, два канцеляриста, выполнявшие функции секретаря, лейб-медик, камердинер, два повара и 15 слуг»¹². Эти имена реконструированы на основе списка подарков Екатерины II свите императора. Сведения, приводимые в книге Н.В. Бессарабовой, скуднее: «Генерал-майор Броун, полковник Цехентер¹³ и подполковник Ланген, ротмистр Ковалло и прислуга»¹⁴. Если подвести итог, то у М.А. Петровой найдем 24 человека, хотя Калатаи писал о 27-ми. Можно предположить, что в число путешественников Калатаи включил и самого Иосифа, что, правда, не вполне ясно из текста¹⁵. Если это так, то в списке, восстановленном М.А. Петровой, два человека отсутствуют, а если не включил, то отсутствуют три человека (Калатаи она упоминает как «священника».) Большого узнать пока не удалось, и сам Калатаи ничего не писал о том, когда и при каких обстоятельствах император попросил его стать своим духовником¹⁶.

Еще в Лемберге Иосиф II лично составил инструкцию на время путешествия и передал ее свите. В ней было шесть пунктов: 1. За границей никто не должен называть Иосифа императором, только графом Фалькенштейном; 2. Без разрешения императора никто не может сесть за один стол с иностранцами; 3. Запрещено долго говорить с иностранцами; 4. Платить следует столько, сколько попросят, без торга; 5. Нельзя ругаться и безобразничать; 6. В пути кучеру не понукать и не гнать лошадей¹⁷.

Через Подолье они 25 (14) мая¹⁸ приехали в Киев. На русской границе императора ждал с большой свитой генерал-губернатор Малороссии граф Петр Александрович Румянцев, о котором Калатаи писал, что он «известный и достойный человек». Калатаи обычно мало писал о городах. О Киеве он лишь заметил: «Большой и величественный, построен главным образом из дерева, окружен тремя крепостями». Киевский митрополит показал гостям «великолепный храм¹⁹ с позолоченными башнями и знаменитыми

¹² См.: *Петрова М.А.* Екатерина II и Иосиф II. С. 146-147.

¹³ Здесь мы имеем дело с неверной транскрипцией имени Zehenter.

¹⁴ *Бессарабова Н.В.* Путешествия Екатерины Великой по России: от Ярославля до Крыма. М.: Эксмо, 2014. С. 211.

¹⁵ В 1841 г. дневник был издан на немецком языке. В оригинале этот пассаж звучит так: «Wir befanden uns in sieben Wagen, und das ganze Gefolge bestand aus 27 Personen» // См.: *Kaiser Joseph II Reise nach Russland. Die Zusammenkunft mit Katharina der II. im Jahre 1780.* // *Blätter für Geist, Gemüth und Vaterlandskunde.* 1841. № 20. S. 150.

¹⁶ См.: *Kaposvári Gy.* Útinapló II. József császár Kijev—Moszkva—Leningrád-i [sic!] utazásáról. 36. old.

¹⁷ *Ibid.* 36. old.

¹⁸ В российской историографии обычно на первом месте пишут дату по юлианскому календарю и в скобках — по григорианскому, но поскольку для Ф.К. Калатаи был привычнее григорианское летоисчисление, в тексте на первом месте, как правило, стоят даты григорианского календаря.

¹⁹ Скорее всего, речь идет о Киево-Печерской лавре.

пещерами»²⁰. Иосиф беседовал с архиереем о схизме и унии, и Калатаи написал об этом следующее: «Так разошелся слух, будто император приехал в Россию из-за унии»²¹.

Иосиф не задержался в Киеве надолго, потому что получил известие: Екатерина уже недалеко от Могилева, где они и планировали встречу. Император хотел прибыть раньше, поэтому кортеж ехал и днем, и ночью. В Могилев они прибыли 2 июня (22 мая), за два дня до Екатерины²².

Свита императрицы была больше, но — по сообщению Калатаи — меньше, чем обычно. Причиной тому, возможно, стало желание Екатерины ни в чем не отличаться от известного своей «пуританской» простотой Иосифа. Итак, в ее свите находились: князь Г.А. Потёмкин, его племянница Е.В. Энгельгардт и еще три дамы, несколько вельмож и польских дворян и 100 кавалеристов²³.

По прибытии Екатерина в первую очередь отправилась в церковь возблагодарить Господа за удачное путешествие. Затем произошло личное знакомство двух государей. Калатаи так писал об этом: они встретились в деревянном доме, который возвели специально к этому событию. «Император был одет простое, серое, партикулярное платье, без знаков отличия»²⁴. В течение часа они тайно совещались, а затем вместе отобедали²⁵. Калатаи о Екатерине: «Российской императрице около 51 года, живая, полненькая, но складная и красивая. (...) Она стремится добиваться всего материнской лаской, и видно, что ее все любят. (...) У Екатерины великая творческая душа»²⁶.

Два государя в Могилеве одарили свиту друг друга. Калатаи получил от императрицы золотую шкатулку стоимостью 150 золотых. На страницах дневника он позднее заметил, что подарки Иосифа были дороже.

Калатаи — в прошлом сам член Общества Иисуса — несколько строк посвятил могилевским иезуитам, отметил, что «императрица им за покровительство за занятия науками и воспитание молодежи»²⁷. Из Могилева они вместе отправились в Смоленск, где пробыли 3 дня, потом разъехались: Екатерина — в Санкт-Петербург, а Иосиф — в Москву. «Императора в Москве, — писал Калатаи, — принимали восторженно, люди высовывались из окон, сидели на крышах»²⁸. В дневнике императорского духовника читаем:

²⁰ См.: *Kaposvári Gy. Útinapló*. 37. old.

²¹ *Ibid.* 37. old.

²² Екатерина II отправилась из Петербурга 21 (10) мая. Это значит, что путешествие продолжалось 15 дней. Самыми значительными городами на пути до Могилева были Ямбург, Нарва, Гдов, Псков, Остров, Опочка, Полоцк и Шклов.

²³ См.: *Kaposvári Gy. Útinapló*. 37. old.

²⁴ *Ibidem.*

²⁵ *Ibidem.*

²⁶ *Ibidem.*

²⁷ *Ibid.* 37-38. old.

²⁸ *Ibid.* 38. old.

«Здесь мы провели 7 дней и почти полностью осмотрели этот большой город. Протяженность Москвы составляет 2 немецкие мили (это 14 верст или 15 км.), ширина — почти столько же. Деревянных домов не счесть, но около 6 тыс. домов и церквей из камня. Город такой большой, потому что у каждого дома есть сад. Здесь очень много достопримечательностей. Например митрополичья базилика, где коронуются императоры²⁹. Церковная сокровищница очень богатая, литургические одежды украшены драгоценными камнями, жемчугами, золотом и серебром. В католических церквях невозможно увидеть такого богатства. Колокол, как говорят, самый большой в мире, но треснул. Таких огромных пушек я тоже никогда не видел. В сиротском приюте живет 6 тыс. детей, и им преподают всякие искусства и науки. В последний вечер в большом императорском саду дворяне устроили бал-маскарад в честь императора, куда явился весь город. Как мы узнали, ранее было принято являться на маскарады в потешных костюмах монахов-капуцинов³⁰, но теперь это запрещено особым императорским указом. «Вообще, славе города немало поспособствовал нынешний митрополит: Платон разбирается во всех науках, император подолгу разговаривал с ним, и со мной тот был также любезен, подарил мне различные русские рукописи»³¹.

Из Москвы путешественники 24 (13 июня) отправились в Санкт-Петербург, где осмотрели столичные достопримечательности, побывали в Царском Селе и Петергофе, где в то время находилась императорская фамилия. Калатаи описал праздник св. апостолов Петра и Павла (одновременно день коронации Екатерины), подсвеченные фонтаны, кораблях с огнями, музыкантов и о многие другие занимательные подробности.

Санкт-Петербургу императорский духовник посвятил восторженные строки: «Петербург стоит на реке Неве, которая по величине приблизительно как Дунай, или даже больше. Город строился в болотистой и скудной местности с полярным климатом. Нигде нет ни пашен, ни фруктовых деревьев, и горсть черешни или вишни стоит больше рубля. Но бросим взор на величественный город — грандиозные дома или, лучше сказать, дворцы, императорская резиденция, которой, как говорят, в Европе мало равных, площади, школы различных искусств и наук, богатый музей естествознания, где есть всё, что производят воздух, почва и море; многочисленные судоходные каналы с каменными набережными и чугунными решетками, украшенный величественными скульптурами царский [дословно: королевский. — П. Д.] сад, церковь³² и дворец Орлова, изнутри и снару-

²⁹ Речь идет об Успенском соборе Московского Кремля.

³⁰ Речь идет об монахах-францисканцах.

³¹ *Kaposvári Gy. Útinapló*. 38. old.

³² По-видимому, речь идет о Церкви Рождества св. Иоанна Предтечи, также известной как Чесменская церковь.

жи облицованные мрамором, Неву или море, по волнам которого в город прибывает множество людей разных наций и бесчисленные товары. Если мы посмотрим на всё это, то можно сказать, что Петербург принадлежит к первейшим городам Европы. Всем этим город, и вся империя, еще некоторое время назад грубая и малокультурная, обязаны Петру и нынешней императрице — продолжательнице дела его»³³.

В Санкт-Петербурге и окрестностях император провел три недели, и 18 июля по новому стилю отправился домой через Ригу и Польшу. 7 августа Калатаи получил от императора 100 золотых и, поскольку временная миссия императорского духовника подошла к концу, вернулся в Лемберг³⁴.

В заключение, необходимо отметить, что путешествие в Россию непосредственно повлияло на дальнейшую карьеру Калатаи: по возвращении он был назначен каноником в Лемберге, а в 1787 г. получил епископскую кафедру в Надьвареде.

Литература

1. *Бессарабова Н.В.* Иосиф II и Екатерина II в путешествиях по России // Немцы в России: Российско-немецкий диалог / под ред. Г.И. Смагиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 461–469.
2. *Бессарабова Н.В.* Путешествия Екатерины Великой по России: от Ярославля до Крыма. М.: Эксмо, 2014.
3. *Петрова М.А.* Переписка Екатерины II и Иосифа II как исторический источник // Источниковедческие исследования: Сб. ст. / под ред. Т.В. Гимона. М.: [б.и], 2004. Вып. 2. С. 167–194.
4. *Петрова М.А.* Екатерина II и Иосиф II. Формирование российско-австрийского союза 1780–1790. М.: Наука, 2011.
5. *Aretin K.O., Freiherr von.* Russland und die Reichspolitik Kaiser Josephs // Katharina II., Russland und Europa: Beiträge zur internationalen Forschung / Hrsg. C. Scharf. Mainz: Verlag P. von Zabern, 2001. S. 121–132.
6. *Dinnyés P.* II. József császár oroszországi útjai (1780, 1787) a magyar szakirodalomban I. // ACTA Universitatis de Carolo Eszterházy Nominatae. Sectio Historiae / Szerk. L. Kiss. 2018. T. XLV. 59–81. old.
7. *Donnert E.* Joseph II. und Katharina II. Ein Beitrag zu Österreichs Russland- und Orientpolitik 1780 bis 1790 // Österreich im Europa der Aufklärung: Kontinuität oder Zäsur in Europa zur Zeit Maria Theresias und Josephs II. / Hrsg. von R.G. Plaschka. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980. Bd. 1. S. 575–592.
8. *Donnert E.* Die Russlandreise Josephs II. im Jahre 1780 // Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert. Kultur, Wissenschaft und Diplomatie / Hrsg. von K. Grau, S. Karp, J. Voss. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997. S. 23–38.

³³ *Kaposvári Gy.* Útinapló. 39. old.

³⁴ *Ibid.* 38–39. old.

9. Kaposvári Gy. Útinapló II. József császár Kijev—Moszkva—Leningrád-i [sic!] utazásáról // *Jászkunság*. 1959 (március). 5. évf. 1. sz. 36–39. old.
10. May W. Die Reisen Joseph II. nach Russland 1780 und 1787 // Österreich zur Zeit Kaisers Joseph II. — Mitregent Kaiserin Maria Theresias, Kaiser und Landesfürst. Katalog der Niederösterreichischen Landesausstellung in Stift Melk 1980 / Hrsg. von K. Gutkas. Wien: Amt d. NÖ Landesregierung, Abt. III/2 — Kulturabt, 1980. P. 103–105.

References

1. Aretin, K.O., 2001. Freiherr von. Russland und die Reichspolitik Kaiser Josephs. In: Scharf, K. ed. 2001. *Katharina II., Russland und Europa: Beiträge zur internationalen Forschung*. Mainz: Verlag P. von Zabern, pp. 121–132.
2. Bessarabova, N.V., 2001. Iosif II i Ekaterina II v puteshestviyah po Rossii [Joseph II and Catherine II travelling across Russia]. In: Smagina, G.I., ed. 2001. *Nemcy v Rossii: Rossijsko-nemeckij dialog* [Germans in Russia: Russian-German dialogue]. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin, pp. 461–469.
3. Bessarabova, N.V., 2014. *Puteshestviya Ekateriny Velikoj po Rossii: ot Jaroslavlya do Kryma* [Travels of Catherine the Great across Russia: from Yaroslavl to Crimea]. Moscow: Eksmo.
4. Dinnyés, P., 2018. II. József császár oroszországi útjai (1780, 1787) a magyar szakirodalomban I. In: Kiss, L., ed. 2018. *ACTA Universitatis de Carolo Eszterházy Nominatae. Sectio Historiae*. XLV (2018), pp. 59–81.
5. Donnert, E., 1997. Die Russlandreise Josephs II. im Jahre 1780. In: Grau, K., Karp., S., Voss, J., eds. 1997. *Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert. Kultur, Wissenschaft und Diplomatie*. Wiesbaden: Harrassowitz, pp. 23–38.
6. Donnert, E., 1980. Joseph II. und Katharina II. Ein Beitrag zu Österreichs Russland- und Orientpolitik 1780 bis 1790. In: Plaschka, R.G., ed. 1980. *Österreich im Europa der Aufklärung: Kontinuität oder Zäsur in Europa zur Zeit Maria Theresias und Josephs II.* Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 1. pp. 575–592.
7. Kaposvári Gy., 1959. Útinapló II. József császár Kijev—Moszkva—Leningrád-i [sic!] utazásáról. In: *Jászkunság*. 5/1 (1959 (március)), pp. 36–39.
8. May, W., 1980. Die Reisen Joseph II. nach Russland 1780 und 1787. In: Gutkas, K., ed. 1980. *Österreich zur Zeit Kaisers Joseph II. — Mitregent Kaiserin Maria Theresias, Kaiser und Landesfürst. Katalog der Niederösterreichischen Landesausstellung in Stift Melk 1980*. Wien: Amt d. NÖ Landesregierung, Abt. III/2 — Kulturabt, pp. 103–105.
9. Petrova, M.A., 2004. Perepiska Ekateriny II i Iosifa II kak istoricheskij istochnik [Correspondence between Catherine II and Joseph II as a historical source]. In: Gimon, T.V. ed., 2004. *Istochnikovedcheskie issledovaniya: Sb. st.* [Source Studies]. Moscow: [s.n.]. Vyp. 2, pp. 167–194.
10. Petrova, M.A., 2011. *Ekaterina II i Iosif II. Formirovanie rossijsko-avstrijskogo soyuza 1780–1790* [Catherine II and Joseph II: formation of the Russian-Austrian union, 1780–1790]. Moscow: Nauka.

**ОТ БОЛГАР К БОЛГАРИИ:
ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА БОЛГАР
В РАБОТАХ И.П. ЛИПРАНДИ 1830–1870-Х ГГ.**

**Константин Александрович
Касаткин –**

аспирант, Институт истории,
Санкт-Петербургский государственный
университет.
Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург,
Россия, 199034.
kasatkin1825@gmail.com

Аннотация

В статье на основе архивных и опубликованных источников прослеживается эволюция образов болгар и Болгарии в работах Ивана Петровича Липранди 1830–1870-х гг. В работах 30-х гг. XIX в. болгары представлялись автору одним из народов Османской империи и рассматривались в первую очередь как подданные султана и, следовательно, как азиатский народ. Липранди наделял их такими чертами, как дикость, необузданность, суеверность, склонность к пьянству и пр. Термин «Болгария» он рассматривал исключительно в качестве топонима. Однако к началу Крымской войны взгляды на болгар Липранди начали существенно изменяться. Уже в 50-е гг. XIX в. он не только признал их самым близким для русских славянским народом, но и называл Болгарию «классической для нас страной». С этого времени в работах Липранди образ болгар идеализировался, он выделял их на фоне других славянских народов. В последних работах 70-х гг. XIX в. Липранди открыто заявлял об обоснованности притязаний России на Болгарию в силу культурной, этнической и религиозной близости.

Ключевые слова

Болгары, Болгария, И.П. Липранди, южные славяне, Балканский полуостров, Османская империя.

**FROM BULGARIANS TO BULGARIA:
EVOLUTION OF THE IMAGE OF BULGARIANS
IN THE WORKS OF IVAN PETROVICH LIPRANDI (1830–1870S)**

Konstantin A. Kasatkin –

graduate student, Institute of History,
Saint Petersburg State University.
Mendeleevskaia line, 5, Saint Petersburg,
Russia, 199034.
kasatkin1825@gmail.com

Abstract

The article, based on archival and published sources traces the evolution of the image of Bulgarians in the works of Ivan Petrovich Liprandi in the 1830–1870s. The author shows that the methods of description used by Liprandi in the 1830s were dramatically different from those he used in the second half of the nineteenth century. In the works of the 1830s, Bulgarians were presented as one of the peoples of the Ottoman Empire

and considered primarily as subjects of the Sultan, that is as Asiatic people. Liprandi endowed them with such features as savagery, unrestrainedness, superstition, addiction to drinking and so forth. He considered the term «Bulgaria» solely as a toponym. However, by the beginning of the Crimean War, Liprandi's methods of describing the Bulgarians began to change significantly. By the 1850s, he not only recognised them as the Slavic people most kindred for Russians, but also called Bulgaria «a classic country for us». Since then, Liprandi started to idealise Bulgarians and singled them out among other Slavic peoples. In the latest works of the 1870s, Liprandi confessed that Russia had a claim to Bulgaria on the strength of cultural, ethnic and religious affinity.

Keywords

Bulgarians, Bulgaria, Ivan P. Liprandi, South Slavs, the Balkan Peninsula, Ottoman Empire.

Для российских элит XIX век был периодом активного поиска своего места в мире. За период от Отечественной до Крымской войны ее отношение к Европе и представление о своем месте в ней претерпели существенные изменения. Уверенность, что Россия является частью Европы, которая господствовала в российском обществе со времен разгрома Наполеона, была подорвана, когда европейские державы в Крымской войне приняли сторону Османской империи. Подписание унижительного Парижского мирного договора обозначило крушение старых ориентиров и представлений: стало очевидным, что европейцы воспринимают Россию как «варвара у ворот» и готовы пойти против нее даже на союз с исламской Турцией¹.

Оказавшись в изоляции, Россия вновь начала поиск своего места в мире, и постепенно все более значимую роль в этих исканиях начали играть южнославянские народы. Балканы становились «форумом», на котором Россия заявляла о своей идентичности². К середине XIX в. идеи объединения всех славян не были чем-то новым, но до тех пор имели распространение преимущественно среди узкой группы интеллектуалов³. Именно после Крымской войны идеи о «славянском братстве», необходимости освобождения южных славян из-под ига турок, прежде маргинальных и вызывавших осуждение со стороны властей⁴, не только получили широкую поддержку среди разных слоев общества, но и покровительство со стороны императора⁵. Это выразилось в изменении внешней политики России: стремление в

¹ Нойман И. Использование «Другого»: образы Востока и формирование европейской идентичности. М.: Новое издательство, 2004. С. 128.

² McArthur S. Being European: Travel Writing and the Balkans, 1804–1877. PhD dissertation. University College London. School of Slavonic and East European Studies, 2010. P. 5–6.

³ Kohn H. Pan-Slavism: its history and ideology. New York, 1960. P. 125–160.

⁴ Егоров Б.Ф. О национализме и панславизме славянофилов // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 499–500.

⁵ Чуркина И.В. К вопросу об организации восстания славян во время Крымской войны 1853–1856 гг. // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева. Сб. статей / отв. редактор С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 47–49.

первой половине XIX в. сохранить целостность Османской империи ушло в прошлое⁶, и уже во время Крымской войны предполагалось изгнание турок из Европы и создание независимых православных государств⁷. Чтобы не осложнять отношения с Австрийской империей, основной акцент делался именно на православных подданных Османской империи⁸.

В первой половине XIX в. к Балканам питали живейший интерес правительственные круги⁹. Многие российские военные и гражданские деятели путешествовали по европейским областям Османской империи и оставили после себя большое количество рапортов, отчетов, записок и донесений. Эти работы деятелей «практического», «прагматического» или «служебного»¹⁰ славяноведения стали важным источником, из которого черпали информацию широкие круги читающей публики и даже представители академической науки.

После либерализации печати при Александре II многие служебные материалы были опубликованы, однако далеко не все в первоначальном виде. Порой работы претерпевали значительные — даже концептуальные — изменения. Одна из причин заключается в том, что восприятие славянских народов в российском обществе на протяжении XIX в. значительно варьировалось, а идея о «славянском братстве» кристаллизовалась достаточно медленно¹¹.

Мы можем даже говорить о наличии как минимум двух дискурсов, претендующих на право говорить о Балканском полуострове и его жителях¹². В рамках первого, обозначим его условно как дискурс «славянства», славя-

⁶ Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М.: Индрик, 2010. С. 367–368.

⁷ Чуркина И.В. К вопросу об организации восстания славян во время Крымской войны. С. 61–62.

⁸ Aydın M. 19. Yüzyıl Ortalarında Panslavizm ve Rusya // Pamukkale Üniversitesi Eğitim Fakültesi Dergisi. 2004. 15. S. 109–124.

⁹ См.: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. М.: Индрик, 2005; Керимова М.М. Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997. С. 44–49; Калоева И.А. Изучение южных славян в России в XVIII — первой половине XIX в. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 62–65.

¹⁰ Ишутин В.В. Иван Петрович Липранди (1790–1880) // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 92; Вацуро В.Э. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820-х — 1840-х годов // Вацуро В.Э. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 558; Белов М.В. На пути к славянскому братству... Претворение опыта русских путешественников на Балканы первой половины XIX века // Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / сост. М.В. Белов. СПб.; М.: Нестор-История, 2018. С. 572.

¹¹ См.: Белов М.В. На пути к славянскому братству... С. 517–604.

¹² Касаткин К.А. Способы описания славянских областей Османской империи российскими путешественниками в первой трети XIX в. // Славянский альманах. 2017. Вып. 1–2. С. 237–246.

не рассматривались в качестве некоей общности народов. Южные славяне маркировались как «свои» по этническому признаку и им отводилась роль «хранителей славянской классики»¹³. В рамках второго дискурса — дискурса «Османской империи» — авторы не акцентировали этническую, культурную или языковую близость славян и полностью игнорировали идею какой бы то ни было славянской взаимности¹⁴. Вместо этого особенное значение придавалось подданству. Южные славяне в первую очередь определялись как «другие», т.е. подданные султана, а уже после дифференцировались по «географическому» или «этническому» признаку¹⁵.

Дискурс «славянства» утвердился не только в общественной риторике; политические и военные элиты Российской империи, забыв прежние положения Священного союза о нерушимости границ и обязанности подданных повиноваться своему монарху, также взяли на вооружение идеи славянской взаимности¹⁶.

Удобную возможность проследить процесс вытеснения дискурса «Османской империи» и превращение южных славян из «других» в «своих» предоставляют работы Ивана Петровича Липранди 1830–1870-х гг.

И.П. Липранди участвовал в четырех войнах, в Париже руководил русской военной разведкой, служил во 2-й армии, располагавшейся на юге России, а в 40-е гг. XIX в. перешел на службу в МВД. Еще в 1820-е гг. по поручению генерала Сабанеева, генерал-майора Орлова, а позже и князя Воронцова И.П. Липранди, находившийся тогда в чине подполковника, начал собирать информацию об Османской империи на случай новой русско-турецкой войны¹⁷. Однако это занятие стало больше чем просто поручением; даже после войны 1828–1829 гг., Липранди продолжил собирать материалы и книги по истории, географии и культуре Османской империи.

¹³ Так российские авторы сравнивают черногорцев и сербов со спартанцами и богатырями. См.: *Броневский В.В.* Записки морского офицера, в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. СПб., 1836. Ч. I. С. 192; Письма А.И. Тургенева. 15 // Архив братьев Тургеневых. СПб., 1915. Вып. 4. С. 53.

¹⁴ Например: *Бантыш-Каменский Д.Н.* Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810; *Энегольм Е.И.* Записки о городах забалканских, занятых российскими войсками в достопамятную кампанию 1829 года. СПб., 1830. См.: *Касаткин К.А.* Способы описания славянских областей... С. 241.

¹⁵ *Куприянов П.С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // *Этнографическое обозрение.* 2004. № 2. С. 30.

¹⁶ В сентябре 1853 г. И.Ф. Паскевич, который был далек от идей славянской взаимности, написал записку Николаю I, в которой говорилось: «Мы не возмущаем подданных против своего государя; но если христиане, подданные султана, захотят свергнуть с себя иго мусульман, когда мы с ними в войне, то нельзя без несправедливости отказать им в помощи». Цит. по: *Чуркина И.В.* К вопросу об организации восстания славян во время Крымской войны. С. 50).

¹⁷ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX века. М.: Наука, 1972. С. 202.

Он посвятил изучению Турции долгие 50 лет — последние его статьи по этой теме были опубликованы в 1870-е гг.¹⁸

За это время он написал несколько десятков работ о Турции и Балканах, многие из которых были опубликованы в 60–70-е гг. XIX в. Большинство поздних работ представляют собой не оригинальные сочинения, а концептуально переработанные служебные записки, составленные в первой половине XIX в. Особенно хорошо это заметно на примере работ о болгарях. В 1830-е гг. Липранди называл их дикими «азиатцами»; в ходе Крымской войны он писал о болгарях уже как о *славянском народе*; а 60–70-е гг. XIX в. он уже призывал к их освобождению из-под турецкого ига, которое прежде отрицал. Одновременно менялось и представление о самой «Болгарии». К началу 1870-х гг. «Болгария» из аморфного географического термина превратилась в субъект международной политики — ключ к решению Восточного вопроса.

Был ли Липранди человеком, который задал новый вектор восприятия болгар российским обществом? Едва ли это так. Однако, подспудно он оказал значительное влияние на развитие и распространение нового взгляда на Восточные Балканы и его народы. Уже современники признавали Липранди одним из крупнейших знатоков европейских областей Османской империи. Хотя его ранние работы являлись по большей части служебными записками и имели узкий круг читателей, он много рассказывал о балканских народах своим знакомым, среди которых были А.С. Пушкин, А.Ф. Вельтман, К.А. Охотников, В.П. Горчаков и многие другие¹⁹. При написании «Замечаний на нынешнее состояние Бессарабии» и Ф.Ф. Вигель также прибегал к помощи Ивана Петровича²⁰. В преддверии Крымской войны И.Ф. Паскевич обратился за информацией о балканских народах именно к Липранди, который по поручению генерал-фельдмаршала составил серию секретных записок по этой теме²¹. Его деятельность высоко оценивали В. Богишич²² и В.И. Григорович²³. Широкое распространение работы Липранди о Балканах получили во время обострения Восточного вопроса

¹⁸ К изучению наследия Липранди о Турции и Балканах обращались: Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. СПб., 1888. Вып. 4. С. 16–17; Богишич В. Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия» // Отчет о тринадцатом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1872. С. 316–324; Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы... С. 201–207; Ишутин В.В. 1) Иван Петрович Липранди. С. 85–94; 2) Неопубликованная рукопись И.П. Липранди о Болгарии. 1831 год // *Bulgarian historical review*. 1993. № 2–3. С. 210–218; Белов М.В. На пути к славянскому братству. С. 570–587.

¹⁹ Садилов П.А. И.П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов. С. 275.

²⁰ Вигель Ф.Ф. Воспоминания. М., 1867. Ч. 6. С. 97.

²¹ Белов М.В. «Служебное» славяноведение в России первой половины XIX века // *Славяноведение*. 2012. № 4. С. 65.

²² Богишич В. Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия». С. 316–324.

²³ Ишутин В.В. Иван Петрович Липранди. С. 90–91.

в 60–70-е гг. XIX в., когда многие из них были опубликованы Обществом истории и древностей российских.

Тем не менее, тенденция изображать болгар как многострадальный и терпеливый народ, как хранителей «славянской классики» была сформирована раньше. Первым, кто заговорил о величии болгарского народа, был Ю.И. Венелин. В 1820–1840-е схожие идеи о других славянских народах распространяли М.П. Погодин, славянофилы и деятели зарождающегося академического славяноведения²⁴. По всей вероятности, именно они оказали определенное влияние на переосмысление Липранди значения болгар и Болгарии для России и их презентацию.

Важно отметить, что ранние работы Липранди посвящены *европейским областям Османской империи, а не народам* Балканского полуострова. Все труды 1830-х гг., в которых он повествует о славянах и других балканских народах, написаны в рамках дискурса «Османской империи». Поэтому славяне, албанцы, вlahи и молдаване, турки являлись для Липранди «восточными» людьми. Объектом его исследования являлось государство, а не народ, и жители Балканского полуострова, будучи подданными «восточного» монарха, также объявлялись «азиатцами». Балканские народы наделялись ориентальными чертами, этнический фактор отходил на второй план, а все население Балкан могло быть описано в рамках трех империй: Российской, Австрийской, Османской. Не избежали этой участи и болгары.

Первая работа, в которой Липранди подробно остановился на описании болгар, — это фундаментальный энциклопедический словарь «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...», над которым Липранди работал более 15 лет²⁵. В 1836 г. в целом работа была завершена, однако опубликовать ее автору не удалось. Сам Липранди писал, что словарь занимает 8000 страниц и содержит 600 рисунков. К сожалению, окончательную редакцию словаря пока найти не удалось. Возможно, как и многие другие свои работы, Липранди просто продал словарь в период безденежья²⁶. Однако, даже сохранившиеся в архивах материалы позволяют реконструировать эволюцию взглядов Липранди на место балканских народов в мире.

В словаре «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...» болгарам посвящена отдельная, достаточно пространная статья «Бугар»²⁷. Она

²⁴ Калиганов И.И. Болгары глазами русских в XIX столетии (национальный характер и взаимовосприятие) // Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 112–113; Чуркина И.В. К вопросу об организации восстания. С. 47–48.

²⁵ Письма Липранди И.П., чиновника по особым поручениям министерства внутренних дел Киселеву П.Д. и черновики ответа (1822–1859 гг.) // РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 315. Л. 18.

²⁶ Белов М.В. Бессарабия как исследовательская площадка: служебная балканистика 1820-х гг. // Revista de Istorie de Moldovei. С. 93.

²⁷ Липранди И.П. Опыт словоистолкователя Оттоманской империи // РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 173. Л. 81–125. Часть этой статьи была опубликована // См.: Картины света. Ч. II. М., 1837. С. 242–248, 346–352, 361–366.

открывается описанием истории древних болгар, которых автор не отличал от современных ему, и пытался доказать их азиатское, «дист-кипчатское» происхождение²⁸. Древних болгар он характеризовал как совершенных варваров: *«Болгары были горды, надменны грубы и хвастливы; в некоторых отношениях честны, без своенравия и злости; но на верность их положиться было нельзя. Они были суеверными и употребляли разные чародейства в битвах и других случаях (что в чистой Булгарии сохранилось и по ныне); жизнь вели суровую, были одарены необыкновенною силою и крепкими мускулами, нечистоплотны и пища их была дурна, но за то были (по выражению древних) крепчайшими на свете пьяницами вина. Во время набегов своих они могли переносить голод, к которому были приобыкшими, и питались часто молоком кобылиц своих»*²⁹.

Липранди писал, что пришедшие с Волги болгары, при хане Тервеле, покорили славян «с отдаленной древности обитавшие Фракию»³⁰, с которыми завоеватели смешались как франки с галлами или руссы с новгородцами. Автор знал, что современные болгары говорили на славянском языке, но при этом собственно славянами их не признавал³¹, воспринимая их прямыми потомками азиатов-кочевников.

Форма словаря позволила Липранди не отвечать на вопрос об этнической принадлежности болгар. В словаре и подданные Османской империи XIX в., и древние болгары-кочевники были объединены в рамках одной статьи, т.е. «бугар» — это не конкретный народ, а только категория населения, относящаяся к Османской империи. Без учета этой особенности словаря может показаться необычной и даже противоречивой другая характеристика болгар, которую Липранди привел несколько ниже: *«Там они говорят чистейшим своим языком»*³², *сохранили воинственный свой дух и мужество (...) они отличаются совершенно от подольных своих соотечественников, как простотою своих нравов, так и чистотою, и другими добродетелями своими»*³³. Таким образом Липранди объединяет в одной статье диких кочевников, пришедших с Волги, и современных ему воинственных жителей Балканских гор.

При дальнейшем чтении мы обнаружим, что термин «бугар» не имеет четкого определения не только в хронологическом, но и в географическом пространстве. Хотя Липранди и писал о том, что болгар *«в нравственном*

²⁸ Липранди И.П. Опыт словоистолкователя Оттоманской империи. Л. 81.

²⁹ Там же. Л. 88 об-89.

³⁰ Там же. Л. 91.

³¹ До Венелина болгар считали тюрками или уграми. См.: Никулина М.В. Путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики в России // Ю.И. Венелин в болгарском Возрождении / отв. ред. Венедиктов Г.К. М.: Логос, 1998. С. 122.

³² При этом «чистейшим языком» для И.П. Липранди являлся уже славянский!

³³ Липранди И.П. Опыт словоистолкователя Оттоманской империи. Л. 96 об.

и политическом отношении можно разделить на две главные части»³⁴, эти «части» настолько отличаются друг от друга, что мы можем говорить о двух группах, объединенных только общим названием. Как можно было заметить выше, Липранди делил болгар на «нагорных» и «подольных». Наиболее «чистыми», сохранившими в первоначанной чистоте свои нравы, обычаи и язык он считал «нагорных» или «западных» болгар. «Подольные» же болгары живут к северу от Балканского хребта и сильно перемешались с турками, греками, армянами и евреями, «заняли от сих последних трех народов двуличность, корыстолюбие, вероломство и вообще все характеристические черты оных»³⁵. От турок же они переняли склонность к пьянству, разбою и воровству³⁶. «Подольные» болгары потеряли воинственный дух, и превратились в торговцев. Даже язык этих болгар подвергся сильным изменениям, «так что они совершенно отличаются от нагорных болгар»³⁷, — резюмировал автор.

В «Опыте словоистолкователя Оттоманской империи...» полностью отсутствуют какие-либо признаки упадка и запустения болгарских земель. Липранди не описывал «турецкое иго», а лишь взаимоотношения каждой из групп болгар с властями и турками отдельно, стараясь обратить внимание на все положительные и отрицательные стороны их нахождения под властью султана. Разумеется, упоминал он и о турецко-болгарских конфликтах, не видел их причины в национальной неприязни или борьбе за независимость. Все столкновения между двумя группами автор объяснял религиозным фанатизмом *обоих* народов. «Словом, болгары сии привыкли к духу турецкого правительства и любят оно»³⁸.

Стоит обратить особое внимание на упоминание в «Опыте словоистолкователя Оттоманской империи...» о походе Святослава в Болгарию, т.к. в последующем факт завоевания киевским князем Болгарии занимал в сочинениях Липранди значительное место. В словаре же трактовка этого события выглядит следующим образом: «вызванный» императором Никифором Святослав раз за разом громит болгар, захватывает их города, «пленяет царя их» и «совершенно присваивает себе царство Болгарское»³⁹. Потом началась война Святослава против Византии, не желавшей закрепления киевского князя на Балканском полуострове. Таким образом, Святослав является *внешней*, нейтральной силой, которая вмешалась в борьбу Византии и Болгарии, и только благодаря ему греки впоследствии смогли уничтожить Болгарию.

³⁴ Липранди И.П. Опыт словоистолкователя Оттоманской империи. Л. 96 об.

³⁵ Там же. Л. 100.

³⁶ Там же. Л. 113.

³⁷ Там же. Л. 100.

³⁸ Там же. Л. 113 об.

³⁹ Там же. Л. 93.

Говоря в 1830-е годы о современной ему «Болгарии», Липранди был крайне категоричен: *«Собственно Болгарии ныне не существует»*⁴⁰. Подобное отношение автора неудивительно: словарь создавался в рамках дискурса «Османской империи», в которой области «Болгария» просто *не существовало*. Она являлась скорее изобретением европейских картографов, работы которых Липранди использовал⁴¹. Он пытался показать, что границы области на картах обозначены неправильно — они не соответствуют ни этническому расселению болгар, ни границам древнего болгарского государства. Болгария действительно изображена в границах, намного более скромных, чем держава Симеона. *«Что же касается до древних ее границ: во время существования Болгарии, то они были несравненно пространнее»*⁴², — писал он. Современная Липранди «Болгария», ограниченная рамками Дунай — Черное море — Балканский хребет — р. Тимок, также не соответствовала реальному расселению болгар. Побережье Черного моря было занято некрасовцами, запорожцами, татарами, турками и другими народами, в то время как к югу от Балканских гор болгар проживало несравненно больше, чем в указанной на картах «Болгарии»⁴³. Липранди доказывал, что не только расселение современных ему болгар не соответствовало указанной на картах «Булгарии», но и от самого государства осталось только древнее название, которое никак не соотносится с современным порядком вещей. *«Конечно, Дунай отделяет воображаемую Болгарию сию, от Бессарабии, Молдавии и Валахии. Река Тимок некоторым образом от Сербии; но ни Черное море, а еще менее хребет Балканов, не может служить границею болгарам»*⁴⁴.

В начале 1854 г. по поручению генерал-фельдмаршала князя И.Ф. Паскевича Липранди составил серию очерков, посвященных Османской империи⁴⁵; 8-й раздел этих записок содержит описания различных регионов Балканского полуострова, а одна из глав начинается словами: *«Спросят: где Болгария?»*⁴⁶. Уже сама постановка вопроса, таким образом, утверждает факт существования «Болгарии». Единственное, в чем сомневался автор — в определении ее географических границ. Вновь обращаясь к европейским

⁴⁰ Липранди И.П. Опыт словоистолкователя Оттоманской империи. Л. 95.

⁴¹ Сейчас эти карты Липранди хранятся в Библиотеке Академии наук Санкт-Петербурга. См.: Красникова О.А. Материалы к истории формирования картографического собрания Библиотеки Российской Академии наук в XVIII — начале XX в. // Академия наук в контексте историко-научных исследований в XVIII — первой половине XX в. Исторические очерки / ред.-сост.: Г.И. Смагина, отв. ред. Ю.М. Батурич. СПб.: Росток, 2016. С. 147–148.

⁴² Липранди И.П. Опыт словоистолкователя Оттоманской империи. Л. 96.

⁴³ Там же. Л. 95 об–96.

⁴⁴ Там же. Л. 95.

⁴⁵ Белов М.В. «Служебное» славяноведение. С. 65.

⁴⁶ Липранди И.П. Краткий очерк этнографического, политического, нравственного и военного состояния Болгарии // РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 247. Л. 9.

картам, он утверждал, что их составители не знают настоящей «Болгарии», как не знают ее и турки. Иван Петрович выделил две «Болгарии»; описываемый в 1830-е гг. регион Дунай — Черное море — Балканский хребет — р. Тимок был обозначен им теперь как «географическая» Болгария (ее границы совпадали с указанными на европейских картах). Что касается «настоящей Болгарии», то она определялась как «этнографическая» фактически в рамках Болгарии по Сан-Стефанскому договору 1878 г.⁴⁷ Липранди утверждал, что «этнографическая» Болгария — это территория, которую «болгары населяли во времена грозной самостоятельности царства своего и в которой находятся до сих пор»⁴⁸. Таким образом, Липранди концептуализировал понятие «Болгария»: он не только пытался доказать существование современной ему Болгарии, но обосновал ее границы при помощи ссылок на историю и этнический состав населения. Этим описание региона, приводимое в 1854 г., принципиально отличается от того, которое автор давал двадцатью годами ранее.

В записке «Болгария» 1854 г. Липранди представил новый образ болгар, кардинально отличающийся от прежних «бугар». Если ранее автор характеризовал древних болгар (он не проводил различие между болгарями и булгарами) как дикарей, склонных к пьянству, то затем он писал уже следующее: «Каковыми были эти горные болгары во времена грозной самостоятельности своей, таковыми они являются и теперь: взгляд их горд и приветлив, рост высок и хорошо сложенный, наружность мужественная (...) вообще постоянны; предпочитают всему семейное спокойствие; неослабно занимаются своими делами и работают без видимого истощения сил от трудов и забот; гостеприимны, просты и откровенны с теми, к которым питают доверенность»⁴⁹. Липранди теперь просто отсекает «азиатское» прошлое болгар: история Болгарии начинается не с переселения народов «дист-кипчакского» происхождения, а непосредственно с создания Болгарского царства.

Произошло нечто большее, чем просто разграничение древних «бугар» и современных болгар, произошло изменение дискурса, в рамках которого велось описание народа. Теперь Липранди поместил болгар в рамки «славянства», и прежние дефиниции показались ему неуместными. Из азиатского народа болгары превратились в славян, автор представил их высоко развитым народом, государство которых во многом превосходило как европейские державы, так и Древнюю Русь. Иван Петрович ни строчки не написал о происхождении болгар, везде заменил титул «хан» на «царь»,

⁴⁷ Липранди И.П. Краткий очерк этнографического, политического, нравственного и военного состояния Болгарии. Л. 20–26. См.: Гришина Р.П. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX — начале XX века (бег трусцой по пересеченной местности). М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 119.

⁴⁸ РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 247. Л. 20 об–21.

⁴⁹ Там же. Л. 29–29 об.

не упоминал о древнем болгарском языке, из-за чего у читателя создается впечатление, что болгары всегда говорили на славянском языке. Кроме того, Липранди представил их как хранителей славянской старины, он даже называл Болгарию «классической для нас страной»⁵⁰, что разительно контрастирует с описанием варварского государства, приведенным в словаре двадцатью годами ранее.

Благодаря переосмыслению места болгар, Липранди по-другому определил роль Святослава в болгарской истории. Славянский князь из разрушителя древнего Болгарского царства превратился в человека, объединившего народы против общего врага. В 1854 г. Липранди писал: «Бросаются на глаза следующие выводы: Святослав является как союзник греков против болгар. Встретив в них своих родичей по племени и языку, он является их союзником, возвращает престол Роману и спомоществуемый болгарамидет на Византию»⁵¹. Возможно, что в этом вопросе на Липранди оказал влияние его друг Вельтман, который впервые в русской литературе предложил подобную трактовку роли Святослава⁵².

Следовательно, Болгария не была уничтожена в X в., как автор писал прежде. Ослабленная походом киевского князя, Болгария «пала под иго греков, которое, однако же, неоднократно она потрясала»⁵³. Позже Болгария была завоевана турками, но не прекращала своего существования все это время в составе Османской империи. Современные болгары — прямые наследники не только культурных достижений, но и земель Древней Болгарии.

Еще один важный момент, получивший развитие в записке 1854 г., — вопрос о «пробуждении народности в болгарях», необходимой для общенациональной борьбы. В его рассуждениях на эту тему условно можно выделить два основных направления: создание независимой Болгарской церкви и распространение образования. Липранди совершенно справедливо рассматривал церковь как один из главных рычагов воздействия на болгар, т.к. они не отделяли религиозную власть от гражданской⁵⁴. Считая фанариотов непримиримыми врагами славянства⁵⁵, он видел первоочередную задачу в создании независимой Болгарской церкви, которая стала бы краеугольным камнем болгарского национального самосознания. После этого необходимо было заняться построением системы светского образования. Липранди прекрасно понимал, что именно школы «сблизят болгар всех концов ими занимаемого пространства и конечно, со временем уравниют идеи о народности и самостоятельности, с житейскими выгодами в настоящем»⁵⁶.

⁵⁰ РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 247. Л. 9.

⁵¹ Там же. Л. 8.

⁵² Вацуро В.Э. Болгарские темы и мотивы. С. 580.

⁵³ Липранди И.П. Краткий очерк. Л. 8 об.

⁵⁴ Там же. Л. 53.

⁵⁵ Там же. Л. 50–53 об.

⁵⁶ Там же. Л. 54.

Уже в записке 1854 г. обозначилось несколько идей, которые Липранди развивал в дальнейшем. Во-первых, болгары самый многочисленный южнославянский народ⁵⁷, и Россия должна искать опору на Балканском полуострове именно в них. Во-вторых, болгары идеологически разобщены; России необходимо проводить политику, говоря по-современному, «мягкой силы», если она хочет привлечь болгар на свою сторону. В-третьих, русские и болгары являются самими близкими друг другу народами: их объединяет общая история, близкая культура и родственность языков.

Однако автор не подразумевал необходимости разрушения Османской империи и создания независимого Болгарского государства. В условиях начавшейся Крымской войны он писал только о том, на какую помощь на Балканах со стороны местных жителей может рассчитывать Россия. Вопрос о создании независимого Болгарского государства еще не стоял на повестке дня. Открыто об этом Липранди заявил в статье «Восточный вопрос и Болгария»⁵⁸, опубликованной в 1867 г. В заголовке он использовал сочинительный союз «и», что словно бы уравнивает значимость Восточного вопроса и политики по отношению к Болгарии. Действительно, в этой работе Липранди целенаправленно доказывает, что Россия не сможет решить Восточный вопрос в свою пользу, если не сумеет привлечь болгар на свою сторону.

Автор поочередно рассмотрел несколько вариантов устройства Болгарии: полная независимость, объединение с другими славянскими государствами во «Всеславию»⁵⁹, вхождение в Балканскую федерацию и присоединение к России. Что касается абсолютной независимости, то Липранди категорически не принимал идеи существования суверенных национальных государств на Балканах. По его мнению, они слишком малы, слабы и легко станут жертвами более крупных держав, к тому же из-за своей слабости небольшие национальные государства подвержены постоянным волнениям и смутам. Ярким примером тому служили Греция и Сербия, которые пытались провести модернизацию, но потерпели фиаско и скатились в анархию⁶⁰.

Двойственное отношение было у Липранди к построению единого общеславянского государства. С одной стороны, он поддерживал идею создания «Всеславии», хотя и вынужден был с грустью признать, что объединение славянства конечно вероятнее, чем конец света, назначенный каким-то

⁵⁷ Если в «Опыте словоистолкователя Оттоманской империи...» 1836 г. Липранди утверждал, что болгар насчитывается едва 700 тыс. семей, то в 1850-е гг. их число увеличилось до 5 млн, что сделало болгар самым многочисленным народом Балканского полуострова.

⁵⁸ Липранди И.П. Восточный вопрос и Болгария // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1868. К. 1.

⁵⁹ Там же. С. 106–107.

⁶⁰ Там же. С. 86, 129.

прорицателем на 1867 г., но все же недостижимо⁶¹. Поэтому увлеченность этой нереализуемой идеей «скупивания народов» (так Липранди называл все пандвижения) казалась ему особенно абсурдной и опасной.

Такой же химерой были для Ивана Петровича и все планы по созданию балканского федеративного союза. Он был убежден, что сами южнославянские области хотят жить *«отдельно одна от другой, с главами из среды своей избранными, словом союзного устройства, с своим Вашингтоном в Константинополе или другом месте»*⁶². Тем не менее, Липранди констатировал, что и подобное устройство едва ли возможно: слишком сильна ненависть между балканскими народами.

Вопрос об устройстве Балкан после падения Османской империи в Европе так и остался нерешенным.

В 1877 г., незадолго до начала русско-турецкой войны, секретная записка «Болгария» 1854 г. практически без изменений была опубликована в журнале Московского общества истории и древностей российских⁶³. Изданная незадолго до возникновения независимого Болгарского княжества, статья сделала достоянием широкой общественности те идеи, которые Липранди в 1850-е гг. мог сообщить И.Ф. Паскевичу лишь секретно. Хотя некоторые сведения, актуальные тогда, к началу последней русско-турецкой войны откровенно устарели, удивительно своевременно звучали его идеи о русско-болгарском родстве, и секретная записка практически не подверглась редакции.

Кроме некоторых стилистических поправок, появилось только одно пространное примечание, сделанное даже не самим Липранди, а подписанное инициалами «О.Б.», в котором прямо говорится, что болгары, занимающие территорию большей части Балканского полуострова, находятся в сфере жизненно важных интересов России. Автор одной фразой сказал то, что Липранди до тех пор не решался выразить открыто: *«Мы не можем поступиться ни для кого в свете, разве с прекращением самого бытия России проливами и Константинополем»*. Затем автор продолжил: *«Впрочем, чей полуостров, того и Царьград; так всегда было и так, рано ли, поздно ли, непременно будет»*⁶⁴. Липранди, по всей видимости, хотя и не артикулировал открыто, но разделял подобные воззрения.

Сам Иван Петрович тоже внес в статью краткое дополнение, которое, возможно, даже более значимо для понимания произошедшего за 20 лет сдвига в представлении о болгарях и Болгарии. Он, видимо предчувствуя неминуемую борьбу России с европейскими странами за Болгарию, закон-

⁶¹ Липранди И.П. Восточный вопрос и Болгария. С. 106–109.

⁶² Там же. С. 127.

⁶³ Липранди И.П. Болгария // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1877. К. 1.

⁶⁴ Там же. С. 57.

чил записку 1854 г. неопределенно и даже несколько тревожно: «Примутся ли семена этой Западной почвы, засеваемые в Болгарии, и какие они дадут плоды, не известно»⁶⁵, однако в статью 1877 г. добавил: «Впрочем, заря будущего лучшего для этого многострадального славянского племени, которому мы, русские, так безмерно обязаны, заря будущего лучшего уже возшла и, даст Бог, самостоятельность и самоуправление, а с ним и самобытность, несомненно появятся для него и упрочат дальнейшее его существование. Да будет!»⁶⁶.

Секретная записка 1854 г. превратилась в манифест, провозглашающий право России на Болгарию в силу культурной и языковой близости, общего происхождения, а самое главное — на основании исторического опыта нахождения Болгарии под властью русских князей — уже не только Святослава, но и Ростислава Михайловича⁶⁷. Повествование Липранди о болгарях не только окончательно переместилось в рамки дискурса «славянства», но теперь он четко сформулировал идею «славянского братства».

Таким образом, если в 1830-е годы работы Липранди писались в рамках дискурса «Османской империи», то к 70-м гг. XIX в., вместе с упадком Порты дискурс единой «Османской империи» уже стал неактуален. Из-за широкого распространения к началу Крымской войны панславистских идей, дискурс «славянства» постепенно вытеснял представления об Османской империи как гомогенном образовании, параллельно формируя идею об угнетенных «братьях славянах», требующих особого покровительства со стороны Российской империи, что предоставляло основу для привлечения славянских народов, в том числе болгар, на свою сторону. Именно поэтому, дикие азиаты-кочевники «бугары», уживающиеся бок о бок с турками, идеально вписывались в дискурс единой «Османской империи», но выглядели неуместно уже в середине XIX в. Дискурс «славянства», также претендующий на описание Балканского полуострова, но подпитываемый идеями панславизма, к 1870-м гг. полностью завоевал государственную и публичную сферу. Благодаря этому болгары превратились в «хранителей славянской старины», многострадальный славянский народ, который заслуживает самого пристального внимания со стороны России.

Литература

1. Белов М.В. «Служебное» славяноведение в России первой половины XIX века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 53–68.
2. Белов М.В. Бессарабия как исследовательская площадка: служебная балканистика 1820-х гг. // Revista de Istorie de Moldovei. 2012. № 2 (90). С. 85–96.
3. Белов М.В. На пути к славянскому братству... Претворение опыта русских путешествий на Балканы первой половины XIX века // Открытие «братьев-

⁶⁵ Липранди И.П. Опыт словоистолкователя Оттоманской империи. Л. 59 об.

⁶⁶ Он же. Болгария... С. 60.

⁶⁷ Там же. С. 59.

- славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. СПб.; М.: Нестор-История, 2018. С. 517–588.
4. Вацуро В.Э. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820–1840-х годов // Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 556–596.
  5. Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М.: Индрик, 2010.
  6. Гришина Р.П. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX — начале XX века (бег трусдой по пересеченной местности). М.: Институт славяноведения РАН, 2008.
  7. Достян И.С. Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX века. М.: Наука, 1972.
  8. Егоров Б.Ф. О национализме и панславизме славянофилов // Из истории русской культуры. Т. 5. XIX. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 491–503.
  9. Ишутин В.В. Иван Петрович Липранди (1790–1880) // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 85–94.
  10. Ишутин В.В. Неопубликованная рукопись И.П. Липранди о Болгарии. 1831 год // Bulgarian historical review. 1993. № 2–3. С. 210–218.
  11. Калиганов И.И. Болгары глазами русских в XIX столетии (национальный характер и взаимовосприятие) // Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 107–137.
  12. Калоева И.А. Изучение южных славян в России в XVIII — первой половине XIX в. М.: ИНИОН РАН, 2002.
  13. Касаткин К.А. Способы описания славянских областей Османской империи российскими путешественниками в первой трети XIX в. // Славянский альманах. 2017. Вып. 1–2. С. 237–246.
  14. Керимова М.М. Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в публикациях и документах первой половины XIX в. М.: [б.и.], 1997.
  15. Красникова О.А. Материалы к истории формирования картографического собрания Библиотеки Российской академии наук в XVIII — начале XX в. // Академия наук в контексте историко-научных исследований в XVIII — первой половине XX в. Исторические очерки / ред.-сост.: Г.И. Смагина, отв. ред. Ю.М. Батулин. СПб.: Росток, 2016. С. 116–178.
  16. Куприянов П.С. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 21–37.
  17. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. М.: Индрик, 2005.
  18. Никулина М.В. Путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики в России // Ю.И. Венелин в болгарском Возрождении / отв. ред. Венедиктов Г.К. М.: Логос, 1998. С. 122–147.
  19. Нойман И. Использование «Другого»: Образы Востока и формирование европейской идентичности. М.: Новое издательство, 2004.
  20. Сапожников И. Османские крепости Добруджи: описания и обзор источников 1820-х годов // Scriptorium nostrum. 2017. № 1 (7). С. 291–341.
  21. Чуркина И.В. К вопросу об организации восстания славян во время Крымской войны 1853–1856 гг. // Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Пи-

- сарева. Сб. статей / отв. редактор С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 46–64.
22. Kara G., Toprak S. 19 Yüzyık Balkan Siyaseti Gölgesinde Rusyanın Yalnızlaşma // İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi. 2016. V. 4. S. 677–689.
23. Kohn H. Pan-Slavism: its history and ideology. New York: Vintage Book, 1960.
24. McArthur S. Being European: Travel Writing and the Balkans, 1804–1877. PhD dissertation. University College London. School of Slavonic and East European Studies. 2010.

References

1. Belov, M.V., 2012. “Sluzhebnoe” slavianovedenie v Rossii pervoi poloviny XIX veka. *Slavianovedenie*, N 4, pp. 53–68.
2. Belov, M.V., 2012. Bessarabiia kak issledovatel'skaia ploschadka: sluzhebnaia balkanistika 1820-kh gg [Bessarabia as a Research Ground: Service Balkanistics of the 1820s]. *Revista de Istorie de Moldovei*, N 2 (90), pp. 85–96.
3. Belov, M.V., 2018. Na puti k slavianskomu bratstvu... Pretvorenje opyta russkikh puteshestvii na Balkany pervoi poloviny XIX veka [On the way to the Slavic brotherhood... Making the experience of Russian travel to the Balkans of the first half of the XIX century]. In: Belov, M.V., 2018. *Otkrytie “brat'ev-slavian”*: russkie puteshestvenniki na Balkanakh v pervoi polovine XIX veka. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 517–588.
4. Churkina, I.V., 2017. K voprosu ob organizatsii vosstaniia slavian vo vremia Krymskoi voiny 1853–1856 gg. [On the organization of the Slavic uprising in the Balkans during the Crimean War of 1853–1856]. In: Danchenko, S.I., ed. 2017. *Slaviane i Rossiia: problemy voiny i mira na Balkanakh. XVIII–XXI vv.* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 47–64.
5. Dostian, I.S., 1972. *Rossiia i balkanskii vopros: Iz istorii russko-balkanskikh politicheskikh svyazei v pervoi treti XIX veka* [Russia and the Balkan Question: From the history of Russian-Balkan political ties in the first third of the XIX century]. Moscow: Nauka.
6. Egorov, B.F., 1996. O natsionalizme i panslavizme slavianofilov [On the nationalism and panslavism of the Slavophiles]. In: *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the History of the Russian Culture]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
7. Grishina, R.P., 2008. *Liki modernizatsii v Bolgarii v kontse XIX — nachale XX vekov (beg trustsou po peresechennoi mestnosti)* [Faces of modernization in Bulgaria in the late XIX — early XX centuries (jogging over rough terrain)]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
8. Ishutin, V.V., 1989. Ivan Petrovich Liprandi (1790–1880) [Ivan Petrovich Liprandi (1790–1880)]. *Sovetskoe slavianovedenie*, 2, pp. 85–94.
9. Ishutin, V.V., 1993. Neopublikovannaia rukopis' I.P. Liprandi o Bolgarii. 1831 god [Unpublished manuscript by I.P. Liprandi on Bulgaria]. In: *Bulgarian historical review*, 2–3, pp. 210–218.
10. Kaliganov, I.I., 2011. Bolgary glazami russkikh v XIX stoletii (natsional'nyĭ kharakter i vzaimospriiatie) [Bulgarians through the eyes of Russians in the 19th century (national character and mutual perception)]. In: *Slavianskii mir v glazakh Rossii. Dinamika vospriiatiia i otrazheniia v khudozhestvennom*

tvorchestve, dokumental'noi i nauchnoi literature. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 107–137.

11. Kaloeva, I.A., 2002. *Izuchenie iuzhnykh slavian v Rossii v XVIII — pervoi polovine XIX v.* [Studies of the South Slavs in Russia in the 18th — first half of the 19th century]. Moscow: INION RAN.
12. Kara G., Toprak S., 2016. 19 Yüzyık Balkan Siyaseti Gölgesinde Rusyanın Yalnızlaşma. *İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi*, 4. pp. 677-689.
13. Kasatkin K.A., 2017. Sposoby opisaniia slavianskikh oblastei Osmanskoı imperii rossiiskimi puteshestvennikami v pervoi treti XIX v. [Ways of describing the Slavic regions of the Ottoman Empire by Russian travelers in the first third of the 19th century.]. *Slavianskii al'manakh*, 1–2, pp. 237–246.
14. Kerimova, M.M., 1997. *Iugoslavianskie narody i Rossiia. Etnograficheskie siuzhety v publikatsiakh i dokumentakh pervoi poloviny v XIX v.* [Yugoslav peoples and Russia. Ethnographic subjects in publications and documents of the first half of the 19th century]. Moscow: [s.n.].
15. Kohn, H., 1960. *Pan-Slavism: its history and ideology*. New York: Vintage Book.
16. Krasnikova, O.A., 2016. Materialy k istorii formirovaniia kartograficheskogo sobraniia Biblioteki Rossiiskoi Akademii nauk v XVIII–nachale XX v. [Materials on the history of the formation of the cartographic collection of the Library of the Russian Academy of Sciences in the 18-early 20 centuries.]. In: Smagina, G.I., Baturin, Yu.M., eds. 2016. *Akademiia nauk v kontekste istoriko-nauchnykh issledovaniı v XVIII–pervoi polovine XX v. Istoricheskie ocherki*. Saint Petersburg: Rostok, pp. 116–178.
17. Kupriianov, P.S., 2004. Predstavleniia o narodakh u rossiiskikh puteshestvennikov nachala XIX v [Representations of the peoples of Russian travelers began in the 19th century]. *Ėtnograficheskoe obozrenie*, 2, pp. 21–37.
18. Lapteva, L.P., 2005. *Istoriia slavianovedeniia v Rossii v XIX v.* [History of Slavic Studies in Russia in the XIX century]. Moscow: Indrik.
19. McArthur, S., 2010. *Being European: Travel Writing and the Balkans, 1804–1877*. PhD dissertation. University College London. School of Slavonic and East European Studies.
20. Neumann, I., 2004. *Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka i formirovanie evropeiskoi identichnosti* [Uses of the Other. The ‘East’ in European Identity Formation]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
21. Nikulina, M.V., 1998. Puteshestvie Yu.I. Venelina v Bolgarii i ego mesto v nachal'noi istorii bolgaristiki v Rossii [Yu. I. Venelin's journey to Bulgaria and its place in the initial history of Bulgarian studies in Russia]. In. *Yu.I. Venelin v bolgarskom Vozrozhdenii*. Moscow: Logos, pp. 122–147.
22. Sapozhnikov, I., 2017. Osmanskıe kreposti Dobrudzhi: opisaniia i obzor istochnikov 1820-kh godov [Ottoman fortresses of Dobrudja: descriptions and review of sources from the 1820s]. *Scriptorium nostrum*, 1 (7). pp. 291–341.
23. Vatsuro, V.E., 2004. Bolgarskie temy i motivy v russkoi literature 1820–1840-kh godov [Bulgarian themes and motifs in Russian literature of the 1820–1840s]. In: *Izbrannye trudy*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
24. Vinogradov, V.N., 2010. *Dvuglavyi rossiiskii orel na Balkanakh. 1683–1914* [Double-headed Russian eagle in the Balkans, 1683–1914]. Moscow: Indrik.

РОЛЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СООБЩЕНИЯ В ОКАЗАНИИ РОССИЕЙ ВОЕННОЙ ПОМОЩИ АВСТРИИ В МАЕ 1849 Г.

Илдико Рошонци –

Ph.D., сотрудник издательства «Magyar Napló».
Ул. Байза, 18, Будапешт, Венгрия, 1062.
irosonczy@gmail.com

Аннотация

В статье на материале как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот источников воссоздаются обстоятельства перевозки русской дивизии по железной дороге из Кракова в Унгариш-Градиш в Моравии в контексте переговоров русского и австрийского военного командования, официальных документов, писем и воспоминаний участников кампании о событиях мая 1849 г.

Ключевые слова

Венгерская революция и национально-освободительная война 1848–1849 гг., русская военная помощь Австрии, железнодорожное сообщение, Николай I, И.Ф. Паскевич, Ф.С. Панютин, Ф. Шварценберг, Б. Кабога.

THE ROLE OF RAILWAY COMMUNICATION IN PROVIDING RUSSIAN MILITARY SUPPORT FOR AUSTRIA IN MAY 1849

Илдико Росонczy –

Ph.D., employee of the Magyar Napló
publishing house.
Bajza u. 18, Budapest, Hungary, 1062.
irosonczy@gmail.com

Abstract

The article, based on both published and archival sources, reconstructs the circumstances of the delivery of the Russian military division by railway from Krakow to Ungarisch Hradisch against the background of negotiations between the Russian and Austrian commandment, official documents, letters and memories of the campaigners about the events of May 1849.

Keywords

Hungarian revolution and national liberation war of 1848–1849, Russian military assistance, railways, Nicholas I, Ivan Paskevich, Fedor Panyutin, Felix zu Schwarzenberg, Bernhard Caboga.

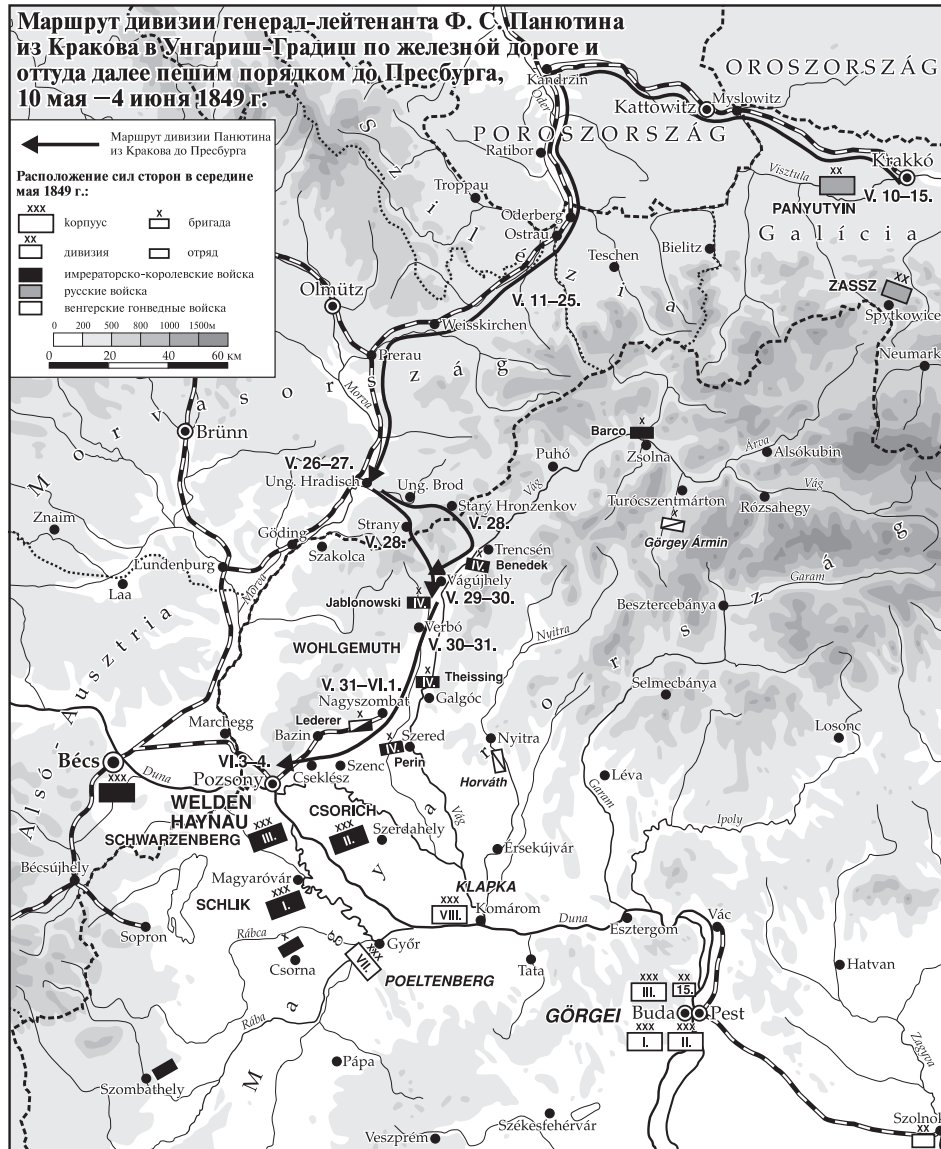
Пехотная дивизия русской армии, состоявшая из 16 батальонов (до 15 тыс. солдат) и имевшая 48 орудий, была переправлена по железной дороге из Кракова в город Унгариш-Градиш всего за несколько дней в мае 1849 г. Поезда с русскими солдатами пересекли австро-прусскую границу у станции Мисловиц и, продолжив затем путь через Прусскую Силезию, вступили снова в пределы Австрийской империи у Одерберга. Перевозку дивизии можно считать увертюрой к масштабной военной интервенции армии Николая I против Венгрии, боровшейся в условиях буржуазной революции 1848 г. за социальные и политические реформы, конституционный строй и суверенитет страны сначала в рамках монархии Габсбургов, а с 19 апреля 1849 г. за независимое государство.

В начале мая 1849 г. австрийское правительство, опасавшееся наступления главной венгерской армии на австрийскую столицу, попросило главнокомандующего действующей российской армии генерал-фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича ускорить проведение военной операции и, в частности, как можно скорее отправить отдельный отряд на поддержку Вены. В ответ на эту просьбу Паскевич отослал по железной дороге пехотную дивизию с артиллерией под командованием генерал-лейтенанта Федора Сергеевича Панютина для оказания оперативной поддержки Вене еще до ввода главных сил русской армии.

В истории европейских железных дорог перевозка дивизии Панютина явилась первой транспортировкой воинских частей, проведенной в рамках международного взаимодействия. В ее осуществлении приняли участие органы власти, управления военных администраций и различные железнодорожные компании трех союзных держав: Российской империи, Прусского королевства и Австрийской империи. В военной истории Российской империи эта перевозка явилась первым опытом переправки российских войск по железной дороге к театру военных действий¹.

Войска Панютина проехали поездом около 350 км. и остановились в Унгариш-Градише (Моравия). Дивизия дождалась обоза и после этой неожиданной передышки, примерно через две недели, пешим порядком двинулась по направлению к Венгрии. Она перешла венгерскую границу у с. Унгариш-Брод и двумя колоннами направилась через Тырнау в сторону Пресбурга, куда вступила 3 и 4 июня. Дивизия Панютина была единственной воинской частью русской армии, которая провела всю летнюю кампанию в составе австрийской армии, попав по распределению под командование ее главнокомандующего фельдцейхмейстера Юлиуса фон Гайнау (Хайнау). Только после капитуляции главной венгерской армии 13 августа

¹ Анненков М. Военная служба железных дорог // Военный сборник. 1876. № 3. С. 115–116; Керсновский А.А. История русской армии: в 4 т. Т. 2. От взятия Парижа до покорения Средней Азии 1814–1881 гг. Белград, 1934. С. 80; Köster B. Militär und Eisenbahn in der Habsburgermonarchie 1825–1859. München, 1999. S. 133–134.

Оригинальную карту к публикации подготовил Б. Надь

1849 г. под Вилагошем она вернулась в состав 3-го армейского корпуса у с. Шиманд. Дивизия покинула Венгрию по маршруту Дебрецен – Кашау – Бартфельд и затем через Дуклу – Тарнов – Краков вернулась в пределы Российской империи — в Королевство Польское.

Фельдмаршал Паскевич отправил дивизию самым современным и быстроходным по тому времени способом передвижения, чтобы оказать как можно более скорую поддержку венскому двору перед лицом предполагаемого наступления венгерской армии. В этой связи возникает ряд вопросов. Если Паскевич спешил, почему эта дивизия добралась только до Унгарш-Градиша в Моравии? Было ли это конечным пунктом назначения, как утверждает в венгерской исторической литературе? Когда началась перевозка войск? При каких обстоятельствах и по чьему приказу русские войска были остановлены в Моравии? Почему они провели там около двух недель (разные части от 10 до 14 дней), будучи посланными в целях оказания срочной поддержки австрийской армии? Явилась ли приостановка продвижения дивизии причиной некоей напряженности в отношениях между союзниками?

На все эти вопросы можно ответить, опираясь — кроме опубликованных источников личного происхождения (воспоминаний, дневников, писем участников событий) — на официальные, причем ранее доступные не всем исследователям, архивные документы — как русские, так и австрийские².

Переговоры относительно российской военной поддержки австрийской армии, сражающейся в Венгрии, активизировались в конце марта — апреле 1849 г. Австрийская императорская армия терпела в это время одно поражение за другим от венгерских сил революционной армии гонведов (*honvéd* — защитник Отечества). Положение Австрии становилось все более опасным.

Николай I уже в начале апреля поставил два неперемных условия относительно ввода войск в пределы Австрийской империи:

«1) что корпуса, призванные переступить границу, будут достаточно многочисленны для того, чтобы самостоятельно выполнить поставленную перед ними задачу.

2) что эти корпуса не будут присоединены к австрийским войскам»³.

² Подробнее см.: *Rosonczy I. Válaszra váró kérdések frissen feltárt források tükrében // Rosonczy I. Orosz fegyverekkel Ferenc Józsefért. Tanulmányok I. Miklós 1849-es magyarországi beavatkozásáról.* Budapest, 2016. P. 113–123. Ср.: *Roberts I.W. Nicholas I and the Russian Intervention in Hungary.* London, 1991. Автор, использовавший материалы австрийских и западноевропейских архивов, а также многие опубликованные русские источники, не имел доступа к документам из российских архивов.

³ Проект депеши К.В. Нессельроде к гр. П.И. Мадему, 25 III (6 IV) 1849, Санкт-Петербург. Цит. по: *Andics E. A Habsburgok és Romanovok szövetsége. Az 1849. évi magyarországi cári intervenció diplomáciai előtörténete.* Budapest, 1961. 339–340. old. (текст депеши на французском языке опубликован); перевод на русский язык см.: *Авербух Р.А. Николай I и европейская реакция 1848–49 гг.* // Красный архив. 1931. № 47/48. С. 33–34.

Причины столь строгих условий понятны. У Николая I сложилось невысокое мнение об австрийской армии, непрерывно терпевшей поражения от «венгерских мятежников». «Ежели сами сладить не могут и хотят нашей помощи, то предоставь они мне судить, как эту помощь подать. Наше вмешательство должно быть решительное, все ниспровергающее, а не частное», — инструктировал он в своем письме Паскевича⁴. Тот был одного мнения с царем. «Неудачный оборот дел в Трансильвании показывает, сколь мало можно надеяться на австрийские войска, и сколь опасно поддерживать их небольшими отрядами (так в источнике. — *И. Р.*)», — писал он 30 марта военному министру, князю Александру Ивановичу Чернышеву⁵.

Очевидно, что когда Паскевич отправил из Кракова по железной дороге одну дивизию в сторону Вены, он сделал это вопреки как неоднократно выраженной воле царя, так и своему твердому убеждению. Действия отдельным, небольшим отрядом не входили в его намерения и, по оценке его биографа, «противоречили всем основным его правилам ведения войны»⁶. Почему же он решил действовать именно так?

25 апреля Николай I принял решение об оказании военной помощи австрийскому императору путем ввода войск не только в Галицию, но и в пределы Венгрии. В соответствии с его разрешением и по приказу генерал-фельдмаршала Паскевича, 3-й и 4-й пехотные корпуса, которые были сосредоточены вблизи галицийской границы Австрийской империи, двинулись к границе и 5 мая вступили в Краков.

Начавшееся в конце апреля отступление австрийской армии вызвало настоящее смятение в Вене. Фельдцейхмейстер барон Людвиг фон Вельден, главнокомандующий императорской армией в Венгрии (предшественник Гайнау), оставив гарнизон в Будайском замке, вынужденно отступил из венгерской столицы в период с 20 по 24 апреля и поспешно ретировался по правому берегу Дуная до Пресбурга. В Вене исходили из того, что венгерская гонведная армия будет преследовать и морально, и физически расстроенную армию Вельдена, вследствие чего театр военных действий переместится ближе к столице империи. Со всей остротой встал вопрос, будет ли эта армия в состоянии защищать Вену от возможного нападения венгерских вооруженных сил?

Полковник Генерального штаба австрийской армии Эдуард фон Шобельн приехал в Варшаву 30 апреля и, исполненный чувства отчаяния, рассказал Паскевичу, что австрийская императорская армия находится в

⁴ Николай I — Паскевичу, 8 (20) IV 1849, Москва // *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. 1848-1849. СПб., 1899. Т. 6. С. 281-282.

⁵ Паскевич — Чернышеву, 18 (30) III 1849, Варшава // Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 1. Канцелярия военного министра. Оп. 1. Д. 18485. Первоначальные соображения о содействии Австрии, об отправлении дивизии. Л. 162-163.

⁶ *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. С. 64.

полном расстройстве. По его предположению, венгерские силы могли вторгнуться в Моравию через Гединг, кроме того, венгры могли поднять мятеж и в Богемии⁷.

2 мая австрийский министр-президент и министр иностранных дел князь Феликс Шварценберг командировал генерал-лейтенанта графа Бернхарда Кабогу, начальника инженерного корпуса австрийской императорской армии, в Варшаву к Паскевичу со срочной просьбой⁸, которую он повторил и в своей депеше от 4 мая. Кабога поблагодарил за отправление двух корпусов в Галицию, но при этом заметил, что русские силы, концентрирующиеся вблизи перевала Карпатских гор в районе Дуклы, находятся все еще слишком далеко от армии Вельдена. Было сказано, что «Вена в опасности: если австрийская армия потерпела бы поражение и принуждена была бы отступить, столица Австрии могла бы попасть в руки мятежников». Появление одного русского отряда в Моравии удержало бы венгерские силы от нападения на Вельдена. Понадобилась бы немедленная присылка вспомогательного отряда, и со стороны австрийцев была предпринята подготовка к перевозке 25 тыс. солдат по железной дороге⁹.

Согласно рассказам очевидцев, на которые ссылается биограф Паскевича Александр Петрович Щербатов, граф Кабога, «прося фельдмаршала согласиться на просьбу Шварценберга и повторяя содержание письма его, став на колени, поцеловал руку князя Варшавского, со слезами умоляя его “спасти Австрию”; “каждый день, каждый час”, говорил он, “дорог”»¹⁰.

Беспокойство австрийцев разделял русский генерал Федор Федорович Берг, посланный в Вену для ведения переговоров о координации военных действий австрийских и русских союзников¹¹. «Несмотря на готовность содействовать интересам Австрии, помощь эта не могла быть оказана так скоро, как это требовали: нравственное расстройство австрийской армии и другие политические обстоятельства, почему австрийское министерство умоляло отправить по железной дороге в Вену хотя одну русскую дивизию, которая, по выражению 1-го министра князя Шварценберга, необходима была для спасения древней столицы Австрии», — так представляет неожиданно создавшееся опасное положение дел военно-походный журнал дивизии Панютина¹².

⁷ Докладная записка Паскевича Николаю I на основе рассказа Шобелна, 19 IV (1 V) 1849, Варшава // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18354. Л. 90-94.

⁸ *Andics E.* A Habsburgok és Romanovok szövetsége. 375-376. old.

⁹ *Ibid.* 380-382. old.

¹⁰ *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. С. 64.

¹¹ Берг — Паскевичу, 19 IV (3 V) 1849, Вена; Шварценберг — Паскевичу, 3 V 1849, Вена // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18354. Л. 98-105.

¹² Военно-походный журнал дивизии. Введение // РГВИА. Ф. 846. Военно-ученый архив. Оп. 16. Венгерская кампания 1849 г. Д. 5360. Журнал военных действий 3-го пехотного корпуса в кампании против венгерских мятежников в 1849 году и Военно-походный журнал сводной пехотной дивизии, состоящей в командовании генерал-адъютанта Панютина.

Наконец, 6 мая поздно вечером, после долгих раздумий, Паскевич принял решение об отправке вспомогательного отряда в Вену по железной дороге, хотя численность отряда составляла лишь немного больше половины той, которую хотели бы видеть австрийцы¹³. В тот же день Паскевич повелел генералу Бергу озаботиться обеспечением этих войск всем необходимым и в случае, если бы Вена была взята до прибытия войск, «распорядиться выгоднейшим их направлением». А если бы австрийская армия отступила в Моравию, войска Панютин должны были возвратиться к главным русским силам, «и буде можно, то по железной дороге через Краков»¹⁴.

Паскевич уведомил царя о своем решении рано утром следующего дня: «Я получил от ген. Берха и через графа Бернарда Кабога депешу князя Шварценберга, в которой умоляет о скорой помощи по железной дороге, хоть 20/т человек. Вот уже 3 дни, что я нахожусь в самом жестоком положении, в котором только может быть человек, облеченный Вашей доверенностью. Австрийская империя близка к падению, если Вена будет взята (...). Ваше Величество хотите их спасти. Итак, я решился отправить одну пехотную дивизию с ее артиллерией по железной дороге до самой Вены и оттуда к армии Вельдена; — Если это подкрепление и не спасет Вены, то, по крайней мере, все возможное было сделано — но весьма быть может, что появление ваших войск отвратит разрушение всей Австрийской монархии. Результат слишком велик, чтобы не употребить всего возможного для достижения сей цели. Если Вена взята, она дивизия всегда успеет возвратиться»¹⁵.

Паскевич составил отряд из тех войск 3-го пехотного корпуса, которые находились ближе других к Кракову. В его состав вошли три полка из 9-й пехотной дивизии: 18-й (Севский) пехотный полк, 17-й (Брянский) и 18-й (Орловский, фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича Эриванского) егерские полки; из 8-ой пехотной дивизии 15-й (Черниговский, фельдмаршала Дибича Забалканского) пехотный полк и 9-я артиллерийская бригада. Из 9-й дивизии, командиром которой был генерал-лейтенант Антон Григорьевич Лисецкий, в состав отряда вошли три полка и артиллерийская бригада; из 8-й дивизии, командиром которой был Панютин, только

¹³ Кабога — Шварценбергу, Кабога — Кордону (второе донесение Кордону), 6 мая 1849. Варшава // Österreichisches Staatsarchiv, Wien (далее — ÖStA). Haus-, Hof- und Staatsarchiv (далее — HHStA). Politisches Archiv (далее — PA). X/Russland, Russische Intervention in Ungarn 1849. Kt. 29. Fol. 23-25.

¹⁴ Паскевич — Бергу, 24 IV (6 V) 1849, Варшава. Выписка П.К. Менькова из распоряжения № 998 // РГВИА. Ф. 167. Меньков П.К. Оп. 1. Д. 6. Документы собранные Меньковым по истории венгерской войны. Pièces justificatives (далее — Pièces justificatives). Л. 129; О распоряжении Паскевича № 998 от 6 V 1849 см.: Берг — Паскевичу 27 IV (9 V) 1849, Вена // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18361. Письма генерал-адъютанта Берга из Вены. Л. 34-36.

¹⁵ Паскевич — Николаю I, 25 IV (7 V) 1849, Варшава // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18354. Первоначальные соображения о содействии Австрии, об отправлении сводной дивизии. Л. 110-111.

один полк. Однако Паскевич назначил командиром этой сводной дивизии генерал-лейтенанта Панютину «в том внимании, что генерал-лейтенант Ли-сецкий имеет менее военной опытности и не знает иностранных языков»¹⁶.

Согласно намерению Паскевича, нашедшему отражение в военно-походном журнале,

«1/ Отправление генерала Панютину имеет целью спасение Вены, и войска должны быть направлены непременно в Вену, и составлять не иначе, как резерв главной австрийской армии; а не какое-либо другое назначение.

2/ Можно из Вены быть двинуты вперед к Пресбургу; но все не иначе, как в виде резерва; ибо не имея с собою ни кавалерии, ни обоз, отряд этот не может маневрировать отдельно, или на фланге»¹⁷.

Главнейшее назначение этих войск заключалось в том, чтобы «произвести моральное влияние на город Вену, на неприятеля и даже на всю Германию», — сообщил Паскевич военному министру Чернышеву¹⁸.

Панютин приехал в Краков уже 6 мая, откуда с большей частью своей дивизии продолжал путь к Йорданову¹⁹. Согласно новому распоряжению, он передал командование отрядом генерал-лейтенанту Григорию Христофоровичу Зассу и вернулся в Краков. Отряд Засса был первым, который вторгнулся в пределы Венгрии: 13 мая у села Спытковице он перешел галицийско-венгерскую границу и разграбил деревню Подвилк в комитате Арва.

Предполагалось, что перевозка дивизии Панютину по железной дороге из Кракова начнется 9 мая и будет продолжаться несколько дней непрерывно²⁰. Железнодорожная линия Краков – Мысловиц – Ратыбор – Одерберг – Острау – Гединг – Вена проходила по Прусской Силезии. Прусские власти дали знать, что никаких препятствий для перевозки русских войск по территории королевства не предвидится. Прусское общество железных дорог согласилось эту перевозку производить на тех же условиях, как это делалось с прусскими войсками — за полцены²¹.

7 мая, тотчас после принятия решения об отправлении дивизии, Паскевич уведомил царя как телеграфной депешей, так и письмом. Николай I отреагировал на эту вест с раздражением: «Как уже по телеграфу тебе

¹⁶ Паскевич — Чернышеву, 27 IV (9 V) 1849, Варшава // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18485. Л. 198-200.

¹⁷ Военно-походный журнал дивизии. Введение // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5360; О назначении дивизии то же самое повторяется в: Кабога — Шварценбергу, 8 V 1849, Варшава // ÖStA. NHStA. PA. X 29. Fol. 27-30.

¹⁸ Паскевич — Чернышеву, 27 IV (9 V) 1849, Варшава // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18485. Л. 198-200.

¹⁹ Докладная записка Паскевича Николаю I, 19 апреля (1 мая) 1849, Варшава // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18354. Л. 90-94.

²⁰ Журнал военных действий 3-го пехотного корпуса, 25-28 апреля (7-10 мая) // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5360.

²¹ Копия отношения королевского комиссариата прусских железных дорог от 30 апреля (уже!) из Бреслау среди документов Ф.Ф. Берга // См.: РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18361. Л. 14; Военно-походный журнал дивизии. Введение // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5360.

писал, так и теперь повторяю, крайне жалею об посылке дивизии в Вену; она Вены не спасет, а может пропасть даром, тогда как нужнее чем когда, чтоб были мы сосредоточены, и не иначе действовали как массой, могущей решить дело. Мы теряли Москву, но не погибли, неужели Австрия, столь часто уже терявшая Вену, на сей раз без нея обойтись не может? Тогда как уверена в близком нашем появлении в тылу врага!» Уже менее запальчиво он продолжал: «Но дело прошедшее, я могу ошибаться и слишком верю и уважаю твое мнение, чтоб с тобой спорить или препятствовать действовать по твоему убеждению, ты варшавский герой»²².

День 9 мая принес Паскевичу неожиданные неприятности. Перевозка дивизии Панютина из Кракова началась с опозданием на один день — только 10 мая. Но это были еще мелочи! Неприятнее было то, что в этот же день царь написал Паскевичу о том, что не одобряет его решения об отправлении Панютина. Самым же неприятным сюрпризом для Паскевича стало произошедшее 9 мая в Вене. Получив уведомление Паскевича, генерал Берг поспешил к Шварценбергу сообщить ему об отправлении по железной дороге вспомогательного отряда Панютина. Однако австрийский министр-президент принял эту весть не так, как ожидал от него русский генерал. Вот суть ответа Шварценберга: австрийская императорская армия, главная квартира которой находится в Пресбурге, в состоянии защитить Вену, и внутренний порядок в столице может быть обеспечен гарнизоном, численность которого составляла 16 тыс. солдат. Поэтому нет оснований для тревоги. Принимая во внимание все эти обстоятельства, с помощью русского отряда, отправленного по железной дороге, можно было бы произвести желанное действие на неприятеля, если бы он угрожал правому крылу венгерских сил. «Поэтому Гединг в Моравии является удобным пунктом, откуда этот вспомогательный русский корпус мог бы выступить по нужному направлению. Дороги, ведущие оттуда в Венгрию, легко проходимые, и там все средства имеются в распоряжении, чтобы продовольствовать войска и расположить их по квартирам»²³.

Русский генерал попал в неловкое положение. По требованию австрийского правительства на территории Австрийской империи он должен был немедленно остановить первый русский вспомогательный отряд — вопреки намерению и приказу своего главнокомандующего. В тот же вечер Берг поездом отправил адъютанта в Гединг со следующим «открытым приказанием»: «По минованию крайней необходимости в появлении российских войск в Вене, я нахожусь вынужденным остановить на короткое время 16 батальонов под начальством г. генерал-лейтенанта Панютина в Гединге, на тесных квар-

²² Николай I — Паскевичу, 27 апреля (9 мая) 1849. Санкт-Петербург. Цит. по: *Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич*. С. 290 (Варшава сдалась войскам Паскевича 8 сентября 1831 г.).

²³ Шварценберг — Бергу. 9 мая 1849. Вена // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18361. Л. 39-40. Черновик см.: ННStA PA X Karton 28. Fol. 2-3.

тирах. По сему отправляю с этим открытым приказанием адъютанта моего гвардии штабс-ротмистра Сабира и австрийского офицера Генерального штаба для удобнейшего расположения войск и покорно прошу г. генерал-лейтенанта Панютина оставаться лично в Гединг, куда я намерен прибыть завтра, 28 апреля/10 мая для дальнейших объяснений и распоряжений»²⁴.

Австрийские министры обсуждали с Бергом вопрос: привести ли русскую дивизию в Вену, направить ли в Пресбург для присоединения к главной австрийской армии или же с пополнением ее необходимой кавалерией отвести на левый фланг австрийских сил, занимающих Тырнау, Леопольдштадт и Серед. На следующий день, 10 мая, рано утром, Берг отправился вместе с Шварценбергом в Пресбург, чтобы договориться о возможном предназначении дивизии с главнокомандующим императорской армии Вельденом²⁵. Хотя решения и не были приняты, стороны пришли к согласию, что в настоящее время для спасения Вены не было надобности в русских войсках²⁶. Вечером того же дня Берг сел на поезд и поехал навстречу Панютину в Гединг. Однако узнав, что русские войска не доехали до Гединга, он продолжил путь тоже в Градиш.

Неожиданный оборот дел удивил Панютина. Приказание генерала Берга совершенно противоречило воле русского главнокомандующего, выраженной неоднократно в приказах, «но, несмотря на это, надо было остановиться в Градише; ибо не говоря о неимении дальнейших средств к перевозке, Панютин полагал, что через несколько дней это дело может разъясниться, и при миновании опасности для г. Вены остановка в нескольких днях не будет иметь вредного влияния на общий ход дел»²⁷. И Панютин, и его офицеры и солдаты надеялись на то, что после короткого отдыха они отправятся дальше, в столицу Австрийской империи. Полковник Константин Романович Семякин²⁸, командир Брянского егерского полка, в письме к жене 23 мая все еще обещал сыновьям привезти подарки из Вены²⁹.

На самом деле, 9 мая Шварценберг уже знал, что главные силы венгерской армии не наступают на Вену, а вернулись к венгерской столице, чтобы взять штурмом Будапештский замок³⁰. Вена с облегчением вздохнула.

²⁴ Открытое приказание // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18361. Л. 41.

²⁵ Берг — Паскевичу, 27 IV (9 V) 1849, Вена // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18361. Л. 34–36; Паскевич — Бергу, 1 (13) V 1849, Варшава // там же. Д. 18354. Л. 129–132.

²⁶ Pièces justificatives // РГВИА. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6. Л. 130.

²⁷ Военно-походный журнал дивизии // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5360.

²⁸ Письма К.Р. Семякина к жене в переводе на венгерский язык // См.: *Hadaink vonulnak. K.R. Szemjakin orosz ezredes magyarországi levelei 1849-ből / Az iratokat gyűjtötte, fordította, a bevezető tanulmányt és a jegyzeteket írta I. Rosonczy. Budapest, 2014.*

²⁹ Семякин — жене. 11 (23 V) 1849, Градиш // РГВИА. Ф. 172. Семякин К.Р. 1836–1867. Оп. 1. Д. 3. Л. 89–90.

³⁰ Решение об осаде Будапешта было принято 29 апреля. Причины и поводы для него относятся к числу наиболее спорных вопросов истории этой войны // См.: *Hertmann R. Egy «végzetes» döntés születése. Magyar haditervek Gödöllőtől Komáromig 1849. április 7–29 // Századok. 1999. 2. sz. 253–312. old.*

Паскевич, напомним, отослал отдельный вспомогательный отряд по железной дороге к Вене по настоятельной просьбе, даже мольбе австрийского правительства. Следует, однако, обратить внимание на очевидное противоречие. Во всех найденных нами русских официальных документах конечным пунктом назначения называется австрийская столица. В воспоминаниях, дневниках, письмах офицеров дивизии в качестве цели поездки также указывается Вена. Так, например, полковник Семякин писал жене, что он отправил с краковской станции первыми «три батальона Эриванского полка, они ночуют в Одерберге, что на границе Пруссии и Австрии, (...) завтра, садясь на другие вагоны, едут в Вену. (...) В Вене нас ждут с нетерпением»³¹. «Полагаю, что около двух часов пополудни отправлюсь далее в Вену или к Вене, где остановят», — информировал он жену 12 мая уже из Одерберга³². Квартирмейстер 18-го (Орловского) егерского полка поручик Владислав Томашевич, по происхождению поляк, писал в дневнике 10 мая об отправлении своего полка в Вену³³. «Все мы надеялись, что приедем прямо в Вену; поэтому очень изумились, когда, вследствие измененного плана военных действий, мы оставили железную дорогу близ моравского города Градиша», — вспоминал позднее Богуслав Лугинский, офицер 3-го батальона Брянского егерского полка³⁴.

Австрийцы всегда называли пунктом назначения вспомогательного отряда, отправленного по железной дороге, города в Моравии — Гединг или Унгарिश-Градиш. Например, 11 мая австрийский генерал-лейтенант Игнац Легедич, военный комендант Кракова, доносил военному министру, барону Францу Кордону: «Я не один раз сообщал генералу Панютину и начальнику Генерального штаба, что по распоряжению моего военного министерства русские войска доедут только до Гединга, (...) господа повторяли, что, по данным им приказаниям, они едут в Вену»³⁵.

Конечно, из Моравии можно было бы продолжать путь в случае нападения венгров на Вену. Но опасность миновала. Австрийское правительство не хотело, чтобы русские войска маршировали по улицам столицы. Австрийский союзник, убеждая русского генерала Берга в невозможности принятия российских войск в Вене, даже сообщил ему, что в столице нет свободных мест в казармах³⁶.

³¹ Семякин — жене, 28 IV (10 V) 1849, два часа после обеда, Краков // РГВИА. Ф. 172. Оп. 1 Д. 3. Л. 278.

³² Семякин — жене, 30 IV (12 V) 1849, утро, Одерберг // РГВИА. Ф. 172. Оп. 1 Д. 3. Л. 279–280.

³³ *Tomaszewicz W. Dziennik oficera rosyjskiego z kampanii węgierskiej 1849 roku / Oprac. T. Epszstein. Warszawa, 2010. S. 42, 44–45.*

³⁴ *Лугинский Б. Воспоминания о походе в Венгрию в 1849 году. Записки пехотинца // Москвитянин. 1855. № 8. С. 89.*

³⁵ Легедич — Кордону, 11 V 1849, 9 часов утром, Краков // ÖStA. Kriegsarchiv (далее — КА). Alte Feldakten (далее — АФА). Hauptarmee unter Welden. Kt. 1832. 1849–5–305.

³⁶ Берг — Паскевичу. 3 (15) V 1849, Вена // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18361. Л. 59–60.

В это время австрийцы рассчитывали на то, что в случае наступления венгерских сил на запад вспомогательный русский отряд мог бы угрожать венграм на их правом крыле со стороны Моравии. Однако, по настоятельной просьбе отчаявшихся австрийцев о быстрой помощи, Паскевич послал отряд прямо и непосредственно в Вену, на место, наиболее угрожаемое для нападения неприятеля. Русский генерал-фельдмаршал мыслил логически, к тому же только лишь важность предназначения отряда — намерение спасти древнюю австрийскую столицу — могла бы впоследствии доказать правильность решения, принятого без одобрения царя.

Приостановка продвижения дивизии Панютина взбесила Паскевича³⁷. Если бы он предвидел такой оборот дела, он не отправил бы дивизию без кавалерии и обоза, снабдив продовольствием только на несколько дней. Фельдмаршал излил свой гнев на Берга: «На меру сию я решился потому, что она была единая, какую я мог своевременно способствовать крайнему положению Австрии. Но посылая войска сии, я отстранял от них по возможности все опасности. (...) Вы же останавливаете их в Гединге, где они не столь безопасны, ибо Гединг почти в 80 верстах от главных сил австрийской армии. Причина, что там им легче доставить лошадей, маловажна.

Конечно Вашему высокопревосходительству против воли австрийских властей нельзя было привести отряд генерала Панютина к Вене и присоединить к армии генерала Вельдена, но жаль, что Вы не объяснили им, что лучше иметь сей отряд без запряженного обоза в самой Вене или при 40/т армии (т.е. при австрийской главной армии. — *И. Р.*), чем в Гединге», — писал он Бергу 13 мая³⁸.

Николай I опасался за судьбу дивизии, задержанной в Моравии. Паскевич послал царю копию своего предписания генералу Бергу от 13 мая. «Все это предвидел, и не удивляюсь этому, повторяю мое крайнее сожаление об посылке дивизии, которой потери опасюсь очень», — написал царь карандашом на этой копии³⁹.

Юный австрийский император Франц Иосиф приехал в Варшаву 21 мая. Решение о дальнейшем назначении дивизии Панютина было принято на варшавских переговорах двух императоров. Только после этого войска Панютина пешим порядком продолжили путь по направлению Венгрии,

³⁷ Согласно монографии И. Ореуса и биографическому исследованию Щербатова, Паскевич остановил дивизию в Моравии // См.: *Ореус И.* Описание Венгерской войны 1849 года с приложением 14-ти карт и планов. СПб., 1880. С. 109; *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. С. 70. Меньков правильно оценил намерения австрийского союзника // См.: [*Меньков П.К.*] Описание военных действий российских войск против венгерских мятежников в 1849-м году. СПб., 1851. С. 13-14.

³⁸ Паскевич — Бергу. 1 (13) V 1849, Варшава // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18354. Л. 129-132.

³⁹ Паскевич — Николаю I. 2 (14) V 1849, Варшава. Приложение к докладной записке Паскевича // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18354. Л. 126-128. Помета Николая I от 4 (16) V 1849, Динабург.

от венгерской границы под прикрытием частей австрийской кавалерии. На высшем уровне, между двумя императорами, не возникло напряженности, однако между главнокомандующими союзных армий во время всего похода нередко были недоразумения по разным вопросам, связанным с военными действиями. Со стороны как русских современников, так и военных историков главнокомандующий российских войск часто критиковался за его излишнюю осторожность и медлительность. Среди причин такого поведения, видимо, не последнее место занимали неприятные последствия направления к Вене дивизии Панютинна.

* * *

Первые железные дороги стали строиться в Европе в 1830-е годы, однако начало их применения в военных целях относится к более позднему периоду. Первые значительные военные перевозки произведены были как раз в 1848–1849 гг. Они доказали важность и значимость нового средства передвижения для военного командования. Первой такой перевозкой считается перемещение 13 батальонов, 18 эскадронов, 4 артиллерийских батарей и 4 понтонных парков в октябре 1848 г. в пределах Австрийской империи — из Моравии к мятежной Вене⁴⁰. Второй можно считать транспортировку дивизии Панютинна (16 батальонов и 4 артиллерийских батарей). Осуществленная при международном взаимодействии, в этом смысле она, как мы уже подчеркнули, может считаться первой⁴¹.

Необходимо добавить, что железнодорожная сеть помимо транспортировки дивизии способствовала установлению такой связи между Веной и Варшавой и настолько быстрому обмену информацией, которые до тех пор не были возможны. Понятно, что Николай I провел в Варшаве почти все лето 1849 г.

Какой была та железнодорожная сеть, по которой дивизия Панютинна была доставлена из Кракова до Унгариш-Градиша? Частное железнодорожное предприятие Соломона Майера фон Ротшильда, «Kaiser Ferdinands Nordbahn», построило линию, идущую на север, по направлению к Пруссии. Участок между Веной и австрийской пограничной станцией Одерберг был готов в мае 1847 г.⁴² В Прусской Силезии акционерная компания «Oberschlesische Eisenbahn Aktiengesellschaft» соорудила линию Бреслау – Козел – Мисловиц, которая была готова к 1846 г. Компания «Oberschlesische Wilhelmsbahn» под покровительством князя Вильгельма (будущего германского императора Вильгельма I) установила железнодорожную связь между Козелом и Одербергом. Строительство последнего короткого участка

⁴⁰ А. Хорн ничего не пишет о перевозке русской дивизии // См.: *Horn A. Die Kaiser Ferdinands-Nordbahn. Wien, 1971 S. 20 (Die Bahnen Österreich-Ungarns. 2).* Ср.: *Köster B. Militär und Eisenbahn. S. 127.*

⁴¹ *Köster B. Militär und Eisenbahn. S. 133-134.*

⁴² *Horn A. Die Kaiser Ferdinands-Nordbahn. S. 20.*

было завершено в сентябре 1848 г. Краковская боковая линия, ведущая до станции Мысловиц, была построена вышеупомянутой компанией «Ober-schlesische Eisenbahn». Первый поезд отправился из Кракова по этой линии в октябре 1847 г.⁴³

Следует также напомнить о второй железнодорожной линии в Российской империи — от Варшавы до австрийской границы. Ее последний участок был открыт в апреле 1848 г.⁴⁴ Массовая перевозка солдат здесь не производилась, однако роль ветки в венгерском походе была значительной. По ней возили продовольственные запасы, разного рода вооружение и боеприпасы, почту. В вагонах ездили курьеры, штабные офицеры, командиры разных частей, перевозили больных и т.д. 21 мая молодой австрийский император Франц Иосиф приехал по этой линии в Варшаву, чтобы обсудить детали вступления русской армии в пределы своей империи и, конечно, лично поблагодарить Николая I за военную поддержку. Царь с сыном, великим князем Константином и главнокомандующим, генерал-фельдмаршалом Паскевичем тоже поездом прибыл в Краков 14 июня.

* * *

В Кракове подготовка к перевозке дивизии Панютинина, при всей ее тщательности, затянулась. Первый поезд ушел из Кракова с опозданием на один день: не 9-го, как планировалось, а только 10 мая⁴⁵. При поспешной отправке солдаты имели в своих ранцах провиант только на четыре дня, и в вагоны было погружено на столько же дней фуража и провианта. Панютину выписали 20 тыс. руб. на случай, если австрийцы не смогут обеспечить офицерам достаточное довольствие. Сверх этого на каждый день поездки по железной дороге штабные офицеры получили один серебряный рубль, старшие офицеры пятьдесят серебряных копеек, а нижние чины десять серебряных копеек⁴⁶.

И в Пруссии, и в Моравии во время перевозки дивизии соблюдались строгие меры предосторожности: разъезды наблюдали за линиями желез-

⁴³ *Koziarski S.M. Sieć kolejowa Polski w latach 1842–1918. Opole, 1993. S. 11–15* (Польский автор тоже не упоминает перевозку русской военной части в 1849 г.).

⁴⁴ *Ibid. S. 95–100.*

⁴⁵ В русской литературе датой отправления дивизии называется 9 мая // См.: [Меньков П.К.] Описание. С. 13; *Ореус И.* Описание Венгерской войны 1849 года. С. 109. Робертс опирался на русскую литературу, поэтому и дата у него тоже приводится неправильная (*Roberts I.W. Nicholas I. P. 110*). Согласно Б. Кестеру и изученным нами документам, точной датой является 10 мая // См.: Военно-походный журнал дивизии. Введение // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5360; Легедич — Кордону, 11 V 1849, 9 часов утра, Краков // ÖstA. KA. AFA. Hauptarmee unter Welden. Kt. 1832. 1849–5–305; Семякин — жене, 28 IV (10 V) 1849, 2 часа после обеда, Краков // РГВИА. Ф. 172. Оп. 1. Д. 3. Л. 278; *Tomaszewicz W. Dziennik. S. 42.*

⁴⁶ *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. С. 66; *Затлер Ф.* Записки о продовольствии войск в военное время: в 4 т. СПб., 1860–1865. Т. 1. С. 163.

ных дорог, на станциях были поставлены караулы⁴⁷. Все пассажиры, приехавшие в Краков, были подвергнуты контролю; если вдруг обнаруживалось подозрительное лицо, его арестовывали⁴⁸.

«Во время переезда солдаты (...) размещены были в открытых вагонах, и как в этих вагонах скамьи расположены были параллельно, то солдаты казались построенными повзводно, что во время езды представляло несравненный вид», — вспоминал об этом путешествии офицер Лугинский⁴⁹.

Много народу собралось по обеим сторонам железной дороги: «Как в Пруссии, так особенно в Моравии стояли шпалерами толпы в живописных костюмах» и приветствовали русских криками «Виват Руссы!»», — вспоминал командир 6-й роты 18-го пехотного полка А. Алексеенко⁵⁰. «Часть австрийцев, большая, в восторге, а есть и лица, которым не нравится», — такую картину изобразил Семякин⁵¹.

Войска Панютина были перевезены в прусских и русских вагонах до Одерберга, там после отдыха они пересели в австрийские вагоны и отправились далее, до Унгариш-Градиша. «Курьеры, поезда по дороге идут неумолкаемо и непрерывно, так что трудно представить эту суетню и деятельность», — писал Семякин жене⁵². Как читаем в другом источнике, движение было бешеным, хаос огромным. Один нестроевой солдат из Брянского полка был задавлен насмерть⁵³. Наверное, он стал первой человеческой жертвой венгерского похода.

По расчетам военного историка М. Анненкова (хотя его данные не всегда правильны), перевозка по железной дороге была быстрее обыкновенного походного марша приблизительно в три раза⁵⁴. Но кроме выигрыша во времени такая перевозка имела и другое важное преимущество. Если при походе, в зависимости от обстоятельств — погоды, качества дорог, от болезней, состояния квартир и т.д., войска теряли 3–6 % своего личного состава, то перевозки по железной дороге сводили потери к нулю⁵⁵.

Передвижение всей дивизии совершено было в шесть дней. 16 мая австрийский полковник Майерн доносил из Острау военному министерству в

⁴⁷ Семякин — жене, 30 IV (12 V), утро, 1849, Одерберг // РГВИА. Ф. 172. Оп. 1 Д. 3. Л. 279–280; см. протокол № 61 заседания совета министров от 2 V 1849: Die Protokolle des österreichischen Ministerrates 1848–1867. Abteilung II. Das Ministerium Schwarzenberg. / Bearb. und engeleitet von T. Kletečka. Wien, 2002. Bd. 1. S. 270.

⁴⁸ *Tomaszewicz W. Dziennik. S. 43–44.*

⁴⁹ Лугинский Б. Воспоминания. С. 89.

⁵⁰ Алексеенко А. Воспоминания старого служака // Русский архив. 1890. № 10. С. 162.

⁵¹ Семякин — жене, 30 IV (12 V) 1849, утро, Одерберг // РГВИА. Ф. 172. Оп. 1 Д. 3. Л. 279–280.

⁵² Там же.

⁵³ Мокринский Г. История 113-го пехотного Старорусского полка 1796–1896 гг. СПб., 1900. С. 368.

⁵⁴ Анненков М. Военная служба железных дорог. С. 116.

⁵⁵ Там же.

Вену, что в период между 10 и 15 мая были перевезены из Кракова до Градиша 189 офицеров, 13 749 нижних чинов, т.е. 13 938 человек, 977 лошадей, 48 орудий, 167 зарядных ящиков и повозок, 88 голов рогатого скота⁵⁶.

15 мая, когда последние части дивизии сели на поезд, обоз был отправлен форсированным маршем через Галицию под прикрытием двух русских гусарских эскадронов и одной сотни казаков. 18 мая он добрался до станции австрийской железной дороги Острау в Моравии. Обозы были погружены в вагоны, а кавалерийские части вернулись к своим⁵⁷.

Передвижение русской дивизии было хорошо организовано. Как уже отмечалось, именно эта перевозка впервые доказала важность использования нового по тому времени средства транспорта для передвижения войск и возможность осуществления такой транспортировки при международном взаимодействии⁵⁸.

Но возникает и другой вопрос: достигли ли российское и австрийское командования своих целей этой поспешностью? Правда, что дивизия весьма скоро добралась до Унгариш-Градиша, однако там она была задержана на две недели и только потом продолжила путь в Венгрию пешим ходом с большими обходами. Время было, таким образом, потеряно. Дивизия так и не добралась до Вены, куда ее направил Паскевич. Ее скорое прибытие в Моравию не отвечало первоначальным намерениям австрийцев: не могли воспользоваться ею, поскольку русское командование на это пока не дало согласия. Однако несколько позднее, в ходе летнего похода против венгерской армии, дивизия Панютина, находясь под командованием австрийского главнокомандующего Гайнау, оказала войскам Вены значительную поддержку, сыграв важную роль в их победоносных сражениях. Несомненным можно считать успех этой перевозки как события из истории европейских железных дорог, их использования в военных целях.

*Перевод на русский язык автора,
под редакцией А.С. Стыкалина*

⁵⁶ Köster B. Militär und Eisenbahn. S. 137-138. Данные Анненкова о численности перевезенных войск неправильные. Например, он пишет о перевозке кавалерии, однако передвижение кавалерии не совершилось // См.: Анненков М. Военная служба железных дорог. С. 116. (Только артиллерийские лошади и лошади офицеров были перевезены.) Робертс цитирует неправильные данные Анненкова. Ср.: Roberts I.W. Nicholas I. P. 110. Анненков не указывает свои источники.

⁵⁷ Журнал военных действий 3-го пехотного корпуса, 3 (15) V 1849 // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5360; Мокринский Г. История. СПб., 1900. С. 127-128.

⁵⁸ Köster B. Militär und Eisenbahn. S. 139.

Приложение**Список
исторических географических названий**

Бартфельд — ныне Бардейов, Словакия (по-венгерски Бартфа)
Бреслау — ныне Вроцлав, Польша
Вилагош — ныне Шириа, Румыния
Гединг — ныне Годонин, Чешская Республика
Динабург — ныне Даугавпилс, Латвия
Йорданов — ныне Йорданув, Польша
Кашау — ныне Кошице, Словакия (по-венгерски Кашша)
Леопольдштадт — ныне Леопольдов, Словакия (по-венгерски Липотвар)
Мисловиц — ныне Мысловице, Польша
Одерберг — ныне Богумин, Чешская Республика
Острау — ныне Острава, Чешская Республика
Пресбург — ныне Братислава, Словакия (по-венгерски Пожонь)
Ратыбор — ныне Рацибуж, Польша
Серед — ныне Середь, Словакия
Тарнов — ныне Тарнув, Польша
Тырнау — ныне Трнава, Словакия (по-венгерски Надьсомбат)
Унгариш-Брод — ныне Угерски Брод, Чешская Республика
Унгариш-Градиш — ныне Угерске Градиште, Чешская Республика

Литература

1. *Andics E.* A Habsburgok és Romanovok szövetsége. Az 1849. évi magyarországi cári intervenció diplomáciai előtörténete. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1961.
2. Die Protokolle des österreichischen Ministerrates 1848–1867. Abteilung II. Das Ministerium Schwarzenberg / Hrsg. von T. Kletečka. Bd. 1. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002.
3. Hadaink vonulnak. K.R. Szemjakin orosz ezredes magyarországi levelei 1849-ből / Az iratokat gyűjtötte, fordította, a bevezető tanulmányt és a jegyzeteket írta I. Rosonczy. Budapest: Argumentum Kiadó, 2014.
4. *Hermann R.* Egy «végzetes» döntés születése. Magyar haditervek Gödöllőtől Komáromig 1849. április 7–29 // Századok. 1999. 2. sz. 253–312. old.
5. *Horn A.* Die Kaiser Ferdinands-Nordbahn. Wien: Bohmann Vlg., 1971 (Die Bahnen Österreich-Ungarns. 2).
6. *Koziarski S.M.* Sieć kolejowa Polski w latach 1842–1918. Opole: Państwowy Instytut Nauk, Instytut Śląski, 1993.
7. *Köster B.* Militär und Eisenbahn in der Habsburgermonarchie 1825–1859. München: De Gruyter, 1999.

8. Roberts I.W. *Nicholas I and the Russian Intervention in Hungary*. London: Palgrave Macmillan, 1991.
9. Rosonczy I. *Orosz fegyverekkel Ferenc Józsefért. Tanulmányok I. Miklós 1849-es magyarországi beavatkozásáról*. Budapest: Magyar Napló Kiadó, 2016.
10. Tomaszewicz W. *Dziennik oficera rosyjskiego z kampanii węgierskiej 1849 roku / Oprac. T. Epsztajn*. Warszawa: Cursor, 2010.

References

1. Andics, E., 1961. *A Habsburgok és Romanovok szövetsége. Az 1849. évi magyarországi cári intervenció diplomáciai előtörténete*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
2. Hermann, R., 1999. Egy «végzetes» döntés születése. Magyar haditervek Gödöllőtől Komáromig 1849. április 7–29. In: *Századok*. 133 (1999) 2. 253–312. old.
3. Horn, A., 1971. *Die Kaiser Ferdinands-Nordbahn*. Wien: Bohmann Vlg. (Die Bahnen Österreich-Ungarns. 2).
4. Kletečka, T., ed., 2002. *Die Protokolle des österreichischen Ministerrates 1848–1867. Abteilung II. Das Ministerium Schwarzenberg*. Bd. 1. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
5. Koziański, S.M., 1993. *Sieć kolejowa Polski w latach 1842–1918*. Opole: Państwowy Instytut Nauk, Instytut Śląski.
6. Köster, B., 1999. *Militär und Eisenbahn in der Habsburgermonarchie 1825–1859*. München: De Gruyter (Militär-geschichtliche Studien. 37).
7. Roberts, I.W., 1991. *Nicholas I and the Russian Intervention in Hungary*. London: Palgrave Macmillan.
8. Rosonczy, I., 2016. *Orosz fegyverekkel Ferenc Józsefért. Tanulmányok I. Miklós 1849-es magyarországi beavatkozásáról*. Budapest: Magyar Napló Kiadó.
9. Rosonczy, I., ed. 2014. *Hadaink vonulnak. K. R. Szemjakin orosz ezredes magyarországi levelei 1849-ből*. Budapest: Argumentum Kiadó.
10. Tomaszewicz, W., 2010. *Dziennik oficera rosyjskiego z kampanii węgierskiej 1849 roku*. Warszawa: Cursor.

ВСКОРЕ ПОСЛЕ БРЕСТСКОГО МИРА: БЕЛОРУСОВЕДЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ И УЧЕБНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В МОСКВЕ И ПЕТРОГРАДЕ

**Юрий Андреевич
Лабынцев –**

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук.
Ленинский проспект, 32А, Москва,
Россия, 119991.
slaviabel@yandex.ru

**Лариса Леонидовна
Щавинская –**

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук.
Ленинский проспект, 32А, Москва,
Россия, 119991.
slaviabel@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается история создания и деятельности в Москве и Петрограде ряда белорусоведческих научных и учебных организаций, сформированных в 1918 г. сотрудниками Белорусского национального комиссариата с помощью видных российских ученых, в числе которых оказались известные во всем мире академики и профессора. Наиболее заметными среди этих столичных белорусоведческих организаций были Белорусский народный университет, Белорусское научно-культурное общество, Белорусское вольно-экономическое общество, ставшие практическими провозвестниками и начальными вехами на пути будущего образования Белорусского государственного университета и Белорусской академии наук в Минске.

Ключевые слова

Белнацком Наркомнаца РСФСР, Белорусский народный университет, Белорусское научно-культурное общество, Белорусское вольно-экономическое общество, Ф.Ф. Турук, Е.С. Канцер.

AFTER THE TREATY OF BREST-LITOVSK: BELARUSIAN SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ORGANIZATIONS IN MOSCOW AND PETROGRAD

Jurij A. Labyntsev –

Doctor of Sciences,
Lead Researcher, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
slaviabel@yandex.ru

Larisa L. Shchavinskaja –

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
slaviabel@yandex.ru

Abstract

The article deals with the history of creation and activities of Belarusian scientific and educational organizations in Moscow and Petrograd. These organisations were established in 1918 by the staff of the Belarusian National Commissariat with the help of prominent Russian scientists and scholars, among whom were world-famous academics and professors. The most notable of these Belarusian organizations in the Soviet capital

were the Belarusian People's University, the Belarusian Scientific and Cultural Society, and the Belarusian Free Economic Society. They became the heralds and first milestones on the way to founding of the Belarusian State University and the Belarusian Academy of Sciences in Minsk.

Keywords

Belarusian national Commissariat of the People's Commissariat for Nationalities of the RSFSR, Belarusian People's University, Belarusian Scientific and Cultural Society, Belarusian Free Economic society, Fedor Turuk, Evgenij Kancher.

В момент тяжелейших военно-политических испытаний конца 1917 — начала 1918 гг., ознаменованных подписанием 3 марта 1918 г. трагического Брестского мира, подтверждавшего фактическое поражение Советской России и выход ее из Первой мировой войны, Совет Народных комиссаров (СНК) принимает решение о создании особого учреждения, призванного помочь в разрешении «белорусского вопроса». 31 января 1918 г. выходит декрет СНК РСФСР, провозглашающий: «При Народном комиссариате по делам национальностей организуется комиссариат по делам белорусов»¹. Последний в качестве отдела при Наркомнаце РСФСР стал именоваться Белорусским национальным комиссариатом или сокращенно Белнацкомом. С начала своего образования он имел два основных центра: петроградский и, с марта 1918 г., московский.

В качестве основных задач деятельности Белнацкома, «задач огромной важности», ставились две: «агитационно-организационная работа» и «культурно-просветительная, которые, взаимно дополняя друг друга, должны привести к национальному возрождению края на основах социалистического строительства его, в тесном единении с Российской Советской Республикой». При этом, «в связи с ликвидацией войны» в условиях «проведения в жизнь Брестского договора» при Белнацкоме образовывалась «Особая Комиссия» «по разработке вопросов, касающихся Белоруссии»². Примечательно, что инициатива учреждения Белнацкома принадлежала самим белорусам: «левому течению... Петроградской Белорусской Социалистической Громады и Петроградской Белорусской Социал-Демократической партии...», которые в общем собрании 7 января 1918 года постановили избрать делегацию для переговоров по сему предмету с Центральным Правительством». Переговоры «привели к положительным результатам, и Комиссариат был учрежден...»³.

Несмотря на необычайную важность Белнацкома в исторической судьбе Белоруссии, монографических исследований о нем по сей день не существует, если не считать почти 200-страничную машинопись кандидатской

¹ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 460.

² План предстоящей деятельности Комиссариата // Дзянніца. 1918. № 13. С. 3.

³ О деятельности Белорусского Национального Комиссариата (Из доклада Комиссару по национальным делам) // Дзянніца. 1918. № 11. С. 1.

диссертации В.В. Скалабана, защищенной в 1987 г. и по разным причинам автором так и не опубликованной⁴. В Национальном архиве Республики Беларусь в Минске хранится особый фонд 4, включающий более 130 дел, содержащих различные документы Белнацкома. Одно из первых дел фонда включает различные материалы «по вопросу осуществления Брестского мирного договора»⁵. Роль весьма ценного и притом достаточно полного и всестороннего архива, отображающего различные стороны работы Белнацкома, принадлежит его газете «Дзянніца» («Заря»), публиковавшей в 1918–1919 гг. большое количество всевозможных материалов как внутреннего характера, так и вообще относящихся к белорусской проблематике, в том числе даже различные документы Белорусской Народной Республики⁶, с руководством которой у деятелей Белнацкома были особо негативные отношения. Основная причина этого крылась в том, что, как писал прямой свидетель событий тех лет будущий академик В.М. Игнатовский: «Белнацком считает необходимым выявить национальный белорусский вопрос, создать основу для Белорусской Советской Республики и, таким способом, выбить почву из-под ног Рады Белорусской Народной Республики и взять белорусский вопрос в руки Компартии»⁷.

Катастрофическая нехватка национальных кадров в образовательной сфере при весьма слабом и даже поверхностном изучении истории и культуры белорусского народа, полное отсутствие учебной литературы по этим предметам, необходимость реализации основных задач, поставленных перед Белнацкомом, способствовали выработке сотрудниками его культурно-просветительного отдела во главе с Ф.Ф. Туруком идеи об организации в Москве Белорусского народного университета (БНУ) с привлечением ведущих российских ученых⁸. Сама идея выкристаллизовывалась постепенно, но уже в апреле 1918 г. она обрела вполне конкретные черты, связанные с ориентацией на будущее «культурно-экономическое строительство» и «жесткую политическую борьбу... во всех захваченных немцами областях», каковые составляла почти вся территория современной Белору-

⁴ Скалабан В.В. Белорусский национальный комиссариат (январь 1918 — март 1919 г.). Дис... канд. ист. наук. Минск: Институт истории АН Беларуси, 1987.

⁵ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 4.

⁶ См., напр.: Устаўная Грамата да народаў Беларусі. Другая Устаўная Грамата. Пастаўна Народнага Сэкрэтарыяту Беларускай Народнай Рэспублікі з 27. III. 1918. № 134. Краткі отчет Рады Бѣлорусскай Народной Республ. Рада Бѣлорусскай Народной Рэспублікі. Сессія II-я, Засяданне 5-е. 12 апреля 1918 года [и другие] // Дзянніца. 1918. № 10. С. 2–4.

⁷ *Игнатоўскі́й Ў. Вялікі Кастрычнік на Беларусі* (X, 1917 — II/VII, 1920) // Беларусь: Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху. Менск, 1924. С. 204.

⁸ *Лабынцев Ю.А. Московские кадры белорусизации: деятельность Белорусского народного университета в столице РСФСР (1918 г.)* // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVII Международной научной конференции, Иваново, 28–29 марта 2018 г. / А.А. Корников (отв. ред.). Иваново: Ивановский государственный университет, 2018. С. 300–304.

сии вместе с Минском. Такой подход, в случае его успешной реализации, считали деятели Белнацкома, «будет иметь влияние на всю последующую историю Белоруссии», и во всем этом важнейшем процессе «наиболее подходящими» действующими «лицами являются народные учителя, которые в прошлом неоднократно выказывали свою революционную деятельность, стоя ближе всякого другого интеллигента к трудовому классу, выйдя сами из недр его»⁹. Для этих-то учителей, «кто хотел бы работать с народом и для народа, быть его руководителем, но кто сознает себя не совсем подготовленным в техническом, специальном и политическом отношениях», Белнацком планирует организовать «во время летних каникул этого года» специальные курсы в Москве и Петрограде, на которых, «кроме лекций специального педагогического характера, предполагается возможно полное освещение с современной точки зрения общественно-политических вопросов, устройство лекций и рефератов по экономическим вопросам, истории, белорусоведению, изучению способов агитации и т.д.»¹⁰.

Турук последовательно проводит идею своего отдела об организации таких специальных курсов, которые в конце концов обретают форму Белорусского народного университета, и 10 июня 1918 г. в Белнацкоме принимают решение «организовать и устроить в Москве Белорусский народный университет, первой деятельностью которого явится устройство 2-месячных курсов, на которых будет прочитан ряд систематических цикловых и эпизодических лекций по вопросам: 1) белорусоведения, 2) общественно-политическим и экономическим, 3) педагогическим и 4) естественно-научным»¹¹. Для чтения лекций удалось найти ряд выдающихся специалистов, преимущественно москвичей. Слушателями курсов могли стать: «1) Учителя и учительницы народной и средней школы Белоруссии. 2) Представители от отделов народного образования при Советах Р.[рабочих] и К.[крестьянских] Депутатов Белоруссии. 3) Члены белорусских культурно-просветительных организаций, а также все лица, интересующиеся белорусской народностью и культурой»¹². Из-за некоторых технических сложностей открытие БНУ и начало работы курсов передвинулось с 1 на 11 июля. Со вступительным словом к слушателям обратился Турук, «указавший на неотложность разрешения Белорусского вопроса, который в настоящее время стоит во всей остроте и имеет важное значение не только для самой Белоруссии, но и для всей России». Общий план работы БНУ Турук непосредственно связал с перспективой разрешения белорусского вопроса: «О важности этого вопроса свидетельствует тот интерес,

⁹ *І. Р. К учителям беларусам // Дзяніца. 1918. № 8. С. 3.*

¹⁰ Там же.

¹¹ НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 77. Л. 62.

¹² Культурно-просветительный Отдел Белорусского Народного Комиссариата // Дзяніца. 1918. № 16. С. 1.

который пробуждается по отношению к Белоруссии... Русская пресса также живо интересуется современным положением и состоянием Белоруссии... Существуют среди белорусов три ориентировки: западная ориентация, центром коей является Вильна, где уклоняются в сторону унии с Польшей или с Литвой; восточная — федерирование с Россией и ориентация “Незалежности” Белоруссии (Минская)... Большим препятствием к всестороннему изучению края является отсутствие научной работы и научной Белорусской школы... Поэтому самое видное и почетное место среди всех циклов лекций университета занимает Белоруссоведение» (так в тексте. — *Ю. Л., Л. Щ.*)¹³.

Известный историк, сыгравший огромную роль в создании БНУ, профессор, будущий академик В.И. Пичета (1878–1947) своей первой лекцией по истории Белоруссии по сути открыл его работу, проходившую в здании Педагогического института им. П.Г. Шелапутина. В частности, он сказал, что «из-за отсутствия научного центра и не разработана история Белоруссии, и Белоруссоведение станет наукой только тогда, когда Белоруссия будет иметь свой университет... Изучение истории и быта края приведет к возрождению его. Возрождение же состоит в национальном самоопределении на фоне общечеловеческой культуры и единства»¹⁴.

Сохранившиеся документы позволяют дать достаточно подробную характеристику прочитанным на курсах лекциям, многие из которых были позднее опубликованы и составили своего рода первую научно-популярную энциклопедию по белорусоведению, которой, судя по сохранившимся экземплярам, еще многие годы спустя пользовались¹⁵. Она служила даже учебным пособием для студентов Белорусского государственного университета в Минске, по крайней мере в первые годы его существования.

Пожалуй, самой известной фигурой среди лекторов БНУ был академик Д.А. Анучин, подготовивший необычайно актуальный на тот момент материал «К вопросу о белорусской территории», в котором он, в частности, указывал: «Белоруссия имеет основания претендовать на автономию, на политическо-национальную самостоятельность, и притом в ближайшем общении с наиболее родственной ей народностью, великорусскою. Это может быть доказываемо ее историей, этнографией, всеми особенностями ее населения, его языка и быта. Белорусское население давно уже выделилось и в собственном сознании, и в представлении соседних с ним народностей в особый народ»¹⁶. Одновременно Анучин весьма категорично высказался и по поводу животрепещущей в то время проблемы — о границе между Белоруссией и Украиной, претендовавшей на огромные территории севера Западного и Восточного Полесья, что стало возможным в результате под-

¹³ *И. П. Открытие в Москве Белорусского Народного Университета // Дзянніца. 1918. № 20. С. 3.*

¹⁴ Там же.

¹⁵ Курс Белоруссоведения. М., 1918–1920.

¹⁶ *Анучин Д. К вопросу о белорусской территории // Курс Белоруссоведения. С. 89.*

писания делегацией Украинской Центральной Рады отдельного Брестского мирного договора в феврале 1918 г. По мнению Анучина, «...Припять является естественной границей, и притязание Украины захватить себе полосу земли вдоль северного берега этой реки с проходящей по ней железной дорогой не имеет никаких оснований, кроме стремления к большей экономической выгоде. Далее, к востоку Украина желает выпрямить свою северную границу насчет белорусских уездов Мозырского, Речицкого и Гомельского с их уездными городами и проходящей по ним железной дорогой через Новозыбков к Брянску»¹⁷.

Лекции Пичеты «История белорусского народа» были самыми продолжительными (более 20 часов). Всего на курсах в качестве лекторов выступило 16 профессоров, приват-доцентов и ассистентов. Число записавшихся слушателей составляло 109 человек, из которых постоянно посещало лекции около 60¹⁸. Все лекции читались на русском языке и только один из руководителей Белнацкома и редактор его печатного органа газеты «Дзянніца», известный белорусский писатель Д.Ф. Жилунович (псевдоним Тишка Гартный) сделал свой обзор «Беларуская літэратура» на белорусском. Обзор этот — характернейший пример тогдашнего становления белорусского литературного языка, изобиловавшего, в частности, иноязычными вкраплениями — в тексте Жилуновича, например, русизмами «гасударствяннасьць», «пабядзіцель»¹⁹ и т.д.²⁰. При этом историю белорусской литературы лектор начинал только с середины — второй половины XIX в., совершенно умалчивая, что она уже имела к тому времени огромный, почти тысячелетний потенциал.

Лекции приват-доцента П.А. Расторгуева о белорусском языке, в отличие от обзора Жилуновича, читались на русском. По итоговым материалам, опубликованным в «Курсе Белоруссоведения», видно, насколько тщательно и с учетом возможного уровня слушателей готовил их автор²¹. Перед нами — прекрасный, объемный, хорошо структурированный языковой учебный курс, настоящий компендиум своего времени по белорусскому языку. Расторгуеву удалось дать общую «характеристику современного состояния белорусского языка», а также проследить «в самых основных чертах историю его развития». При этом, констатировал Расторгуев, нельзя сказать, что «белорусский литературный язык в настоящее время окончательно сложился», «обработка его еще не закончена», в нем наблюдается «обилие... полонизмов и диалектических черт».

¹⁷ Анучин Д. К вопросу о белорусской территории. С. 99.

¹⁸ НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 81. Л. 265-267.

¹⁹ «Государственность», «победитель».

²⁰ Жылуновіч З. Беларуская літэратура (Нарысы і агляды) // Курс белоруссоведения. С. 258-293.

²¹ Расторгуев П. Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии // Курс Белоруссоведения. С. 185-257.

Примерно через год после окончания работы организованных при БНУ курсов едва ли не главный вдохновитель всей этой деятельности Турук подвел такие ее итоги: «Систематический цикл лекций по курсу Белоруссоведения, проведенный летом 1918 года в Москве в Белорусском Народном Университете, имел целью, с одной стороны, ... осветить белорусский вопрос, поднятый мировой войной и углубленный великой русской революцией, а с другой, дать учителю школы Белоруссии сборник таких сведений, которые необходимы ему в деле коренного переустройства школы на новых трудовых, подлинно народных началах... Вполне естественно и целесообразно, кажется, поэтому, было попытаться путем создания в Москве Белорусского Народного Университета и организации при нем в первую очередь курсов Белоруссоведения, по возможности, шире и глубже, цельнее и полнее осветить белорусский вопрос, дать слушателю в научно-популярной форме сумму таких знаний... , которые помогли бы ему ориентироваться в современном национально-социально революционном движении белоруссов»²². БНУ в Москве стал своеобразным прообразом Белорусского государственного университета в Минске, к организации которого в той или иной степени оказались причастны многие создатели и преподаватели курсов при БНУ, включая профессора Пичету, ставшего первым ректором минского вуза, а также самого Турука, его профессора с 1921 г.

Турук оказался и одним из главных инициаторов создания Белорусского научно-культурного общества (БНКО), организованного в Москве в июне 1918 г., практически одновременно с началом работы московского БНУ²³. «Понимая всю важность белорусского вопроса в современных условиях иноземного порабощения Белоруссии, — характеризовал деятельность БНКО Турук, — в Москве в июне месяце сего 1918 года возникло Белорусское Научно-Культурное Общество. Оно ставит своей главной целью, чтобы “сонце навуки скрозь хмары цемныя праглянула ясна” над белорусским движением и ярко осветило белорусский “чырвоны шлях”, ведущий народ в царство братства и свободы... Идея создания Общества встретила полное и всеобщее сочувствие среди научных и художественных сил Москвы. В числе почетных членов Общества считаются: проф. Карский Е.Ф., Любавский М.К., Жукович П.Н., Довнар-Запольский М.В., Лаппо И.И. и Сапунов А.П., членами-учредителями: проф. Пичета В.И., Ясинский А.Н., Янчук Н.А., Коновалов Д.Г., артист Качалов В.И. и др.»²⁴.

²² Курс Белоруссоведения. С. I–II.

²³ *Шавинская Л.Л.* От Белорусского научно-культурного общества в Москве к республиканской Академии наук (1918–1919 гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVII Международной научной конференции, Иваново, 28–29 марта 2018 г. / А.А. Корников (отв. ред.). Иваново: Ивановский государственный университет, 2018. С. 380–383.

²⁴ *Турук Ф.* Вместо предисловия // *Любавский М.К.* Основные моменты истории Белоруссии. М., 1918.

Заседания БНКО проходили в помещениях БНУ, располагавшихся в здании Педагогического института им. П.Г. Шелапутина в Хамовниках. На первом публичном заседании БНКО 1 (14) июля 1918 г. с обширным докладом «Основные моменты истории Белоруссии» выступил известный ученый, многолетний ректор Московского университета профессор М.К. Любавский, который в заключение сказал: «Белорусское Научно-Культурное Общество, народившееся в тяжелый момент, переживаемый русским народом во всех его ветвях, поставившее своей задачей организацию просвещения Белоруссии, совершенно правильно поняло свой долг перед родиной...»²⁵. Открыли заседание, на котором присутствовало более 100 человек, приветствия профессора В.И. Пичеты (председатель БНКО), А.И. Цвикевича (представителя «Московской Белорусской Народной Громады»), О.Л. Дыло (представителя «Московской Белорусской Социалистической Громады») и представителя руководства Белнацкома Д.Ф. Жилуновича, отметившего что «Общество... принесет пользу и выполнит свои задачи, если сумеет отдать свои знания, свой труд народу, вскормившему каждого из членов его»²⁶. Следует специально подчеркнуть, что в заседании тогда приняли участие всего лишь «более ста человек», а не как не «более 1000», как о том ошибочно напечатано в «Энциклопедии истории Беларуси»²⁷, а затем повторено рядом исследователей²⁸. Подобного количества интересующихся белорусской проблематикой в таких аспектах в тогдашней Москве просто не было, да и вместить столько людей ни одно из зданий бывшего Педагогического института просто не могло.

Одним из самых активных деятелей БНКО являлся известный этнограф, филолог и культуролог Н.А. Янчук, хотя и не читавший своих лекций в БНУ, как об этом до сих пор пишут некоторые белорусские исследователи²⁹, тем не менее подготовивший для публикации в «Курсе Белоруссоведения» «Этнографический очерк Белоруссии»³⁰. В нем он, в частности, высказался по широкому кругу вопросов, связанных с тогдашней современной белорусской жизнью, закончив словами о роли новых культурных движений, «постепенно развивающихся в Белоруссии с ростом народного образования и национального самосознания». В то же время пока само название «Белоруссия», по мнению Янчука, о общем-то чуждо простому народу, «местные уроженцы обыкновенно именуют себя по принадлежности к той или иной

²⁵ Любавский М.К. Основные моменты истории Белоруссии. С. 22.

²⁶ И. П. Белорусское Научное Общество в Москве // Дзяніца. 1918. № 24. С. 2.

²⁷ Скалабан В.У. Беларускае навукова-культурнае таварыства // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 1: А — Беліца. Мінск, 1993. С. 356.

²⁸ См., напр.: Баранова Е.В., Яновский О.А. В.И. Пичета: белорусское обрамление исторического портрета (к 130-летию со дня рождения) // Российские и славянские исследования. Минск, 2008. Вып. 3. С. 219-220.

²⁹ См., напр.: Бандарчык В.К. Беларусь: Гісторыя этналагічнага вывучэння. Мінск, 1999. С. 139, 260-261.

³⁰ Янчук Н. Этнографический очерк Белоруссии // Курс Белоруссоведения. С. 152-184.

губернии края; лишь в последнее время, с появлением в более широких кругах национального самосознания, названия “белорус” и “Белоруссия” начинают прививаться от интеллигентного класса и в народе». Имевший огромный опыт в создании и редактировании журнала «Этнографическое обозрение», а также многочисленные научные связи и доступ к различным богатейшим исследовательским материалам Янчук намеревался выпустить в свет ряд значительных книжных изданий, отчасти входивших и в общие планы культурно-просветительного отдела Белнацкома³¹. Согласно документации БНКО, планировалось, например, издать ряд «отдельных книг и брошюр». Намечалась также публикация «нескольких монографических работ по истории Белоруссии под редакцией проф. Пичеты», о чем в конце 1918 г. с большим оптимизмом оповещал читателей О.Л. Дыло, писавший под псевдонимом Н. Б-і, ставший одним из творцов провозглашенной вскоре, 1 января 1919 г., БССР³².

К сожалению, отсутствие соответствующих условий не способствовало осуществлению всех этих решений³³. Многие из задуманного не удалось реализовать по чисто техническим и финансовым причинам, а также из-за изменения политической обстановки. Тем не менее, БНКО в Москве по сути явилось своеобразной первой вехой на пути создания будущей Белорусской академии наук, непосредственно сформированной на основе возникшего в 1921 — начале 1922 гг. в Минске Института белорусской культуры (Инбелкульту).

После переезда в марте 1918 г. Белнацкома из Петрограда в Москву в прежней столице было оставлено его отделение, сотрудники которого также вынашивали планы создания у себя в городе различных белорусоведческих научных и учебных организаций. Особой активностью при этом отличался агроном и сельскохозяйственный экономист по профессии, называвший себя «социологом» и «естествоведом» Е.С. Канчер, первоначально заведовавший в петроградском отделении Белнацкома агитационно-пропагандистским и издательским подотделом. Прочитавший летом 1918 г. в БНУ в Москве специальную лекцию «История национального и революционного движения в Белоруссии», он был одним из участников и одновременно исследователей этого процесса, материалы о котором тщательно собирал и даже ставил задачу «издать автобиографический словарь» белорусских деятелей. Подобную публикацию Канчер предлагал осуществить «по примеру словаря проф. Венгерова, но с той разницей, что в словарь включить автобиографию и разбор деятельности и трудов не только писателей, но и политических и общественных деятелей» Белоруссии. «Это предприятие, — сообщал Канчер, — мною задумано 10 лет тому назад, и в моем распоряжении уже имеется несколько автобиографий и биографий.

³¹ НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 95. Л. 65–66.

³² Н. Б-і. Беларуская жыцце у Маскве // Дзянніца. 1918. № 42. С. 3.

³³ НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 80. Л. 49–50.

Великая эпоха возрождения Белоруссии и Великая Российская Революция выдвинула целый ряд новых деятелей»³⁴. В 1918–1919 гг., при поддержке Белнацкома, Канчеру удается напечатать в Москве ряд своих работ отдельными брошюрами, а также издать сборник статей «Белорусский вопрос», который вышел в издательстве Петроградского отделения Белнацкома³⁵. Впрочем, в отличие от московских белнацкомовцев, петроградские оказались куда менее успешными практиками. Из реально действующих и притом относительно заметных белорусоведческих организаций в городе оказалось лишь Белорусское вольно-экономическое общество, работа которого ограничилась в основном рядом заседаний. Самое значительное из них, «первое публичное», состоялось 13 октября 1918 г. в помещении Белорусской гимназии в одной из квартир в доме 68 по Невскому проспекту в присутствии «28 человек, принадлежащих по большей части к числу учредителей Общества». Со вступительным словом к собравшимся обратился Канчер, подчеркнувший, что «возникновение Вольно-Экономического Общества в Петрограде совпадает по времени с учреждением в Москве Культурно-Научного Белорусского общества и открытием Белорусского университета, этой первой ласточки в изучении Края»³⁶. Петроградское Общество так и не реализовало себя, хотя в его составе числились и такие известные белорусоведы-гуманитарии как историк П.Н. Жукович и этнограф А.К. Сержпутовский. Не исключено, что эта неудача в определенной степени сказалась и на всех дальнейших занятиях Канчера, связанных с «белорусским вопросом». В начале 1920-х годов он почти полностью отходит от них и только в середине 1930-х годов вдруг открывает в себе дар мемуариста, пишет достаточно объемные воспоминания «Из истории Гражданской войны в Белоруссии в 1917–1920 гг.»³⁷, которые сейчас стали как предметом увлечения, так и весьма критичных его оценок в белорусском научном сообществе.

В целом же, деятельность Белнацкома по созданию белорусоведческих учреждений была успешной, а БНУ в Москве и его организаторы явились прямыми провозвестниками и непосредственными практическими воплощателями идеи формирования Белорусского государственного университета в Минске, к чему оказался деятельно причастен летописец первых лет его существования Турук³⁸, позднее так же, как и Канчер, отошедший от белорусской проблематики.

³⁴ Канчер Е. К Белорусским деятелям и деятелям из Белоруссии // Дзяніца. 1918. № 9. С. 3.

³⁵ Канчер Е.С. Белорусский вопрос. Пг., 1919.

³⁶ Первое публичное заседание Белорусского Вольно-Экономического Общества в Петрограде // Дзяніца. 1918. № 36. С. 3.

³⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 15а. Д. 1656.

³⁸ См. дело об организации Белорусского государственного университета в Минске в составе архива Белнацкома // НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 131.

Літэратура

1. *Бандарчык В.К.* Беларусы: Гісторыя этналагічнага вывучэння. Мінск: Беларуская навука, 1999.
2. *Баранова Е.В., Яновскі О.А.* В.И. Пичета: беларусскае абрамленне гістарычнага партрэта (к 130-летію со дня рождання) // *Российские и славянские исследования*. Мінск: БГУ, 2008. Вып. 3. С. 219–220.
3. *Ігнатоўскі У.* Вялікі Кастрычнік на Беларусі (X, 1917 — II/VII, 1920) // *Беларусь: Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху*. Менск: ЦВК БССР, 1924. С. 204.
4. *Канчер Е.* К Беларускім дзеячам і дзеячам з Беларусі // *Дзянніца*. 1918. № 9. С. 3.
5. *Канчер Е.С.* Беларускі востр. Петроград: Беларус. отд. Ком. по делам национальностей С.К.С.О., 1919.
6. Курс Беларусаведенія. М.: тип. А.П. Яроцкаго, 1918–1920.
7. *Лабынцев Ю.А.* Масквыя кадры беларусізацыі: дзейнасць Беларускага народнага ўніверсітэта ў сталіцы РСФСР (1918 г.) // *Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVII Международной научной конференции, Иваново, 28–29 марта 2018 г.* / А.А. Корніков (отв. ред.). Иваново: Ивановскі госуларственный университет, 2018. Ч. 2. С. 300–304.
8. *Любавскі М.К.* Основные моменты истории Белоруссии. М., 1918.
9. *Скалабан В.В.* Беларускі нацыянальны камісарыят (январь 1918 — март 1919 г.). Дис... канд. ист. наук. Мінск: Інстытут гісторыі АН Беларусі, 1987.
10. *Скалабан В.У.* Беларускае навукова-культурнае таварыства // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*. У 6 т. Т. 1. Мінск: «Беларуская энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1993. С. 356.
11. *Щавінская Л.Л.* От Беларускага навучна-культурнага абшчства ў Маскве к республіканскай Акадэміі наук (1918–1919 гг.) // *Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVII Международной научной конференции, Иваново, 28–29 марта 2018 г.* / А.А. Корніков (отв. ред.). Иваново: Ивановскі госуларственный университет, 2018. С. 380–383.

References

1. *Bandarčyk, V.K.*, 1999. *Bielarusy: Historyja etnalahičnaha vyučennia* [Belarusians: history of ethnological study]. Minsk: Bielaruskaja navuka.
2. *Baranova, E.V., Janovskii, O.A.*, 2008. V.I. Picheta: belorusskoe obramlenie istoričeskogo portreta (k 130-letiiu so dnia rozhdeniia) [V.I. Picheta: Belarusian edging of the historical portrait (to the 130th anniversary of the birth)]. *Rossiiskie i slavianskie issledovaniia* [Russian and Slavic Studies]. Minsk: BSU, Vyp. 3, pp. 219–220.
3. *Ihnatoŭskij Ū.*, 1924. *Vialiki Kastryčnik na Bielarusi (X, 1917 — II/VII, 1920)* [The Great October revolution in Belarus]. Bielarus: Narysy historyi, ekanomiki, kulturnaha i revaliucyjnaha ruchu. Minsk: CEK BSSR, p. 204.

4. Kancher, E., 1928. *K Belorusskim deiateliam i deiateliam iz Belorussii* [To Belarusian figures and to figures from Belarus]. *Dziannitsa*, № 9, p. 3.
5. Kancher, E.S., 1919. *Belorusskii vopros* [Belarusian question]. Petrograd: Belarus. otd. Kom. po delam natsional'nostei S.K.S.O.
6. *Kurs Belorussovedeniia* [Course of Belarusian Studies]. Moscow: tip. A.P. Jarotskogo, 1918–1920.
7. Labyntsev, Ju.A., 2018. Moskovskie kadry belorusizatsii: deiatel'nost' Belorusskogo narodnogo universiteta v stolitse RSFSR (1918 g.) [Moscow cadres of belorusization: activity in the capital of the RSFSR (1918)]. In: Kornikov, A.A., ed. 2018. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Ivanovo, 28–29 marta 2018 g.* [State, Society, Church in the history of Russia, 20th — 21st centuries]. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 300–304.
8. Liubavskii, M.K., 1918. *Osnovnye momenty istorii Belorussii* [Highlights of the history of Belarus]. Moscow: Tip. A.P. Jarotskogo.
9. Shchavinskaja, L.L., 2018. Ot Belorusskogo nauchno-kul'turnogo obshchestva v Moskve k respublikanskoi Akademii nauk (1918–1919 g.) [From the Belarusian scientific-cultural society in Moscow to the republican Academy of sciences (1918–1919)]. In: Kornikov, A.A., ed. 2018. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Ivanovo, 28–29 marta 2018 g.* [State, Society, Church in the history of Russia, 20th — 21st centuries]. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 380–383.
10. Skalaban, V.U., 1993. *Bielaruskaje navukova-kul'turnaje tavarystva* [Belarusian scientific-cultural society]. Minsk: “Bielaruskaja encyklopedyja” imia Pietrusia Broŭki.
11. Skalaban, V.V., 1987. *Belorusskii natsional'nyi komissariat (janvar' 1918 — mart 1919 g.)* [Belarusian national Commissariat (January 1918 — March 1919)]. Dis... kand. ist. nauk. Minsk: Institut istorii AN Belarusi.

**ЖЕНЩИНЫ
В ИСТОРИИ НЕЗАВИСИМОЙ СЕРБИИ (1878–1918 ГГ.)
В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ СЕРБСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.
ОБЗОР**

Юлия Владимировна Лобачева –

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук,
Ленинский проспект, 32А, Москва,
Россия, 119991.
Lobachevaj@gmail.com

Аннотация

Главная цель данной статьи — рассмотреть, как на современном этапе, с начала 1990-х годов по 2017 г., сербские историки подходят к изучению женщин в истории Сербии и сербского общества в 1878–1918 гг. В статье представлен обзор некоторых основных направлений исследований, рассматривающих «бытие и быт» сербских женщин, а именно: историография по истории «женского вопроса» и, в частности, женского движения и/или феминизма; биографические работы; изучение статуса женщин в связи проблемами модернизации Сербии в XIX–XX вв.; «женская проблематика» в рамках гендерных исследований и в контексте работ по истории повседневности, частной жизни и семьи, изучение вопроса о восприятии сербской женщины сторонними наблюдателями («другими»).

Ключевые слова

Сербия, сербская женщина, гендер, история женщин, «женский вопрос», феминизм, историография.

**THE CONTEMPORARY
SERBIAN HISTORIOGRAPHY ON WOMEN
IN THE INDEPENDENT SERBIAN STATE (1878–1918):
AN OVERVIEW**

Yulia V. Lobacheva –

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Leninsky Prospect, 32A, Moscow, Russia, 119991.
Lobachevaj@gmail.com

Abstract

This article aims to consider how Serbian scholars/historians approach to the study of Serbian women in the history of the independent Serbian state and the Serbian society in 1878–1918 at the current stage of the research (from the beginning of 1990th until 2017). This paper will give an overview of some of the main areas of historical studies considering Serbian women's "being and life". For example the historiography on history of "women's question" including women's movement and/or feminism will be

considered as well as biographical research, the study of women's position through the lens of the modernization process in Serbia in the 19th and 20th Century, Serbian women's issues in gender studies and through the history of everyday and private life and family, the analysis of the perception of Serbian woman by outside observers including the study of the image of Serbian woman created/constructed by "others".

Keywords

Serbia, Serbian woman, gender, women's history, "women's question", feminism, historiography.

Отправной точкой для написания данной статьи послужило наше выступление на круглом столе «Тенденции современных национальных историографий стран Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы», состоявшемся в Институте славяноведения в мае 2018 г. При подготовке доклада наша цель заключалась в том, чтобы прояснить, как на современном этапе исследований — с начала 1990-х годов по 2017 г. — сербские историки подходят к изучению женщин в истории Сербии и сербского общества в 1878–1918 гг., и в связи с какими проблемами, вопросами и сюжетами сербской истории они рассматривают «бытие и быт» сербских женщин (в том числе, их место и роль в семье, доме, обществе и государстве, представления о самих себе, идеи, деятельность, след в сербской истории и т.д.). Статья же продолжает это исследование.

Заметим, что в истории Сербского государства период независимости с 1878 г. (с 1878 г. — независимое княжество, с 1882 г. — королевство) по 1918 г. интересен для исследователей с различных точек зрения. Например, в плане изучения реакции традиционного сербского общества на попытки его модернизации или исследования возникших в конце 1860-х — начале 1870-х годов среди сербов Воеводины, а позже и в Сербии, и очень постепенно развивавшихся некоторых движений в пользу эмансипации сербских женщин или, говоря иначе, обретения ими равных с мужчинами прав.

При ознакомлении с сербской историографией обнаружилось, что имеется довольно большой массив разноплановых работ, так или иначе освещающих «женскую проблематику» (то есть «бытие и быт» сербских женщин). С начала 1990-х годов, вслед за политическими и социальными переменами в Югославии, история сербского общества и «женская проблематика» как ее часть обретают новое звучание — как в плане изменения подходов к изучению уже известных сюжетов (например, истории «женского вопроса» и феминизма в Сербии*), так и в плане появления и развития совершенно новых

* Под исследованием истории «женского вопроса» в Сербии понимается изучение возникновения вопроса об эмансипации сербских женщин (то есть об их освобождении и обретении ими равных с мужчинами прав); а также исследование подходов к решению этого вопроса (обсуждение, деятельность по освобождению, появление феминизма и т.д.), которые имели место среди сербов Воеводины, являвшейся до 1918 г. частью Австро-Венгрии, и в собственно Сербии (в границах от Берлинского конгресса 1878 г. до Балканских войн 1912–1913 гг.).

ракурсов и аспектов в ее исследовании. В связи с этим свою главную задачу в данной статье мы видим в том, чтобы сделать общий обзор некоторых крупных направлений исследований в современной сербской историографии, рассматривающих «бытие и быт» сербских женщин в 1878–1918 гг.

О каких направлениях идет речь? Прежде всего, продолжается изучение истории «женского вопроса» и, в частности, женского движения и/или феминизма в Сербии¹, но уже с новых позиций. Появляются также работы биографического характера о выдающихся женщинах того времени. Названные исследования существенно дополняются статьями о статусе женщин в связи проблемами модернизации Сербии в XIX–XX вв., которые были поставлены в начале 1990-х годов и до сих пор актуальны. Кроме того, примерно в середине 1990-х годов среди сербских ученых возникает интерес к изучению истории детства и к гендерным исследованиям — в том числе и истории женщин. Значительное внимание стало также уделяться изучению истории частной жизни, истории повседневности и в новом ракурсе — истории семьи. В рамках этих исследований рассматриваются жизнь и судьбы сербских женщин в городе и на селе. Наконец, в научной среде обретает популярность обращение к «женской проблематике» с имагологических позиций и исследуется образ сербской женщины, создаваемый «другим» или «другими».

Сначала остановимся на изучении сюжетов о женщинах в рамках новых направлений, поскольку их достижения в определенной степени отразились и на подходах к уже исследовавшемуся «женскому вопросу» и изучению биографий известных женщин Сербии.

Первым хронологически и по масштабу стало исследование проблем модернизации Сербии, инициированное в начале 1990-х годов сотрудниками кафедры истории Философского факультета Белградского университета. Оно было поддержано и продолжено и в других научных учреждениях Сербии. В 1994 г. Институтом новейшей истории Сербии, при участии ученых из других научных учреждений, была проведена конференция под названием «Сербия в модернизационных процессах XX в.», к которой был подготовлен и опубликован сборник статей [под редакцией сотрудников института — Латинки Перович (научный советник), Марии Обрадович, Дубравки Стоянович]. В нем процессы модернизации сербского общества рассматриваются с разных сторон (среди 37 авторов — специалисты по истории, праву, социологии, политологии, экономике, философии и этнологии)². Имеется и одна статья, посвященная непосредственно женщинам, —

¹ Литература о «женском вопросе», вышедшая до 1990-х годов, приведена, к примеру, в книге сербской исследовательницы, юриста Неды Божинович «Женский вопрос в Сербии в XIX и XX вв.» (*Božinović N. Žensko pitanje u Srbiji u XIX i XX veku*. Beograd: “Devetdesetčetvrta” i “Žene u crnom”, 1996. S. 266–269).

² *Srbija u modernizacijskim procesima XX. veka: (naučni skup) = Serbia in the Modernization Processes of the 20th Century: (conference) / [ured. odb. L. Perović, M. Obradović, D. Stojanović]. Beograd: ČIP Štampa, 1994. S. 11.*

«Процессы модернизации и положение женщин в Сербии в течение XIX и первой половины XX вв.», в которой ее автор, Бранка Прпа-Йованович, рассмотрела семейное и правовое положение женщин, а также вопрос об их образовании³. Последний вопрос затрагивается и в статье Любинки Трговчевич «Образование как фактор модернизации Сербии в XIX в. (Аналитическая картина)»⁴. Добавим, что тема обучения женщин в интересующий нас период так или иначе раскрывается и в ряде отдельных серьезных трудов по истории образования в Сербии⁵.

Обсуждение проблем модернизации происходило и на страницах периодических изданий — «Токови историје» («Течения истории») и «Годишњак за друштвену историју» («Ежегодник общественной истории») ⁶, которые к тому же до сих пор печатают статьи по вопросам истории женщин и о женщинах в истории Сербии и Югославии⁷.

В 1998 г. была проведена вторая конференция по проблемам модернизации, и вышли ее материалы «Сербия в модернизационных процессах XIX и XX в. 2. Положение женщины как критерий модернизации» (под редакцией Л. Перович)⁸. Как явствует уже из названия, именно положение женщины или женщин в XIX и XX вв. стало главным объектом исследования ученых (47 авторов, специалисты из разных областей научного знания). Изучение статуса женщин, по замыслу, должно было позволить глубже понять и жизнь сербского общества в целом. Авторы рассматривают положение женщин в таких сферах, как: законодательство, образование, государственные и общественные институты — двор, церковь, армия, государственные

³ *Prpa-Jovanović B. Procesi modernizacije i položaj žene u Srbiji tokom XIX i prve polovine XX vijeka // Srbija u modernizacijskim procesima XX. veka: (naučni skup) = Serbia in the Modernization Processes of the 20th Century: (conference) / [ured. odb. L. Perović, M. Obradović, D. Stojanović]. Beograd: ČIP Štampa, 1994. S. 361-366.*

⁴ *Trgovčević L. Obrazovanje kao činilac modernizacije Srbije u XIX veku (Analitička slika) // Srbija u modernizacijskim procesima XX. veka: (naučni skup) = Serbia in the Modernization Processes of the 20th Century: (conference) / [ured. odb. L. Perović, M. Obradović, D. Stojanović]. Beograd: ČIP Štampa, 1994. S. 217-232.*

⁵ См., напр.: *Образовање код Срба кроз векова / одг. ур. Р. Петковић, П.В. Крстић, Т. Живковић. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2003; Буровић А. Модернизација образовања у Краљевини Србији: 1905–1914. Београд: Чигоја штампа, 2004; Илић А.В. Уџбеници и национално васпитање у Србији: (1878–1918). Београд: Досије студио, 2010 и многе др.*

⁶ См., напр., статьи в следующих номерах: *Tokovi istorije. Časopis Instituta za noviju istoriju Srbije. Beograd, 1995. № 1-2/1994; Годишњак за друштвену историју. Београд, 2002. Год. IX. Св. 1-3.*

⁷ См., напр., статьи в следующих номерах: *Tokovi istorije. Beograd, 2004. № 3-4/2003; № 3/2006; № 3/2012; Годишњак за друштвену историју. Београд, 1996. Год. III. Св. 1-2; 1997. Год. IV. Св. 1; 1998. Год. V. Св. 1-3; 1999. Год. VI. Св. 1, 3; 2001. Год. VIII. Св. 3; 2002. Год. IX. Св. 1-3 и др.*

⁸ *Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2. Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup = Serbia in the Modernization Processes of the 19th and 20th Century. 2. Women's position as the Measure of Modernization: conference / Gl. i odg. ur. L. Perović. Beograd: Čigoja štampa, 1998.*

женские учреждения; село — город; профессиональные права и профессиональные организации и др. Вызвали интерес ученых также такие вопросы, как взгляд женщин на «женский вопрос», деятельность выдающихся активисток (Милицы Томич и Маги Магазинович) и методологические вопросы (женщины в истории и история женщин: вопрос метода).

Из ряда статей этого сборника по нашей проблематике хотелось бы выделить работы нескольких авторов: Л. Трговчевич «О студентках из Сербии в иностранных университетах»⁹ [в ходе своих дальнейших исследований о женщинах она вскоре опубликует мемуары сербской королевы Наталии Обренович (1859–1941), сопроводив их подробной вводной биографической статьей¹⁰]; Аны Столич (ныне ведущего научного сотрудника Исторического института в Белграде) «Двор в Белграде (1880–1903 гг.) между традиционным и современным»¹¹, которая продолжит заниматься «женской проблематикой» и станет одной из авторитетных ее исследовательниц; Л. Перович «Современность и патриархальность сквозь призму государственных женских институтов: “Высшая женская школа” (1863–1913)»¹², которая еще будет обращаться к проблемам женщин в истории, равно как и Д. Стоянович, написавшая для этого сборника статью «Женщины “как их представляет наш народ”. Судьбы женщин, профессиональных специалистов, в Сербии 1903–1912»¹³. Назовем здесь также статью Н. Божинович «Женщины в модернизационных процессах в Югославии и Сербии», а о книге этого автора о «женском вопросе» в Сербии мы скажем ниже¹⁴.

Тема четвертого сборника по модернизации, опубликованного в 2006 г., — «Женщины и дети»¹⁵. Обратим внимание на статью Д. Стоянович «В тени “большого нарратива”: состояние здоровья женщин и детей в Сербии в начале XX в.»¹⁶ и добавим, что эта исследовательница продолжит изучение сюжетов о сербских женщинах и в своей монографии «За кулисами: очерки социальной истории Сербии 1890–1914»¹⁷. Следует подчеркнуть, что книги из серии трудов о модернизации вызвали большой интерес и отклик научной общественности не только в самой Сербии, но и за рубежом.

⁹ Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. S. 83–100.

¹⁰ Обреновић Н. Моје успомене / Краљица Наталија Обреновић; прир. Љ. Трговчевић. Београд, Нови Сад: Будућност, 1999. Также см., напр.: Писма краљице Наталије Обреновић / прир. И. Хаџи Поповић. Београд: Народно позориште, 1996.

¹¹ Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. S. 101–112.

¹² Ibid. S. 141–161. Об этом также см. в кн.: Perović L. Između anarhije i autokratije: srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI). Beograd: Zagorac, 2006. S. 280–304.

¹³ Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. S. 239–251.

¹⁴ Ibid. S. 505–533.

¹⁵ Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka. 4. Žene i deca / [autori L. Perović ... at al.]. Beograd: Zagorac, 2006.

¹⁶ Ibid. S. 160–175.

¹⁷ Stojanović D. Iza zavese: ogledi iz društvene istorije Srbije 1890–1914. Beograd: Čigoja štampa, 2013.

В середине 1990-х годов в сербской научной среде появляется интерес к изучению истории детства и к гендерным исследованиям. В связи с нашими изысканиями обратим внимание на два сборника статей, вышедших под редакцией Мирослава Йовановича и Слободана Наумовича. В 2001 г. был опубликован первый из них — «Детство в Юго-Восточной Европе: взросление в XIX и XX в. в исторической перспективе»¹⁸. Отметим в нем статью А. Столич «От детства к женственности: идеологическая основа воспитания девочек в Сербии в конце XIX в.»¹⁹. В 2002 г. увидел свет второй сборник — «Гендерные отношения в Юго-Восточной Европе: женственность и мужественность в XIX и XX в. в исторической перспективе»²⁰, где имеется другая статья А. Столич — «Профессия или хобби: социальная идентичность женщин-учительниц в Сербии XIX в.»²¹.

В 2000-х годах продолжилось изучение истории частной жизни и семьи. Отметим, в частности, монографии Александры Вулетич (научного сотрудника Исторического института в Белграде) — «Семья в Сербии в середине XIX в.» (2003) и «Брак в Княжестве Сербия» (2008)²². В 2006 г. была опубликована книга Божицы Младенович (в то время сотрудницы Исторического института в Белграде) «Семья в Сербии в Первую мировую войну», посвященная исследованию сербской семьи и изменений, происходивших с ней (в частности, в ее структуре и организации) в этот период²³.

Кроме того, в 2006 г. вышел объемный коллективный труд — около 1000 страниц — «Частная жизнь у сербов в девятнадцатом веке: с конца восемнадцатого века до начала Первой мировой войны» под редакцией А. Столич и Ненада Макулевича²⁴. В нем по нашей теме можно выделить главы:

¹⁸ *Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing Up in the 19th and 20th Century* / S. Naumović, M. Jovanović (eds.). Beograd: Čigoja štampa, 2001.

¹⁹ *Stolić A. From Childhood to Womanhood: The Ideological Basis of the Upbringing of Female Children in Serbia at the End of the 19th Century* // *Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing Up in the 19th and 20th Century* / S. Naumović, M. Jovanović (eds.). Beograd: Čigoja štampa, 2001. P. 97-109.

²⁰ *Gender Relations in South Eastern Europe: Historical Perspectives on Womanhood and Manhood in 19th and 20th Century* / M. Jovanović, S. Naumović (eds.). Beograd: Čigoja štampa, 2002.

²¹ *Stolić A. Vocation or Hobby: Social identity of Female Teachers in the Nineteenth Century Serbia* // *Gender Relations in South Eastern Europe: Historical Perspectives on Womanhood and Manhood in 19th and 20th Century* / M. Jovanović, S. Naumović (eds.). Beograd: Čigoja štampa, 2002. P. 55-90. Также см.: *Столич А. Друштвени идентитет учитељица у Србији 19. века* // *Годишњак за друштвену историју*. Београд, 2001. Год. VIII. Св. 3. С. 205-232.

²² *Вулетич А. Породица у Србији средином 19. века*. Београд: Службени гласник, 2003; *она же*. *Брак у Кнежевини Србији*. Београд: Завод за уџбенике, 2008. Также см., напр.: *Вулетич А., Мијаиловић Ј. Између посела и балова. Живот у Србији у 19. веку*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2005.

²³ *Младеновић Б. Породица у Србији у Првом светском рату*. Београд: Чигоја штампа, 2006. Также см., напр.: *она же*. *Србија у Великом рату*. Београд: Завод за уџбенике, 2008.

²⁴ *Приватни живот код Срба у деветнаестом веку: од краја осамнаестог века до почетка Првог светског рата* / прир. А. Столич, Н. Макуљевић. Београд: Clío, 2006.

«Гендерные отношения в “царстве поделенных сфер”» (автор — А. Столич)²⁵ и «Власть мужчин, покорность женщин — между идеологией и практикой», подготовленную А. Вулетиц²⁶. В 2007 г. под редакцией Милана Ристовича опубликован такой же объемный том «Частная жизнь у сербов в двадцатом веке»²⁷, где для нас, в частности, интересна подготовленная Б. Младенович глава о жизни сербского общества в годы Первой мировой войны²⁸. В 2011 г. увидела свет коллективная монография «История частной жизни сербов: от средних веков до современности»²⁹ (автор главы «От традиции к современности: 1878–1990», в которой рассматриваются различные аспекты социальной истории независимой Сербии, — Милан Ристович)³⁰.

Примером изучения восприятия сербской женщины (и/или сербских женщин) извне и создания ее (и/или их) образа или образов «другими» является статья Милены Рокаи³¹, в которой образ сербок исследуется через обращение к травелогам английских путешественниц, посетивших Сербию в XIX — начале XX вв., — Мери Эдит Дерам, Джорджины Мюриэл Мак-Кензи, Паулины Аделины Ирби, Мери Монтэгю и др. Работа эта интересна в плане применения методов гендерной истории и имагологии для изучения образа балканской и, в данном случае, сербской женщины.

Далее — об исследованиях по истории «женского вопроса» и феминизма в Сербии. В 1996 г. было опубликовано первое, до сих пор единственное и при этом весьма востребованное и часто цитируемое обобщающее исследование на эту тему — монография Н. Божинович «Женский вопрос в Сербии в XIX и XX в.»³². В ней в хронологическом порядке автор освещает широкий круг вопросов, раскрывающих различные аспекты темы. В их числе — положение сербских женщин в Сербии и Воеводине в XIX в., состояние образования, движение за национальное освобождение в Воеводине в 1860-х годах и возникновение вопроса об освобождении и равноправии женщин, женские сербские и международные организации, первые социалистки в Сербии, женская пресса и т.д. Эти вопросы последовательно и тщательно исследуются на основе многочисленных источников и литературы.

²⁵ Приватни живот код Срба у деветнаестом веку: од краја осамнаестог века до почетка Првог светског рата. С. 89–111.

²⁶ Там же. С. 112–132.

²⁷ Приватни живот код Срба у двадесетом веку / прир. М. Ристовић. Београд: Clío, 2007.

²⁸ Там же. С. 771–795.

²⁹ Историја приватног живота у Срба: од средњег века до модерног доба / М. Поповић, М. Тимотијевић, М. Ристовић. Београд: Clío, 2011.

³⁰ Там же. С. 391–616.

³¹ *Rokai M.* Through Feminine Lens: Victorian and Edwardian Women Constructing the Image of Serbian Woman in Their Travel Accounts // Београдски историјски гласник = Belgrade Historical Review / гл. ур. С. Мишић. Vol. VI (2015). Београд: Службени гласник, 2015. С. 169–191.

³² *Božinović N.* Žensko pitanje u Srbiji u XIX i XX veku.

В 2000 г. выходит статья Л. Перович, в названии которой уже обозначен новый ракурс изучения, — «Как женщина видит себя во время постановки “женского вопроса” в сербском обществе»³³. В начале статьи автор делает интересное замечание относительно историографии по женской проблематике, а именно: «Женщину обычно изучают как объект: рассмотрены ее положение в семье, в обществе, ее образование, социальные и политические права. Очень слабо исследовано то, как она сама себя видит и в какой мере это ее видение влияет на ее самоосвобождение, а тем самым на ее общественное положение»³⁴. Обозначая свою цель как изучение «“женского вопроса” как части истории общества», Л. Перович предлагает придерживаться хронологического принципа и рассматривает начало процесса эмансипации сербских женщин в 1860-х годах, а также прослеживает судьбу первых женщин в движении за эмансипацию (Милицы Стоядинович Српкини и Драги Деджанович).

Новый подход в изучении феминизма продемонстрирован в работах А. Столич. В 2015 г. вышли две ее работы — второе издание монографии «Сестры-сербки: возникновение движения за эмансипацию женщин и феминизма в Королевстве Сербия»³⁵ и глава под названием «Феминизм» в коллективном труде «Сербы 1903–1914: история идей»³⁶. В монографии рассматриваются основные факторы, повлиявшие на содержание феминистских идей и характеристики движения за эмансипацию женщин в Сербии до Первой мировой войны. Автор, опираясь на предшествующие исследования по данной проблематике, а также современную феминистскую историографию, выделяет общие с европейским и особые черты феминизма в Сербии. Добавим, что интерес А. Столич к «женской проблематике» не ограничивается отмеченными темами — в 2000 г. выходит первое³⁷ и в 2009 г. — второе издание ее книги в жанре биографии о сербской королеве Драге Обренович (1866–1903)³⁸.

Отметим также, что в рамках изучения женского движения ведется работа и по изданию документов. Так, в 2015 г. увидело свет второе издание воспоминаний Делфы Иванич (1881–1972), видного общественного деятеля и борца за права женщин, одной из основательниц женской культурно-просветительной и патриотической организации «Коло српских сестра» («Круг сербских сестер»)»³⁹. Подготовила воспоминания к изданию,

³³ Perović L. Kako žena vidi sebe u vreme otvaranja “ženskog pitanja” u srpskom društvu // Tokovi istorije. Beograd, 2000. № 1-2/2000. S. 9-18.

³⁴ Ibid. S. 9.

³⁵ Столић А. Сестре Српкиње: појава покрета за еманципацију жена и феминизма у Краљевини Србији. Београд: Evoluta, 2015.

³⁶ Столић А. Феминизам // Срби 1903–1914: историја идеја / прир. М. Ковић. Београд: Клио, 2015. С. 299–316.

³⁷ Столић А. Краљица Драга. Београд: Спринт, 2000.

³⁸ Столић А. Краљица Драга Обреновић. Београд: Завод за уџбенике, 2009.

³⁹ Делфа Иванић: заборављене успомене / Ј.В. Милановић. Београд: Еволута, 2015.

сопроводив их подробной биографией автора, Ясмينا Миланович, специалист по истории женских организаций и истории медицины в Сербии в конце XIX–первой половине XX вв.⁴⁰

Разумеется, в одном, ограниченном небольшом объеме обзоре трудно даже в целом охватить весь диапазон исследований, так или иначе освещающих «быт и бытие» женщин в независимой Сербии. К примеру, из нашего поля зрения практически выпали предметно сфокусированные тематические исследования, в рамках которых также рассматриваются сюжеты о сербских женщинах. К упомянутым выше трудам по истории образования можно добавить, в частности, работы по проблемам источниковедения⁴¹, по истории сербского села и крестьянства⁴², государства и политике управления⁴³.

⁴⁰ Милановић Ј.В. Делфа Иванић — заборављене успомене // Делфа Иванић: заборављене успомене. С. 5-84.

⁴¹ Так, в 1999 г. увидел свет сборник статей «Перо и история. Сербское общество в воспоминаниях», в который вошли статьи: А. Столич «Женщины в сербской мемуаристике XIX в. Вопросы континуитета, общественной модели, образования и приема на работу» (С. 9-18) и А. Вулетич «Семейные связи общественных деятелей Сербии во второй половине XIX в. в мемуарах» (С. 163-172) (Перо и повест: српско друштво у сећањима: зборник радова / ур. одб. А. Вулетић, Р. Љушић, Р.Ј. Поповић. Београд: Чигоја штампа, 1999). В 2001 г. вышел еще один сборник в серии источниковедческих исследований — «Письмо», где обращают на себя внимание статьи Л. Перович «Интимный мир ученого и государственного деятеля — сквозь семейную переписку Стояна Новаковича» (С. 155-166) и А. Столич «Взгляд на эмоциональный мир отдельного человека в переписке второй половины 19 в.» (С. 177-186) (Pismo: zbornik radova / ur. R. Lušić. Beograd: JP PTT saobraćaja "Srbija", 2001).

⁴² Из недавних работ о сербской деревне и крестьянстве назовем тематический сборник работ, изданный Историческим институтом в Белграде в 2017 г., — «Село на Балканах. Постоянные и переменные в истории», (Село Балкана: континуитети и промене кроз историју / ур. С. Рудић, С. Балдовић-Шијаковић; ур. изд. Н.В. Радосављевић, С. Томић. Београд: Донат граф, 2017). В нем опубликованы статьи уже известных нам исследовательниц — А. Вулетич о «Вдовах, вдовцах (вдовствующих лицах) и структурной динамике семейных домашних хозяйств в сербском крестьянском обществе 19 в.» (С. 139-155) и А. Столич «Горожанки и крестьянки: позиции представительниц движения за эмансипацию женщин о женщинах на селе в начале 20 века» (С. 179-190).

⁴³ В 2017 г. тот же Исторический институт выпустил сборник статей «Государство и политика управления (XVIII-XX вв.)», в котором опубликованы две работы по женской проблематике (Држава и политике управљања: (18-20. век) / одг. ур. С. Рудић, ур. изд. П.В. Крестић. Београд: Donat graf, 2017). Одна из них — статья А. Столич «Государство и Белградское женское общество: (ре)продукция гендерных ролей и общественных позиций женщин как часть стратегии управления (1875-1914)», освещающая отношения государства и Белградского женского общества, самой крупной женской гуманитарной организации в Королевстве Сербия до Первой мировой войны (С. 149-174). Вторая — статья Ирены Чирович, название которой указывает и на предмет исследования — «Между модой и нацией: национальный костюм и репрезентация княгинь и королев Сербии XIX в.» (С. 279-291). Также на эту тему см., напр., исследование Мирьяны Прошич-Дворнич «Гардероб в Белграде в XIX и начале XX в.», посвященное социокультурной истории Сербии и Белграда (в частности, истории костюма и моды) (Prošić-Dvornić M. Odevanje u Beogradu u XIX i početkom XX veka. Beograd: Stubovi kulture, 2006).

Подводя итоги, отметим, что современные сербские ученые подходят к исследованию женщины или женщин в истории сербского общества и государства в 1878–1918 гг. с различных ракурсов. Сюжеты о женщинах рассматриваются в контексте крупных событий, явлений или процессов культуры и истории (например, модернизации) или в качестве самостоятельного предмета исследования (к примеру, истории феминизма). Женщину воспринимают, понимают и изучают как объект и субъект в истории; нередко как часть некоей более крупной общности или целого [семьи, группы (возрастной, социальной, профессиональной и/или гендерной и др.), социума, этноса, государства и др.], а также и персонально (через историю жизни и/или деятельности видных представительниц времени). И это, несомненно, свидетельствует о многогранности и сложности самого феномена «сербская женщина», о которой еще далеко не все сказано.

Литература

1. *Вулетих А.* Брак у Кнежевине Србији. Београд: Завод за уџбенике, 2008.
2. *Вулетих А.* Породица у Србији средином 19. века. Београд: Службени гласник, 2003.
3. *Вулетих А., Миџиловић Ј.* Између посела и балова. Живот у Србији у 19. веку. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2005.
4. Годишњак за друштвену историју. Београд.
5. Делфа Иванић: заборављене успомене / Ј.В. Милановић. Београд: Еволута, 2015.
6. Држава и политике управљања: (18–20. век) / ур. изд. П.В. Крестић, одг. ур. С. Рудић. Београд: Историјски институт, 2017 (Београд: Donat graf).
7. *Ђурович А.* Модернизација образовања у Краљевини Србији: 1905–1914. Београд: Чигоја штампа, 2004.
8. *Илић А.В.* Уџбеници и национално васпитање у Србији: (1878–1918). Београд: Досије студио, 2010.
9. Историја приватног живота у Срба: од средњег века до модерног доба / М. Поповић, М. Тимотијевић, М. Ристовић. Београд: Слио, 2011.
10. *Милановић Ј.* Делфа Иванић — заборављене успомене // Делфа Иванић: заборављене успомене / Ј.В. Милановић. Београд: Еволута, 2015. С. 5–84.
11. *Младеновић Б.* Породица у Србији у Првом светском рату. Београд: Чигоја штампа, 2006.
12. *Младеновић Б.* Србија у Великом рату. Београд: Завод за уџбенике, 2008.
13. Образовање код Срба кроз векова / одг. ур. Р. Петковић, П.В. Крестић, Т. Живковић. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2003.
14. *Обреновић Н.* Моје успомене / Краљица Наталија Обреновић; прир. Љ. Трговчевић. Београд, Нови сад: Будућност, 1999.
15. Перо и повест: српско друштво у сећањима: зборник радова / ур. одб. А. Вулетих, Р. Љушић, Р.Ј. Поповић. Београд: Чигоја штампа, 1999.
16. Писма краљице Наталије Обреновић / прир. И. Хаџи Поповић. Београд: Народно позориште, 1996.

17. Приватни живот код Срба у двадесетом веку / прир. М. Ристовић. Београд: Слио, 2007.
18. Приватни живот код Срба у деветнаестом веку: од краја осамнаестог века до почетка Првог светског рата / прир. А. Столић, Н. Макуљевић. Београд: Слио, 2006.
19. Село Балкана: континуитети и промене кроз историју / ур. С. Рудић, С. Талдовић-Шијаковић; ур. изд. Н.В. Радосављевић, С. Томић. Београд: Донат граф, 2017.
20. Столић А. Краљица Драга Обреновић. Београд: Завод за уџбенике, 2009.
21. Столић А. Краљица Драга. Београд: Спринт, 2000.
22. Столић А. Сестре Српкиње: појава покрета за еманципацију жена и феминизма у Краљевини Србији. Београд: Evoluta, 2015.
23. Столић А. Феминизам // Срби 1903–1914: историја идеја / прир. М. Ковић. Београд: Клио, 2015. С. 299–316.
24. Столић А. Друштвени идентитет учитељица у Србији 19. века // Годишњак за друштвену историју. Београд, 2001. Год. VIII, Св. 3. С. 205–232.
25. Božinović N. Žensko pitanje u Srbiji u XIX i XX veku. Beograd: “Devetdesetčetvrti” i “Žene u crnom”, 1996.
26. Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing Up in the 19th and 20th Century / S. Naumović, M. Jovanović (eds.). Beograd: Čigoja štampa, 2001.
27. Gender Relations in South Eastern Europe: Historical Perspectives on Womanhood and Manhood in 19th and 20th Century / M. Jovanović, S. Naumović (eds.). Beograd: Čigoja štampa, 2002.
28. Perović L. Između anarhije i autokratije: srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI). Beograd: Zagorac, 2006.
29. Perović L. Kako žena vidi sebe u vreme otvaranja “ženskog pitanja” u srpskom društvu // Tokovi istorije. Beograd, 2000. № 1–2/2000. С. 9–18.
30. Pismo: zbornik radova / ur. R. Ljušić. Beograd: JP PTT saobraćaja “Srbija”, 2001.
31. Prošić-Dvornić M. Odevanje u Beogradu u XIX i početkom XX veka. Beograd: Stubovi kulture, 2006.
32. Prpa-Jovanović B. Prosesi modernizacije i položaj žene u Srbiji tokom XIX i prve polovine XX vijeka // Srbija u modernizacijskim procesima XX. Veka: (naučni skup) = Serbia in the Modernization Processes of the 20th Century: (conference) / [ured. odb. L. Perović, M. Obradović, D. Stojanović]. Beograd: ČIP štampa, 1994. С. 361–366.
33. Rokai M. Through Feminine Lens: Victorian and Edwardian Women Constructing the Image of Serbian Woman in Their Travel Accounts // Београдски историјски гласник = Belgrade Historical Review / гл. ур. С. Мишић. Vol. VI (2015). Београд: Службени гласник, 2015. С. 169–191.
34. Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2, Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup = Serbia in the Modernization Processes of the 19th and 20th Century. 2, Women’s position as the Measure of Modernization: conference / Gl. i odg. ur. L. Perović. Beograd: Čigoja štampa, 1998.
35. Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka. 4, Žene i deca / [autori L. Perović ... at al.]. Beograd: Zagorac, 2006.

36. Srbija u modernizacijskim procesima XX. veka: (naučni skup) = Serbia in the Modernization Processes of the 20th Century: (conference) / [uređ. odb. L. Perović, M. Obradović, D. Stojanović]. Beograd: ČIP Štampa, 1994.
37. *Stojanović D.* Iza zavese: ogledi iz društvene istorije Srbije 1890–1914. Beograd: Čigoja štampa, 2013.
38. *Stolić A.* From Childhood to Womanhood: The Ideological Basis of the Upbringing of Female Children in Serbia at the End of the 19th Century // Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing Up in the 19th and 20th Century / S. Naumović, M. Jovanović (eds.). Beograd: Čigoja štampa, 2001. P. 97–109.
39. *Stolić A.* Vocation or Hobby: Social identity of Female Teachers in the Nineteenth Century Serbia // Gender Relations in South Eastern Europe: Historical Perspectives on Womanhood and Manhood in 19th and 20th Century / M. Jovanović, S. Naumović (eds.). Beograd: Čigoja štampa, 2002. P. 55–90.
40. Tokovi istorije. Časopis Instituta za noviju istoriju Srbije. Beograd.
41. *Trgovčević L.* Obrazovanje kao činilac modernizacije Srbije u XIX veku (Analićka slika) // Srbija u modernizacijskim procesima XX. veka / [uređ. odb. L. Perović, M. Obradović, D. Stojanović]. Beograd: ČIP Štampa, 1994. P. 217–232.

References

1. Božinović, N., 1996. *Žensko pitanje u Srbiji u XIX i XX veku*. Beograd: “Devetdesetčetvrti” i “Žene u crnom”.
2. Đurović, A., 2004. *Modernizacija obrazovanja u Kraljevini Srbiji: 1905–1914* [Modernization of Education in the Kingdom of Serbia 1905–1914]. Beograd: Čigoja štampa.
3. *Godišnjak za društvenu istoriju* [Annual of Social History]. Beograd.
4. Hadži Popović, I., prir. 1996. *Pisma kraljice Natalije Obrenović* [The Letters of Queen Natalija Obrenović]. Beograd: Narodno pozorište.
5. Ilić, A.V., 2010. *Udžbenici i nacionalno vaspitanje u Srbiji: (1878–1918)* [The Textbooks and National Education in Serbia (1878–1918)]. Beograd: Docije studio.
6. Jovanović, M., Naumović, S., eds. 2002. *Gender Relations in South Eastern Europe: Historical Perspectives on Womanhood and Manhood in 19th and 20th Century*. Beograd: Čigoja štampa.
7. Krestić, P.V., Rudić, S., ur. 2017. *Država i politike upravljanja: (18–20. vek)* [State and the Governing Policies (18–20th Centuries)] Beograd: Donat graf.
8. Ljušić, R., ur. 2001, *Pismo: zbornik radova*. Beograd: JP PTT saobraćaja “Srbija”.
9. Milanović, J.V., 2015. Delfa Ivanić — zaboravljene uspomene [Delfa Ivanić — Forgotten Memories]. In: Milanović, J.V., 2015, prir. *Delfa Ivanić: zaboravljene uspomene* [Delfa Ivanić: Forgotten Memories]. Beograd: Evoluta. pp. 5–84.
10. Milanović, J.V., prir. 2015. *Delfa Ivanić: zaboravljene uspomene* [Delfa Ivanić: Forgotten Memories]. Beograd: Evoluta.
11. Mladenović, B., 2006. *Porodica u Srbiji u Prvom svetskom ratu* [The Family in Serbia in the First World War]. Beograd: Čigoja štampa.
12. Mladenović, B., 2008. *Srbija u Velikom ratu* [Serbia in the Great War]. Beograd: Zavod za udžbenike.

13. Naumović, S., Jovanović, M., eds. 2001. *Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing Up in the 19th and 20th Century*. Beograd: Čigoja štampa.
14. Perović, L., 2006. *Između anarhije i autokratije: srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI)*. Beograd: Zagorac.
15. Perović, L., 2000. Kako žena vidi sebe u vreme otvaranja “ženskog pitanja” u srpskom društvu. *Tokovi istorije*. N 1–2/2000. S. 9–18.
16. Perović, L., ur. 1998. *Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2. Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup* = Serbia in the Modernization Processes of the 19th and 20th Century. 2, Women’s position as the Measure of Modernization: conference. Beograd: Čigoja štampa.
17. Perović, L., Obradović, M., Stojanović, D., ur. 1994. *Srbija u modernizacijskim procesima XX. Veka: (naučni skup)* = Serbia in the Modernization Processes of the 20th Century: (conference). Beograd: ČIP Štampa.
18. Petković, R., Krestić, P.V., Živković, T., odg. ur. 2003. *Obrazovanje kod Srba kroz vekova* [Education of the Serbs Through the Centuries]. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva.
19. Popović, M., Timotiević, M., Ristović, M., 2011. *Istorija privatnog života u Srba: od srednjeg veka do modernog doba* [The History of Private Life of Serbs from the Middle Ages to the Present]. Beograd: Clio.
20. Prošić-Dvornić, M., 2006. *Odevanje u Beogradu u XIX i početkom XX veka*. Beograd: Stubovi kulture.
21. Prpa-Jovanović, B., 1994. Procesi modernizacije i položaj žene u Srbiji tokom XIX i prve polovine XX vijeka. In: Perović, L., Obradović, M., Stojanović, D., ur. 1994. *Srbija u modernizacijskim procesima XX. Veka: (naučni skup)* = Serbia in the Modernization Processes of the 20th Century: (conference). Beograd: ČIP Štampa. S. 361–366.
22. Ristović, M., prir. 2007. *Privatni život kod Srba u dvadesetom veku* [The Private Life of Serbs in the 20th Century]. Beograd: Clio.
23. Rokai, M., 2015. Through Feminine Lens: Victorian and Edwardian Women Constructing the Image of Serbian Woman in Their Travel Accounts. In: *Beogradski istorijski glasnik* = Belgrade Historical Review. Vol. VI (2015). pp. 169–191.
24. Rudić, S., Čaldović-Šijaković, S., Radosavljević, N.V., Tomić, S., ur. 2017. *Selo Balkana: kontinuiteti i promene kroz istoriju* [The Balkan Village. Continuities and Changes Through History]. Beograd: Donat graf.
25. *Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka. 4. Žene i deca*. 2006. Beograd: Zagorac.
26. Stojanović, D., 2013. *Iza zavese: ogledi iz društvene istorije Srbije 1890–1914*. Beograd: Čigoja štampa.
27. Stolić, A., 2001. Društveni identitet učiteljica u Srbiji 19. veka [The Social Identity of Female Teachers in Serbia of the 19th Century]. *Godišnjak za društvenu istoriju* [Annual of Social History]. Beograd. God. VIII, Sv. 3. S. 205–232.
28. Stolić, A., 2015. Feminism [Feminism]. In: Ković, M., prir. 2015. *Srbi 1903–1914: istorije ideja* [The Serbs 1903–1914: the History of Ideas]. Beograd: Clio. pp. 299–316.

29. Stolić, A., 2001. From Childhood to Womanhood: The Ideological Basis of the Upbringing of Female Children in Serbia at the End of the 19th Century. In: Naumović, S., Jovanović, M., eds. 2001. *Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing Up in the 19th and 20th Century*. Beograd: Čigoja štampa. pp. 97–109.
30. Stolić, A., 2000. *Kraljica Draga* [The Queen Draga]. Beograd: Sprint.
31. Stolić, A., 2009. *Kraljica Draga Obrenović* [The Queen Draga Obrenović]. Beograd: Zavod za udžbenike.
32. Stolić, A., 2015. *Sestre Srpkinja: pojava pokreta za emancipaciju žena i feminizma u Kraljevini Srbiji* [Serbian Sisters — the Emergence of the Movement for the Emancipation of Women and Early Feminism in the Kingdom Of Serbia]. Beograd: Evoluta.
33. Stolić, A., 2002. Vocation or Hobby: Social identity of Female Teachers in the Nineteenth Century Serbia In: Jovanović, M., Naumović, S., eds. 2002. *Gender Relations in South Eastern Europe: Historical Perspectives on Womanhood and Manhood in 19th and 20th Century*. Beograd: Čigoja štampa. pp. 55–90.
34. Stolić, A., Makuljević, N., 2006, prir. *Privatni život kod Srba u devetnaestom veku: od kraja osamnaestog veka do početka Prvog svetskog rata* [The Private Life of Serbs in the 19th Century: from the 18th Century until the Beginning of the First World War]. Beograd: Clio.
35. *Tokovi istorije*. Časopis Instituta za noviju istoriju Srbije. Beograd.
36. Trgovčević, L., 1994. Obrazovanje kao činilac modernizacije Srbije u XIX veku (Analitička slika). In: Perović, L., Obradović, M., Stojanović, D., ur. 1994. *Srbija u modernizacijskim procesima XX. Veka: (naučni skup)* = Serbia in the Modernization Processes of the 20th Century: (conference). Beograd: ČIP Štampa. pp. 217–232.
37. Trgovčević, Lj., prir. 1999. *Obrenović N. Moje uspomene* [My Memories]. Beograd, Novi Sad: Budućnost.
38. Vuletić, A., 2008. *Brak u Kneževini Srbiji* [The Marriage in the Principality of Serbia]. Beograd: Zavod za udžbenike.
39. Vuletić, A., 2003. *Porodica u Srbiji sredinom 19. veka* [The Serbian Family at mid-19th Century]. Beograd: Službeni glasnik.
40. Vuletić, A., Ljušić, R., Popović, R.J., ur. 1999. *Pero i Povest: srpsko društvo u sećanjima: zbornik radova* [Pen and the Past. Serbian Society in Memories. Collection of Works]. Beograd: Čigoja štampa.
41. Vuletić, A., Mijailović, J., 2005. *Između posela i balova. Život u Srbiji u 19. veku* [Between Parties and Balls. Life in Serbia in the 19th Century]. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva.

**БАЛКАНЫ:
ГОРНАЯ ИНДУСТРИЯ И БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА
(1878–1914)**

Петр Ахмедович Искендеров –

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук,
Ленинский проспект, 32А, Москва,
Россия, 119991.
iskenderov.petr@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу состояния транспортной и горнодобывающей инфраструктуры на Балканах и в первую очередь в Сербии в конце XIX — начале XX в. В центре внимания автора находятся планы сербского руководства по хозяйственному использованию земель Косово в условиях обострения международной напряженности в Европе накануне Первой мировой войны. Статья базируется на неопубликованных архивных документах.

Ключевые слова

Россия, Балканы, Сербия, Албания, Косово, Черногория, Османская империя, великие державы, экономика, полезные ископаемые, железные дороги

**THE BALKANS:
MINING INDUSTRY AND “BIG POLITICS”
(1878–1914)**

Petr A. Iskenderov –

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
iskenderov.petr@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the transport and mining structure in the Balkans at the beginning of the twentieth century, primarily in Serbia. The author pays particular attention to Serbia's plan to incorporate Kosovo into its economic system in the context of diplomatic tensions in Europe on the eve of the First World War. The research is based on unpublished diplomatic documents.

Keywords

Russia, the Balkans, Serbia, Albania, Kosovo, Montenegro, Ottoman Empire, Great Powers, economics, mineral resources, railways.

Одним из вопросов, вставших на повестку дня на Балканах после завершения Балканских войн 1912–1913 гг., явилась проблема развития региональной сети железных дорог. Она имела для государств региона не только экономическое, но и ярко выраженное политическое значение, будучи напрямую связанной с освоением вновь присоединенных областей. В первую очередь это относилось к Сербии, в состав которой по итогам Балканских войн вошли значительные территории с большим хозяйственным потенциалом и одновременно со слабой транспортной инфраструктурой.

Как справедливо отмечает в этой связи сербский исследователь Н. Попович, «с общественно-экономической точки зрения, неразвитость транспортной инфраструктуры, безусловно, представляет собой одно из наиболее негативных последствий турецкого господства. Развитая дорожная сеть являлась основной предпосылкой экономического развития еще со времен римлян, однако в Османской империи она не считалась приоритетом для экономической модели на Балканах, особенно в Косово и Метохии, даже несмотря на то, что данная территория находится на перекрестке очень важных дорог, соединяющих восток и запад, север и юг»¹.

Еще в 1874 г. в Балканском регионе было завершено строительство важной железнодорожной линии от Скопье до города Косовска-Митровица. Однако она не стала звеном, на которое могли бы быть «нанизаны» новые линии регионального значения. Причины, как водится, лежали не только в экономической, но и в политической плоскости. Сооружение вышеуказанной железной дороги не было задумано в качестве первого шага для разработки и реализации дальнейших масштабных транспортных проектов, а представляло собой элемент в политической игре между Константинополем и западноевропейскими великими державами, явившись всего лишь «уступкой, на которую пошла распадающаяся Османская империя, не имея возможности противостоять требованиям более развитых западных стран»². Как во многом справедливо подчеркивал в начале XX в. сербский исследователь Й. Цвийич, на Балканах транспортно-экономические вопросы традиционно во многом определялись политическими соображениями. По этой причине даже столь выгодная с торгово-экономической точки зрения железнодорожная магистраль как Белград–Загреб, способная служить главной экспортной артерией регионального значения, не использовалась на полную мощность «из политических соображений, а особенно из-за сопротивления Венгрии»³.

¹ Попович Н. Откровенно об экономике Косово и Метохии. М.: Известия, 2009. С. 28.

² Подробнее см.: Михајловић К. Привредни развој Косова // Зборник округлог стола о научном истраживању Косова одржан 26. и 27. фебруара 1985. Године / ур. П. Ивић. Београд: САНУ, 1988.

³ Cvijić J. Balkansko poluostrvo i južnoslovenske zemlje. Beograd: Marso, 2011. S. 551.

Подобная ситуация, к слову, подтверждает важность максимально широкого сочетания различных методов и подходов в изучении даже таких сугубо экономических категорий, как развитие транспортной сети и горнодобывающей индустрии. Говоря словами основоположника американской школы теории международных отношений Дж. Розенау, необходимо «соединять в анализе количественные и качественные методы»⁴.

Аналогичного мнения придерживается российский исследователь Д.А. Дегтерев, подчеркивающий, что «количественные методы анализа международных отношений представляют собой альтернативу субъективным и интуитивным прогнозам развития международной политической ситуации»⁵.

Вопрос о характере, темпах и перспективах экономического развития Балкан в конце XIX — начале XX вв. является одним из самых противоречивых дискуссионных в историографии рассматриваемого региона — причем, это касается не только уже получивших международно-признанную независимость стран, но и самой Османской империи. В качестве примера сошлемся на оценку одного из ведущих турецких исследователей Юсуфа Хикмета Байюра, который следующим образом характеризовал вышеуказанный период в истории своей собственной страны: «Период правления Абдул-Хамида II был для османского государства временем огромного отставания от остального мира. На первый взгляд, такое утверждение может показаться преувеличением — ведь за 30 лет, с 1878 г. по 1908 г., был построен ряд железнодорожных линий, доходы государства выросли вдвое, в судебную систему были внесены видимые изменения, открывались новые учебные заведения и т.д. Однако в те же годы другие государства, в том числе соседние с империей, настолько стремительно продвинулись в своем развитии, что если его сравнить с нашим развитием, то станет очевидным, что это — вовсе не развитие, а значительное отставание»⁶. Впрочем, и в случае с Османской империей экономические оценки и достижения должны браться в комплексе с политическими факторами. Как справедливо отмечает российский исследователь Р.Р. Субаев, «не так уж катастрофично и безнадежно было положение Турции, если бы остальной мир проявил к ней толерантность и добрую волю. Но их-то как раз и не было...»⁷.

Тем не менее, развитие железнодорожной сети на Балканском полуострове даже в условиях его медленных темпов давало заметный импульс

⁴ Розенау Дж. «Квантификация подразумевает прежде всего поиск закономерностей» // *Международные процессы*. 2008. Т. 6. № 3. С. 71.

⁵ Дегтерев Д.А. Количественные методы в международных исследованиях // *Международные процессы*. 2015. Т. 13. № 2. С. 48.

⁶ Субаев Р.Р. Османская империя в правление Абдул-Хамида II: Зулум, модернизация, революция // *История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.)*. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 179–180.

⁷ Там же.

другим хозяйственным сферам. В частности, «строительство железных дорог привело к резкому увеличению потребности в каменном угле и железе, которую едва успевали покрывать развивающиеся горно-промышленные районы Заечара, Тимока, Алексинаца и Княжеваца»⁸. К 1910 г. число рудников в одной только Сербии достигло 55, — правда, они были в основном небольших масштабов, — а общее число промышленных предприятий составило 465.

Разработанный сербским правительством в начале XX в. план железнодорожного строительства предусматривал первоочередную постройку трех линий: Скопье–Битоль, Крагуевац–Кралево–Рашка (на границе бывшего Ново-Пазарского санджака, севернее города Нови-Пазар) и Ниш–Прокупле–Преполац–Приштина. Последняя дорога должна была стать составной частью Дунайско-Адриатической линии, продолженной от Приштины к албанскому порту Дуррес, присоединение которого к Сербии по-прежнему входило во внешнеполитическую программу сербского кабинета Н. Пашича. Позднее должно было начаться строительство еще двух железнодорожных линий: Рашка–Нови-Пазар–Увац и Радуевац–Белград с мостом через Дунай у Прахово (около Радуеваца)⁹.

Обсуждая в ходе вышеупомянутых переговоров в Вене вопрос о Восточной железной дороге, акции которой были приобретены Австро-Венгрией, Пашич заявил, что если соответствующее австро-венгерское железнодорожное общество не придет к соглашению с сербской стороной, последняя прибегнет к выкупу дороги¹⁰.

Переговоры о судьбе Восточной дороги и, в частности, того ее участка, который находился на сербской территории, проходили в непростой обстановке. Австро-венгерская сторона неоднократно напоминала сербскому правительству о существовавшем у нее праве потребовать возвращения дороги собственнику, то есть Обществу Восточных железных дорог, на что, в частности, было официально указано австро-венгерским представителем в Белграде Угроном 29 ноября 1913 г.¹¹.

С другой стороны, в самом сербском правительстве существовали определенные разногласия, касавшиеся возможных путей более выгодного для Сербии разрешения железнодорожного вопроса. Так, несмотря на то, что большинством голосов кабинет Пашича признал необходимым согласиться не предложение группы французских акционеров об интернационализации Восточной железной дороги, в начале февраля 1914 г. сербский посланник

⁸ Писарев Ю.А. Крестьянские отхожие промыслы в Сербии и южнославянских землях Австро-Венгрии в конце XIX — начале XX в. // Ученые записки Института славяноведения. Т. VI / отв. ред. П.Н. Третьяков. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 308.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2907. Л. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Д. 531. Л. 423.

в Вене Йованович заявил министру иностранных дел Берхтольду, что он имеет полномочия вести переговоры исключительно о выкупе дороги и не может участвовать в обсуждении французской формулы; в то время как сам Пашич в период своего пребывания в Санкт-Петербурге в конце января 1914 г. подтвердил готовность сербского правительства согласиться на интернационализацию¹².

Указанная неопределенность позиции Сербии, а также существование в руководстве Австро-Венгрии собственных планов в этом вопросе, и одновременное стремление Италии принять участие в намечавшейся финансовой операции, в конечном итоге, привели к практически полной неудаче переговоров об интернационализации Восточной дороги, в связи с чем в конце июня 1914 г. в Белград прибыла специальная австрийская делегация, в состав которой входили шестеро австро-венгерских уполномоченных специальных ведомств во главе с фон Сомером, начальником венской Дирекции железных дорог с целью ведения переговоров по вопросу о выкупе Сербией указанной дороги. Сразу же после своего прибытия в сербскую столицу фон Сомер посетил Пашича и тогдашнего министра финансов и публичных работ. Делегаты обеих сторон успели провести несколько предварительных совещаний, которые, однако, были прерваны полученным главой австро-венгерской делегации предписанием немедленно покинуть Сербию, которое фон Сомер поставил в связь с известием об убийстве в Сараево 28 июня австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда. Предписание было исполнено, и 30 июня 1914 г. делегация Австро-Венгрии покинула Белград¹³.

Следует особо отметить, что Австро-Венгрия традиционно отводила важное место «железнодорожному» аспекту своей балканской политики. Это проявлялось в отношениях Вены не только с Сербией, но и с Черногорией. Так, вопрос о железных дорогах встал на повестку дня в отношениях между Черногорией и Австро-Венгрией еще в начале 1908 г. Тогда в январе министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталь обнародовал специальное заявление, в котором говорилось о намерении его страны построить железнодорожную линию через черногорскую территорию на основании статьи XXIX Берлинского трактата. Стремление Вены получить право на строительство данной линии было в значительной степени связано с активным проникновением в Черногорию итальянского капитала, который получил от Цетинье концессию на использование государственной табачной монополии; кроме того, между двумя странами проходили переговоры относительно участия итальянской стороны в строительстве железнодорожной линии Бар-Вирпазар и портовых сооружений в городе Бар. Сами же проектируемые линии имели для австро-венгерского руководства,

¹² АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д.531. Л. 441; там же. Д. 532. Л. 59-60; Д. 533. Л. 21.

¹³ Там же. Д. 532. Л. 205-206, 249-251, 255-256, 263-264.

в первую очередь, политическое и военно-стратегическое значение, ибо они должны были играть важную роль в укреплении позиций Габсбургской Монархии в Албании, а также служить составным звеном в будущем политическом и экономическом освоении Боснии и Герцеговины, конечная аннексия которых уже ни для кого не была секретом в ведущих европейских столицах. Вслед за этим австро-венгерское министерство иностранных дел направило черногорскому правителю князю Николе памятную записку, в которой говорилось, что монархия Габсбургов имеет закрепленное в Берлинском трактате право соорудить и эксплуатировать за свой счет железнодорожную линию, которая связывала бы черногорское побережье через Бар и Улцинь со Шкодером или другим пунктом в Албании.

Князь Никола скептически отнесся к австро-венгерскому предложению, опасаясь, что его реализация приведет к тому, что Черногория в случае возможного в будущем вооруженного конфликта окажется взятой в клещи двумя проектируемыми австро-венгерскими железнодорожными линиями — от черногорского побережья до Шкодера и от Боснии через Новопазарский санджак в Косово и Македонию, — и со своей стороны выдвинул проект постройки указанной линии самой Черногорией с использованием предоставляемой Австро-Венгрией на эти цели финансовой помощи. Однако Вена, в свою очередь, его отклонила, ссылаясь всё на ту же статью XXIX Берлинского трактата, и предложила на рассмотрение черногорской стороны новые варианты, включавшие в себя проведение железнодорожной линии либо до Подгорицы, либо до Цетинье, однако их основным условием оставались исключительные полномочия Австро-Венгрии на выбор территории, по которой будет проходить искомая линия, а также ее конечного пункта, который в перспективе мог находиться на австро-венгерской территории, в частности, в Которе, что также было неприемлемым для Николы.

В конце июня 1908 г. австро-венгерский военный агент передал черногорскому правительству два новых предложения Вены. Одно из них включало строительство железной дороги между городами Вир-Пазар и Никшич, которая бы позднее вышла на Плевле или была бы соединена с боснийской линией в районе Требинье, а второе предполагало конструирование аналогичного транспортного пути Котор-Цетинье. Однако и они были отклонены Княжеством.

В Цетинье отдавали себе отчет в том, что реализация подобных планов — тем более, за счет финансовых средств Австро-Венгрии — явится фактором значительного усиления зависимости Черногории от монархии Габсбургов. Кроме того, у черногорской стороны не могла не вызывать опасений и сама масштабность запланированных работ — что и 100 лет назад, и сегодня остается ключевой особенностью любых значимых проектов в транспортной и горнодобывающей сферах. Как справедливо отмечает в этой связи азербайджанский исследователь А.Б. Алекперов, «для реализации таких важных мероприятий как проведение геологоразведочных работ, бурение и эксплуа-

тация нефтяных скважин, строительство объектов культурно-бытового назначения, проведение автомобильных и железных дорог, транспортировка нефти и газа», традиционно требуется «большое количество квалифицированных рабочих и материально-техническое оснащение»¹⁴.

Еще одной проблемой, связанной с урегулированием ситуации в косовских землях, вошедших в состав Сербии по Лондонскому мирному договору, и осложнявшей взаимоотношения Белграда с западноевропейскими государствами, явились вопросы их хозяйственного освоения. «Горнорудный устав», регламентировавший порядок эксплуатации месторождений полезных ископаемых на территории новых сербских областей (именовавшихся в документе «освобожденные и присоединенные области»), был обнародован 28 декабря 1913 г.¹⁵ Он вводил в действие в присоединенных областях «Горнорудный законник Сербии», основные положения которого были разработаны еще в 1860-е годы, когда Сербия являлась автономным княжеством в составе Османской империи¹⁶.

Как справедливо отмечает сербский исследователь М. Ягодич, «подлинная причина принятия особого устава заключалась в необходимости регулирования существующих и полученных горнорудных прав в новых областях»¹⁷.

Документ предписывал, что все владельцы прав на геолого-разведывательные работы или льгот на проведение горнорудных работ, а также владельцы турецких государственных рудников должны были в течение шести месяцев представить соответствующую документацию горнорудному отделению министерства народного хозяйства Сербии в целях закрепления собственных прав. Задача проведения оценки достоверности и достаточности представленных документов возлагалась на специально создававшуюся комиссию, которая должна была закончить все необходимые процедуры в течение двух месяцев, руководствуясь при этом в том числе существовавшими на тот момент соответствующими законами Турции. Положительное решение данной комиссии давало право собственнику на подтверждение имевшихся у него прав на проведение горнорудных работ, на основании которого он мог продолжать свою деятельность до срока, установленного в прежних документах, заключенных от имени турецкого правительства, но с учетом требований (в том числе финансовых) сербского законодательства.

Одновременно правительство Сербии закрепило за собой право на проведение геолого-разведывательных работ по поиску месторождений каменного и бурого угля, поваренной соли и нефти на свободных участках

¹⁴ Алекперов А.Б. Роль Азербайджана в становлении и развитии нефтяной промышленности Казахстана // Вопросы истории. 2018. № 2. С. 141.

¹⁵ Српске новине. 31.12.1913.

¹⁶ Сборник закона и уредаба. № 19. Београд, 1867. С. 1–63.

¹⁷ Јагодић М. Уређење ослобођених области Србије 1912–1914: правни оквир. Београд: Историјски институт, 2010. С. 81.

сроком до 14 июля 1917 г., а также возможность аналогичных работ в рамках «исключительного права» на других месторождениях, список которых должен был быть обнародован до 14 сентября 1914 г. Новые положения, регламентировавшие порядок эксплуатации месторождений полезных ископаемых на территории новых сербских областей, были опубликованы также в «Торговом вестнике» 4 февраля 1914 г.¹⁸

Введенная правительством Сербии практика вызвала неоднозначную реакцию среди иностранных предпринимателей и официальных представителей великих держав, в первую очередь, Франции, а за ней — Германии и Австро-Венгрии (хотя ни одно из австрийских предприятий не осуществляло какой-либо деятельности в сфере поиска и добычи полезных ископаемых в присоединенных к Сербии областях). Сербским властям ставились в вину нежелание уважать существующие имущественные и концессиональные права, необходимость верификации имеющихся документов, выплата дополнительных налоговых сумм, требование к собственникам соотносить свою деятельность с новым сербским законодательством. Уже 9 марта 1914 г. посольство Франции в Санкт-Петербурге передало российскому правительству официальное обращение парижского кабинета, в котором были подвергнуты всестороннему анализу и критике целый ряд положений вышеуказанного устава¹⁹.

По мнению французского правительства, данный документ свидетельствовал о нежелании Сербии считаться с итогами предварительной работы Финансовой комиссии по балканским делам в Париже, специально изучавшей вопросы, связанные, в частности, с судьбой уже заключенных контрактов и концессий на разработку месторождений в бывших турецких областях Сербии, а целый ряд его положений идет вразрез с результатами работы Международного технического комитета²⁰.

В частности, особое недовольство Парижа вызвала статья 10 вышеуказанного документа, предусматривавшая, как уже говорилось выше, что владельцы концессий, полученных еще от турецких властей, обязаны представить соответствующие документы на рассмотрение создаваемого министерством сельского хозяйства и торговли Сербии специального комитета, который должен в двухмесячный срок с момента подачи документов вынести свое заключение об их законности²¹.

Аналогичную негативную реакцию вызвали положения статьи 12 Устава о том, что на прежних владельцев концессий должны быть наложены финансовые выплаты, предусмотренные сербским Горнопромышленным уставом, а согласно статье 14 они в своей деятельности были обязаны ру-

¹⁸ Trgovinski glasnik. 04.02.1914.

¹⁹ АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2913. Л. 1-2.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 5.

ководствоваться исключительно установлениями сербских властей²². Эти положения также входили в противоречие с мнением Международной финансовой комиссии, предусматривавшей, что в данных условиях «законодательные акты государства, осуществившего аннексию, будут применяться лишь в той мере, в какой они не входят в противоречие с ранее приобретенными правами»²³. По мнению французского правительства, высказавшего свою глубокую озабоченность по данному вопросу сербскому кабинету, факт игнорирования мнения Комиссии вызывает тем большее недоумение, что в ее работе принимали участие сербские делегаты²⁴.

С аналогичным заявлением выступило также германское дипломатическое представительство в Белграде, указавшее, что «ряд положений этих инструкций противоречат принципам, которые должны быть положены в основу регламентации деятельности шахт, прав на разработку и эксплуатацию которых были согласованы и предоставлены в период до аннексии»²⁵.

Вопрос о соответствии сербского Устава относительно горных промыслов в новых областях Сербии точке зрения Международной финансовой комиссии был специально рассмотрен юридическим подразделением министерства иностранных дел России. Его официальное заключение было направлено российскому посланнику в Белграде и во французское посольство в Санкт-Петербурге. В данном заключении, датированном 18 марта 1914 г., подчеркивалось, что Сербия, «участвовавшая в Парижской комиссии, не имела оснований самостоятельно решить вопрос, входящий в компетенцию Комиссии»²⁶. Тем более, что сам сербский акт, по мнению МИД России, «по своему содержанию не вполне отвечает намечавшимся в Парижской комиссии решениям»²⁷.

Однако Сербия категорически отвергла критические замечания Франции, России и других великих держав. Сербское министерство иностранных дел 23 марта 1914 г. распространило ответную ноту, в которой категорически отвергло высказанные в его адрес претензии относительно данного указа и подчеркнуло, что документ признает все права, предоставленные горнопромышленникам по турецкому законодательству, предусматривая, наряду с этим, необходимость исполнения ими законов, действующих на сербской территории.²⁸

По мнению белградского кабинета, от Сербии «невозможно требовать отказа от собственного государственного права и разрешать владельцам

²² АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2913. Л. 5–6.

²³ Там же. Л. 1.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 8.

²⁶ Там же. Л. 9.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 12.

продолжать осуществлять свою деятельность на основании турецких, а не сербских, законов»²⁹.

В вопросах развития ситуации вокруг освоения полезных ископаемых и сооружения железных дорог в конце XIX — начале XX вв. прослеживается много параллелей с сегодняшними тенденциями в данной сфере и в указанном регионе. Экономические проблемы остаются одним из ключевых факторов борьбы за геополитическое влияние. И одновременно политические договоренности выступают катализатором либо, наоборот, препятствием для хозяйственного развития стран и территорий. И 100 лет назад, и сегодня, балканские государства вынуждены отстаивать собственные экономические и политические интересы в условиях жесткой конфронтации ведущих мировых игроков. И потому исторические уроки выступают не только показательными, но и крайне полезными в данном отношении.

Литература

1. *Алекперов А.Б.* Роль Азербайджана в становлении и развитии нефтяной промышленности Казахстана // Вопросы истории. 2018. № 2. С. 140–145.
2. *Дегтерев Д.А.* Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 2. С. 35–54.
3. *Јагодић М.* Уређење ослобођених области Србије 1912–1914: правни оквир. Београд: Историјски институт, 2010.
4. *Михајловић К.* Привредни развој Косова // Зборник округлог стола о научном истраживању Косова одржан 26. и 27. фебруара 1985. Године / ур. П. Ивић. Београд: САНУ, 1988.
5. *Писарев Ю.А.* Крестьянские отхожие промыслы в Сербии и южнославянских землях Австро-Венгрии в конце XIX — начале XX в. // Ученые записки Института славяноведения. Т. VI / отв. ред. П.Н. Третьяков. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 305–330.
6. *Попович Н.* Откровенно об экономике Косово и Метохии. М.: Известия, 2009.
7. *Розенау Дж.* «Квантификация подразумевает прежде всего поиск закономерностей» // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 3. С. 67–72.
8. *Субаев Р.Р.* Османская империя в правление Абдул-Хамида II: Зулум, модернизация, революция // История Балкан: На переломе эпох (1878–1914 гг.) М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 179–223.
9. *Svijić J.* Balkansko poluostrvo i južnoslovenske zemlje. Beograd: Marso, 2011.

References

1. Alekperov, A.B., 2018. Rol' Azerbajdzana v stanovlenii i razvitii nefťanoj promyšlennosti Kazahstana [The role of Azerbaijan in the formation and development of the oil industry in Kazakhstan]. *Voprosy istorii*, N 2, pp. 140–145.

²⁹ *Јагодић М.* Уређење ослобођених области... С. 82.

2. Cvijić, J., 2011. *Balkansko poluostrvo i južnoslovenske zemlje*. Beograd: Marso.
3. Degterev, D.A., 2015. Kolichestvennyye metody v mezhdunarodnykh issledovaniakh [Quantitative Methods in International Studies in Russia and Abroad]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 13, N 2, pp. 35–54.
4. Jagodić, M., 2010. *Uredjenje oslobođenih oblasti Srbije 1912–1914: pravni okvir*. Beograd: Istorijski institut.
5. Mihajlović, K., 1988. Privredni razvoj Kosova. In: Ivić, P., ed. 1988. *Zbornik okruglog stola o naučnom istraživanju Kosova održan 26. i 27. februara 1985. godine*. Beograd: SANU.
6. Pisarev, Iu.A., 1952. Krest'ianskie otkhozhie promysly v Serbii i iuznoslavianski-kh zemliakh Avstro-Vengrii v kontse XIX — nachale XX v. [Peasant Seasonal Work in Serbia and South Slav Areas of Austria-Hungary at the End of 19th and at the Beginning of the 20th Century]. In: Tretiakov, P.N., ed. 1952. *Uchenye zapiski Instituta slavianovedeniia. T. VI* [Scientific Notes of the Institute of Slavic Studies. Vol. VI.]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 305–330.
7. Popovich, N., 2009. *Otkrovenno ob ekonomike Kosovo i Metokhii* [About the economy of Kosovo and Metohija. Frankly]. Moscow: Izvestiia.
8. Rozenau, Dzh., 2008. “Kvantifikatsiia podrazumevaet prezhde vsego poisk zakonornosti” [Quantification Means a Discovery of Recurring Patterns]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 6, N 3, pp. 67–72.
9. Subaev, R.R., 2017. Osmanskaia imperiia v pravlenie Abdul-Xamida II: Zulium, modernizatsiia, revoliutsiia [Ottoman Empire during the Reign of Abdul Hamid II: Zulum, Modernization, Revolution]. In: Nikiforov, K.V., ed. 2017. *Istoriia Balkan: Na perelome epokh (1878–1914 gg.)* [History of the Balkans. At the Turn of a New Era]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 179–223.

РАЗВИТИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Елена Юрьевна Гуськова –

доктор исторических наук,
иностраный член Сербской академии
наук и искусств, иностранный член
Академии наук Республики Сербской
(Босния и Герцеговина);
руководитель Центра по изучению
современного балканского кризиса,
Институт славяноведения
Российской академии наук,
Ленинский проспект, 32А, Москва,
Россия, 119991.
jelenaguskova@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена анализу межнациональных отношений в Боснии и Герцеговине (БиГ) в 1940–1960-е годы на основе материалов из архивов БиГ, Хорватии, Словении, Югославии. Документы показывают состояние дел в республике — как в экономике, так и в идеологии. И все они отражают уровень напряженности в межнациональных отношениях. В статье впервые представлена дискуссия о межнациональных отношениях, в ходе которой обсуждался вопрос о новом явлении в многонациональной Югославии — появлении в БиГ нового народа под именем «мусульмане». Термин «мусульмане» для определения этнической принадлежности боснийцев на территории БиГ употребляется начиная с переписи населения 1961 г.

Ключевые слова

Югославия, Босния и Герцеговина, межнациональные отношения, сербы, хорваты, мусульмане, Вторая мировая война.

DEVELOPMENT OF INTERETHNIC RELATIONS IN BOSNIA AND HERZEGOVINA IN THE FIRST DECADES AFTER THE SECOND WORLD WAR

Elena Yu. Guskova –

Doctor of Sciences,
Member of the Serbian Academy
of Science and Arts, Member of the Academy
of Sciences and Arts of the Republika Srpska
(Bosnia and Herzegovina);
Head, Centre for the Study
of the Modern Balkan Crisis,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
jelenaguskova@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the analysis of interethnic relations in Bosnia and Herzegovina (BiH) in the 1940s and 1960s. The article is based on materials from the archives of BiH, Croatia, Slovenia, Yugoslavia. The documents show the state of affairs in the Republic — both in the economy and in ideology. In one or another way, all of them reflect the level of tension in the interethnic relations. For the first time, the article presents the discussion on interethnic relations, on the new phenomenon in multinational Yugoslavia — the emergence of a new people in BiH under the name of “Muslim”. The term “Muslims” is used to define the ethnic identity of Bosniaks in the territory of BiH starting from the 1961 census.

Keywords

Yugoslavia, Bosnia and Herzegovina, interethnic relations, Serbs, Croats, Muslims, World War Two.

К середине мая 1945 г. завершилась война в Югославии, страна была полностью освобождена от войск нацистской Германии, но понесла огромные потери среди мирного населения. В ходе антифашистской борьбы и становления новой власти влияние Коммунистической партии Югославии (КПЮ) росло быстрыми темпами. Под лозунгами социально-классовых перемен и национально-демократических мер в стране устанавливался коммунистический однопартийный режим. Трудностью для построения нового общества являлось то, что страна была многонациональной. Поэтому, с одной стороны, задача создать федеративное государство равноправных народов могла способствовать снижению напряженности между ними. Но, с другой стороны, трудно было преодолеть серьезные противоречия между воевавшими по разные стороны баррикад устахами, четниками и партизанами, представителями разных национальностей.

Национальный вопрос рассматривался коммунистами в двух плоскостях: а) как решение вопроса национальных меньшинств в таких республиках, как Сербия, Македония, Черногория, Словения, частично Хорватия, б) как проблема сосуществования народов разных национальностей в одной республике: в Боснии и Герцеговине (БиГ) и Хорватии.

Летом 1945 г. ситуация в Югославии была трудной — разоренное хозяйство, нехватка людей, идеологическая нестабильность, неуверенность людей в завтрашнем дне. И, конечно, проблемы тех, кто являлся врагами во время войны, но в новой социалистической стране претендовал на равноправное к себе отношение.

Партийные организации были вынуждены внимательно следить за ситуацией в разоренных войной освобожденных частях страны — в Боснии и Герцеговине, Черногории, Далмации, Македонии, Хорватии, Словении. В республиканских архивах сохранились доклады партийных организаций с мест и отчеты инспекторских групп, посылаемых Белградом, в краевые комитеты КПЮ, начиная с лета 1945 г. Эти документы показывают состояние дел в республиках — как в экономике, так и в идеологии. И все они отражают уровень напряженности в межнациональных отношениях. Позже,

в 1960-е годы, в КПЮ были созданы комиссии по межнациональным отношениям во всех республиках, рассматривающие трудности и проблемы в регионах, а также проекты их преодоления. К анализу ситуации в Боснии и Герцеговине в данной статье привлечены документы архива БиГ в Сараеве, архивов Югославии (Белград), Хорватии (Загреб) и Словении (Любляна).

Югославия задумывалась как федерация равновесия, в которой были бы учтены интересы всех проживающих в ней народов. Для новых наций, македонской и черногорской, создавались отдельные республики. Босния и Герцеговина формировалась из трех народов, один из которых (мусульмане) выделялся как новый славянский народ другого вероисповедания. Бранко Микулич, один из политических деятелей БиГ, в 1970 г. подчеркивал, что в Боснии и Герцеговине «сербский народ — часть сербской нации, хорватский народ — часть хорватской нации», а «мусульмане — это особый народ». Объединяют же их «общие цели, к которым стремятся, строя социалистическое самоуправленческое общество»¹. Таким образом, он намекал на приоритет мусульманской нации в составе Республики.

Естественно, встает вопрос, как можно было достичь национального равновесия в Югославии после Второй мировой войны, когда в Хорватии, например, совсем недавно существовал концлагерь Ясеновац, в котором было уничтожено около 700 тыс. сербов, евреев и цыган, когда в Косове и Метохии число сербского населения сократилось вдвое, когда сербское, хорватское и мусульманское население в Боснии и Герцеговине участвовало во взаимном уничтожении? Безусловно, сделать это было трудно. Межнациональные столкновения во время войны оставили глубокий след в памяти народов, особенно на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины. В первые послевоенные годы еще имели место случаи кровной мести, взаимной неприязни, недоверия². Натянутыми были и сербско-македонские отношения — из-за запрета возвращения в Македонию изгнанных во время войны сербов. Положение осложнялось неурегулированностью отношений между сербской и македонской православными церквями.

Бранко Микулич говорил позже, что «многонациональная структура населения Боснии и Герцеговины, тяжелое прошлое и массовые страдания населения в братоубийственных войнах, например, во Второй мировой войне погибло 700 тысяч граждан Боснии и Герцеговины, делают нас такими чувствительными»³.

Босния и Герцеговина во время войны входила в состав Независимого Государства Хорватии (НГХ), и поэтому население этой Республики (сербов, мусульман и хорватов) затронули трагедии межрегионального

¹ Arhiv Federacije Bosne i Hercegovine (далее — Arhiv FBiH). Fond Branko Mikulić. Kut. 6. Predmet 50/66. Referati i intervju 1966-1970. L. 20.

² Петрановић Б. Југославија на размеђу (1945-1950). Подгорица: ЦАНУ, 1998. С. 368-369.

³ Arhiv FBiH. Fond Branko Mikulić. Kut. 6. Predmet 50/66. Referati i intervju 1966-1970. L. 19.

переселения, взаимного уничтожения, ненависти, разрушения устоев и хозяйственной жизни. Сербь в Боснии и Герцеговине, как и на территории Хорватии, к тому же были подвергнуты страшному геноциду. Аресты, убийства и выселение невинных людей начались в 1941 г. и продолжались всю войну. За время военных действий в БиГ погибло 179 тыс. человек, из которых 72 % составляли сербы, 16,5 % — мусульмане и 4,4 % — хорваты. Спасая свои жизни, БиГ покинули до 200 тыс. сербов — коренных жителей этих земель⁴.

Последствия войны еще долго ощущались во многих сферах общественной и экономической жизни Республики, однако партийная идеология ставила задачу создания национальной симметрии и на примере Боснии и Герцеговины пыталась формировать общество полного национального равноправия. В 1948 г. мусульмане составляли здесь 30,7 % населения, сербы — 44,3 %, католики — 23,9 %⁵.

Термин «мусульмане» для определения этнической принадлежности боснийцев на территории БиГ употребляется начиная с переписи населения 1961 г. До этого мусульмане считались сербами или хорватами исламского вероисповедания. В ходе дискуссии о межнациональных отношениях в ЦК Союза коммунистов (СК) Хорватии в 1968 г., в которой участвовали представители всех республик, был поставлен вопрос о новом явлении в многонациональной Югославии — появлении в БиГ нового народа под именем «мусульмане». Предлагалось разъяснить этот вопрос и ответить на следующие вопросы⁶:

1. Разве мусульмане не являются частью сербского или хорватского народа, которые в один из периодов своего развития выделились и которые должны вернуться к народам, из которых вышли?

2. Как возможно, чтобы представитель одного народа носил имя мусульманин, что во всем мире означает последователя исламской религии?

Однако авторы подготовительных материалов отчетливо выразили «линию партии», согласно которой «мусульмане — это не сербы, не хорваты, не “неопределившиеся”, а один из равноправных народов в Боснии и Герцеговине»⁷. Существовала точка зрения, что без мусульман БиГ не была бы отдельной республикой. Объяснить, почему этому народу присвоено имя «одной религии» коммунистическим теоретикам было трудно, поэтому толкование сводилось к следующему: «Несмотря на отсутствие теоретической разработки проблемы, понимание Коммунистической партией ре-

⁴ Валуев Э.Б. Югославский клубок // География. 1996. № 7. С. 9.

⁵ Terzić S. Izvodi iz saopštenja “Religija i država kod muslimana”. Prilog // Bilten vesti. M., 1995. 19 jul.

⁶ Rasprave o međunacionalnim odnosima // Hrvatski Državni Arhiv (далее — HDA). F. 1220. CKSKH. Informativna služba. 1968. D. 2603. L. 12.

⁷ Ibid. L. 13.

альности как перед войной, так и во время и после войны состоит в том, чтобы в своей политической практике заботиться о существующих особенностях мусульман»⁸. Поэтому с появлением Республики БиГ были созданы естественные условия, в которых все три народа получили равноправные шансы для своего существования и развития.

Следует подчеркнуть, что многонациональную Боснию и Герцеговину характеризовала относительно высокая внутренняя стабильность, в том числе и в плане межнациональных отношений. Постепенно доля сербского населения в Республике уменьшалась, и в 1971 г. число мусульман превысило число сербов. Это позволило ряду авторов говорить о том, что в коммунистической системе после 1945 г. был заложен механизм, позволяющий мусульманам стать главным фактором в общественной и экономической жизни Республики⁹.

Структура населения БиГ в 1961 г.¹⁰

Сербы — 42,89 %
Мусульмане — 25,69 %
Хорваты — 21,7 %
Югославы — 8,42 %
Черногорцы — 0,39 %
Словенцы — 0,18 %
Македонцы — 0,05 %

Краевой комитет КПЮ по Боснии и Герцеговине сообщал в июле 1945 г., что в БиГ партийная организация КПЮ насчитывала всего 8.700 человек (преимущественно крестьяне)¹¹. При этом национальный состав членов партии непропорционален составу населения: было мало и мусульман, и хорватов. Новая коммунистическая власть не имела материальных ресурсов, среди народа ощущались «усталость, а кое-где и недовольство»¹². Из-за продолжавшихся действий усташеских и четнических отрядов, насчитывавших 11.500 человек, люди чувствовали «беспокойство». Интересно, что и те, и другие (усташи и четники), приходя в села, в основном занимались агитацией и призывали голосовать на предстоящих выборах:

⁸ HDA. F. 1220. CKSKH. Informativna služba. 1968. D. 2603. L. 13.

⁹ Милојевић А. Етничко и регионално у развоју Босне и Херцеговине // Одговорни уредник: С. Терзић. Босна и Херцеговина од средњег века до новијег времена. Београд: САНУ, 1995. С. 456.

¹⁰ Aktivnost Saveza komunista na unapređivanju međunacionalnih i međurepubličkih odnosa (Sarajevo, januar 1968) // Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. SK ZKS. Š. 278; Istorija Saveza Komunista Bosne i Hercegovine / Z. Antoniћ et al. Sarajevo: Institut za istoriju: Oslobođenje, 1990. S. 175.

¹¹ Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. V. К-XXI. Јед. описа 1. Покрајински комитет КПЈ за Босну и Херцеговину. 13 јул. 1945.

¹² Там же.

одни за Мачека¹³, другие против Тито. Среди тех, кто сопротивлялся новой власти, партийцы из Сараева называли и «сербов-реакционеров», т.е. националистов, продолжающих мстить мусульманам. Они особенно сильны, отмечалось в партийных сообщениях, в опустошенной войной Козаре, призывают голосовать за короля, чтобы победить коммунистов. «Мусульманские массы» дезориентированы, неорганизованы, растеряны, говорится в документе. При этом коммунисты имеют очень слабое влияние на мусульман и хорватов. Да и сербы, как видим, разъединены по идеологической линии. Хорваты находятся под большим влиянием католических священников и Хорватской крестьянской партии. Чтобы изменить ситуацию, коммунисты арестовывают католических священников и передают их суду. Межнациональная напряженность, вероятно, стала причиной того, что в Герцеговине, а также в районах Гламоча, Дрвара и Купреса сербы выразили большое желание переселиться в Воеводину¹⁴.

По сообщениям 1946 г.¹⁵, серьезного сближения между сербами и мусульманами не произошло. На мусульманские массы, пишут в сообщении из БиГ, влияет «чаршия», что подразумевает влияние старой идеологии, неприятие новых веяний, связанных с построением нового общества во главе с коммунистами. Влияние коммунистов слабое, но водораздел проблем проходит по национально-классовым межам. В создаваемый в Республике Народный Фронт (НФ) входили люди всех национальностей. Лидирующую роль в нем пытались взять на себя коммунисты. У них это плохо получалось, и с осени 1945 г. НФ в БиГ «замер»¹⁶.

Партийные инспекции 1949 г. сообщали из Боснии, что проблемы «мусульманских масс» остаются: сильное влияние религии, пассивность, национализм, нежелание снимать паранджу, сопротивление обучению детей в школах, нежелание сотрудничать с сербами, отпор экономическим нововведениям¹⁷. В БиГ национальное и социальное было тесно переплетено, и партийные организации не умели справиться с большим количеством существовавших проблем, которые продолжали оставаться актуальными и в следующие десятилетия.

И к началу 1960-х годов сербы были самой активной частью населения, принявшей идеалы и цели нового социалистического общества. Это выражалось и в их отношении к правящей партии. В 1961 г. число мусульман и хорватов в партии не было пропорционально численности населения в

¹³ Владимир (Владко) Мачек (1879–1964) — государственный деятель монархической Югославии. В годы фашистской оккупации призывал сотрудничать с оккупантами.

¹⁴ Директива Й. Броз Тито о переселении из БиГ в Воеводину 15 тыс. человек.

¹⁵ Централни комитет КП BiH — ЦК КП Југославије, април 1946 // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. V. К-XXI. Јед. описа 2.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Izveštaj o obilasku partijskih organizacija BiH // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. V. К-XXI. Јед. описа 3.

республике. В СК БиГ преобладали сербы (42,89 %). Немного отставали мусульмане, составляя 26,8 %, а хорваты в партии не были активны — 12,2 %¹⁸.

В книге «История Союза коммунистов Боснии и Герцеговины», изданной в Сараеве в 1990 г., отмечалось, что достаточно долго после войны народ убеждали в окончательном решении национального вопроса в БиГ. Поэтому на протяжении двух десятилетий коммунисты БиГ его не обсуждали¹⁹. Лишь VIII съезд СКЮ (1964 г.) поставил вопрос о соотношении классового и национального в развитии республик и как бы дал отмашку (разрешение) на возможность рассмотрения проблемы в республиканских партийных организациях.

На IV съезде СК БиГ (1965 г.) уже подчеркивалось, что в некоторых сельских районах со смешанным населением, а также «в некоторых кругах идейно отсталых интеллектуалов» наблюдались «манифестации шовинистического характера», недовольство национальным составом отдельных руководящих органов²⁰. Участвовали в этом представители всех трех народов. Так, «сербские националисты» говорили о том, что сербы в БиГ не только отодвинуты на вторые роли, но им грозит опасность. А среди хорватов преобладают антиюгословенство, антисербство и антикоммунизм, что проявилось в создании сети Матицы хорватской (Мостар, Бугойно и др.), где эти идеи обсуждались. Они распространяли и соответствующие печатные издания. И, как правило, подчеркивалось в партийных документах, националисты в БиГ подстрекались из Хорватии и Сербии. А среди мусульманского населения распространялись идеи о том, что мусульмане в БиГ — единственный автохтонный элемент в Республике и потому являются супернацией с исключительной культурой. В эти процессы включился и «исламский клир», который стремился обеспечить себе лидирующую позицию в национальном движении в БиГ. Этим проблемам были посвящены заседания ЦК СК БиГ в январе 1970 г. и в апреле 1971 г.²¹.

Позже, в 1990-е годы, в трудах, вышедших в БиГ, нередко подчеркивалось, что после войны существовало неравенство между тремя народами БиГ. Так, в государственных структурах преобладали сербы, а в меньшинстве оказывались мусульмане. Мирсад Абазович в книге «Кадровая война за БиГ (1945–1991)» (1999 г.) приводит данные за 1949 год по Управлению государственной безопасности БиГ: сербов среди его служащих было 72,13 %, хорватов — 6,75 %, а мусульман — 16,7 %; в органах внутренних дел с 1945 г. по 1966 г. офицеры-сербы составляли 87,13 %, мусульмане — 9,92 %, а хорваты — 2,75 %²².

¹⁸ Aktivnost Saveza komunista na unapredivanju međunacionalnih i međurepubličkih odnosa (Sarajevo, januar 1968) // Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. SK ZKS. Š. 278.

¹⁹ Istorija Saveza komunista Bosne i Hercegovine. S. 192.

²⁰ Ibid. S. 193.

²¹ Ibid. S. 192–196.

²² Abazović Mirsad D. Kadrovski rat za BiH (1945–1991). Sarajevo: Savez logoraša Bosne i Hercegovine, Centar za istraživanje i dokumentaciju, 1999. S. 144–145.

В послевоенный период, до второй половины 1960-х годов, отмечает М. Абазович, не существовало «полного уважения национальных особенностей мусульман», на них оказывалось давление, чтобы они определялись как хорваты, сербы или югославы. И только в 1968 г., на 17 заседании ЦК СК БиГ было заявлено, что «мусульмане являются особым народом». Поэтому уже по переписи населения 1971 г. мусульманами в Республике себя назвали 39,5 % человек, а число югославов упало до 1,1 %²³.

В конце 1960-х годов партия уже выработала приемы урегулирования отношений в сложной многонациональной среде БиГ. К ним относятся — строгое соблюдение паритета представительства всех народов (мусульман, хорватов и сербов) в руководстве предприятий, партийных организаций, профсоюзов, школ, вузов; употребление кириллицы и латиницы на всех вывесках на общественных зданиях и учреждениях. Одним из вариантов решения национального вопроса коммунисты считали самоидентификацию гражданина как «югослав»²⁴. После Маспока²⁵ в Хорватии на нескольких заседаниях различных комитетов ЦК СК БиГ и Скупщины БиГ обсуждалась проблема употребления языка в Республике. В результате были сделаны выводы, что «официальное название языка в БиГ обязательно состоит из двух слов: «сербскохорватский–хорваткосербский». Оба написания — кириллическое и латиничное — равноправны. Обучение в школах осуществляется на иекавском литературном говоре²⁶.

Избежать межнациональных противоречий и их проявлений в Боснии и Герцеговине в конце 1960-х годов не удалось. И через 20 лет после окончания войны «молодая босанскогерцеговинская республика развивалась, преодолевая наследственную отсталость, различные противоречия и проблемы национального, регионального и другого характера, непонимание и отпор различного вида»²⁷. При этом Бранко Микулич отмечал, что на существование негативных тенденций в БиГ повлияли «национализм и шовинизм в других республиках», что для БиГ большое значение имеет борьба, которую ведут сербские коммунисты против национализма и шовинизма в Сербии²⁸.

В 1968 г. в Центре по информации, анализу и документации ЦК СК БиГ в материале о жалобах, направленных в ЦК, отмечалось, что негативные явления связаны, главным образом, с национализмом и шовинизмом во всех национальных сообществах, в местах с большинством сербского,

²³ Istorija Saveza Komunista Bosne i Hercegovine. S. 194–195.

²⁴ HDA. F. 1220. SK SKH. Org-polit. sekretariat. 1966. D. 1839.

²⁵ Маспок — массовое националистическое движение в Хорватии в конце 1960-х–начале 1970-х годов.

²⁶ Ibid. Informativna služba. D. 7705.

²⁷ Arhiv FBiH. Fond Branko Mikulić. Kut. 6. Predmet 50/66. Referati i intervju 1966–1970. L. 1.

²⁸ Ibid. L. 21.

хорватского или мусульманского населения. Это проявлялось при выборах в руководящие органы власти, при решении других кадровых вопросов. В жалобах к национализму относят даже исполнение «шовинистических и враждебных песен», а также потасовки и «кровавые разборки»²⁹. В Мостаре, например, отмечалось в партийных документах, имели место случаи создания студентами нелегальных групп, деятельность которых носила националистический характер. На них большое влияние оказывала деятельность усташеской или четнической эмиграции³⁰. В партийных отчетах подчеркивалось, что в БиГ нельзя игнорировать национальный вопрос из-за сложности взаимоотношений проживающих здесь народов в предшествующий исторический период. Однако изучение этих документов приводит нас к выводу, что коммунисты БиГ с большой осторожностью говорят о фактах проявления национализма, смягчают имевшие место случаи, стараются не называть имен и мест, а также национальности.

Как видим, несмотря на уверенность руководства страны, что «национальный вопрос решен, притом решен очень хорошо, к общему удовольствию всех наших народов», что удалось создать «внутреннее единство и конструктивное братство»³¹, межнациональные противоречия в республиках не исчезли. Они возникали в разных частях многонационального государства, стали постоянным явлением и привели к распаду федерации в 1991 г.

Литература

1. *Валев Э.Б.* Югославский клубок // География. 1996. № 7.
2. *Милојевић А.* Етничко и регионално у развоју Босне и Херцеговине // Босна и Херцеговина од средњег века до новијег времена / одг. ур.: С. Терзић. Београд: САНУ, 1995.
3. *Петрановић Б.* Југославија на размеђу (1945–1950). Подгорица: ЦАНУ, 1998.
4. *Abazović M.D.* Kadrovski rat za BiH (1945–1991). Sarajevo: Savez logoraša Bosne i Hercegovine, Centar za istraživanje i dokumentaciju, 1999.
5. *Istorija Saveza Komunista Bosne i Hercegovine / Z. Antonić et al.* Sarajevo: Institut za istoriju: Oslobođenje, 1990.
6. *Savez komunista Jugoslavije i politika nacionalne ravnopravnosti na osnovama socijalističkog samoupravljanja: Izbor tekstova / Priredili M. Matić, D. Janjić.* Beograd: Marksistički centar Organizacije Saveza komunista, 1982.
7. *Terzić S.* Izvodi iz saopštenja “Religija i država kod muslimana”. Prilog // Bilten vesti. M., 1995. 19 jul.

²⁹ О жалобама и предствкaма грађана, које су упућене Централном комитету Савеа комуниста Босне и Херцеговине у 1967. години и до 1 маја 1968. године // HDA. F. 1220. СК SKH. 1968. D. 2983.

³⁰ HDA. F. 1220. СК SKH. Org-polit. sekretariat. 1966. D. 1839.

³¹ *Savez komunista Jugoslavije i politika nacionalne ravnopravnosti na osnovama socijalističkog samoupravljanja: Izbor tekstova / Priredili M. Matić, D. Janjić.* Beograd: Marksistički centar Organizacije Saveza komunista, 1982. S. 123.

References

1. Abazović, M.D., 1999. *Kadrovski rat za BiH (1945–1991)*. Sarajevo: Savez logoraša Bosne i Hercegovine, Centar za istraživanje i dokumentaciju.
2. Antonić, Z. et al. 1990. *Istorija Saveza Komunista Bosne i Hercegovine*. Sarajevo: Institut za istoriju: Oslobođenje.
3. Matić, M., Janjić, D., 1982. *Savez komunista Jugoslavije i politika nacionalne ravnopravnosti na osnovama socijalističkog samoupravljanja: Izbor tekstova*. Beograd: Marksistički centar Organizacije Saveza komunista.
4. Milojević, A., 1995. Etničko i regionalno u razvoju Bosne i Hercegovine. In: Terzić, S., 1995. *Bosna i Hercegovina od srednjeg veka do novijeg vremena*. Beograd: SANU.
5. Petranović, B., 1998. *Jugoslavija na razmeđu (1945–1950)*. Podgorica: CANU.
6. Terzić, S., 1995. Izvodi iz saopštenja “Religija i država kod muslimana”. Prilog. *Bilten vesti*. 19 jul.
7. Valev, E.B., 1996. Iugoslavskii klubok. *Geografija*, N 7.

СЛОВАКИЯ МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И СОВРЕМЕННОСТЬЮ*

**Наталья Васильевна
Коровицына –**

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт Европы РАН.
Ул. Моховая, 11-3, Москва, Россия, 125009.
korovicyna@mail.ru

Аннотация

Автор анализирует динамику важнейших демографических тенденций либеральной модернизации в Словакии как результата поколенческих сдвигов. Особое внимание уделяется проблематике семейного поведения и сохраняющейся роли сельского происхождения населения в современном словацком обществе. Нынешнее общество характеризуется как урбанно-руральный тип с доминирующими традиционными чертами.

Ключевые слова

Цивилизационные модели, традиционализм, Словакия, семья, город-село.

SLOVAKIA BETWEEN TRADITION AND MODERNITY

Natalia V. Korovitsyna –

Doctor of Sciences,
Lead Researcher,
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.
Mokhovaia str., 11-3, Moscow, Russia, 125009.
korovicyna@mail.ru

Abstract

The author analyses the dynamics of main demographic shifts during the liberal modernisation in Slovakia as a result of generational effects. The author pays special attention to the family behaviour dimension and the crucial role of rural origins of population in the contemporary Slovak society. This society is characterised as an urban-rural type of society with dominant traditional features.

Keywords

Civilizational models, traditionalism, Slovakia, family, city-village.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-07-00016 «Россия и Центральная Европа: проблемы и перспективы взаимоотношений в условиях мирового политического кризиса».

Неоспоримый факт — ускоренная индустриализация региона Центральной и Восточной Европы пришлось на период реального социализма. После окончания Второй мировой войны восточноевропейское общество оставалось преимущественно аграрным, сельским, т.е. сохраняло «досовременный» облик. В 1948 г. в сельском хозяйстве было занято свыше 60 % экономически активного населения стран региона, кроме Чехии и ГДР. К 1963–1964 гг. рассматриваемая группа стран превратилась в индустриально-аграрные. Это означает, что занятость в промышленности тогда впервые превысила сельскохозяйственную¹. В 1970-е годы доля аграрного сектора снизилась до менее 20 %. За годы социалистической индустриализации, как основы модерн-проекта советского типа, социалистические страны совершили долгожданный рывок в развитии — больший, чем за многие предшествующие исторические этапы. По показателям структуры народного хозяйства Словакии удалось преодолеть отставание от промышленно развитых Чешских земель в 50–80 лет, существовавшее в первые послевоенные годы. В течение довольно короткого времени словацкое общество достигло и перевеса городского населения над сельским, хотя темп урбанизации был ниже по сравнению с индустриализацией. В 1950 г. доля горожан составляла 26,2 %, в 1970 г. — 37 %, а в 1980 г., наконец, преодолела границу 50 %². Цивилизационные сдвиги происходили в атмосфере массового созидательного настроения³.

Социалистическая или индустриальная модернизация основывалась на политике полной занятости, нивелизации оплаты труда, позитивной дискриминации нижних слоев в сфере образования. Заработок не предопределял, как раньше, положение в общественной иерархии, его важным фактором стал значительно возросший уровень образования населения. По переписи 1980 г. в категории 25–29-летних лишь каждый четвертый гражданин Словакии обладал неполным (восьмилетним) средним образованием, тогда как у людей старше 60 лет — свыше 80 %⁴. В первом, а особенно во втором послевоенном поколении сформировались средние и высшие слои словацкого общества. Вскоре после следующей смены систем, в 1993 г., к этим группам принадлежало 44 % экономически активного населения, тогда как в 1967 г. — 29 %⁵.

¹ Londák M. *Ekonomika na Slovensku po štyridsiatich rokoch komunizmu* // Londák M., Michálek S. a kol. *20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja*. Bratislava: Historický ústav SAV, 2013. S. 200.

² Strapcová K. *Sociálny status a vzdelanostná mobilita na Slovensku v povojnových rokoch 1948–1989* // Búzik B., Strapcová K., Zeman M. *Triedy a stratifikácia v sociálnej zmene Slovenska*. Bratislava: Sociologický ústav SAV, 2008. S. 66.

³ Lipták L. *Slovensko v 20. storočí*. Bratislava, 1998. S. 317–318. См. также: Коровицына Н. С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М.: Эксмо, 2003.

⁴ Strapcová K. *Sociálny status...* S. 78.

⁵ Bunčák J., Džambazovič R., Sopóci J. *Vývoj sociálnej stratifikácie slovenskej spoločnosti v posledných dvoch desaťročiach* // Londák M., Michálek S. a kol. *20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja*. Bratislava: Historický ústav SAV, 2013. S. 591.

Либеральная (посткоммунистическая и постиндустриальная) модернизация общества в Словакии, как и Центральной и Восточной Европе в целом, преследовала цель перехода к западной — демократической — цивилизационной модели (вестернизации). «Бархатные» революции (и последующие «цветные») осуществлялись в интересах не отдельных классов, а развития гражданского общества и перехода к рыночной экономике в недавнем прошлом преимущественно традиционных обществ восточноевропейского типа. Речь шла, прежде всего, об их политической модернизации. Однако при этом подразумевалась полная трансформация жизненных основ, культуры и менталитета народов региона. Сущность и результаты этих глубинных процессов, продолжающихся уже почти три десятилетия, раскрывают проведенные в Словакии конкретные социоэмпирические исследования по завершении поколенческого цикла перемен. По сути, главный вывод специалистов звучит на первый взгляд неожиданно: «Словакия и в XXI в. остается социально консервативной и преимущественно сельской страной. ...Поэтому здесь невозможно в XXI в. создать радикально несельское и космополитичное общество»⁶.

С течением времени развеялись и иллюзии реформаторов о цивилизационных сдвигах в результате естественной смены поколений⁷, возможно, именно в Словакии особенно безнадежные. Более того, многие проблемы консолидации демократии и даже ее регресс оказались следствием уже не только «наследия прошлого», но и самой нелиберальной трансформации⁸. Еще в межвоенной Чехословакии существовало представление о словацком народе как гомогенной коллективности, не обладающей отчетливой социальной и политической дифференциацией. В значительной мере это было обусловлено характером социальной структуры словацкого общества, довольно низким уровнем его образования и благосостояния, слабой традицией гражданского общества в западном понимании. Однако в отличие от западноевропейских стран в Словакии и большинстве других «новых демократий» и после 1989 г. партийные структуры продолжали формироваться на основе политизации культурных или ценностных, а не социально-структурных различий.

Посткоммунистическая модернизация имеет важное, если не определяющее, демографическое измерение. Оно заключается не только в превращении рассматриваемой группы стран уже в первое десятилетие после 1989 г. в регион с естественной убылью населения, а особенно после

⁶ *Buzalka J.* Od štátu slovenského národa k multietnickej demokracii? // *Odkiaľ a kam: 20 rokov samostatnosti* / ed.: M. Bútorá, Z. Bútorová, M. Kollár, G. Mesežnikov. Bratislava: IVO, 2013. S. 164.

⁷ *Bútorová Z.* Ako chute slovenská samostatnosť: peripetie a paradox vývoja verejnej mienky // *Odkiaľ a kam...* S. 144.

⁸ *Marušák J.* Už nie Východ — ešte nie Západ? Slovanská politika po roku 1993 medzi tradíciou a súčasnosťou // *Londák M., Michálek S. a kol.* 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. S. 377.

вступления в ЕС в 2004 г. — и с массовой миграцией за рубеж. Именно усилением социальных различий и появлением «проигравших» от смены общественной системы групп общества в Словакии, как и в соседних с ней странах, объясняется отчетливое к началу XXI в. становление здесь новой модели воспроизводственного и семейного поведения. Оно выразилось, в первую очередь, в ослаблении связи между браком и рождением детей или стремительном росте доли внебрачных детей. В течение многих лет во второй половине XX в. этот показатель держался в Словакии на уровне 5–7 %, но в 2011 г. достиг 34 % всех рожденных детей. Перемены концентрировались в среде людей с низким социальным статусом⁹. Демографическое поведение высокообразованных женщин при этом по-прежнему характеризуется как «традиционное»¹⁰. У них по состоянию на 2009 г. всего 18 % первых детей рождено вне брака, тогда как у женщин с неполным средним образованием — 80 %¹¹.

В Словакии особенно отчетливо проступила связь феномена «свободного материнства» (и общего снижения количества браков и рождений) не с наступлением так называемого второго демографического перехода в результате смены системы ценностей, как за два десятилетия до этого в Западной Европе, а со спецификой социальных перемен в годы реформ. Словакия (в отличие от Чехии) находится к востоку от так называемой линии Гайнала, уже несколько столетий разделяющей европейский континент на два исторических типа семейного поведения, характерных для аграрного Востока и индустриального Запада¹². Восточноевропейский тип семейного поведения сохранялся в Словакии и в ходе социалистической модернизации. На ее завершающем этапе в результате политики нивелирования воспроизводственного поведения различных социально-образовательных групп общество современного типа сочеталось с традиционными семейными системами¹³. Но, начиная с поколения 1960-х годов рождения, положение меняется. Нижние слои общества отказываются от консервативных семейных ценностей и образцов, однако в силу социально-экономических обстоятельств, а не модернизационных факторов.

В течение двух десятилетий после политических перемен 1989 г. различия между странами запада и востока Европы в возрасте вступления в брак

⁹ Potančoková M. Rodina a životné dráhy mladých dospelých // Ako sa mení slovenská spoločnosť / V. Krivý (ed.). Bratislava: Sociologický ústav SAV, 2013. S. 109.

¹⁰ Džambazovič R. Rodinné správanie v demografických dátach. Bratislava: Stimul, 2012. S. 32.

¹¹ Potančoková M. Zmena reprodukčného správania populácie Slovenska po roku 1989: trendy, príčiny a dôsledky // Desat'ročia premien slovenskej spoločnosti, Bratislava: VEDA, 2011. S. 56.

¹² Подробнее см.: Коровицына Н.В. Процессы трансформации чешской семьи в середине XX — начале XXI века // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 194–205.

¹³ Džambazovič R. Rodinné správanie v demografických dátach. S. 101.

и рождения детей, а также по доле хозяйств одиноких людей, стирались. Несмотря на выраженный догоняющий эффект, католическая Словакия, как и Польша, с более консервативными семейными традициями, согласно оценкам социодемографов, возможно никогда не сравняются с демографическими параметрами Западной Европы¹⁴. Среди словаков сейчас всего 30 % мужчин в возрасте 20–34 лет живут независимо от родителей (в целом по центральноевропейскому региону — менее половины), не больше 4 % — в незарегистрированном союзе, но выше всего доля мужчин, проживающих в семьях со своими детьми — три четверти (в Германии — чуть больше половины). Образ жизни в Словакии и Польше меняется медленнее, чем в Чехии и Венгрии, и в некоторых отношениях в первом случае западные модели отрицаются большинством людей или приобретают совершенно иное содержание. Историческое деление на западную и восточную демографические системы существует и поныне, что, безусловно, связано с различными прошлыми практиками и ценностями.

Особенность современной цивилизационной динамики словацкого общества — противоположная по направленности периоду социализма — проявилась и в развернувшихся с начала 1990-х годов процессах его дезурбанизации, деконцентрации и увеличении и так немалой (43–44 %) доли сельского населения. Одновременно нарастали различия между городом и селом, тем более разительные после завершения политики «стирания границ» между ними в предшествующий период.

На протяжении всего периода неолиберальной трансформации словацкого общества происходил рост небольших городов с численностью населения до 10 тыс. человек и крупных сельских поселений (от 500 до 5 тыс. жителей). Напротив, переживавшие деиндустриализацию города с более 10 тыс. жителей, особенно средние и крупные, как и самые небольшие сельские поселения, характеризовались убылью населения¹⁵. Миграция из городов в сельскую местность достигла высших значений на пике словацких реформ в 2002–2004 гг. Но снижение численности городского населения регистрируется уже с 1996 г., главным образом, за счет процессов субурбанизации. Люди начали тогда переезжать в окрестности сначала столицы Братиславы, а после 2001 г. и остальных не только крупных, но также средних и малых городов — часто на «малую родину» своих ближайших предков¹⁶. Произошел своего рода «ренессанс села», связанный не в последнюю очередь с ростом привлекательности жизни в собственных семейных домах, владение которыми традиционно обладает чрезвычайно

¹⁴ *Individuals and Households in the Czech Republic and CEE Countries / J. Večerník (ed.)*. Prague: Sociologický ústav AV ČR, 2010. S. 27.

¹⁵ *Gajdoš P. Mestá — vidiek — region // Ako sa mení slovenská spoločnosť*. S. 141.

¹⁶ *Gajdoš P. Vývojové zmeny v sociálno-priestorovej situácii Slovenska // Desaťročia premien slovenskej spoločnosti*. S. 65; *Moravanská K. Špecifiká suburbanizácie na Slovensku // Ibid.* S. 89

высокой символической ценностью для всех словаков, отцы и деды которых в большинстве своем были сельскими жителями.

Словацкое село переживало непростые времена в условиях, когда сельскохозяйственная занятость — коллективная и индивидуальная — упала после проведения либеральных реформ до чуть более 3 %, что стало угрожать самому существованию этой традиционной сферы деятельности населения страны¹⁷. Период рыночных реформ, сформировавший в начале XXI в., прежде всего в Братиславе и ее окрестностях, один из наиболее процветающих в Европе регионов, скорее, усилил консервативный, традиционный облик словацкого села, особенно в бедных южных и восточных частях страны. Здесь происходила массовая депопуляция некоторых поселений, возникали «острова бедности» с маргинализированными слоями социально-исключенного населения. Появление целого пояса таких регионов, число которых нарастает с запада на восток страны, объясняется специалистами несовместимостью их действительности с новыми культурными образцами периода вестернизации¹⁸.

Любопытно, что еще исследование 1984 г. свидетельствовало об устойчивой склонности словаков с их крестьянскими корнями к производительной деятельности и «земельной ориентации» (*zemitost'*) этого народа, характерной, в том числе и для интеллигенции — основная ее часть была интеллигенцией в первом поколении. Способ использования ею свободного времени оказался тогда зависимым от обладания земельным участком в большей степени, чем от социальной принадлежности. Исследователи констатировали: «Интеллигенция (и не только она), владеющая землей, в своей деятельности в послерабочее время похожа на подгруппу рабочих, владеющих землей»¹⁹. Последние данные показали, что ситуация с того времени мало изменилась, в том числе в среде городских жителей.

Словацкое общество не отказывалось от своих культурных традиций в период посткоммунистической модернизации, а, скорее, возвращалось к ним. Для Центральной и Восточной Европы в целом после 1989 г. характерна отличная от западноевропейской тенденция десекуляризации и деприватизации религии. «Тезис о нарастании секуляризации прямо пропорционально нарастанию модернизации для исследуемого региона не подтвердился»²⁰. Более того, на фоне роста материалистических ориентаций при «переходе от социализма к капитализму» Словакия стала единственной в Центральной Европе страной, где, особенно в период национального

¹⁷ J. Bunčák a kol. Sociálne nerovnosti: storočie zmien // Ako sa mení slovenská spoločnosť. S. 50.

¹⁸ Gajdoš P. Mestá — vidiek — region // Ako sa mení slovenská spoločnosť. S. 172.

¹⁹ Radičová I. O zemitosti nášho vol'ného času // Sociológia. 1989. № 4. S. 445.

²⁰ Podolinská T., Krivý V., Bahna M. Religiozita: Slovensko a jeho susedia // Ako sa mení slovenská spoločnosť. S. 242.

подъема 1990-х годов, произошел рост уровня религиозности, причем по показателям распространенности и христианской веры, и церковной практики (при стабильном уровне внецерковной практики). Словакия стала одной из наиболее традиционалистских «цитаделей» католицизма в современной Европе. Примечательно, что связь уровня религиозности с социальной принадлежностью ослабла. А с возрастом религиозность возрастает. Сравнение ее уровня для трех поколений нынешних жителей страны показало, что характер религиозной социализации не является значимым: половина людей старшего возраста, выросших в период социализма, принадлежит к категории «сильно религиозных»²¹.

Несмотря на значительные сдвиги в социальной структуре населения Словацкой Республики, обусловленные радикальными рыночными реформами правоцентристских сил в 1998–2006 гг., общекультурное, цивилизационное измерение словацкого общества сохраняло свою чрезвычайную значимость при осуществлении его посткоммунистической модернизации. Прошедшее с середины прошлого века через две волны модернизации словацкое общество — ныне городское по социальным показателям — остается преимущественно сельским, посткрестьянским в культурном отношении. Как свидетельствуют объективные данные, общественное развитие продолжало «отклоняться» от «стандартной» траектории модернизации и тенденций социальной динамики западного типа и даже шло вразрез с ними²². К тому же, в условиях ухудшения экономического положения широких слоев населения, роста социального неравенства и недовольства граждан, выявившееся «цивилизационное несоответствие» содержало потенциал его политической активизации.

Проводившиеся в Словакии социологические исследования многократно подтвердили факт предопределенности местом проживания — городским или сельским — ценностных различий населения страны. Ту же закономерность демонстрируют результаты свободных выборов, проводившихся после 1989 г. Они свидетельствуют о различиях в электоральном поведении прежде всего городских и сельских жителей. Сами словацкие политические партии здесь принято делить на городские и сельские. Наибольших успехов добиваются те из них, которые имеют массовую базу среди жителей села. Словакию отличает от стран Запада (где люди с более высоким социально-экономическим статусом проявляют повышенную электоральную активность) стабильное с 1992 г. превышение участия в выборах жителей небольших населенных пунктов, сёл по сравнению с крупными городами. Это различие важно даже не только само по себе, но и в силу разных избирательных ориентаций горожан и сельского населения. Одновременно сохраняется отмечавшаяся еще в межвоенный период тра-

²¹ Podolinská T., Krivý V., Bahna M. Religiozita: Slovensko a jeho susedia. S. 246.

²² Krivý V. Záver // Ako sa mení slovenská spoločnosť. S. 387.

диционная ориентация словаков на партии «широкого профиля», основанные на трех столпах — социальном, религиозном и национальном.

Наиболее высоко ценятся сейчас словацкими гражданами те права и свободы, которых им особенно, по их мнению, не достает. Это прежде всего права социальные. Напротив, относительно низко словаки оценивают полученные политические и гражданские права, субъективная важность которых даже сократилась. Они считаются удовлетворенными, и нарушение их не сопровождается фрустрацией. Вместе с тем, граждан особенно беспокоит ухудшение условий социального продвижения по сравнению с периодом до 1989 г.: распространено представление, что «бархатная» (в Словакии — «нежная») революция не привела к ожидавшемуся равенству возможностей на основе трудового участия.

Словацкий пример соотношения традиции и современности в восточно-европейском регионе особенно показателен. Хотя большинство людей живет здесь в городах, часто это первое или второе поколение городских жителей, что предопределяет ментальные и культурные воззрения словацкого общества, которое и по сей день фактически остается сельским. Шесть из каждых десяти взрослых словаков выросло (возраст до 12–14 лет) в сельской среде, еще двое — в малом городе, тогда как в крупном городе (50–100 тыс.) — едва один из десяти²³. В целом 3/4 млн. людей проживают в настоящее время в совершенно ином месте страны, чем то, где они были социализированы.

Духовная культура словаков весьма неоднородная, наиболее многочисленная часть их принадлежит исторически к восточной (Византия, Россия) культурной зоне христианства, или к «востоку». Исторически, по мнению словаков, их страна относится в равной мере близко к западной и восточной культуре (28 %), к восточной (35,7 %) и к западной (14,4 %). «Сердцем», или культурно-аутентично, словацкое общество — всё еще доминирующе сельское и малгородское²⁴. Очевидна низкая доля людей, внутренне склонных к крупногородской среде. Лишь немногим меньше половины взрослых жителей двух крупнейших городов — Братиславы и Кошице — внутренне тяготеют к характерной для них среде. Группа людей с малгородской и особенно сельской идентичностью — по сравнению с жителями, отождествляющими себя с крупногородской средой — делает акцент на социальном перераспределении («отнять у богатых и передать бедным») и меньше доверяет богатым людям. 76 % жителей страны долговременно проживают в одном месте, т.е. структура расселения относительно стабильна. Широко распространено утверждение: «Здесь я родился, здесь вырос, здесь чувствую себя дома»²⁵.

²³ Krivý V. Dominantné kolektívne identity na súčasnom Slovensku // Krivý V., Danglová O. Svet mnohých "MY a ONI": Kolektívne identity na súčasnom Slovensku. Bratislava: Etnologický ústav SAV, 2006. S. 96.

²⁴ Ibid. S. 98.

²⁵ Danglová O. Lokálne kontexty identity // Krivý V., Danglová O. Svet mnohých "MY a ONI". Kolektívne identity na súčasnom Slovensku. Bratislava: Etnologický ústav SAV, 2006. S. 142.

По оценке социологов, словацкое общество и поныне урбано-руральное с элементами традиционализма. К признакам традиционного общества принадлежат сильная связь с семьей и собственное хозяйство — земля, дом, поселение, его этническая и конфессиональная структура. С традиционализмом связаны черты, метафорически именуемые «укорененностью», «почвенничеством». В сельской среде человек живет неотделимо от природы, в соответствии с правилом «так работали наши отцы, так работаем и мы»²⁶.

Традиционное общество в той иной степени характерно и для остальных стран Центральной и Восточной Европы. Оно неотделимо от многочисленных низших — постсельских и посткрестьянских — слоев населения этих стран, крайне узкого слоя политической и экономической элиты, их углубляющейся социальной и культурной поляризации, взаимного недоверия «низов» и «верхов» общества восточноевропейского типа.

Литература

1. *Коровицына Н.* С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М.: Эксмо, 2003.
2. *Коровицына Н.В.* Процессы трансформации чешской семьи в середине XX — начале XXI века // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 194–205.
3. *Bunčák J. a kol.* Sociálne nerovnosti: storočie zmien // Ako sa mení slovenská spoločnosť / V. Krivý (ed.). Bratislava: Sociologický ústav SAV, 2013. S. 16–87.
4. *Bunčák J., Džambazovič R., Sopóci J.* Vývoj sociálnej stratifikácie slovenskej spoločnosti v posledných dvoch desaťročiach // *Londák M., Michálek S. a kol.* 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja. Bratislava: Historický ústav SAV, 2013. S. 585–598.
5. *Bútorová Z.* Ako chutí slovenská samostatnosť: peripetie a paradox vývoja verejnej mienky // Odkiaľ a kam: 20 rokov samostatnosti / ed.: M. Bútorová, Z. Bútorová, M. Kollár, G. Mesežnikov. Bratislava: IVO, 2013. S. 131–150.
6. *Buzalka J.* Od štátu slovenského národa k multietnickej demokracii? // Odkiaľ a kam: 20 rokov samostatnosti / ed.: M. Bútorová, Z. Bútorová, M. Kollár, G. Mesežnikov. Bratislava: IVO, 2013. S. 152–168.
7. *Danglová O.* Lokálne kontexty identity // *Krivý V., Danglová O.* Svet mnohých “MÝ a ONI”. Kolektívne identity na súčasnom Slovensku. Bratislava: Etnologický ústav SAV, 2006. S. 135–168.
8. *Džambazovič R.* Rodinné správanie v demografických dátach. Bratislava: Stimul, 2012.
9. *Gajdoš P.* Mestá — vidiek — region // Ako sa mení slovenská spoločnosť / V. Krivý (ed.). Bratislava: Sociologický ústav SAV, 2013. S. 128–176.
10. *Gajdoš P.* Vývojové zmeny v sociálno-priestorovej situácii Slovenska // *Desaťročia premien slovenskej spoločnosti*, Bratislava: VEDA, 2011. S. 51–69.
11. *Individuals and Households in the Czech Republic and CEE Countries* / J. Večerník (ed.). Prague: Sociologický ústav AV ČR, 2010.

²⁶ *Danglová O.* Lokálne kontexty identity. S. 114.

12. *Krivý V.* Dominantné kolektívne identity na súčasnom Slovensku // *Krivý V., Danglová O.* Svet mnohých “MY a ONI”: Kolektívne identity na súčasnom Slovensku. Bratislava: Etnologický ústav SAV, 2006. S. 27–104.
13. *Krivý V.* Záver // *Ako sa mení slovenská spoločnosť* / V. Krivý (ed.). Bratislava: Sociologický ústav SAV, 2013. S. 343–388.
14. *Lipták L.* Slovensko v 20. storočí. Bratislava: VEDA, 1998.
15. *Londák M.* Ekonomika na Slovensku po štyridsiatich rokoch komunizmu // *Londák M., Michálek S. a kol.* 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja. Bratislava: Historický ústav SAV, 2013. S. 189–209.
16. *Marušiak J.* Už nie Východ — ešte nie Západ? Slovanská politika po roku 1993 medzi tradíciou a súčasnosťou // *Londák M., Michálek S. a kol.* 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja. Bratislava: Historický ústav SAV, 2013. S. 359–384.
17. *Moravanská K.* Špecifická suburbanizácie na Slovensku // *Desaťročia premien slovenskej spoločnosti.* Bratislava: VEDA, 2011. S. 83–96.
18. *Podolinská T., Krivý V., Bahna M.* Religiozita: Slovensko a jeho susedia // *Ako sa mení slovenská spoločnosť* / V. Krivý (ed.). Bratislava: Sociologický ústav SAV, 2013. S. 181–256.
19. *Potaňčoková M.* Rodina a životné dráhy mladých dospelých // *Ako sa mení slovenská spoločnosť* / V. Krivý (ed.). Bratislava: Sociologický ústav SAV, 2013. S. 89–127.
20. *Potaňčoková M.* Zmena reprodukčného správania populácie Slovenska po roku 1989: trendy, príčiny a dôsledky // *Desaťročia premien slovenskej spoločnosti,* Bratislava: VEDA, 2011. S. 142–159.
21. *Radičová I.* O zemitosti nášho voľného času // *Sociológia.* 1989. N 4. S. 430–452.
22. *Strapcová K.* Sociálny status a vzdelanostná mobilita na Slovensku v povojnových rokoch 1948–1989 // *Búzik B., Strapcová K., Zeman M.* Triedy a stratifikácia v sociálnej zmene Slovenska. Bratislava: Sociologický ústav SAV, 2008. S. 57–104.

References

1. Bunčák, J., Džambazovič, R., Sopóci, J., 2013. Vývoj sociálnej stratifikácie slovenskej spoločnosti v posledných dvoch desaťročiach. In: Večerník, J., ed. 2010. *Individuals and Households in the Czech Republic and CEE Countries.* Prague: Sociologický ústav SAV, pp. 585–598.
2. Bunčák, J. a kol., 2013. Sociálne nerovnosti: storočie zmien. In: Krivý, V., ed. 2013. *Ako sa mení slovenská spoločnosť*. Bratislava: Sociologický ústav SAV, pp. 16–87.
3. Bútorová, Z., 2013. Ako chutí slovenská samostatnosť: peripetie a paradox vývoja verejnej mienky. In: Bútorová M., Bútorová Z., Kollár M., Mesežnikov G., 2013. *Odkiaľ a kam: 20 rokov samostatnosti.* Bratislava: IVO, pp. 131–150.
4. Buzalka, J., 2013. Od štátu slovenského národa k multietnickej demokracii? In: Bútorová M., Bútorová Z., Kollár M., Mesežnikov G., 2013. *Odkiaľ a kam: 20 rokov samostatnosti.* Bratislava: IVO, pp. 152–168.

5. Danglová, O., 2006. Lokálne kontexty identity. In: Krivý, V., Danglová, O., 2006. *Svet mnohých "MY a ONI"*. Bratislava: Etnologický ústav SAV, pp. 135–168.
6. Džambazovič, R., 2012. *Rodinné správanie v demografických dátach* Bratislava: Stimul.
7. Gajdoš, P., 2011. Vývojové zmeny v sociálno-priestorovej situácii Slovenska. In: *Desať ročia premien slovenskej spoločnosti*. Bratislava: VEDA, pp. 51–69.
8. Gajdoš, P., 2013. Mestá — vidiek — region. In: Krivý, V., ed. 2013. *Ako sa mení slovenská spoločnosť*. Bratislava: Sociologický ústav SAV, pp. 128–176.
9. Korovitsyna, N., 2003. *S Rossiei i bez nee: vostochnoevropskii put' razvitiia* [With and without Russia: Eastern European way of development]. Moscow: Eksmo.
10. Korovitsyna, N.V., 2014. Protsessy transformatsii cheshskoi sem'i v seredine XX — nachale XXI veka [Transformation processes in Czech family in the mid-twentieth — early twenty-first century]. *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary history]. N 1. pp. 194–205.
11. Krivý, V., 1998. Záver. In: Krivý, V., ed. 2013. *Ako sa mení slovenská spoločnosť*. Bratislava: Sociologický ústav SAV, pp. 343–388.
12. Krivý, V., 2006. Dominantné kolektívne identity na súčasnom Slovensku. In: Krivý, V., Danglová, O., 2006. *Svet mnohých "MY a ONI": Kolektívne identity na súčasnom Slovensku*. Bratislava: Etnologický ústav SAV, pp. 27–104.
13. Lipták, L., 1998. *Slovensko v 20. storočí*. Bratislava: VEDA.
14. Londák, M., 2013. Ekonomika na Slovensku po štyridsiatich rokoch komunizmu. In: Londák, M., Michálek, S. a kol., 2013. *20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja*. Bratislava: Historický ústav SAV, pp. 189–209.
15. Marušiak, J., 2013. Už nie Východ — ešte nie Západ? Slovanská politika po roku 1993 medzi tradíciou a súčasnosťou. In: Londák, M., Michálek, S. a kol., 2013. *20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja*. Bratislava: Historický ústav SAV, pp. 359–384.
16. Moravanská, K., 2011. Špecifická suburbanizácie na Slovensku. In: *Desať ročia premien slovenskej spoločnosti*. Bratislava: VEDA, pp. 83–96.
17. Podolinská, T., Krivý, V., Bahna, M., 2013. Religiozita: Slovensko a jeho susedia. In: Krivý, V., ed. 2013. *Ako sa mení slovenská spoločnosť*. Bratislava: Sociologický ústav SAV, pp. 181–256.
18. Potančoková, M., 2011. Zmena reprodukčného správania populácie Slovenska po roku 1989: trendy, príčiny a dôsledky. In: *Desať ročia premien slovenskej spoločnosti*. Bratislava: VEDA, pp. 142–159.
19. Potančoková, M., 2013. Rodina a životné dráhy mladých dospelých. In: Krivý, V., ed. 2013. *Ako sa mení slovenská spoločnosť*. Bratislava: Sociologický ústav SAV, pp. 89–127.
20. Radičová, I., 1989. O zemitosti nášho vol'ného času. *Sociológia*, N 4, pp. 430–452.
21. Strapcová, K., 2008. Sociálny status a vzdelanostná mobilita na Slovensku v povojnových rokoch 1948–1989. In: Búzik, B., Strapcová, K., Zeman, M., 2008. *Triedy a stratifikácia v sociálnej zmene Slovenska*. Bratislava: Sociologický ústav SAV, pp. 45–71.
22. Večerník, J., ed. 2010. *Individuals and Households in the Czech Republic and CEE Countries*. Prague: Sociologický ústav.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ ИВАНА ЦАНКАРА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СЛОВЕНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Анна Геннадьевна Бодрова –

кандидат филологических наук, доцент,
филологический факультет,
Санкт-Петербургский государственный
университет.
Университетская набережная, 11,
Санкт-Петербург, Россия, 199034.
a.bodrova@spbu.ru

Аннотация

Занимающий почетное место в словенском культурном каноне писатель Иван Цанкар (1876–1918) изменил когда-то ход развития словенской литературы и оказал влияние на формирование национальной идентичности. Национальный нарратив Цанкара базировался на противоречиях: долго живя вдали от своего народа, он то его воспевал, то обрушивался на него с критикой, родина соотносится у него с матерью, но мать выступает как умершая. Сосредоточенность Цанкара на теме матери и родины интерпретируется в статье в духе психоанализа. Вслед за Славоем Жижекком развивается тезис, что именно мать является для Цанкара представителем символического порядка или сверх-Я. Рассматривается понятие «цанкаровская мать», ставшее в словенском культурном пространстве символом жертвенности и вместе с тем репрессивности.

Ключевые слова

Словенская литература, Иван Цанкар, национальный нарратив, национальная идентичность, нация, мать, родина, психоанализ.

IVAN CANKAR'S NATIONAL NARRATIVE AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF THE SLOVENIAN CULTURAL IDENTITY

Anna G. Bodrova –

Ph.D., Associate Professor,
Philological Faculty, Saint Petersburg
State University.
Universitetskaya Naberezhnaya, 11,
Saint Petersburg, Russia, 199034.
a.bodrova@spbu.ru

Abstract

Ivan Cankar (1876–1918), who occupies an honorable place in the Slovenian cultural canon, once changed the course of development of Slovenian literature and influenced the formation of national identity. The national narrative of Cankar was based on contradictions: living far from his people, he sometimes glorified them and sometimes attacked them with heavy criticism; he correlated his homeland with his mother, the mother though being dead. Cankar's concentration on the subject of mother and home-

land is interpreted here in the framework of psychoanalysis. Following Slavoj Žižek, the author develops the idea that it was the mother who became the Symbolic Order representative or Super-Ego for the writer. The concept of “Cankar’s mother”, which became a symbol of self-sacrifice and at the same time repressiveness in the Slovenian cultural space, is considered.

Keywords

Slovenian literature, Ivan Cankar, national narrative, national identity, nation, mother, motherland, psychoanalysis.

Писатель Иван Цанкар (1876–1918), занимающий одно из самых почетных мест в каноне словенской литературы, оказал огромное влияние на развитие словенского социума, среди прочего на формирование национальной идентичности. Безусловно, он внес революционные изменения в национальную словесность, обновил ее новыми темами, жанрами, формами. Цанкар считается первым словенским профессиональным писателем. В творчестве и в биографии ему удавалось совмещать противоречивые тенденции. С одной стороны, он вел богемный образ жизни на чужбине, с другой — занимался политикой и был патриотом; интерес к родине, социальным проблемам (повесть «Батрак Ерней и его право» — «Нарес Jernej in njegova pravica», 1907) сочетается в его творчестве с излюбленными темами модерна (смерть, детство, искусство и др.); символистская драма («Прекрасная Вида» — «Lera Vida», 1912) и роман, где применяется техника «потока сознания» («Нина» — «Nina», 1906), соседствуют с политическими статьями.

Цанкар провел около 13 лет своей жизни за пределами словенских земель, а именно в Вене. Пребывание в венском социокультурном пространстве позволило писателю расширить диапазон тем и преодолеть некоторую провинциальную ограниченность словенской литературы. К «венской» теме у Цанкара обращается Т.И. Чепелевская¹, она пишет об особой «ситуации колебания» между закрытым и открытым типами культуры, свойственной словенской культуре, находящейся на перекрестке Центральной Европы и Балкан.

В творчестве Цанкара универсалистские тенденции западноевропейского модерна сочетались с устремлениями, направленными на создание национальной литературы, оказавшей огромное влияние на формирование национального самосознания. Проблема национальной идентичности занимала одно из важнейших мест в мировоззрении словенского писателя. И. Цанкара можно считать тем самым представителем культурной элиты, который играл ведущую роль в создании воображаемого сообщества² —

¹ Чепелевская Т.И. Иван Цанкар и литературно-художественная Вена // *Художественная культура Австро-Венгрии: Искусство многонациональной империи. 1867-1918* / Отв. ред. Н.М. Вагапова, Е.К. Виноградова. СПб.: Алетейя, 2005. С. 168-175.

² Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.

«словенской нации». По мнению Бенедикта Андерсона, филологи и литераторы принимали активное участие в процессе конструирования национального сознания³. При этом очень важное значение имела деятельность двуязычных писателей, переносивших уже существующие национальные модели на свою почву⁴. Действительно, Цанкар в прочитанной им в 1913 г. в Любляне лекции «Словенцы и югославы», призывая к политическому объединению южных славян в одно государство (сербов, хорватов, словенцев, болгар), упоминает об уже существующих Великой Германии и Великой Италии⁵. Писатель утверждал, что, на первый взгляд, идея образования нового югославянского государства может показаться утопией — ведь препятствий на пути его создания множество, однако «у утопий с давних пор есть одна странная черта — они имеют обыкновение сбываться»⁶. Цанкар неоднократно подчеркивал, что югославянский вопрос для него относится к сфере политики, и настаивал на самостоятельности языков и культур: «... югославянское племя раскололось на четыре народа с четырьмя самостоятельными культурными жизнями. По крови мы братья, по языку — двоюродные братья, а по культуре, являющейся плодом многовекового сепаратного воспитания, — мы более чужды друг другу, нежели наш гореньский крестьянин тиролюскому или горицкий винодел — фриульскому»⁷. В начале XX в., как и в предыдущем веке, в словенских землях были распространены идеи образования единого южнославянского языка⁸, однако Иван Цанкар — создатель словенской национальной и культурной идентичности, продолжатель линии развития литературы, намеченной поэтом Франце Прешерном (1800–1849), был против подобных идей. Историки считают, что лучшее, что было сказано словенцами до Первой мировой войны по югославянской теме принадлежит именно Цанкару⁹. Необходимо отметить, что писатель принимал деятельное участие в общественной жизни. Стоит вспомнить его знаменитое высказывание 1906 г.: «Я стоял не на арене литературы, а на арене жизни»¹⁰. Тема словенской нации и словенской культуры встречается и во многих других полемических статьях

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. С. 93.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ *Cankar I. Izbrana dela: v 10 zv. Zv. X. Ljubljana, 1959. S. 394-395.*

⁶ *Ibid. S. 394.*

⁷ *Ibid. S. 398-399.*

⁸ В истории словенской культуры известен случай вдохновленного идеями иллиризма поэта Станка Врза (1810–1851), на первом этапе творческого пути писавшего по-словенски, а впоследствии полностью перешедшего на хорватский язык. Враз напрасно пытался увлечь своими идеями Ф. Прешерна, остававшегося ярким противником подобного культурного объединения.

⁹ Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. СПб.: Алетейя, 2011. С. 272.

¹⁰ *Cankar I. Jubilej // Cankar I. Izbrana dela: v 10 zv. Zv. X. Ljubljana, 1959. S. 126.*

Цанкара: «Словенский народ и словенская культура» («Slovensko ljudstvo in slovenska kultura», 1907), ««Родина наша прекрасная»» (««Lepa naša domovina»», 1909), «Словенская культура, война и рабочий класс» («Slovenska kultura, vojna in delavstvo», 1918), «Как я стал социалистом» («Kako sem postal socialist», написана в 1913 г., опубликована в 1918 г.) и др. По мнению словенского ученого Д. Пирьевица, «Цанкар словенскую национальную проблему воспринимал как проблему пролетариата (...), народа крестьян и рабочих, народа рабов»¹¹. Цанкар считал, что только в социализме его родина может обрести свободу. Писатель остро переживал несвободу словенского народа: «И если рабочий всегда невольник, то в наших словенских краях он невольник вдвойне! В иных странах эксплуатировали руки и голову рабочего, у нас, помимо этого, у рабочего отняли достоинство, лишили его души и отсекали язык («Словенская культура, война и рабочий класс»)¹²». Цанкар неоднократно подчеркивал роль культуры, способствующей духовному освобождению нации, которое непременно приведет к свободе и от «телесных оков»¹³.

В своих текстах, прибегая к таким конструктам, как «словенский народ», «наш народ», «наша родина», Цанкар, несомненно, причислял и себя к данному воображаемому коллективу и, безусловно, активно участвовал в формировании этих понятий.

Словенский писатель с большим вниманием следил за развитием словенской культуры, о чем свидетельствуют его статьи, посвященные словенским писателям и художникам, высоко ценил национальную прессу¹⁴. Эта позиция подтверждает мнение Б. Андерсона, полагавшего, что именно газетам отводилась одна из важнейших ролей в формировании национальных воображаемых сообществ, поскольку массы людей, каждый день почти одновременно читая одни и те же статьи на национальном языке, ощущали себя частью определенного сообщества¹⁵.

Тема словенской национальной идентичности присутствует не только в многочисленных статьях Цанкара, но и в его художественных произведениях. Следует сказать, что уже само употребление словенского литературного языка способствовало созданию словенской национальной матрицы.

Как строится цанкаровский национальный нарратив? В многочисленных автобиографических произведениях Цанкара нередко фигурируют понятия «родина», «словенский народ», неотъемлемой частью которого он себя ощущал. Национальная тема тесно связана с его биографией. Цанкар через собственный опыт пытался осмыслить историю словенских земель.

¹¹ Pirjevec D. Ivan Cankar in evropska literatura. Ljubljana, 1964. S. 441.

¹² Цанкар И. Избранное: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 2. С. 481.

¹³ Там же. 478.

¹⁴ Там же. С. 479.

¹⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 67.

На протяжении всей жизни и творчества для словенского писателя была важна сопричастность своему народу. Поэтому он вновь и вновь обращался к проблеме национальной идентичности. Например, в автобиографическом фрагменте «Оттакринг» («Ottakring», 1915), написанном за три года до смерти, автор размышляет о том, что происхождение и национальность играют существенную роль для понимания особенностей характера главного персонажа: «Павел Негода был словенцем; это значит, что он носил свою родину с собой. Не только во всех своих мыслях, но и в каждой капле крови, в каждом ударе сердца, в каждом взгляде, в каждом шаге...»¹⁶.

В автобиографических произведениях Цанкар конструирует образ «одного из многих словенцев», фигурирует в роли представителя словенской нации. Так, сюжет романа «На крутой дороге» («Na klancu», 1902) или повести «Грешник Ленарт» («Grešnik Lenart», 1915) во многом совпадает с событиями из жизни Цанкара (нищее детство, отношения с матерью, школа и т.д.)¹⁷.

Нередко национальная проблематика связана у Цанкара с политикой. Самые известные рефлексии на эту, во многом болезненную, тему содержатся в драме с грозным названием «Холопы» («Hlapci», 1910), написанной Цанкаром после неудачных выборов (он баллотировался в австрийский парламент от социал-демократической партии в 1907 г., однако победу одержали клерикалы). В пьесе рассказывается, как после победы клерикалов многие противники переметнулись на их сторону. Главному герою, учителю Ерману, не пожелавшему сменить свои убеждения, принадлежит отчаянная отповедь словенскому народу: «Холопы! Холопами рожденные, холопами воспитанные, созданные для холопства! Господин меняется, а хлыст остается и навсегда останется, потому что спина согбенная, к хлысту привыкшая и хлыста желающая!»¹⁸. Ерман, мечтавший «из холопов сделать людей»¹⁹, комментирует события словенской истории, в частности, очень мрачный период развития словенской культуры — Контрреформацию: «Сейчас я просматриваю историю Контрреформации. Тогда в наших землях перебили половину порядочных людей, а другая половина — сбегала. Те, кто остался, были вонючим сбродом. И мы — внуки своих дедов»²⁰. Тема несвободного народа, рабства будет подниматься и в других текстах Цанкара, считающего холопство доминантной чертой словенцев.

Размышляя о будущем словенского народа, важную роль в формировании национального самосознания Цанкар отводил матерям. В статье «Словенская культура, война и рабочий класс» он, делаясь собственным

¹⁶ *Canhar I. Zbrani spisi: v 20 zv. Zv. 18. Ljubljana, 1935. S. 291.*

¹⁷ Подробно об этом см.: *Бодрова А.Г. Автобиографическая проза Ивана Цанкара. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2010. С. 50, 77, 88.*

¹⁸ *Canhar I. Izbrana dela: v 10 zv. Zv. IX. Ljubljana, 1957. S. 368.*

¹⁹ *Ibid. S. 355.*

²⁰ *Ibid. S. 344.*

биографическим опытом, писал: «И все-таки не все надежды потеряны! В матерях-работницах наше будущее! Я знаю одну такую мать: всю кровь сердца она отдала бы, чтобы спасти жизнь своему ребенку! Пока у нас есть такие матери, нам нечего бояться!»²¹ Далее он призывал женщин разъяснять своим детям причины социальной несправедливости. Как известно, именно женщина считается «хранительницей» национальной традиции в обществе²².

Еще более личное звучание тема матери приобретает в художественных текстах Цанкара. В финале пьесы «Холопы» Ерман в отчаянии хочет покончить жизнь самоубийством, однако от этого поступка его удерживает голос умершей матери — он слышит, как она обращается к нему по имени. Безусловно, отношения Ермана с матерью находятся в русле цанкаровского автобиографизма. В пьесе, как и в других произведениях, также присутствует возвеличивание матери, граничащее с сакрализацией. Так, Ерман слишком эмоционально реагирует на вполне нейтральное упоминание приходского священника о его тогда еще больной матери и набрасывается на него со словами: «Не говорите о ней, святой, на этом оскверненном языке!»²³. Тема матери, претерпевающая различные трансформации, присутствует во многих сочинениях Цанкара²⁴. Своей матери писатель посвятил не одно произведение. Говоря о романе «На крутой дороге», он заявил, что поставил памятник своей матери, какого никто еще не создавал²⁵. Некоторые словенские ученые считали тему матери доминантной с творчестве Ивана Цанкара (например, Л. Крайгер²⁶).

Примечательна очевидная связь тематических комплексов народа, родины и матери в текстах Цанкара. «...любовь — одна единственная и неразделимая; один короткий удар сердца вмещает все — мать, родина, Бог»²⁷, — писал Цанкар в автобиографическом фрагменте «Оттакринг», в котором герой Павел Негода, находясь в Вене, мысленно переносится на родину и погружается в воспоминания о матери и ее смерти, воскрешая самые яркие события безрадостного детства.

В этом произведении повествователь утверждает, что он не знает, как любят родину в других местах, но, например, он знаком с одним немцем, и, возможно, тот является самым плохим представителем этой нации, ведь он хвастается своей родиной, словно муж хвалится приданым своей жены,

²¹ Цанкар И. Избранное. Т. 2. С. 482.

²² О связи нации и гендера см., например: Yuval Davis N. Nation and Gender. London, 1997.

²³ Cankar I. Izbrana dela: v 10 zv. Zv. IX. Ljubljana, 1957. S. 343.

²⁴ Бодрова А.Г. Автобиографическая проза Ивана Цанкара. С. 39–89.

²⁵ Cankar I. Zbrano delo. Zv. XXVII. Ljubljana, 1971. S. 355.

²⁶ Krajger L. Ivan Cankar. Študije o njegovem delu in življenju, spomini nanj: v 2 d. D. I. Ljubljana, 1954.

²⁷ Cankar I. Zbrani spisi: v 20. zv. Zv. 18. Ljubljana, 1935. S. 291–292.

что доказывает, что он ее не любит. Цанкар видит возможным сопоставить любовь к родине только с любовью к матери, к умершей матери: «Истинная любовь стыдливая, тихая, внимательная; ей хотелось бы спрятаться от себя самой. (...) Любовь словенца к родине — явление ни с чем не сопоставимое и невообразимое; ее невозможно описать, на ней прерывается мое и любое искусство. В крайнем случае, я мог бы сравнить эту любовь с любовью к матери; к умершей матери, которая не услышит больше ни одной запоздалой молитвы, ни одной просьбы об утешении и о прощении, которая не укрепит надежду, робко прорастающую в сердце»²⁸.

Данную сосредоточенность Цанкара на теме матери и родины возможно интерпретировать и в духе лакановского психоанализа²⁹. По мнению известного словенского философа Славоя Жижека, мать, а не отец, стала для Цанкара представителем Символического порядка (по Лакану) или сверх-Я (по Фрейдю), открывающему «я» («тоі» по Лакану) путь в большой мир. В произведениях Цанкара именно мать связана с Символическим порядком (кстати, именно мать Цанкара позаботилась о его образовании, тем самым открыла для него доступ к Символическому). Отсюда двойственность в отношении как к матери, так и к родине: Цанкар балансирует между двумя мирами — Воображаемым (зеркальным) и Символическим. Ведь мать Цанкара, простую крестьянку, можно считать «прототипом закрытого, неграмотного, родного космоса»³⁰. Ей совершенно чужда «чужая ученость» (данную сторону матери можно наблюдать в рассказе «Чужая ученость» («Tuja učenost», 1910), в нем сопоставляется полный сомнений и противоречий мир автобиографического героя, рано приобщившегося к «бездуховной» европейской цивилизации, и цельный мир его матери, находящей опору в искренней вере в Бога). С одной стороны, герой желает вырваться из этого замкнутого мира, а с другой — боится. Примечательно, что это противоречие проявилось уже в ранней лирической зарисовке «Матери» (1893, сохранилась в рукописи). Здесь автобиографический герой-повествователь, осознавая их возможные мировоззренческие расхождения и вместе с тем чувствуя глубокую привязанность к матери, обращается к ней со словами: «Не дай, Боже, чтобы когда-нибудь, когда мой кругозор будет шире, когда я буду смотреть на мир, как с высокой горы, а не как из темницы, когда у меня будут мои собственные убеждения, а не вбитые мне в голову кем-то другим, не дай, Боже, заслужить мне хотя бы печальный взгляд твоих глаз»³¹. В некоторых произведениях появляется мотив предательства, совершенного по отношению к матери, и, как следствие, — чувство вины

²⁸ *Canĉar I. Zbrani spisi: v 20. zv. Zv. 18. Ljubljana, 1935. S. 291-292.*

²⁹ *Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М.: Гнозис, Логос, 1999.*

³⁰ *Žižek S. Dva aspekta // Problemi 16. Št. 177-180. S. 206.*

³¹ *Canĉar I. Zbrano delo. Zv. VI. Ljubljana, 1967. S. 309-310.*

(некоторые рассказы из цикла «У святой могилы» — «Ob svetem grobu», 1910–1913; «Моя жизнь» — «Moje življenje», 1914; «Грешник Ленарт»). Жижек считал, что при жизни мать обременяла писателя комплексом вины и душила его своими страданиями: «Все цанкаровские бесконечные литании³² матери скрывают и этим симптоматически указывают на факт бесконечного облегчения, на то, что он освободился от матери, и являются невротическим заклинанием, чтобы мать никогда больше не вернулась»³³.

Стоит отметить, что понятие «цанкаровская мать» («cankarjanska» или «cankarjeva» mati) в словенской культуре стало символом жертвенной и в то же время удушающей материнской любви. Социолог К. Видмар Хорват так комментирует феномен цанкаровской матери в культурном контексте словенского общества: «цанкаровская мать подавляет дух словенского коллектива, с тех пор как ее литературный образ (...) стал неотъемлемой частью школьной программы, а также культурного канона нации...»³⁴.

К образу своей матери Цанкар «возвращается» на протяжении всего творчества. То же самое происходит и с родиной — он то ее покидает, то возвращается (и в жизни, и в текстах), то посвящает ей и своему народу слова осуждения, упрекая в покорности, рабстве, примитивности, то признается в любви. Разнонаправленные импульсы в национальном нарративе Цанкара создавали напряжение, которое привело к культурному взрыву, к перекодировке словенской литературы и национальной идентичности.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.
2. *Бодрова А.Г.* Автобиографическая проза Ивана Цанкара. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2010.
3. *Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении. СПб.: Алетейя, 2011.
4. *Лакан Ж.* Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М.: Гнозис, Логос, 1999.
5. *Цанкар И.* Избранное: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 2.
6. *Чепелевская Т.И.* Иван Цанкар и литературно-художественная Вена // Художественная культура Австро-Венгрии: Искусство многонациональной империи. 1867–1918 / Отв. ред. Н.М. Вагапова, Е.К. Виноградова. СПб.: Алетейя, 2005. С. 168–175.

³² Литания — молитва у католиков, состоящая из повторяющихся молебных воззваний.

³³ *Žižek S.* Dva aspekta. S. 206.

³⁴ *Vidmar Horvat K.* No, razčistimo že s Cankarjem! // Delo. 01.02.2013. URL: <http://www.delo.si/mnenja/gostujoce-pero/no-razcistimo-ze-s-cankarjem.html> (дата обращения: 10.10.2018).

7. *Cankar I. Izbrana dela: v 10 zv. Zv. IX.* Ljubljana, 1957.
8. *Cankar I. Izbrana dela: v 10 zv. Zv. X.* Ljubljana, 1959.
9. *Cankar I. Zbrani spisi: v 20. zv. Zv. 18.* Ljubljana, 1935.
10. *Cankar I. Zbrano delo. Zv. VI.* Ljubljana, 1967.
11. *Cankar I. Zbrano delo. Zv. XXVII.* Ljubljana, 1971.
12. *Cankar Iz. Leposlovje — eseji — kritika.* Ljubljana, 1969.
13. *Krajger L. Ivan Cankar. Študije o njegovem delu in življenju, spomini nanj: v 2 d. D. I.* Ljubljana, 1954.
14. *Pirjevec D. Ivan Cankar in evropska literatura.* Ljubljana, 1964.
15. *Vidmar Horvat K. No, razčistimo že s Cankarjem! // Delo. 01.02.2013.* URL: <http://www.delo.si/mnenja/gostujoce-pero/no-razcistimo-ze-s-cankarjem.html> (дата обращения: 10.10.2018).
16. *Yuval Davis N. Nation and Gender.* London, 1997.
17. *Žižek S. Dva aspekta // Problemi. 1978. 16. Št. 177–180. S. 206.*

References

1. Anderson, B., 2001. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: KANON-press-TS, “Kuchkovo pole”.
2. Bodrova, A.G., 2010. *Avtobiografičeskaia proza Ivana Tsankara* [Autobiographical Prose of Ivan Cankar]. Saint Petersburg: Izd. dom Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta.
3. Cankar, I., 1935. *Zbrani spisi: v 20. zv. Zv. 18.* Ljubljana.
4. Cankar, I., 1957. *Izbrana dela: v 10 zv. Zv. IX.* Ljubljana.
5. Cankar, I., 1959. *Izbrana dela: v 10 zv. Zv. X.* Ljubljana.
6. Cankar, I., 1967. *Zbrano delo. Zv. VI.* Ljubljana.
7. Cankar, I., 1971. *Zbrano delo. Zv. XXVII.* Ljubljana.
8. Cankar, Iz., 1969. *Leposlovje — eseji — kritika.* Ljubljana.
9. Chepelevskaia, T.I., 2005. Ivan Tsankar i literaturno-khudozhestvennaia Vena [Ivan Cankar and literary-artistic Vienna]. In: Vagapova, N.M., Vinogradova, E.K., eds, 2005. *Khudozhestvennaia kul'tura Avstro-Vengrii: Iskusstvo mnogonatsional'noi imperii. 1867–1918* [Artistic culture of Austria-Hungary: The Art of the multinational empire. 1867–1918]. Saint Petersburg: Aleteiia, pp. 168–175.
10. Kirilina, L.A., Pil'ko, N.S., Churkina, I.V., 2011. *Istoriia Slovenii* [History of Slovenia]. Saint Petersburg: Aleteiia.
11. Krajger, L., 1954. *Ivan Cankar. Študije o njegovem delu in življenju, spomini nanj: v 2 d. D. I.* Ljubljana: Triglavska tiskarna.
12. Lakan, Zh., 1999. *Seminary. Kniga 2: «Ja» v teorii Freida i v tehnike psikhooanaliza (1954/55)* [Seminars. Book 2: The Ego in Freud's theory and in the technique of psychoanalysis (1954/55)]. Moscow: Gnozis, Logos.
13. Pirjevec, D., 1964. *Ivan Cankar in evropska literatura.* Ljubljana: Ljudska pravica.

14. Tsankar, I., 1981. *Izbrannoe: v 2-kh t. T.2.* [Selected Works: 2 Vol.]. Moscow: Khudozh. lit.
15. Vidmar Horvat, K., 2013. No, razčistimo že s Cankarjem! *Delo*. 01.02.2013. URL: <http://www.delo.si/mnenja/gostujoce-pero/no-razcistimo-ze-s-cankarjem.html> (accessed: 10.10.2018).
16. Yuval Davis, N., 1997. *Nation and Gender*. London: Sage Publications.
17. Žižek, S., 1978. Dva aspekta. *Problemi*, 16, Št. 177–180, p. 206.

«ПОЭМА О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ И СУДЬБЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Татьяна Игоревна Радомская –

доктор филологических наук, профессор,
Институт славянской культуры,
Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина.
Хибинский проезд, 6, Москва, Россия, 129125.
radomtatic@gmail.com

Аннотация

В статье исследуются особенности исторического реализма Марины Цветаевой (1892–1941), основанного на ее духовном видении будущего, прослеживается история создания «Поэмы о Царской Семье», относящаяся к московскому периоду творчества поэта 1910-х — 1920-х гг., определяются документальные источники поэмы, в связи с чем публикуются фрагменты из записных книжек М. Цветаевой и писем императрицы Александры Федоровны и А.А. Вырубовой, анализируется поэтика поэмы, близкая к некоторым особенностям проповеди св. Димитрия Ростовского. На основе анализа текста и контекста произведения выявляется общность отношения к народу между императрицей Александрой Федоровной и Мариной Цветаевой, основанная на любви-сострадании, показывается, что Цветаева одна из первых увидела в страданиях царской семьи духовные основы хриstopодражательной жертвы за народ.

Ключевые слова

Исторический реализм, творчество М. Цветаевой, русская история, поэтика проповеди, документальные материалы.

“POEM ABOUT TSAR FAMILY” IN MARINA TSVETAEVA’S WORKS AND LIFE

Tatiana I. Radomskaya –

Doctor of Sciences, Professor,
Institute of Slavic Culture,
Kosygin Russian State University.
Khibinsky Proezd 6, Moscow, Russia, 129125.
radomtatic@gmail.com

Abstract

The article examines peculiar features of historic realism in the work of Marina Tsvetaeva, based on her prophetic vision of Russian history. The article deals with the history of one of Tsvetaeva’s works — the “Poem about Tsar Family” (1917–1920): the author investigates the documentary materials, which were important for Tsvetaeva, such as episodes from Tsvetaeva’s diary and published letters of Empress Alexandra Fedorovna. The article presents an analysis of the poetics of the poem, which sometimes is similar to the poetics of sermons by famous Russian bishop of the seventeenth century — Dimitry of Rostov. The author of the article argues that Marina Tsvetaeva was one of the first to describe the life and death of the Tsar family as a sacrifice for the Russian people.

Keywords

Historic realism, Marina Tsvetaeva’s work, Russian history, poetics of sermon, documentary materials.

«**Б**ывают странные сближения» — эти простые и одновременно многозначные пушкинские слова удивительным образом стали отвечать многим явлениям русской жизни XIX–XXI вв. В 2018 г. — 100-летие гибели царской семьи, в прошлом 2017 г. — 125-летие со дня рождения Марины Цветаевой, поэта, откликнувшегося на это событие сразу, и поэтически, и человечески осмыслявшего его до конца своей жизни. Всем известна подчеркнутая аполитичность Цветаевой, породившая определенный социокультурный стереотип восприятия ее творчества. Но в этой статье нам хотелось бы остановиться на том, что противоположно расхожей мифологеме «надмирности», «вне-временности» Цветаевой, — на ее особом чувстве истории. События русской, а шире — славянской, а еще шире — христианской истории первой трети ушедшего столетия, — сделали Цветаеву, по ее же словам, летописцем своего времени. «Белый поход, ты нашел своего летописца», — пишет она в «Лебедином стане»¹.

Первая мировая война, революция, Гражданская война и все вытекающие отсюда события потрясли многих. И многие писали об этом в самых разных аспектах: политическом, философском, экономическом... Многие, как и Цветаева, откликнулись сразу. Но примерно с 1916 г. в цикле «Стихов о Москве» она проявила особое чувство истории и соответственно особый тип реализма, который в современном литературоведении получил разные определения. В частности, одна из его особенностей — духовно-провидческое видение будущего в очень конкретных земных реалиях.

В этом смысле «Стихи о Москве», как отмечала сама Цветаева, были пророческими. «Перечтите их и не забудьте даты», — пишет она в письме к критику и книговеду Ю. Иваску². Действительно, в «Стихах о Москве» поэтом во всех деталях показаны те места, которые будут разрушены. Как бы предчувствуя это, она для себя и для будущего запечатлевает: Иверскую часовню, старый Кремль, который еще не подвергся обстрелу (в октябре 1917 г.), Спасскую башню с иконой Спаса Нерукотворного, перед которой «шапка православного снята»³, церковь Благовещенья в Кремле в Тайницком саду с иконой Нечаянной Радости — всё то, что очень скоро будет разрушено, и то, что при этом составляло сердце народной жизни. С предельной точностью, в конкретных и одновременно глубоко символических деталях она запечатлевает облик прежней, в 1916 г. еще настоящей для нее Москвы.

Тема царя и царской семьи входит в жизнь Цветаевой изначально через личное общение ее отца Ивана Владимировича Цветаева с Николаем II на открытии Музея изящных искусств, что позже, в 1933 г., Цветаева отразит в очерке «Открытие Музея».

¹ Марина Цветаева: «Берегите Гнездо и Дом...». Страницы русского лихолетья в творчестве поэта / Авт.- сост. Т.И. Радомская. М.: Совпадение, 2005. С. 42.

² Там же. С. 98.

³ Там же. С. 10.

В Москве 1918 г. она не побоялась проявить свое отношение к расстрелу царской семьи. Приведем фрагмент из книги цветаеоведа И. Кудровой «Жизнь Марины Цветаевой»: «Июльским днем того же года мать с дочерью стояли на какой-то площади под морозящим дождем, когда вдруг услышали петушиный крик мальчишки-газетчика: — Расстрел Николая Романова! Расстрел Николая Романова! Николай Романов расстрелян рабочим Белобородовым!» «Смотрю на людей (...) тоже (то же! — *Т. П.*) слышащих, — записывает Марина вечером в дневнике. — Рабочие, рваная интеллигенция, солдаты, женщины с детьми. Ничего. Хоть бы кто! Хоть бы что! Покупают газету, поглядывают мельком, снова отводят глаза — куда? Да так, в пустоту. А может, трамвай выколдовывают. Тогда я Але, сдавленным, ровным и громким голосом (кто таким говорил — знает): “Аля, убили русского царя, Николая II. Помолись за упокой его души!”. И Алин тщательный, с глубоким поклоном, троекратный крест»⁴.

Гибель царской семьи потрясает и не потрясает современников. Многие молчат, кто-то пронзен болью, кто-то, как и в определенные моменты своей жизни — в 1917 г. — Цветаева, винит царя в отречении, точнее, почти никто не понял этого духовного решения последнего Императора. Спустя десятилетия, в 1951 г. в Париже, П.С. Лопухин скажет об этом так: «Когда (...) спрашиваешь себя (...) как мог государь оставить свое царское служение, то мы решаемся ответить, что причина отречения в том, что этой благословенной самодержавной власти люди перестали хотеть. Понимание, желание, любовь к «Царскому служению» — стали в России блекнуть (...) Когда в народе гаснут желания христианского государства и среды, православная монархия теряет и предпосылку, и цель своего бытия, ибо никого нельзя насильственно сделать христианином. Царю нужны христиане, а не дрожащие рабы»⁵.

Еще в России Цветаева по горячим следам начинает собирать свидетельства, воспоминания о членах царской семьи, в частности, о царевиче Алексии. Так, на станции Усмань, во время поездки для добывания продуктов в сентябре 1918 г., она записывает рассказ молодого парня: «Стенька Разин: четыре Георгия, спас знамя» — “Что Вы чувствовали, когда спасали знамя?” — “Ничего не чувствовал! Есть знамя — есть полк, нет знамени — нет полка!” (...) Служил в полку Наследника. Выходит он из вагона: худенький, хорошенький, и жалобным таким голоском: — “А куда мне сейчас можно будет пойти!” — “Вас автомобиль ждет, Ваше Высочество!” Многие солдаты плакали»⁶.

⁴ Кудрова И. Жизнь Марины Цветаевой. Документальное повествование. СПб: Издательство журнала «Звезда», 2002. С. 189-190.

⁵ Лопухин П.С. Царь и Патриарх. (Речь в день памяти Государя Николая II в Париже в 1951 г.) // Православный путь. Джорданвилль, 1951. С. 103.

⁶ Марина Цветаева: «Берегите Гнездо и Дом...». Страницы русского лихолетья в творчестве поэта. С. 111.

В ноябре 1918 г. Цветаева делает стихотворные наброски под названием «Дело Царского Сына...»

*Дело Царского Сына —
Быть великим и добрым*

.....

*Чтить голодные ребра,
Вить с последней солдаткой,
Пить с последним бродягой,
Спать...
В сапогах и при шпаге.*

*А еще ему дело:
Встать в полночную пору,
Прочь с дороженьки белой —
Ввысь на вышнюю гору...*

*Над пучиной согнуться,
Бросить что-то в пучину...
— Никогда не вернуться —
Дело Царского Сына!*

9 ноября 1918 г.⁷

Этот набросок завершает авторская датировка, показывающая, насколько важно для Цветаевой документально точно свидетельствовать о «деле Царского Сына».

Мотивы, образы этого стихотворного фрагмента лягут в основу темы христоподражательной жертвы царской семьи за свой народ в дошедшей до нас лишь в отрывках неоконченной Цветаевой «Поэме о Царской Семье». Обратимся к одному из наиболее завершенных ею мест «Обитель на горе...». Здесь опять возникает постоянный для Цветаевой образ Горы — места вышней точки на земле, соединившей небо и землю. Этот топос связывается в сознании поэта также с евангельской темой первых и последних. В выси, на горе государыня пишет на бересте молитву, которая становится добровольной жертвой за Россию, о чем говорится прямо:

*А если мало — плену,
А если много — тыну...
Сам назови мне цену...
А если скажешь: Сына*

*Под кончиком пера
Коробится кора...*

⁷ Марина Цветаева: «Берегите Гнездо и Дом...». Страницы русского лихолетья в творчестве поэта. С. 111.

*Стояла та Россия —
Обрыва на краю.
— И если скажешь — Сына... —
За всё благодарю.*

*Горит, горит береста...
Летит, летит молитва...
Осталась та береста
В веках — верней гранита⁸.*

Тема добровольной жертвы — любви — не только называется поэтом непосредственно, но и развивается самой поэтикой данного фрагмента. Факт написания молитвы Александрой Фёдоровной на бересте имеют свою особую символичность, связанную с реальностью.

В одном из писем к А.А. Вырубовой, бывшей фрейлине императрицы, человека, близкого ей по духовным устремлениям, она сообщает о том, что пытается на коре бересты по-церковнославянски написать молитву Господу. Цветаева, работая над поэмой, тщательно изучает дошедшие документальные источники, и, в частности, письма Александры Фёдоровны, уже опубликованные к тому времени в Париже.

Образ бересты не случаен не только из-за его непосредственной связи с фактами биографии царской семьи. Ассоциативно он связывается с темой огня — береста хорошо горит, а огонь, в свою очередь, «выстраивает» следующий ассоциативный ряд: жертва, любовь. Царица пишет на бересте молитву, предназначенную огню. Этот сюжет «Обители на горе...», наделенный глубокой символичностью, обозначает хриstopодражательную жертву царской семьи «за каждого злобивца — // и всё-таки любимца...», как пишет Цветаева⁹.

Так поэт через центральный образ-символ разворачивает перед нами целую «лествицу смыслов»¹⁰, что характерно для построения русской проповеди. В.П. Зубов в своей работе «Русские проповедники», написанной им еще в 1920-е годы, размышлял над особенностями мистического созерцания и сознания св. Димитрия Ростовского, отразившимися в поэтике его проповедей. Ученый обратил свое внимание на проповедь, в основу которой положен текст Евангелия: «Возлюбиши Господа Бога твоего всею душею твоею, всем сердцем твоим и всем помышлением твоим». Как отмечает В.П. Зубов, проповедь начинается с отождествления любви и огня... «Завязкой проповеди становится поиск дров для этого небесного огня»¹¹.

⁸ Марина Цветаева: «Берегите Гнездо и Дом...». Страницы русского лихолетья в творчестве поэта. С. 59.

⁹ Там же. С. 58.

¹⁰ Зубов В.П. Русские проповедники. М.: Индрик, 2001. С. 24.

¹¹ Там же.

В «Обители на горе...» эта тема становится центральной. Государыня нашла для своей пламенной молитвы материал для растопки — бересту. И само стихотворение посвящено уже результату «растопки». Так же, как и в проповеди св. Дмитрия Ростовского, Цветаева, выстраивая «лестницу смыслов», использует ряд «сложных ассоциативных, внешне случайных, внутренне детерминированных переходов»¹² от одного образа к другому; изначальный образ-символ самостоятельно развивает ряд развернутых образов — любви, огня, горения, огненной жертвы, летящей вверх, к Богу, Вечности. Молитва, сгорая, летит вверх, и ее жертвенный огонь становится гранитом, переживающим века.

Если в 1918 г. «Дело Царского Сына...» кончается строками: «— Никогда не вернуться — Дело Царского Сына!», то в «Обители на горе...» Цветаевой выделен другой аспект в теме царской жертвы. По-земному, конечно, никогда не вернуться, если добровольно отдаешь себя в жертву пучине, но такая жертва может стать гранитом для возможного спасения народа.

Так, через реальный факт — молитву на бересте, писанную государыней в заточении, — Цветаева духовно увидела, именно увидела, а не выдумала заложенную в этом факте Творцом и раскрывшуюся поэту «лестницу смыслов» русской истории.

Не только факты личной биографии и общих исторических потрясений создали особое поле притяжения Цветаевой-поэта и Цветаевой-человека к теме царской семьи. Особенности душевного и духовного строя ее личности в период разрушения человеческих жизней прежних традиций, памяти, государства — всё это, наряду с гневом, неприятием, породило у Цветаевой и совсем другое. Чувствуя, что в общем революционном хаосе человек разрушается не только извне, но и изнутри, она задает сама себе вопрос: «Как любить в землетрясение?» Обращаясь к дневниковым записям 1919 г., мы видим, как из разрушения, опустошения постепенно вызревает и другое. Так, 14 марта 1919 г. Цветаева пишет: «Я потеряла руль. Одна волна смывает другую... Хаос. Один образ вытесняет другой, случайность рифмы заводит меня на 1000 верст от того, что я хотела раньше, — уже другие стихи, — и в итоге — чистый лист и мои закрытые — от всего! — глаза»¹³.

А чуть раньше, в октябре 1918 г., Марина пишет: «Революция — землетрясение. (Банально, да?) — Спасайся, кто может, гибни — кто хочет. Попробуйте любить во время землетрясения!»¹⁴. Попытка такой любви была запечатлена Цветаевой в некоторых стихотворениях того времени. Уже в 1918 г. в цикле «Лебединый стан» она пишет стихотворение «Царь и Бог! Простите малым — (...)». В нем поэт уже в «1-ю годовщину Октября»,

¹² *Зубов В.П.* Русские проповедники. С. 24.

¹³ *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки: в 2-х т. Т. 1.: 1913-1919. / Подгот. текста, предисл. и примеч. *Е.Б. Коркиной и М.Г. Крутиковой.* М.: Эллис Лак, 2000. С. 279.

¹⁴ Там же. С. 303.

как следует из примечания самой Цветаевой к этому стихотворению, видит народ, участвующий в революционном хаосе, обманутым и обольщенным.

В 1920 г. в том же цикле эта тема продолжает свое развитие. В стихотворении «Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!...» разделение на врагов, на «красных» и «белых», на «право» и «лево» упразднено общей смертью и страданием:

*Белый был — красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был — белый стал:
Смерть побелила¹⁵.*

Такое восприятие междоусобной розни возникает через материнское отношение: рефреном, побеждающим зло, звучит прощальный крик убиенных: «Мама!».

*И справа, и слева
И сзади, и прямо
И красный, и белый:
— Мама!
Без воли — без гнева —
Протяжно — упрямо —
До самого неба:
— Мама!¹⁶*

В то время, в «красной» Москве, Цветаева, конечно, не читала писем императрицы Александры Фёдоровны из заточения, но именно тогда она пишет А.А. Вырубовой от 13 (26) марта 1918 г.: «Боже! Как я свою Родину люблю со всеми ее недостатками! Ближе и дороже она мне, чем многое, и ежедневно славлю Творца, что нас оставил здесь и не отослал дальше. Верь народу, душа, он силен и молод, как воск в руках. Плохие руки схватили, — тьма и анархия царствует, но грянет Царь славы и спасет, подкрепит, умудрит сокрушенный, обманутый народ»¹⁷.

Гораздо позже, уже в Париже, Цветаева, работая над «Поэмой о Царской Семье», обратится непосредственно к этому письму, которое станет одним из источников стихотворного отрывка «Вот — двое. В могучих руках — каравай...». Чувство жалости к заблудшим и шире — сострадание — очень русское и православное отношение. Очень по-русски и по-матерински «германская принцесса» жалеет свой народ. Это созвучно и близко Цветаевой. Ей надо «любить в землетрясение», и эти уроки любви открываются для нее в последние месяцы земной жизни царской семьи.

¹⁵ Цветаева М. Неизданное. Записные книжки: в 2-х т. Т. 1.: 1913–1919. С. 43.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Письма святых царственных мучеников из заточения. СПб.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. С. 272.

Литература

1. *Кудрова И.* Жизнь Марины Цветаевой. Документальное повествование. СПб: Издательство журнала «Звезда», 2002.
2. *Лопухин П.С.* Царь и Патриарх. (Речь в день памяти Государя Николая II в Париже в 1951 г.) // Православный путь. Джорданвиль, 1951.
3. *Зубов В.П.* Русские проповедники. М.: Индрик, 2001.

References

1. Kudrova, I., 2002. *Žizn' Mariny Cvetaevoj. Dokumental'noe povestvovanie* [The life of Marina Tsvetaeva. Documental texts]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo žurnala "Zvezda".
2. Lopuhin, P.S., 1951. Car' i Patriarh. (Reč' v den' pamati Gosudara Nikolaa II v Pariže v 1951 g.) [Tsar and patriarch]. In: *Pravoslavnyj put'*. [The orthodox way]. Džordanvil'.
3. Zubov, V.P., 2001. *Russkie propovedniki*. [Russian Preachers]. Moscow: Indrik.

ИДЕЯ СВОБОДЫ В ЭТИКЕ В.С. СОЛОВЬЕВА

Оксана Анатольевна Запека —

кандидат философских наук, профессор,
Институт славянской культуры,
Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина,
Хибинский проезд, 6, Москва, Россия, 129125.
zana5@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема свободы в контексте философии всеединства В.С. Соловьева. В его системе свобода представляется условием достижения положительного всеединства. Тема свободы приобретает особое значение, когда философ оказывается во власти идеи теократии. В работах разного периода В. Соловьев по-разному оценивает статус и назначение свободы. В «Чтениях о богочеловечестве», «Критике отвлеченных начал», «Духовных основах жизни» В. Соловьев признает свободу выбора, являющуюся одним из моментов нравственной свободы. Человек представляется как безусловно существующее, самостоятельный субъект, настоящая причина всех своих дел и состояний. Соловьев считает, что человеку необходим действительный опыт, позволивший бы ему «оценить» добро, тем самым допуская зло как этап на пути нравственного совершенствования человека. В «Оправдании добра» Соловьев не исключает безусловную свободу, но она может проявиться, по его мнению, только в выборе зла, добро же не является предметом такого выбора по причине бесконечной полноты своего содержания. Соловьев отвергает прямую зависимость вопроса этического от вопроса метафизического и не признает, как в «Критике отвлеченных начал», зависимости осуществления нравственного начала в человеке от свободного выбора.

Ключевые слова

Свобода, всеединство, богочеловечество, личность, В.С. Соловьев, теократия, выбор, добро.

THE IDEA OF FREEDOM IN VLADIMIR SOLOVYOV'S ETHICS

Oksana A. Zapeka —

Ph.D., Professor,
Institute of Slavic Culture,
Kosygin Russian State University,
Khibinsky Proezd 6, Moscow, Russia, 129125.
zana5@yandex.ru

Abstract

The article deals with the problem of freedom in the philosophy of unity of Vladimir Solovyov. In his system, freedom is a condition for achieving positive unity. The theme of freedom acquired special significance when the philosopher explored the idea of theocracy. In the works of different periods, V. Solovyov evaluates the status and purpose of freedom differently. In “Readings about bogochelovechestvo”, “Criticism of

the abstract beginnings”, “The Spiritual foundations of life” Solovyov acknowledges the freedom of choice, which is one of the moments of moral freedom. A person is presented as an unconditional, independent agent, the real cause of all his Affairs and States. Solovyov believes that a person needs a real experience that would allow him to «evaluate» good, thereby allowing evil to be a stage in the path of moral perfection of a man. In “Justification of good” Solovyov does not exclude unconditional freedom, but it can manifest itself, in his opinion, only in the choice of evil, good is not the object of such a choice because of the infinite completeness of its content. Solovyov rejects the direct dependence of the ethical aspect on the metaphysical one and does not accept, as in “Criticism of abstract principles”, the dependence of the moral principle in a person on free choice.

Keywords

Freedom, unity, ethical perfectionism, the personality, Vladimir Solovyov, theocracy, good, choice, God-manhood.

Характерная черта всего оригинального русского философского творчества — стремление к цельности как должному и искомому состоянию мира и человека. Оно прежде всего ориентировано на проблемы нравственного порядка, его отличает ярко выраженный этикоцентризм. Русская философия не противостояла рациональному, но лишь устанавливала границы его «могущества», будучи обращена к высшим духовным потенциям человека. Ее представителей всегда отличала особая «погруженность» в так называемые «вечные вопросы», к которым можно отнести и тему свободы, принадлежащую к числу приоритетных для русской философии. Самое учение о свободе как основе христианства, разрабатывавшееся большинством русских мыслителей, связывалось с учением о единстве всех сил человеческого духа.

В системе В.С. Соловьева свобода, не обладая конститутивным признаком, рассматривается как условие (средство достижения) положительного всеединства — основополагающего принципа этой системы. В.С. Соловьев намеревался отвести значительную часть теоретической философии исследованию о свободе, хотя замысел свой он воплотить так и не успел¹.

Известно, какое огромное влияние на формирование философских взглядов Соловьева оказали учения Спинозы, Канта, Шеллинга, Шопенгауэра, мистическая литература (прежде всего Каббала). Но немалая роль в становлении миросозерцания Соловьева принадлежит его соотечественникам, в числе которых Хомяков, Киреевский, Достоевский, Федоров. Так, синтез божеского и человеческого, осуществляемый в системе Соловьева, достигаемая в результате этого синтеза полнота заключают в себе, по верному замечанию кн. Е.Н. Трубецкого, самую «сущность церковного идеала Хомякова».

¹ См.: Гессен С.И. Борьба утопии и автономия добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьёва // *Современные записки*. Париж: Я. Поволоцкий, 1931. № 46. С. 345.

В творчестве Соловьёва различают несколько периодов, с учетом этого надлежит подходить и к суждениям Соловьёва о свободе. Е.Н. Трубецкой связывает отношение Соловьёва к проблеме свободы с тем, какое место или какое значение придается теократической идее в его построениях. В период, когда духом Соловьёва овладела идея свободной теократии, начало свободы было выдвинуто на первый план. Царство Божие, как полагает автор концепции всеединства, не может быть осуществлено насильственным путем; человек должен свободно соединиться с Богом, иначе не осуществится Богочеловечество, предполагающее в качестве своего основного условия свободу, которая, в свою очередь, обуславливает нравственное совершенство человека, достигаемое в таком союзе.

Восстановление единства божеского и человеческого совершится свободно, но достижению этого нового единения неизбежно предшествует этап самоутверждения человеческого начала. По мнению Соловьёва, следует различать самоутверждение, как стремление к исполнению присутствующего в человеке божественного образа, и самоутверждение, как стремление к реализации «темной» или «ночной» стихии, что грозит погружением в натуральный миропорядок и может привести к торжеству конечности и временности в человеческой природе, к утрате внутреннего единства. Выбор, перед которым стоит человеческая личность, предполагает познание или испытание обеих возможностей, в противном случае его нельзя считать свободным, и он потеряет всякий смысл. Воссоединению божеского и человеческого предшествует прохождение человеком пути зла или испытание им опыта зла, поскольку в противоположении злу утверждается сила добра, его ценность и значимость; не «изведав» зла, человек не узнает добра, не осознает безусловной полноты содержания последнего, к которой только можно и должно стремиться человеческой личности в силу присущей ей божественной безусловности. Познав зло, человек либо остается на его путях, либо обращается к добру, открывающемуся в Божестве, тогда соединение с высшим явится результатом свободного избрания, «свободного дела, подвига, и подвига двойного — самоотвержения божеского и человеческого; ибо для истинного соединения или согласования двух начал необходимо свободное участие и действие обоих»². «В “Чтениях о богочеловечестве”, “Критике отвлеченных начал”, “Духовных основах жизни” В. Соловьёв признает свободу выбора, являющуюся одним из моментов нравственной свободы или одной из форм ее проявления, благом и условием для высшего, то есть сознательного соединения с Божеством»³.

Гессен усматривает прямую связь между последним творением Достоевского «Братья Карамазовы» и системой философии Соловьёва, изложен-

² Соловьёв В.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. СПб., 1911–1914. С. 167.

³ Булгаков С.Н. Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьёва? // От марксизма к идеализму. СПб., 1903. С. 207.

ной в перечисленных выше сочинениях мыслителя, который, «не отдавая себе в том отчете, все больше и больше приближался к пониманию добра, как оно, скорее интуитивно, чем рефлексивно, было явлено Достоевским в его последнем творении»⁴. В «Духовных основах жизни» Соловьев связывает свободу с верой в абсолютное начало добра; ту же связь мы обнаруживаем и у Достоевского, для которого высшая последняя свобода подразумевает скорее «волезрение», чем умозрение. Действительная свобода открывается в результате встречи «сердца человеческого с ищущей благодатью», для чего не требуется обязательно познание Бога. Рассматривая веру как «волезрение», Соловьев тем самым утверждает независимость Добра от познания Абсолютного и отстаивает человеческую свободу, поскольку «постижение абсолютных метафизических истин есть следствие добра как деятельной любви, есть результат усвоения человеком образа Христа как реального воплощения абсолютной любви»⁵.

В процессе богочеловеческом нравственно осуществляется не отдельная человеческая личность, но человечество в целом. Человечество, объединившись в свободном согласии, устремляет свои усилия к Божеству. «Окончательное условие истинного всечеловечества есть свобода. Но где же ручательство, задается вопросом В. Соловьев, что люди свободно придут к единению, а не разойдутся во все стороны, враждуя и истребляя друг друга? Ручательство одно: бесконечность души человеческой, которая не позволяет человеку навсегда остановиться и успокоиться на чем-либо частичном, мелком и неполном, а заставляет его добиваться и искать полной всечеловеческой жизни, всеобщего и всемирного дела»⁶.

Всецеловеческое заключает в себе полноту христианства, и только христианство «рядом с совершенным Богом ставит совершенного человека, в котором полнота Божества обитает телесно»⁷. Человеческая личность имеет безусловное значение, она причастна Божеству и имеет ту же «внутреннюю сущность жизни — всеединство — которую имеет и Бог», потому возможно ее соединение с началом абсолютным. Соловьев различает безусловность отрицательную и безусловность положительную. Первая, относящаяся к человеческой личности, гарантирует ее свободу от любых ограничений, провоцирует ее способность переступить «за всякое конечное, ограниченное содержание», а также ее неудовлетворенность и порождает требование полноты содержания. Всецелая полнота, принадлежащая Богу, есть положительная безусловность, и «без возможности ее отрицательная безусловность

⁴ Гессен С.И. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и В. Соловьева // *Современные записки*. Париж, 1931. № 45. С. 274.

⁵ Булгаков С.Н. Что дает современному сознанию философия Соловьева? С. 207.

⁶ Гессен С.И. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и В. Соловьева // *Современные записки*. Париж, 1931. № 45. С. 274.

⁷ Там же. № 46. С. 336.

не имеет никакого значения»⁸. Верить в возможность достижения человеком полноты бытия, всецелого содержания значит верить в Бога, «ибо Божество принадлежит человеку и Богу, с тою разницей, что Богу принадлежит оно в вечной действительности, а человеком только достигается, только получается, в данном же состоянии есть только возможность, только стремление»⁹.

В «Критике отвлеченных начал» Соловьёв обосновывает безусловный характер человеческой свободы. Человек представляется как безусловно существующее, самостоятельный субъект, настоящая причина всех своих дел и состояний, «поэтому он безусловно свободен: он свободен в Боге, ибо Бог есть не просто единый, исключаяющий всё другое, а всеединый, во всеединстве же каждый из элементов есть всё, то есть ничем не ограничен и, следовательно, безусловно свободен, — и он свободен вне Бога, ибо вне Бога он может быть только сам, Б»¹⁰. Соловьёв утверждает безусловную свободу человека не только от его природного начала, но и свободу по отношению к его божественному началу, так как, будучи становящимся абсолютным, человек сам является основанием собственного бытия. Божество определяет человека только идеально, определяет то, чем он становится, то есть содержание и цель его жизни. Но само это становление имеет свое основание в человеке. Сама эта свобода от божественного начала оказывается возможной только в силу причастности человеческой личности Божеству, в силу ее безусловного, вневременного характера, что и позволяет ей участвовать в своем становлении.

Высшая цель и назначение человека есть осуществление абсолютного Добра, укорененного в Божестве. Для Соловьёва реальный мир и мир идеальный отличаются не по существу, но по положению элементов, и источник мирового зла заключен в перестановке элементов. Восстановление должного порядка элементов будет означать «восстановление в состоянии добра всего, что существует в мире в состоянии зла». Добро укоренено в Боге, следовательно, «восстановление в состоянии добра» есть воссоединение с началом безусловным, возможное только для существ нравственно свободных, «имеющих возможность выбора и реально испытавших добро и зло». Но, прежде всего, человек должен уверовать в саму возможность осуществления добра, оно должно одержать победу в индивидуальном сознании.

Торжество добра в индивидуальном сознании «значит такое состояние сознания, когда, свободное от оков чувственности, оно имеет перед собой только дилемму добра и зла в их чистом виде, причем добро оказывает свое неотразимое действие на душу через посредство совести»¹¹. Свободным же от страстей может быть признан только тот, кто их имеет, но не обладаем ими.

⁸ Соловьёв В.С. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1990. С. 306.

⁹ Там же.

¹⁰ Соловьёв В.С. Сочинения. Т. 1. С. 715.

¹¹ Булгаков С.Н. Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьёва? С. 232.

Выше мы упоминали о влиянии Достоевского на творчество Соловьева. Интересным, на наш взгляд, представляется высказывание К. Мочульского по поводу этого влияния: «Соловьев очень своеобразно оценивает “дело” Достоевского: он берет у него только то, что близко ему самому, иллюстрирует его творчеством собственные идеи и проходит мимо важнейших тем Достоевского: личности, любви, свободы, зла, проблемы Великого Инквизитора; Соловьев и Достоевский встретились в одной точке: Церковь, как общественный идеал, — это была встреча двух светил, движущихся по разным орбитам»¹².

В этической системе Соловьева, получившей свое полное выражение в работе «Оправдание добра», вопрос о свободе как свободе выбора выносятся за границы сферы этической. Употребление понятия свободы Соловьевым оговаривается: «в настоящей книге, говоря о человеческой свободе, о свободе лица и т.д., я всегда буду разумею или свободу нравственную, которая есть этический факт, или свободу гражданскую, которая есть этический постулат, не возвращаясь уже к безусловной свободе выбора, которая есть только метафизический вопрос»¹³.

В «Критике отвлеченных начал» Соловьев исследует вопрос о свободе выбора «между различными желаниями и хотениями». Решить его он пытался, сочетая учения Канта и Шопенгауэра о свободе с собственной этикой всеединства. По мнению Е.Н. Трубецкой, попытка эта не может быть признана удачной: «От внимания Соловьева ускользнули, во-первых, глубокая разница в понимании свободы между Шопенгауэром и Кантом, а во-вторых — некоторые существенные неясности и трудности в учении последнего»¹⁴. Именно анализ кантовского учения о свободе приводит Соловьева, как считает Трубецкой, к мысли о том, что окончательное решение вопроса о свободе выбора находится в тесной связи с решением вопросов о свойствах умопостигаемого мира, потому и выходит за рамки чисто этического исследования. Если в «Критике отвлеченных начал» Соловьев не обособляет область нравственную от так называемой области «мета», то в «Оправдании добра» философ отстаивает независимость этики от религии и метафизики: «создавая нравственную философию, разум только развивает, на почве опыта, изначально присущую ему идею добра (или, что то же, первоначальный факт нравственного сознания) и постольку не выходит из пределов внутренней своей области, или, говоря школьным языком, его употребление здесь имманентно»¹⁵. В. Зеньковский находит в этом один из парадоксов этических построений Соловьева.

Как считает Е.Н. Трубецкой, система нравственной философии, изложенная в книге «Оправдание добра», скорее доказывает зависимость этики

¹² Мочульский К. Вл. Соловьев. Жизнь и учение. Париж, 1951. С. 133.

¹³ Соловьев В.С. Сочинения. Т. 1. С. 119.

¹⁴ Трубецкой Е.Н. Мирозерцание Вл. Соловьева. Т. 1. С. 138.

¹⁵ Соловьев В.С. Сочинения. Т. 1. С. 105.

от метафизики, а не наоборот. Ситуация выбора, как она была представлена в работах первого периода творчества Соловьёва, служила нравственному самоопределению человеческой личности, что отвергает Соловьёв — автор «Оправдания добра»: «безусловная свобода выбора существует, — но только не в нравственном самоопределении, не в актах практического разума, где искал ее Кант, а как раз на противоположном конце внутреннего мира»¹⁶. Соловьёв не исключает безусловную свободу, но она может проявиться, по его мнению, только в выборе зла, добро же не является предметом такого выбора по причине бесконечной полноты своего содержания. Здесь обнаруживается, как считает Зеньковский, еще один парадокс системы Соловьёва: этика совмещается с «разумно-идейным детерминизмом». Сам Соловьёв предвидел то недоумение, которое могло вызвать подобное «совмещение». Так, он различает три вида детерминизма: «механический, который, если бы он был единственным, действительно исключал бы нравственность, как такую; психологический, допускающий некоторые нравственные элементы, но плохо согласимый с другими, и разумно-идейный, дающий место всем нравственным требованиям во всей их силе и в полном объеме»¹⁷. Сущность идейно-разумной или нравственной необходимости состоит в том, что достаточным основанием или мотивом совершаемых человеком поступков служит «всеобщая разумная идея добра», действующая на человеческую волю в форме долга или категорического императива. Чтобы идея добра могла получить «силу достаточного основания», Соловьёв считает необходимым «соединение двух фактов: достаточной ясности и полноты самой идеи в сознании и достаточной нравственной восприимчивости в натуре субъекта»¹⁸. Нравственная философия, по Соловьёву, призвана просветлить сознание человека идеей добра, развить ее содержание, чтобы «ум представил воле» эту идею во всей ее полноте, и та детерминировала бы «сознательный выбор человека» в свою пользу. Тогда человек, достигший высокого уровня нравственного развития, сознательно подчиняет свою волю идее добра, вследствие всестороннего познания ее, и это подчинение есть не результат акта произвола, но продуманного сознательного действия. Такое действие может быть признано свободным, причем свободным именно потому, что наличествовала ситуация выбора. Нравственное требование (императив) сначала лишь выступает для человека как принуждающая внешняя необходимость, по мере же овладения его содержанием он перестает быть извне навязанным человеку, а становится внутренним достоянием, определяя человеческие действия изнутри как свободные. Выбор в данном случае состоит в том, что, осознав категорический императив и приняв его в качестве внутреннего установления, чело-

¹⁶ Соловьёв В.С. Сочинения. Т. 1. С. 117.

¹⁷ Там же. С. 111.

¹⁸ Там же. С. 116.

век волен как руководствоваться им в своих действиях, так и оставаться к нему безразличным, не совершая при этом ни добрых, ни злых поступков. Здесь присутствуют оба фактора, позволяющие идее добра служить достаточным основанием для определения сознательного выбора в его пользу. Этот выбор совершается свободно, но его свободе нельзя приписать безусловный характер.

Человеку, как настаивает Соловьев, изначально присуща восприимчивость к добру, если же она никак не проявляется, то причиной тому — иррациональная свобода, определяющая избрание зла. Невосприимчивость к добру при условии совершенного его познания может быть только иррациональным актом, удовлетворяющим «понятию безусловной свободы воли». Невосприимчивость к добру, основания которой («за» или «против») могут быть найдены «только в самых темных глубинах метафизики»¹⁹, выходит за пределы нравственной философии. Задача нравственной философии — раскрытие содержания идеи добра и того, что из нее следует, — «предполагается метафизическим вопросом о свободе воли, — пишет Соловьев, — а никак не зависит от него»²⁰. Свобода иррациональная есть зло и отрицание нравственности, согласно мысли Соловьева. Нравственность же, как и нравственная философия, «всецело держится на разумной свободе, или нравственной необходимости, и совершенно исключают из своей сферы свободу иррациональную, безусловную, или произвольный выбор»²¹. Таким образом, для Соловьева, как и для его предшественников, собственно нравственная свобода есть свобода разумная, а не безусловная, «падшая свобода, свобода вражды и распада, свобода хаоса и анархии»²².

Как мы уже отмечали выше, в работах первого периода Соловьев приближался к пониманию добра в духе Достоевского. Вера в добро, укорененное в Божестве, виделась ему следствием деятельной любви. Вера, понятая как «волезрение», приобретает освободительный характер, что указывает на существование неразрывной связи между добром, как этической категорией, и свободой. Человек, утверждает Соловьев, «не должен остановиться на первом шаге — сознании своего зла, но должен сделать второй шаг — признать сущее Добро над собой. И немного нужно здравого смысла, чтоб, чувствуя все зло в человеке, заключить к Добру, независимому от человека, и небольшое нужно усилие доброй воли, чтоб обратиться к этому Добру и дать ему место в себе. Ибо это сущее уже само ищет нас и обращает нас к себе, и нам остается только уступать Ему, только не противодействовать»²³. Укорененное в Божестве Добро не принуждает, а призывает, требуя усилия

¹⁹ Соловьев В.С. Сочинения. Т. 1. С. 118.

²⁰ Там же. С. 119.

²¹ Там же. С. 117.

²² Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 37.

²³ Соловьев В.С. Сочинения. Т. 2. С. 312.

человеческой воли, будучи при этом предметом свободного выбора человека. Человек совершенно свободен в решении — дать добру «место в себе» или нет, принять его или отвергнуть. Но концепция добра, развернутая в работе «Оправдании добра», написание которой приходится уже на третий период жизни Соловьёва, расходится не только с концепцией Достоевского, согласно которой только свободное добро есть подлинное добро, а необходимое добро уже добром не является, но она расходится и с собственными взглядами Соловьёва на этот предмет, изложенными в более ранних произведениях. Мы говорили уже, что в «Оправдании добра» Соловьёв отвергает прямую зависимость вопроса этического от вопроса метафизического и не признает, как в «Критике отвлеченных начал», зависимости осуществления нравственного начала в человеке от свободного выбора.

Совершенство или полнота добра выражается у Соловьёва в трех видах: как вечно действительное совершенство в Боге, как потенциальное — в человеческом сознании (идея) и в человеческой воле (норма и идеал), как исторический процесс совершенствования. Чтобы человек был способен получить от Бога совершенство, то есть стать «восприимчивой формой божественного содержания», он должен и в действительном опыте отделяться и очиститься от всего «несовместимого с этим совершенством». Человек должен проявить свою «способность и решимость к обладанию свободным совершенством». Одним из орудий совершенствования Соловьёв допускает зло, поскольку из него «можно извлечь» большее добро. Так, он определяет зло как «нечто служебное» и видит в нем «условие свободы, то есть большего добра». «Бог, — пишет Соловьёв в “Оправдании добра”, — допускает зло, поскольку, с одной стороны, прямое его отрицание или уничтожение было бы нарушением человеческой свободы, то есть большим злом, так делало бы совершенное (свободное) добро в мире невозможным»²⁴.

На наш взгляд, Соловьёв не был последователен в своем «идейно разумном детерминизме». В «Оправдании добра» он совмещает мысль об абсолютной необходимости «выбора» добра с мыслью о служебной роли зла на пути достижения свободного добра. То есть, с одной стороны, Соловьёв говорит о том, что «выбор» добра предопределен изначально в силу совершенной полноты его содержания, раскрыть которое индивидуальному сознанию — задача нравственной философии, и, следовательно, отпадает необходимость «прохождения» через опыт зла ради узнавания добра; с другой стороны, Соловьёв считает, что человеку необходим действительный опыт, позволивший бы ему «оценить» добро, тем самым допускается зло как этап на пути нравственного совершенствования человека. Соловьёву не только не удается последовательно провести принцип «разумного детерминизма» в своей этической системе, но и доказать возможность построения учения о добре вне связи с системой метафизики, в которой положительно

²⁴ Соловьёв В.С. Сочинения. Т. 2. С. 260.

решается вопрос о свободе воли. Этика неизбежно связана с метафизикой, и нравственной философии Соловьева присуща эта связь. В «Оправдании добра» Соловьев говорит о праве человека быть злым, безнравственным и совершать свободный выбор между добром и злом, поскольку в этом праве реализуется «принцип человеческого достоинства, или безусловное значение каждого лица»²⁵.

Личное достоинство человека выражается и воплощается в его отношениях с окружающим. Ограничивая себя от других, человек лишается своей безусловной ценности, ибо лицо «отдельно взятое», обладает безусловностью или бесконечностью только в возможности, которая становится действительностью лишь через внутреннее соединение каждого со всеми²⁶. Совершенное единение всех совершается в Божестве, но и на пути к Царству Божьему, к Абсолютному Добру человек должен действовать не в одиночку, но вместе со всеми. Бесконечное значение личности осуществляется в свободном и сознательном участии каждого в общем деле построения идеального общества — свободной теократии, — воплощением которого Соловьев считал Вселенскую Церковь.

Только Церковь, или Богочеловечество, «открывает человеку область положительного осуществления свободы, или действительного удовлетворения его воли»²⁷. Принцип Вселенской Церкви обеспечивает человеку внутреннюю полноту его свободы, которую каждый должен иметь в общественном целом, иными словами, обеспечивает восполнение каждого со стороны другого. Через приобщение к Богу, совершаемому в единстве с ближними при условии соблюдения их безусловных прав, человеческая личность получает действительную свободу. Общение с другими и с Богом, пополняющее конкретное человеческое существо, Соловьев рассматривает в качестве обязательного условия его существования и его свободы. В этом Соловьев обнаруживает бесспорное сходство в своих воззрениях с учением Хомякова о Церкви, как синтезе единства и личных свобод на основе любви к Всевышнему и ближним. Однако употребление Соловьевым термина «церковь», как считает А.Ф. Лосев, нуждается в оговорке. Под термином «церковь» у Соловьева надлежит понимать «некую целостность и всеохватность бытия ... всеединства, но только в таком идеальном состоянии, когда уже преодолеваются все несовершенства жизни, и человек приобщается или по крайней мере стремится к такому идеальному состоянию»²⁸. Но к концу жизни сам Соловьев утрачивает веру в свою теократическую идею, в ее историческое осуществление.

²⁵ Соловьев В.С. Сочинения. Т. 1. С. 347.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 510.

²⁸ Лосев А.Ф. Творческий путь Вл. Соловьева // Соловьев В.С. Сочинения. С. 13.

Литература

1. Бердяев Н.А. *Философия свободы. Смысл творчества*. М.: Правда, 1989.
2. Булгаков С.Н. Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьева? // От марксизма к идеализму. СПб.: тип. Т-ва «Общественная польза», 1903.
3. Гессен С.И. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьева // *Современные записки*. Париж: Я. Поволоцкий, 1931. № 45. С. 271–306, № 46. С. 321–352.
4. Мочульский К. Вл. Соловьев. Жизнь и учение. Париж: YMCA-PRESS, 1951.
5. Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. СПб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1911–1914.
6. Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990.
7. Трубецкой Е.Н. *Мирозерцание Вл. Соловьева*. Т. 1. М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1913.

References

1. Berdyaev, N.A., 1989. *Filosofia svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom. Sense of creativity]. Moscow: Pravda.
2. Bulgakov, S.N., 1903. Chto daet sovremennomu soznaniyu filosofia Vl. Solov'eva? [What gives the philosophy of Vl. Solovyov to the modern consciousness?] In: *Ot marksizma k idealizmu* [From Marxism to idealism]. Saint Petersburg: tip. T-va "Obshchestvennaia pol'za".
3. Gessen, S.I., 1931. Bor'ba utopii i avtonomii dobra v mirovozzrenii F.M. Dostoevskogo i Vl. Solov'eva [The struggle of utopia and autonomy of the good in the views of F.M. Dostoevsky and Vl. Solovyov]. *Sovremennye zapiski* [Modern Notes], N 45, pp. 271–306, N 46, pp. 321–352.
4. Mochul'skii, K., 1951. *Vl. Solov'ev. Zhizn' i uchenie* [Vl. Solovyov. Life and ideas]. Parizh: YMCA-PRESS.
5. Solov'ev, V.S., 1990. *Soch.: v 2 t.* [Collected works]. Moscow: Mysl'.
6. Solov'ev, V.S., 1911–1914. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected works] Saint Petersburg: Knigoizdatel'skoe t-vo "Prosveshchenie".
7. Trubetskoi, E.N., 1913. *Mirosozertsanie Vl. Solov'eva T. 1.* [Philosophy of Vl. Solovyov]. Moscow: Tovarishchestvo tip. A.I. Mamontova.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК РАЗРУШЕНИЕ ДЕКАЛОГА: ПРИМЕР СЛОВЕНСКОЙ ДРАМЫ

Криштоф-Яцек Козак –

доктор филологических наук,
профессор, научный советник,
факультет гуманитарных исследований,
Приморский университет,
Титов трг, 5, Копер, Словения, SI-6000.
kjkozak@fhs.upr.si

Аннотация

Традиционной структуре общества присущи некоторые ключевые характерные особенности, в числе которых, в первую очередь, — пространство, личное и общественное, а также общие ценности. В настоящее время именно эти характерные особенности претерпели существенные изменения, а вместе с ними и ценности или, точнее, их использование; что и стало основной темой пьесы словенского писателя Винко Мёдерндорфера «Десять», представляющей солиптический и одновременно эгоистический мир, где господствует исключительно еще только мамона. Речь идет о фундаментальном распаде общества, и большой вопрос: что останется от него?

Ключевые слова

Декалог, Винко Мёдерндорфер, ценности, глобализация, современный мир, Зыгмунт Бауман, словенская драма.

GLOBALIZATION AS THE DESTRUCTION OF THE DECALOGUE: AN EXAMPLE OF SLOVENIAN DRAMA

Krištof Jacek Kozak –

Doctor of Sciences, Full Professor,
Scientific Adviser,
Faculty of Humanistic Studies,
University of Primorska,
Titov trg 5, Koper, Slovenia, SI-6000.
kjkozak@fhs.upr.si

Abstract

Traditional form of society includes certain characteristics, such as space, private and public, and common values. Currently, exactly these peculiar properties went through fundamental changes, and as a consequence, the values and their use had changed drastically. This became the topic for Slovenian writer Vinko Möderndorfer's play "Deset" ("Ten"), which shows a solipsistic and egoistical world ruled only by the Mammon. It describes the essential devolution of society and the question arises, what remains after its demise.

The article is translated from Slovene into Russian by Yulia A. Sozina.

Keywords

Ten commandments, Vinko Möderndorfer, values, globalisation, contemporary world, Zygmunt Bauman, Slovenian drama.

От самого своего сотворения человек постоянно сталкивается с большой «проблемой»: и эта «проблема» — его ближний, конкурент во всех начинаниях и желаниях; за ней следует еще одна — сосуществование (или сотрудничество) с этим ближним. С одной стороны, со своим ближним человеку было легче выживать, но как только непосредственная опасность миновала, ближний становился уже угрозой. Покуда люди еще пребывали в раю (если, согласно с темой статьи, сосредоточиться на теории сотворения мира), подобных проблем они не могли себе даже представить, но когда, обманутые, оказались по ту сторону врат, их взаимоотношения стали столь запутанными, что Бог был вынужден дать Моисею сразу десять заповедей, чтобы в соответствии с ними люди упорядочивали свою жизнь. Тем самым был заложен краеугольный камень для формы человеческого существования, называемой сегодня «общество».

Традиционная структура общества, существовавшая вплоть до настоящего времени, то есть на протяжении практически всей истории человеческой цивилизации, обладала рядом характерных особенностей. Соотнося основные заповеди Закона Божьего с современным обществом, попробуем опереться на труды известного польского социолога З. Баумана (1925–2017) и его книгу «Глобализация. Последствия для человека и общества»¹, который в качестве исходного называет принцип ограниченного пространства. Дело в том, что Бауман доказывает: ограниченность географического положения — деревни, города, самое большое — области, — определяет и людей, в них проживающих. Поскольку для перемещений в пространстве людям в основном приходилось прилагать значительные усилия, как следствие появилось весьма прочно связанное сообщество, элементы которого в ощутимой мере зависимы друг от друга. Один из краеугольных камней такого традиционного сообщества представляет собой власть (то есть «опекун», следящий за нормами и законами), которая непосредственно связана со своими подданными / гражданами. Это значит, что она следит за ними из непосредственной близости, одновременно с этим принимая на себя и ответственность за их существование, а также за существование общества. Такое общество обеспечивает людям принадлежность друг к другу и тем самым идентичность, а также — что будет совсем не лишним упомянуть — ощущение защищенности. Дело в том, что именно последнее для существования каждого индивида в определенном сообществе является ключевым моментом. Конечно, правда и то, что определенная ограниченность пространства вызывала бóльшую концентрацию интересов (зачастую противоположных), а тем самым и бóльшую вероятность конфликтов, что весьма убедительно использовала и демонстрировала, например, классическая традиция, однако это был все еще мир, устроенный по определенным сообществом правилам.

¹ *Bauman Z. Globalization: The Human Consequences. New York, 1998; Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.: Весь мир, 2004.*

Правители и управляемые были объединены в некий «Гордиев узел» взаимозависимости и ответственности. Этот мир принадлежал людям, в нем жившим. И потому верны замечания апологетов современных форм общества о том, что традиционная структура была негибкой, малоподвижной, из-за чего в свое время подошла к крайней точке. Ее дальнейшая эволюция могла протекать исключительно в направлении демонтажа.

Второй момент, являющийся в равной мере ключевым для традиционного общества, — это соотношение между общественным и личным, касающееся уже вопросов ценностей, благодаря которым между этими сферами достигается равновесие. В традиционном обществе люди были его органичными составными частями: они принадлежали ему, и оно из них состояло. Люди, так сказать, являли собой общество, поэтому категории личной и общественной сфер ясны, причем суть общественного состояла в том, что последнее принадлежало всем. У всех членов общества был доступ к городской агоре² или к деревенской липе; у всех полноправных членов общества было право участвовать в общественной жизни, развивавшейся в соответствии с определенными условиями. Результатом подобного хода событий были двойственные последствия. С одной стороны, участники общественной жизни как индивиды посредством подчинения своих личных интересов интересам сообщества брали на себя определенную ответственность за функционирование сообщества как целого (как правило, интересы сообщества ставились ими выше личной выгоды, ведь наибольшей выгодой для индивида была именно принадлежность к этому сообществу). Однако с другой — именно благодаря этой подчиненности стало возможным, как утверждает Э. Дюркгейм (1858–1917) в своей социальной философии, то, что лишь таким образом люди становились действительно свободными: индивид подчинялся обществу, и это подчинение являлось условием его освобождения: свобода от слепых, не подвластных разуму физических сил, которая достижима благодаря великой и разумной силе общества³. Смысл традиционного общества — в соединении индивида со средой и людьми вокруг него, то есть «упорядочение» мира человека.

Однако именно вышеперечисленные моменты оказались отвергнутыми новым, современным обществом — ради освобождения от ограничивающих «цепей и оков»⁴. Во имя «освобождения от тормозов»⁵ развитие было

² Агора́ (др.-греч. ἀγορά) — рыночная площадь в древнегреческих полисах, являвшаяся местом общегражданских собраний (которые также по месту проведения назывались агорами).

³ *Bauman Z. Globalization... P. 28.*

⁴ Или «пут и кандалов» — как в русском опубликованном переводе работ З. Баумана: *Bauman Z. Tekoča moderna. Ljubljana, 2002. S. 10; Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge, 2000; Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. С. 11.*

⁵ Здесь и далее приведены отсылки и к словенскому изданию, которым пользовался автор статьи, и к русскому переводу, сделанному с английского издания.

направлено на все большее открытие пространства (глобализацию) и все больший отказ от регулирования, установка на либерализацию и уничтожение чувства «общественного». «Общественное» утратило свое первенство, которое перешло к личному. Место «общественного» заняли возведенный в абсолют индивид, больше не связанный с сообществом, но наоборот — свободный от обязательств (по отношению к ближним в сообществе), и его права. Во имя прав человека и всего производного от них индивид стал в современную эпоху совершенно независимым и самоцелью для себя самого. Он перестал нести ответственность за общество, напротив, общество взяло на себя ответственность за индивида. Обязательства как связующее начало сообщества, таким образом, потеряли свою действенную силу, а традиционное общество начало распадаться.

Все это возымело важные последствия и для человека. Человек как живое существо (и здесь Бауман отсылает нас к Дидро⁶), кроме всего прочего, является еще и существом рутинным. Рутинность — религиозная, литургическая или будничная, экзистенциальная — цикличностью своих ритмов приносит некий порядок и вместе с ним у-мир-отворенность. И осознание принадлежности к такому рода сообществу, и ощущение упорядоченности (или рутинной повторяемости) мира — освобождают. Они освобождают индивида, в первую очередь, от страха перед неизвестным и неожиданным, то есть от страха за свое существование. Следовательно, общество, основанное на законности, упорядоченности, повторяемости и ценностях, которые признают и которых, что еще важнее, придерживаются все, обеспечивает то состояние, которое развеивает страх, освобождает человека и, собственно, делает из него человека. И поэтому, по Бауману, отсутствие или лишь неясность норм — аномия — худшая из судеб для людей в их борьбе за овладение своими жизненными целями. Нормы *открывают* возможности посредством того, что ограничивают их⁷. (Достаточно представить себе транспортную магистраль без правил дорожного движения.) В своей «освобожденности» современный человек потерял самого себя. Он потерял ощущение прочности / постоянности, которое давало ему упорядоченное общество, а также нормативные и ценностные обязательства, начавшие хиреть из-за все большей «флексбилизации»⁸ мира⁹.

Ценности являли собой связующую ткань любого сообщества. Априори значимые. Так, наряду с вавилонским Кодексом Хаммурапи (около XVIII в. до нашей эры), еврейский этический кодекс (Втор. 5:2–17; а также Исх. 20:1–17), в отличие от ритуального (Исх. 34: 11–26), представлял собой

⁶ Bauman Z. Globalization... P. 29.

⁷ Ibidem.

⁸ Флексбилизация — политика частного бизнеса в области занятости, нацеленная на повышение гибкости во всех вопросах использования наемной рабочей силы.

⁹ Bauman Z. Globalization... P. 10.

один из первых перечней общественных правил. Речь идет о перечислении десяти заповедей, цель которых как раз вышеописанное: с помощью предписания сделать возможным, через ограничение освободить и, определяя условия, организовать ритуальное, гармоничное, упорядоченное и мирное сосуществование людей. Ценности, на которых основываются заповеди, — абсолютные, но именно до той меры, пока иудеи и христиане согласны, что Моисею на горе Синай в виде горящего куста явился и вручил скрижали с заповедями сам Творец. Речь идет об одном из самых непосредственных контактов Бога с человеком в Ветхом Завете; следовательно, и результат чрезвычайно важен. Абсолютность ценностей означает, что они не вызывают вопросов, они действительно абсолютно для всех, значит, они общественные; то есть их нарушение возымеет двойственные последствия: не только для нарушителя, который свой поступок, конечно, должен исправить, но и сверх того, возможно наблюдать еще худшие последствия, собственно для самого сообщества. При нарушении любой из десяти заповедей расшатываются основы его гармоничного существования и даже, по сути, самого его существования. Частное нарушение, таким образом, получает особую интенсивность, «преумножается» и оставляет след на всем сообществе, из-за чего следование десяти заповедям отдельного индивида столь важно для всех.

Совершенно иначе, однако, вопрос нормы и ценностей стоит в современном обществе, где сообщество и общественность сдвинуты на обочину, а на первый план выходит индивид со своими чувствами, желаниями и ощущениями. И оказывается, что нормы, которые больше не служат консолидации сообщества, а, наоборот, используются любым индивидом в собственных частных целях, превращаются, по сути, в свою противоположность и приобретают негативную окраску. Именно эта современная «перевернутость» прежде абсолютных норм и стала темой, которую В. Мёдерндорфер, один из самых плодотворных и востребованных современных словенских писателей: прозаик, драматург, поэт, режиссер, эссеист и т.д., — вводит в свою драматургическую поэму, своеобразную «драму положений» — «Десять»¹⁰. Мёдерндорфер взял за основу оригинальные десять заповедей из 5-й главы Второзакония, Пятой книги Моисея (тем самым избегнув привычного для католического катехизиса толкования). Вместе с тем заповеди (в отличие, например, от «Декалога»¹¹ польского режиссера К. Кисльёвского, 1941–1996), невозможно считать с легкостью, как привычный катехизис, — ведь словенский автор привнес целый ряд новшеств,

¹⁰ В апреле 2012 г. пьеса была показана в рамках Недели словенской драмы в Крапе и номинирована на Премию Грума. Цитаты приводятся по рукописи: *Möderndorfer V. Deset. Rokopis*, 2012.

¹¹ «Декалог» — цикл из десяти телевизионных фильмов польского режиссера Кшиштофа Кесльёвского, снятый в 1989 г. Фильмы не являются буквальным иллюстрацией десяти библейских заповедей.

препятствующих их автоматическому распознаванию, используя принцип «эффекта отчуждения» (по Б. Брехту)¹². Избранные десять божественных заповедей, таким образом, предстают в сложной форме повествования с обоснованием и предсказанием, или объяснением, потенциальных последствий (и, конечно же, всегда наказания). Каждую из них Мёдерндорфер представляет отдельной сценой, однако не в обычном порядке следования, но в соответствии с драматургической линией, продиктованной рамочной историей. В то же время в драме «Десять» идиосинкратически¹³ повторяются некоторые заповеди. Речь идет, по замыслу автора (озвученному им на обсуждении постановки его пьесы на Неделе словенской драмы в Крапе в 2012 г.), о наиболее часто нарушаемых сегодня заповедях, а именно: «не кради»¹⁴, в пьесе повторяемой им дважды, и «не убивай», упоминаемой трижды.

Впрочем, в конце концов, и это оставалось бы в рамках «обычного», если бы Мёдерндорфер не ввел в текст еще и третье «новшество», тем самым переворачивая прямое и интуитивное понимание представленных ситуаций — и ценностей. Речь об «этической перевернутости»: в каждой ситуации показные общественные классические, традиционные ценности используются как их собственная противоположность, они поданы через субъективное восприятие (действующих лиц), их отрицающее и превращающее в «антиценности». Такое понимание Мёдерндорфер раскрывает в том числе и при помощи эпиграфа, отсылающего к книге Н. Хомского «Прибыль на людях»¹⁵: «Наихудшее — падение ангела ценностей. Всех ценностей. Молодые будут дезориентированы. Жизнь станет ничтожной, ничего не стоящей. Это уже происходит. Этого следует бояться. (...) Мир, в котором единственной ценностью являются деньги, — мертвый мир»¹⁶.

Действующих лиц в драме Мёдерндорфера представляют три пары: Юноша и Девушка, Он и Она, Старик и Старуха, которые своей типичностью, собственно, охватывают каждого, воплощая, понятно, три поколения — со своими желаниями, планами, а также противоречиями. Таким образом, автор дает возможность посмотреть динамику всего общества. Сцены, посвященные отдельным заповедям и им соответствующим ценностям, Мёдерндорфер помещает в рамочную историю, являющуюся, собственно, демонстрацией межпоколенческих конфликтов. Все три пары

¹² Или «остранение» по В.Б. Шкловскому.

¹³ Идиосинкратический: 1) сугубо личный, индивидуальный, своеобразный (научн.); 2) связанный, соотносящийся по значению с существительным «идиосинкразия» (мед.); идиосинкразия — болезненная реакция, возникающая у некоторых людей в ответ на определенные неспецифические (в отличие от аллергии) раздражители.

¹⁴ Здесь и далее библейские цитаты приведены по: Библия. 2018. Синодальное издание. С благословения святейшего Патриарха Кирилла.

¹⁵ Chomsky A.N. Profit over People: Neoliberalism and Global Order. New York, 1999.

¹⁶ Möderndorfer V. Deset. S. 2.

сидят вокруг большого стола и стараются разрешить общую проблему. Осложнения возникают сразу же, в самом начале пьесы, поскольку участники разговора не могут даже решить — с кого начать. От сцены к сцене разыгрываются различные драматические ситуации, вызванные нарушением заповедей, и, казалось бы, именно обращение к ним могло бы помочь, но нет, все выливается в жестокий финал. Рамочный зачин плавно переходит в сцену первой «симптоматичной» заповеди, а именно — «не кради», тем самым Мёдерндорфер намекает на эгоистическую модель употребления ценностей: среди себя самих персонажи пьесы ищут виновного в возникающем у некоторых из них ощущении, будто бы у них крадут — крадут жизнь. Таким образом повернутая ситуация вызывает, конечно, интуитивно ожидаемый отклик у публики (крадут, безусловно, молодые безработные нахлебники), который драматург тут же отвергает. Вором является не Юноша, которого обвиняют вначале, обкраденными, собственно, оказываются все. У них «крадется» время, утекающее в небытие, и это действующие лица эгоистично воспринимают как кражу своих жизней (Старик со Старухой осознают, что они обкрадены в большей степени, чем молодые пары). Так и во второй раз мотив «не кради» появляется в подобном соотношении: Старуха на смертном одре вербально насилует своего мужа, высказывая ему, что он украл у нее лучшие ее годы и, более того, украл всю ее жизнь. Когда Старуха наконец-то умирает, муж, все это время стоически переносивший все ее нападки, со слезами на глазах долго гладит ее по голове. В обоих случаях речь идет об эгоистичной трактовке естественных взаимоотношений, переворачивании универсальных ценностей, к которым персонажи апеллируют, прикрывая собственное их отрицание. Они оправдывают заповедями свое противоречащее им поведение, болезненно цепляясь за них как возможность доказать ближним свою правоту.

Картина с заповедью «не прелюбодействуй» представляет семью за обедом, где мы ожидаем привычное патриархальное разделение ролей и, как следствие, — злоупотребление супружеским доверием со стороны мужчины. Однако на удивление все происходит наоборот: жена извещает вполне искренне любящего мужа о том, что оставляет его, так как переезжает к другому. Остра как нож и ее лаконичная констатация: что касается детей, она не будет чинить ему никаких препятствий. В этом случае речь идет даже не столько о вопросах эмансипации, ведь это (по крайней мере начиная с ибсеновской Норы) уже излишне, сколько о хладнокровном и расчетливом попрании заповеди во имя собственной выгоды без принятия во внимание и интересов людей, и окружающего мира.

«Не желай имущества ближнего своего» — десятая заповедь. Она проиллюстрирована молодым человеком, служащим коммивояжером, в ситуации ужасного злоупотребления. Юноша, хотя работает бесплатно, должен упрашивать собственника компании, чтобы тот его не увольнял. После того, как тот (словесно) обрушивается на молодого человека, обвиняя в

роптании, становится понятно, что работодатель — этот тот, кто потерял объективное восприятие закона и использует его исключительно в целях собственного обогащения, ведь это он злоупотребляет Юношей, по сути, отбирая у него потом и кровью заработанные деньги, а не наоборот, как можно было бы ожидать. Молодое поколение предстает как жертва безнадежного, бессовестного, эгоистичного злоупотребления низвергнутых ценностей, которые вновь использованы для защиты того, что по сути запрещают.

Далее следует заповедь «почитай отца твоего и мать твою (...), чтобы продлились дни твои и чтобы хорошо тебе было на той земле». Ее представляют мать и дочь. Как гласит закон, дети должны уважать родителей, поэтому мы могли бы ожидать, что и здесь тоже младшее поколение попирает интересы старшего. Но и здесь снова все перевернуто. Старуха считает дочь причиной своей глубинной неудовлетворенности, даже личного поражения как женщины. Именно она обвиняет дочь в том, что та уничтожила ее жизнь, и в причитаниях выражает свое сожаление, что вообще ее родила. Заповедь защищает родителей, но в случае, выхваченном из жизни Мёдерндорфером, вопреки ожиданиям, ей следовало бы защищать бессильную и пассивную дочь.

Из тех картин, что особо врезаются в память, можно выделить и раскрытие заповеди «ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня. И творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои». Эта сцена для словенцев приобретает особую коннотацию, ведь автор говорит о Юноше, уставшем уже до смерти от своей «работы». Он не может больше выполнять ее, однако вышестоящее начальство требует от него это. Конечно, публика искренне сочувствует Юноше и желает, чтобы он все-таки нашел в себе силы для еще одного, последнего рывка, но когда на лесной поляне оказывается, что молодой человек — палач и убийца невинных людей, у зрителей кровь стынет в жилах. Политическая аллюзия на послевоенную, вне суда и следствия, ликвидацию домобранцев¹⁷, конечно же, более чем очевидна. Война, действительно, — самое явное попрание этой заповеди, особенно, если ведется «во имя Божие».

Принципу перевернутого воплощения заповеди следуют также три варианта раскрытия заповеди «не убивай». В первом Девушка и Юноша показаны в клинике по прерыванию беременности. Девушка несчастна, и логично было бы обвинить Юношу в том, что он принуждает ее к аборту, чтобы им, таким молодым, избежать проблем. Мёдерндорфер в этой сценке переворачивает ситуацию так, что Девушка оказывается тем, кто, соб-

¹⁷ После Второй мировой войны словенские домобранцы (вместе с хорватскими домобранцами и уставами и сербскими четниками) и их семьи, бежавшие в Австрию, были выданы союзными британскими войсками новым югославским властям и по возвращении тайно расстреляны без суда и следствия.

ственно, и хочет медицинского вмешательства, ведь его оплатил ее отец, а вот Юноша даже хотел бы оставить ребенка себе. Впрочем, отец приказал дочери сделать аборт, потому что ему самому жаль, что он не проделал прежде с ней самой, когда она была в утробе матери, того же самого.

В другом случае заповедь не принимает во внимание Юноша, в развернутом монологе описывающий свою жизнь — наполненную всяческими благами, но пустую и потому ненужную. В результате он решает покончить с собой по совершенно нелогичной причине: в первую очередь, из-за скуки, возможно, также из-за свойственной подросткам неопределенности смыслов и ориентиров.

Третья же зарисовка, посвященная заповеди «не убивай», согласуясь с началом, объединяется со всеми заповедями, красной нитью проходящими через всю эту трагичную историю. Так, в ситуации нарушения заповеди оказываются все персонажи, которые теперь воплощают не какие-то отвлеченные драматические эпизоды, но самих себя, чем Мёдерндорфер окончательно замыкает круг, ведущий их к гибели. Если красная нить рамочной истории предназначена поиску способа, как, собственно, найти способ прекратить «кражу жизни», оказывается, что единственным выходом избежать «кражи» — это смерть. Перехитрить смерть можно лишь, не ожидая ее больше, а умерев сразу. Поэтому они решают, что убьют друг друга, ведь хотя у стариков было украдено больше, у молодых меньше, но всех ожидает одна и та же судьба. Первые удушенными умирают Старик и Старуха. У этих двоих уже действительно никто ничего больше не украдет. Последующие картины представляют лишь уже окончание теперь объединенной истории. Первая заповедь, «Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим», разрешается смертью Ее. В следующей, «наблюдай день субботний, чтобы свято хранить его», также умирают Он и Юноша. В последней картине, озаглавленной «И есть пустыня в мире», таким образом, остается только Девушка, в заключительном монологе осознающая: «Одна. Ева без Адама во всем мире. Во всей Вселенной»¹⁸. Однако, если приглядеться получше, это относится не только к ней, но и ко всем тем, кто отказался от общности, кто индивидуализировал общество так, что в современном мире каждый одинок и постоянно чувствует себя обкрадываемым. Как отдельные индивиды люди теряют то, к чему более всего стремятся. Становятся «мухами-однодневками»¹⁹, тем более применительно к планетарным катастрофам.

Девушка это выражает следующими словами:

— И врезалась одна планета в другую, и настал конец. Во сне. В кино. В одно мгновение конец всего. Десять заповедей. [...] Конец всего. Не только человека. Всех людей. И смерть всех людей — это настоящее ничто. Никако-

¹⁸ Möderndorfer V. Deset. S. 65.

¹⁹ Ibidem.

го продолжения. Никакой нравственности. Никакого плачущего Бога. Никто во Вселенной не пожалеет о нас. Кто? Что? Существо? Сущность? Ничто. Терпение? Ничто. Ничто. И смысл? Послание? То, что останется. Если останется. Не останется. Смысл чего, если в конце тьма? И будет тьма. Вечная. Когда я досчитаю до десяти, будет тьма²⁰.

Финал у Мёдерндорфера в его планетарном масштабе действительно апокалиптичен и таковым останется, даже если перенести его на микро-, то есть общественный уровень. Низвергнутости ценностей в современном мире — из-за их субъективного, эгоистического использования — отдельно-му человеку невозможно избежать. Следует снова и снова поставить перед собой вопрос о мире и о тех, кто в нем живет. На что сообществу можно было бы опереться, и что действительно объединяло бы людей? Так осмысливается авторский вводный эпиграф. Под вопрос ставятся даже общечеловеческие ценности, ведь они перестали действовать во всей общности одинаково, поскольку сейчас индивиды их присваивают себе и перекраивают под свои индивидуальные потребности.

Конечно, такие метафоры, как *momento mori*²¹ или *danse macabre*²², всегда указывали на равенство всех перед последним Судом (что подчеркивает вечную несхожесть во времена нашего существования в этой *vallis lacrimosa*²³), однако еще никогда мир не был столь заиндивидуализированным и тем самым столь релятивным. Ценности стали абсолютно относительными, ведь они больше не действуют для всех, но лишь для тех, кто, изрекая их, следует им. Важно то, что речь идет не только о людях, в чьих руках находятся рычаги власти, но обо всех и о каждом.

Развенчание ценностей затронуло и Декалог. Заповеди, записанные в Пятикнижии, как свидетельствует Евангелие от Марка, комментировал Иисус. Как мы знаем, десять заповедей можно, согласно ему, свести лишь к двум: «первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всей душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею». Вторая, подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет» (Мк. 12:29–31). Вторая, вмещающая в себя шесть последних заповедей, — основа христианского общества и, по Фрейд-ду, одно из основополагающих этических требований, а потому и основное правило цивилизованной жизни (сравни, например, с Бауманом²⁴), а тем самым, следовательно, фундамент общества как формы цивилизованной человечности. Именно в этом существенная разница между цивилизацией

²⁰ Möderndorfer V. Deset. P. 67.

²¹ Помни о смерти (лат.).

²² Пляска смерти (лат.).

²³ Долина слез (лат.).

²⁴ Bauman Z. Does ethics have a chance in a world of consumers? Cambridge; London, 2008. P. 31.

и просто выживанием, основывающемся на эгоистическом, физиологическом концентрировании на самом себе и не требующем никакого выражения любви. В мире потребителей из равенства исчез наш «ближний», так что осталась еще лишь «мантра» современности, некая одиннадцатая «заповедь»: «возлюби себя самого, как самого себя...».

Все эти превращения, как считает Бауман, произошли с наступлением глобализации, поскольку дело не только в том, что оборвалось ощущение принадлежности к единому сообществу, но и в том, что силы, прежде действовавшие локально, начали выходить за рамки привычного, оказываясь в условиях, прежде неизвестных, а зачастую отрываясь от конкретных людей и конкретного мира и больше не получая от них отклика. Неотвратимым следствием изменения понимания среды стало и изменение понимания окружающих людей и самого себя. Последствием разложения конкретной / локальной среды и была «эрозия общественных и культурных идентичностей», усилившая сомнения в них, люди перестали ощущать себя безопасно, под защитой, ведь территория, из которой изъяли общественное пространство, предоставляет мало возможностей для дебатов о нормах, для противоречий, для столкновений ценностей и их согласования²⁵. Одновременно с этим наступает и изоляция индивида от существовавших ранее общностей, он становится одиноким и потому остро ощущает собственную потерянность в современном «обществе». Такое восприятие пространства нашего *condition humane*²⁶, следовательно, не упростило мир, а наоборот привело к поляризации.

Нынешнее «общество» дошло до разложения как раз той самой любви к ближнему и в современном человеке разожгло некую иную «любовь» — любовь к себе. Другими словами, современная цивилизация зиждется на эгоизме, собственном интересе и прежде всего на поиске собственного «счастья», поэтому и субъективное использование абсолютных норм логично. Таким образом, вновь устанавливается гоббсовская модель *homo homini lupus*²⁷, то есть война каждого против всех. Жить — и это показывает Мёдерндорфер — означает то, что кто-то крадет у нас время жизни, а не то, что мы своими жизнями соучаствуем в (со)творении чего-то большего, чем мы сами, например, нашей общности. Каждый индивид работает только для себя, однако, таким образом, изолированные индивиды суть лишь более легкая добыча «более-не-уловимых» рычагов власти, при помощи которых управляют «те-кто-принимает-решения» где-то на другом конце света.

Современному обществу люди органически больше не принадлежат. Они не являются ее структурной частью, хотя современное общество, на что обращает внимание Бауман, и определяет их как своих членов²⁸. Это

²⁵ *Idem*. *Tekoća moderna*. S. 33.

²⁶ Гуманного состояния (*лат.*).

²⁷ Человек человеку волк (*лат.*).

²⁸ *Bauman Z. Globalization...* P. 41.

значит, что принадлежность, так сказать, «волонтерская», а не органическая; мы можем быть членами, а можем и не быть. Прежде общество не могло просто вот так исключить людей, изолировать их. Сегодня это вопрос соответствия, вопрос выполнения «клубных» правил. Тех, кому общество по тем или иным причинам приостанавливает «членство» в клубе, описывает Дж. Агамбен в своей книге «Homo sacer»²⁹. Это наполовину святые, наполовину проклятые люди, чье существование ничего не стоит, и разрешено их устранить. Сегодняшний глобализованный мир развился в том числе благодаря «радикальному таянию пут и кандалов»³⁰, что вместе с позитивными последствиями принесло и негативные. Мы вступили в мир «текучей современности» (известная синтагма З. Баумана). У тех, кому этот распад традиционного общественного устройства нравится, есть уже новая цель: «исчезновение сил, способных поддерживать вопрос порядка и системы на политической повестке дня»³¹. У людей же, являющихся объектом производства этой силы, почва уходит из-под ног, их охватывает страх, они хватаются за все, что только возможно, чтобы спастись из океана сомнений и вылезти хотя бы на клочок суши. А из-за паники «приветствуется все, что предвещает “принятие на себя ответственности” за “уверенность”» (Э. Фромм «Бегство от свободы»³²).

Одновременно они всё больше и больше подстраивают нормы под себя и все больше и больше гонятся за исполнением своих сиюминутных желаний и (возможно, надуманных) потребностей. И то, и другое ведет индивида ко все большей изоляции, что опять же становится причиной панического поиска им защищенности и определенности. Это делает из человека, по А. де Токвилю³³ (1805–1859), неуверенного и агрессивного «индивида», который из-за этого является самым ярким врагом структурированного общества³⁴, колонизируя и узурпируя под себя общественное пространство³⁵, чье разложение так явно показано у Мёдерндорфера. Однако это черта, переступить которую мы едва бы хотели, впрочем, есть ли кому-то до этого дело?

Перевод со словенского Ю.А. Созиной

²⁹ Человек святой (лат.). — *Agamben G. Homo sacer. Il potere sovrano e la nuda vita*. Torino: Einaudi, 1995; *Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь* / Пер. с итал. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова, М. Велижева, С. Козлова. М., 2011.

³⁰ *Bauman Z. Tekoča moderna*. S. 10; *Бауман З. Текучая современность*. С. 11.

³¹ *Ibid.* P. 11; Там же. С. 12.

³² Цит. по: *Bauman Z. Tekoča moderna*. P. 29; *Бауман З. Текучая современность*. С. 28.

³³ Алексис-Шарль-Анри Клерель де Токвиль (фр. Alexis-Charles-Henri Clérel de Tocqueville) (1805-1859) — французский политический деятель, лидер консервативной Партии порядка, министр иностранных дел Франции (1849 г.). Более всего известен как автор историко-политического трактата «Демократия в Америке» (2 тома, 1835, 1840).

³⁴ *Bauman Z. Tekoča moderna*. P. 47; *Бауман З. Текучая современность*. С. 44.

³⁵ *Ibid.* P. 52; Там же. С. 47-48.

Литература

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / пер. с итал. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова, М. Велижева, С. Козлова. М., 2011.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.: Весь мир, 2004.
3. Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008.
4. Bauman Z. Globalization: The Human Consequences. New York: Columbia University Press, 1998.
5. Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.
6. Chomsky A.N. Profit over People: Neoliberalism and Global Order. New York; Toronto; London: Seven Stories Press, 1999.
7. Möderndorfer V. Deset. Rokopis, 2012.

References

1. Agamben, G., 2004: *Homo sacer: suverena oblast in golo življenje* [Homo sacer. Sovereign Power and Bare Life]. Ljubljana: Študentska založba.
2. Bauman, Z., 2008. *Does ethics have a chance in a world of consumers?* Cambridge; London: Harvard University Press.
3. Bauman, Z., 1998. *Globalization: The Human Consequences*. New York: Columbia University Press.
4. Bauman, Z., 2004. *Globalizacija. Posledstva dla človeka i obsestva* [Globalization: The Human Consequences]. Moscow: Ves' mir.
5. Bauman, Z., 2000. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press.
6. Chomsky, A.N., 1999. *Profit over People: Neoliberalism and Global Order*. New York; Toronto; London: Seven Stories Press.
7. Möderndorfer, V., 2012: *Deset* [Ten]. Rokopis.

РУССКИЙ ЯЗЫК НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

**Светлана Николаевна
Переволочанская –**

кандидат филологических наук, доцент,
Институт славянской культуры,
Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина,
Хибинский проезд, 6, Москва, Россия, 129125.
info@gask.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о современном состоянии русского языка. Информационные технологии в XXI веке предъявляют иные формы подачи языкового знания, иные способы квантования информации в языковом знаке. Развитие русского языка происходит от стандартного, прямого выражения мысли к нестандартному, психологически сложному, ассоциативно глубокому изложению мысли. В начале XIX века в период демократизации русского языка был явлен национальный гений — А. Пушкин, благодаря которому в языке нашла свое отражение уникальная информационная, культурная, художественная эволюция. На рубеже XX–XXI веков в рамках демократизации и глобализации происходят процессы, во многом напоминающие развитие двухсотлетней давности. Эти процессы предполагают наличие некоторых закономерностей — преодоление стилистического разнобоя, изменение границ языкового знака и смысловое расширение.

Ключевые слова

Знак, символ, языковой эксперимент, неолексема, смысловая валентность.

THE RUSSIAN LANGUAGE AT THE TURN OF THE CENTURY: SEMANTIC CAPABILITY AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Svetlana N. Perevolochanskaya –

Ph.D., Associate Professor,
Institute of Slavic Culture,
Kosygin Russian State University,
Khibinsky Proezd 6, Moscow, Russia, 129125.
info@gask.ru

Abstract

The article considers the current state of the Russian language. Information technologies in the twenty first century present diverse forms of linguistic knowledge and modalities of knowledge quantisation in a linguistic sign. The Russian language develops from a standard, direct expression of thoughts to a nonstandard, psychologically complex, associative deep statement of thoughts. In the early nineteenth century, during the democratisation of the Russian language, a national genius, Alexander Pushkin, emerged. Thanks to him, the unique informational, cultural, and artistic evolution of the language took place. Nowadays, while democratisation and globalisation, processes which resemble the language evolution 200 years ago, are occurring. These processes suggest some patterns: overcoming stylistic disparity, changes in linguistic sign boundaries and semantic extension.

Keywords

Sign, symbol, linguistic experiment, neolexeme, semantic valency.

Язык — непреходящий компонент информационно-когнитивной парадигмы. Структура мира отражается в мышлении: оно ответственно за создание информационной модели мира, конструирование которой осуществляется на базе образов и выражается в поиске знаковой формы, в которой фиксируется словесное значение. Содержание зацепляется за вербальный каркас и уже в нем начинает свое обновленное существование: будучи знаково оформленным, оно находится в состоянии поиска связей и отношений в новой парадигматической реальности.

В последние годы появилось много лингвистических работ описательного характера, которые сводятся к эмпирическому анализу богатого языкового материала, представляющего собой попытку осмысления состояния современного русского языка: рассматриваются единицы, взаимоотношения между ними, устанавливаются системные связи, создаются словари, лингвисты наблюдают семантические, словообразовательные процессы, специфику синтаксических конструкций и т.п. На базе этого анализа делается попытка качественно оценить весь этот материал и выдать какое-то аксиологически важное резюме относительно русского языка. Но такое рассмотрение есть лишь фаза в поступательном движении языка. Языковые ресурсы — это не только «ставшее», но и накопление, «становление» во времени.

Настало время комплексного анализа, который предполагает обсуждение вопроса о современном состоянии русского языка в двух системах координат — не только синхронически (описательно), но и диахронически (исторически). Только тогда картина может предстать в своем объективном виде.

Современный русский язык на рубеже XX–XXI веков характеризуется широким диапазоном разнообразных языковых явлений и фактов, обусловленных информационной революцией, которая породила некий ментальный шок, вызванный глобальным отставанием информационного потребления от информационного производства. Данный процесс определил резкий перелом в русском языке, обусловленный сменой информационных, культурных и художественных парадигм.

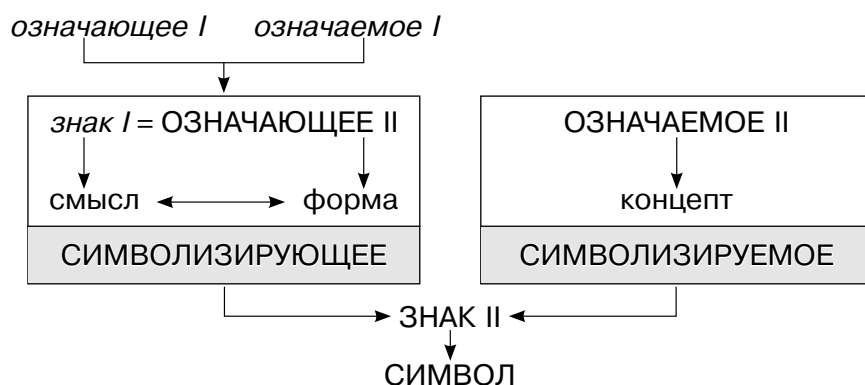
Кризис в рамках информационной парадигмы выразился в безысходной невозможности охватить интеллектуальное богатство коллективного разума отдельной личностью: накопленный информационный ресурс оказался необеспеченным языковыми формами его хранения. Старые формы потеряли свою привлекательность по причине того, что они не могли справиться с энергетической емкостью новых содержательных единиц. Возникла потребность в такой системе знаков, которая способна была бы вместить новый семантический материал.

Культурно-историческая парадигма обозначила себя в поиске русского культурного кода, который спровоцировал обострение отношений в оппозиции *западное ↔ национальное*, в борьбе между западниками и славянофилами (либералами и патриотами). Потребность в семантическом расширении языкового знака предполагала обращение не только к национальному культурному знаку, но и к знакам европейской культуры.

Художественная парадигма есть средство воплощения в творчестве общих и специфических черт. В современном языковом сознании оппозиция *традиционно-универсальное ↔ индивидуальное* проявляется в попытке оторваться от нормы и создать свой креативный знак-символ, обеспечивающий вхождение в новую художественную систему, не имеющую четких границ, гетерогенную по своей природе, мультимодальную по своей характеристике. Результат такой работы — создание особого рода текстов, гипертекстовых структур, нелинейных, виртуальных, мультимедийных, ризоморфных в своей основе, обеспечивающих выход на просторы дискурса.

Современные информационные технологии в XXI веке предъявляют иные формы подачи языкового знания, иные способы квантования информации в языковом знаке. Для современного русского языка свойственна асимметрия языкового знака: наблюдается нарушение пропорции между планом содержания (означающим) и планом выражения (означаемым). Эта работа проявляется в двух направлениях. С одной стороны, возникает так называемая культура легких касаний¹, которая предполагает поверхностный смысловой охват, без заглублиения в семантическую «пучину», которая порождает культуру симулякров, где форма (означающее) выше самого содержания. Знак в этом случае становится пустым, не отражающим связи с реальностью. С другой стороны, в языке наблюдается и противоположный процесс, связанный с компрессией информационных потоков, которые необходимо упаковать в сверхзначимую форму. В этом случае языковой знак становится метазнаком — символом: он вмещает в себя огромный содержательный объем через использование уже готового знака, который становится значимой формой (означающим) для нового содержания. Речь в данном случае идет о вторичной моделирующей системе².

Рис. 1. Символ как метаязыковое явление³

¹ Эпштейн М.Н. Постмодернизм в России. Литература и теория. М.: Изд-во Р. Элинина, 2000.

² Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика: Пер. с франц. М.: Прогресс, 1989.

³ См.: Переломанская С.Н. Символ как метаязыковое явление // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции / отв. ред. Е.И. Диброва. М.: СпортАкадемПресс, 1998. Т. 1. С. 56-59.

Как видно, представление о слове становится более сложным, сквозь один знак просвечивает другой, семантическая структура слова теряет четкие очертания и становится рефлексивной. По мнению Г.П. Щедровицкого, рефлексия является необходимым условием процесса производства новых смыслов, объективации их в виде знаний, предметов и объектов деятельности, а в последующем и специфического функционирования последних⁴.

Следует отметить, что подобные процессы происходят в языке с определенной периодичностью, определяются сменой когнитивно-информационных парадигм, которые неизбежно связаны с процессами глобализации и демократизации. В этом отношении можно представить ретроспективный и перспективный взгляд на языковое развитие.

Начало XIX века в истории русского языка ознаменовалось появлением национального гения А.С. Пушкина. Неслучайно, что в этот переломный период была явлена фигура поэта. Поэзия очень чутко реагирует на языковые изменения: гиперболочка поэтического слова способна вместить всю глубину смыслового континуума. Начало XXI века отмечено смысловой активностью и креативностью выражения мысли. В современном русском языке идет выработка комбинированного стиля, выражающегося в попытке освободиться от жестких, строгих норм. При этом используется весь арсенал средств общенародного языка от разговорной речи до социальных диалектов и просторечия, что и определяется как демократизация языка. Общая картина свидетельствует о тенденции языковой сниженности. Последнее реализуется в языковых феноменах вульгаризации (вкрапления в речь жаргона и просторечия) и эвфемизации в рамках интертекстуальности, языковой игры.

В языке А. Пушкина заимствованные слова проявляют словообразовательную активность (*Амур* → *амуриться*, *конфуз* → *конфузиться*; *рифма* → *рифмодей*, *рифмоплет*, *рифмотвор*, *рифмач*, *рифмичество* [пренебрежительно о поэтическом творчестве], *Рифмов*, *Рифматов*⁵ [обозначение посредственного поэта]); либо расширяют свой семантический объем, прирастая имплицитными смыслами в речи, меняя направление семантического развертывания в рамках антонимии (*филантрон* — ‘человеколюбец, гуманист’: *Изрек хлыстом махая Полковник филантрон*); либо вступают в нестандартное соединение с другими лексическими единицами в перифразах, что рождает эффект эмоционального воздействия (*музы пол-девицы*, *рублевые Киприды*; *султан* — титул верховного правителя в мусульманских странах: [о Вольтере] *султан французского Парнасса*; [о В.В. Энгельгардте] *ленивый Пинда гражданин*, [о поэте] *парнасский бродяга*, *парнасский волокита*, [о плохом поэте] *конюший дряхлого Пегаса*).

⁴ Щедровицкий Г.П. Категориальный аппарат и теоретические схемы // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк.Культ.Полит, 1995. С. 273.

⁵ Орфография и пунктуация здесь и далее дается по ПСС А.С. Пушкина в 17 томах.

Все эти процессы функционально оправданы: заимствованные слова выступают как средство характеристики, авторской оценки, часто употребляются с целью создания шуточного или иронического контекста.

Если в языке Пушкина демократизация языка опиралась на универсализм прекрасного, где эстетическая компонента была ведущей, то современный процесс демократизации в языке еще только определяется в приоритетах — эстетически возвышенных или сниженных. Процесс брожения еще только начинается. Творческий нереализованный потенциал ищет креативных форм выражения, что всегда сопровождается стремлением к выбору предельно экспрессивных средств языка, которые могут стать «катализаторами гражданского разногласия».

В современном русском языке наблюдается повышенный градус экспрессии при использовании заимствованных единиц, которые интересны как источник для создания словообразовательного гнезда. Производные слова получают особую эмоциональную окраску: иноязычный элемент, вписанный в определенную словообразовательную модель, придает особую выразительность новым лексическим единицам, привлекает своей необычностью, «свежестью».

Представим словообразовательное гнездо, построенное на базе заимствованной лексики *ксерокс*, которая нашла свое место в литературном языке. Появление данной единицы связано с названием американской корпорации по производству офисной техники *Xerox*. Данный оним только в таком графическом виде (запись буквами английского алфавита) употребляется для обозначения американской компании. Лексема *ксерокс* (запись буквами русского алфавита) в русском языке — полисемант, она имеет следующие значения:

1. вид электрофотографии (синоним слова *ксерография*, заимствованное из английского *xerography*, которое построено на базе греческих заимствований *xēros* — сухой и *gráphō* — пишу);
2. устройство для ксерографии (образованное на базе метонимического переноса в русском языке);
3. результат работы устройства — изображение.

Словообразовательное гнездо строится по следующим моделям.

Ксерокс (в 3 значениях) → ксерокоп-*и*-я ↔ ксерокоп-*ирова*-ть → ксерокопировать-*ся* → ксерокопирова-*ни*-ый // ксерокопирова-*ль/н*-ый. Производящая основа слова *ксерокс* (в 3 значениях) дала целую цепь разговорно-просторечных образований: ксер-*ев*-о ↔ ксер-*и*-ть (ся) → *от*-ксерить (ся) // *за*-ксерить (ся); ксер-*ну*-ть (ся). Еще более сниженными выглядят дериваты от данной производящей основы в молодежном сленге: ксер-*ачи*-ть → *от*-ксерачить (для сравнения: *напортачить*, *судачить*, *фигачить*).

Данная словообразовательная парадигма дает богатую парадигму глагольных форм: *ксерокопировать* — *ксерокопировавший*; *ксерить* — *ксеривший*; *отксерить* — *отксеривший*; *заксерить* — *заксеривший*; *ксернуть* —

ксеронувший, ксернувший; ксерачить — ксерачь(те) (повелительное наклонение), *ксерачащий* (действительное причастие настоящего времени), *ксерачевиший* (действительное причастие прошедшего времени), *ксерача* (деепричастие); *отксерачить — отксерачивший*.

Синонимами данных глаголов в молодежном сленге выступают дериваты, которые можно было бы условно (!) назвать региолектами, *канонить* (*канонивший*) → *отканонить*. Употребление данных глаголов характерно лишь для некоторых дальневосточных регионов, где копировальные аппараты японской корпорации *Canon* имели преимущество перед аппаратами компании *Xerox*.

Огромную популярность в речевом употреблении приобретает лексема *хайп* (англ. *hype*, в переводе означает 1. навязчивая реклама, принуждающая потребителя к приобретению товара, 2. шумная вечеринка). В русском языке заимствованная единица обрастает новыми смыслами, на ее базе формируются новые слова. У заимствованной единицы выделяются два значения в молодежном сленге:

1. обман, подделка, выдумка, информационная шумиха, вызывающая бурную реакцию;
2. тренд, преобладающая тенденция, общее направление развития чего-л. (общественного мнения, моды и т.п.).

На базе первого значения образуются глаголы: *хайп* → *хап-и-ть* / *хап-ова-ть* / *хайп-а/ну-ть*. Встречаются в следующих выражениях: *хайпануть немножко* ('попиариться / раскрутиться за чей-то счет'), *раздуть хайп* // *поднять хайп* ('пустить ложный слух в СМИ, в интернете'). На базе второго значения в активный речевой оборот входит производное слово *хайповый*: *хайповый человек* ('пользующийся в данное время всеобщим признанием, успехом'); *хайповая музыка* ('популярная', 'скандальная'); *хайповая вещь* ('модная'), *хайповый шмот от Гоши Рубчинского*. Отметим, что в последнем примере лексема *шмотка/шмотки* меняет свою морфологическую характеристику: в этом употреблении у лексемы *шмот* появляется собирательное значение, дериват образуется не при помощи суффикса *-j-* (*шмотьje*), а бессуффиксным способом, при этом дериват «закрепляется» в грамматической форме мужского рода.

Анализ показывает, что заимствованные слова в речи носителей русского языка легко вступают в словообразовательные отношения. Наибольшая активность проявляется в образовании глаголов: *кайтить* (из компьютерной игры, 'действие атакующего, при котором он всегда убегает от противника'); *флексить* ('хвастаться материальным достатком' — *флексить шмотками*); *дайвить* ('заниматься дайвингом, подводным плаванье с аквалангом'); *чилиить(ся)* ('отдыхать, ничего не делая', 'бездельничать'); *агриться* ('испытывать злость'). Наличие таких глаголов говорит о попытке приспособить «инокультурную» единицу к особенностям своего языка, что позволяет расширить синонимические возможности русского языка.

Данные неолексемы создают особую подсистему. Широкая деривационная картина свидетельствует об ориентированности полученных неологизмов на прием языковой игры, на языковой эксперимент, который и характеризует креативность языкового сознания современных носителей языка.

Анализ языкового материала показал, что стилистически сниженная лексика проникает во многие сферы функционирования языка, где раньше она была недопустима, что свидетельствует о снижении эстетического и этического критериев языковой нормы. В современном русском языке скандальность может перерасти в эпатажную агрессию. Этот процесс можно продемонстрировать на примере персонифицирующих единиц — антропонимов. Двухкомпонентная модель — личное имя и патронимическое имя — становится менее востребованной. Патронимическое имя выступает как необязательное: в официальном обиходе превалирует другая двухкомпонентная модель — личное имя и фамилия. Антропонимы часто выступают в рамках языковой игры. Определенный градус иронии выражается в производных от онима — *Алексей / Лёша / Лёха Навальный*; в прозвище — *Провальный*; в перифразе *политический шалун*; в номинациях сторонников Навального — *навалышки, навалнята (навалнята против чубайс)*, перифраза *хомячки Навального*.

Широкое распространение получает употребление только патронимического имени, которое является стилистически сниженным, предполагает наличие оценочности. Разговорный вариант патронима Виссарионыч (Иосиф Виссарионович Сталин) — «Виссарионыч откопался» — употребляется в значении «возрождение идей вождя народов» (из диалогов на радиостанции «Эхо Москвы»). Для сравнения: «Пора Иосифа Виссарионовича откапывать» (из интернет-блога).

Яркое проявление языковой игры с антропонимами наблюдается в номинации рубрики на «Эхе Москвы» — «Полный Альбац» (здесь происходит метонимический перенос: *фамилия* ведущей авторской аналитической программы, журналистки Евгении Альбац → *название передачи*), всплывает целый комплекс лексических номинаций (*полный абзац, полный чубайс!* и т.п.), содержащий экспрессивную окраску и оценочный компонент. При этом происходит потеря признаков имени собственного, осуществляется его переход в имя нарицательное. Для сравнения приведем название утреннего эфира политического ток-шоу на радио «Полный контакт с Владимиром Соловьевым»: в данной номинации заложен семантический признак ‘непосредственное общение’, установление непосредственного контакта с собеседником.

В начале XIX века прием языковой игры с онимами раскрывал специфику смысловой валентности имени собственного в интертекстуальном поле не только художественного текста, но и текста публицистического и эпистолярного. Семантическая контаминация онимов происходит в случаях, когда А. Пушкину, кроме номинации, требовалось дать оценку того или

инога лица: *Улисс Лобанов* [Улисс и Лобанов Михаил Евстафьевич — писатель, драматург], *Аякс Федоров* [Аякс и Федоров Борис Михайлович — прозаик и стихотворец, журналист], *Языков–Нестор* [Языков Дмитрий Иванович — автор перевода работы А.Л. Шлёцера «Нестор. Русские летописи»]. Такого рода образования синкретичны, образуют тесное смысловое единство. Метонимический сплав — автор и его творение — содержится в именовании «бабочка-Филимонов», обе части номинации представляют собой характеристику-оценку: «Бабочка» — название издававшегося В.С. Филимоновым журнала, по своему содержанию очень низкого качества.

Интересна в этом контексте отсылка к пушкинской эпиграмме на Ф.В. Булгарина — противника А. Пушкина в книжно-журнальной полемике первой трети XIX века: *Не то беда, что ты поляк: Костюшко лях, Мицкевич лях! Пожалуй, будь себе татарин, — И тут не вижу я стыда; Будь жид — и это не беда; Беда, что ты Видок Фиглярин*⁶. Прецедентное имя *Видок*, употребляющееся и в пушкинских статьях, стало символом безнравственности, доноса, оно есть имплицитная номинация сочинителя пасквилей. Онимическая контаминация имени *Видок* (прецедентное имя, имеет отсылку к судьбе реального лица *Эжена Франсуа Видока* — нечистоплотного представителя французского частного сыска) и фамилии *Булгарин* в языковом обыгрывании с *Фиглярин*, где корневая морфема содержит семантические признаки «обманщик» и «двуличный человек», представляет собой оценочную номинацию, содержащую полемический задор автора эпиграммы и ассоциативный намек на факт доноса Фаддея Булгарина.

Ассоциативность пушкинского мышления позволяет заменить длинное описание одним сублимированным словом. Ассоциативность современного мышления обусловлена желанием в семантический каркас слова включить бесконечный информационный континуум. Рубеж XX–XXI веков предъявляет более резкие ассоциации, иногда граничащие с цинизмом, который есть проявление протестных настроений в молодежной субкультуре.

Прецедентные высказывания (логоэпистемы) часто репродуцируются в современном русском языке, выступают как «самодостаточные единицы». Например, происходит смысловая трансформация устойчивых сочетаний (поговорок, цитат из художественной литературы), понимание которых требует не только языкового знания, но и знание культурного фона, позволяющего понять реминисцентные отсылки. Прецедентное высказывание — измененная цитата-поговорка: *Любите газету, неиссякаемый источник кульков для семечек* (Любите книгу, неиссякаемый источник знаний), *Не йоги горшки обжигают!* (Не боги горшки обжигают), *По Хуану и сомбреро* (По Сеньке и шапка), языковая игра на грани абсурда — *Сытый конному не*

⁶ Пушкин А.С. Эпиграмма // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 3, кн. 1. 1948. С. 159.

неший (Сытый голодному не товарищ), *На безрыбье и Дед Мороз — Снегурочка* (На безрыбье и рак — рыба), *Любишь кататься — люби и катайся!* (Любишь кататься — люби и саночки возить), *Одна голова хорошо, а с туловищем лучше* (Одна голова хорошо, а две лучше). Прецедентное высказывание — отсылка к текстам А. Пушкина: *Закинул старик в море невод и сидит, как дурак, без невода* («Сказка о рыбаке и рыбке», обыгрываются значения лексемы *закинуть* ‘бросить куда-либо’ и ‘выбросить как ненужное’); *Иных уж нет, других долечим* (*Иных уж нет, а те далече* — игра фонетически близких по звучанию выражений). Прецедентные высказывания — отсылка к текстам М. Горького: *Рожденный ползать упасть не может* (*рожденный ползать — летать не может*); отсылка к текстам В. Тушиновой: *Не отвлекаются любя! (Не отрекаются любя)*⁷.

На базе единиц, входящих в состав словаря Русского арго, в радиэфире появилось новое выражение *это тебе не жук лапкой потрогал* — шутливо ‘о чем-либо важном, значительном’ (для сравнения: *это тебе не в тряпочные кегли играть / это тебе не хухры-мухры*. В университете учиться — *это тебе не мыло в тазике гонять*).

Нарочитая игра со словом граничит с аномальностью. Новым явлением в современном русском языке являются производные единицы, которые первоначально были употреблены в социальных сетях со знаком хештега (хеш-тега). Последний можно считать маркером, выделяющим актуальную для обсуждения тему. Со словообразовательной точки зрения интерес представляют объединения слов, которые, «пускаясь в свободное плавание», теряют связь со знаком-маркером, превращаются при этом в самостоятельные слова, обладающие ярко выраженной экспрессией и смысловой активностью. Это неолексемы представляют собой полисинтетическую единицу — слово-предложение. Способ образования данной единицы можно определить как сращение в рамках чистого сложения: *яжемать, яжемамка, онажемамаша; яженяня, яжебабка, яжебабушка, яжебати; онжеребенок, онижедети, онажедевичка; тебежалкочтоли*. В данных неолексемах выражена целая философия носителей языка — эгоцентризм личности, требующей к себе особого отношения, которое строится на ложном понимании своей сверх значимости. Ключевая, доминантная сема в этих новообразованиях — сема ‘долженствования’.

Общий анализ языкового материала дает возможность сделать вывод о том, что идеи развития языковых явлений начала XIX века и рубежа XX–XXI веков почти универсальны. Они основываются на поиске модели воплощения бесконечного смысла, который предполагает некий механизм уплотнения информационного континуума. Очевидно, перспективу дальнейших

⁷ *Фоменко Н.* Афоризмы // Русский Дом [online]. URL: <http://russiahousenews.info/funny-story-aphorisms/zamechatelnie-aforizmi-nikolaya-fomenko> (дата обращения: 02.12.2018); *Фоменко Н.* Афоризмы // ParfumClub.org [online]. URL: <https://parfumclub.org/other/citaty-nikolaya-fomenko.html> (дата обращения: 02.12.2018).

исследований можно видеть в области поэтического дискурса: поэзия, опираясь на условность поэтического слова, точно улавливает смысловую составляющую времени. В современной поэзии намечается тенденция к поиску уникальных стилистических приемов — отказу от знаков препинания в поэтическом тексте. Это предполагает освобождение от ига формы, выход на смысловой простор. В таком формате ничто не мешает зацеплять смысловые объемы слов. Здесь поэтический дискурс проявляет себя в своем истинном предназначении: «оголенная» авторская мысль модулирует в читательское сознание, что создает прецедент «размножения текста» в воспринимающем его сознании. А это уже кажущаяся свобода от всяких норм, граничащая со смысловой анархией. Рефлексия мысли встраивается в образную систему, которая порождает символическую природу знака.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
2. Переволочанская С.Н. Символ как метаязыковое явление // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции / отв. ред. Е.И. Диброва. М.: СпортАкадемПресс, 1998. Т. 1. С. 56–59.
3. Щедровицкий Г.П. Категориальный аппарат и теоретические схемы // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк.Культ.Полит, 1995.
4. Эпштейн М.Н. Постмодернизм в России. Литература и теория. М.: Изд-во Р. Элинина, 2000.

References

1. Barthes, R., 1989. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress.
2. Perevolochanskaya, S.N., 1998. Simvol kak metazykovoe yavlenie [Symbol as a metalinguistic phenomenon]. In: Dibrova, E.I., ed. 1998. *Semantika yazykovykh edinic: Doklady VI Mezhdunarodnoj konferencii. T. 1* [Semantics of language units. Reports of the VI International Conference. Vol. 1]. Moscow, pp. 56–59.
3. Shchedrovickij, G.P., 1995. *Kategorial'nyj apparat i teoreticheskie skhemy*. In Shchedrovickij, G.P., 1995. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow.
4. Ehpshtejн, M.N., 2000. *Postmodernizm v Rossii. Literatura I teoriya* [Postmodernism in Russia. Literature and theory]. Moscow: Izd-vo R. Ehlinina.

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СЕЛА РУМЫНИИ: ЖИЗНЬ ПОКОЛЕНИЙ И СУДЬБА ТРАДИЦИЙ

**Лидия Константиновна
Гаврюшина –**

кандидат филологических наук,
научный сотрудник, Институт славяноведения
Российской академии наук.
Ленинский проспект, 32А, Москва,
Россия, 119991.
drevle@rambler.ru

Аннотация

В работе затрагиваются вопросы, связанные с духовными сторонами жизни общин старообрядцев в современной Румынии и с изменениями в традиционной культуре во второй половине XX в. В приведенных рассказах липоване говорят о вере как об основе, на которую опираются и человек, и община в трудных жизненных обстоятельствах. Важнейшей особенностью церковной жизни липован является взаимосвязь церковных обрядов и народных традиций. В частности, мы наблюдаем это в определенной последовательности церковных песнопений и светских песен в течение свадебного обеда (село Мануйловка на Буковине). Однако роль традиций не остается прежней. Так, очевидны различия в отношении к браку с иноверными среди липован разных поколений. Жизнь липован в инонациональной среде, которая в прошлом их объединяла, ныне несет дополнительные риски постепенного исчезновения их собственного культурного пространства.

Ключевые слова

Старообрядцы в Румынии, духовные стороны жизни, церковные и народные традиции, культурное пространство.

THE OLD BELIEVERS' VILLAGES IN ROMANIA: LIFE OF GENERATIONS AND THE DESTINY OF TRADITIONS

Lidia K. Gavryushina –

Ph.D., Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
drevle@rambler.ru

Abstract

The article deals with the spiritual aspects of life of Old Believers' communities in contemporary Romania and the changes in their traditional culture, which took place during the second part of the last century. People whose stories we present here told us that faith was the foundation, on which both a person and the community could lean on in difficult situations. One of the main peculiarities of the church life of Lipoveni is the intercommunication of church ceremonies and folk traditions. One of the most interesting facts about them in Manuylovka (Bucovina) is the sequence of church and folk songs during the wedding dinner. Nowadays however the role of tradition has changed.

For example, there is a difference between the attitudes of the old and young generation towards the marriage with heterodoxes. Life among the people of another nationality and religion had consolidated the Lipoveni during the past centuries, but now threatens with additional risks of disappearance of their own cultural space.

Keywords

Old Believers in Romania, spiritual aspects of life, church and folk traditions, cultural space.

В предлагаемой работе представлен ряд наблюдений, основанных на беседах с жителями старообрядческих сел нынешней Румынии. В своих рассказах о жизни ушедших поколений, о том, как складывалась их собственная жизнь, в рассуждениях об образе жизни и судьбе молодежи наши собеседники, прежде всего, вольно или невольно отвечают на вопрос о том, какова была и какова сейчас роль в жизни старообрядцев христианской веры, за исповедание которой они столетиями претерпевали гонения, ради которой и оказались в добровольном изгнании и вынуждены были воссоздавать и хранить вековой уклад своего бытия, находясь в инонациональном окружении. Не менее важным для нас являются их замечания, касающиеся роли народной традиции. Прежде всего речь идет о семейно-бытовом укладе, его связи с церковными обычаями, которая являлась неременным залогом сохранения нравственного и духовного здоровья и жизнеспособности каждой общины. Основным материалом для нас послужили беседы с местными жителями. В Добрудже, на юге, это были села Сарикей и Гиндерешть, в Буковине — по большей части Мануйловка, а также Климауцы¹. Посетили мы и хутор Новопокровский в Краснодарском крае.

Как известно, уже с начала XVIII в. по Бессарабии, Буковине и Добрудже начали расселяться липоване — в основном беглые крестьяне из внутренних губерний России. В этих же местах поселяется и часть казаков-некрасовцев — той ветви старообрядчества, которая начала формироваться в период восстания на Дону под предводительством Кондратия Булавина (1707–1709 гг.). После поражения восстания часть донских казаков направилась на Кубань, позднее же границы их расселения расширились, — в них вошли в том числе и дунайские пределы. Имеющие одно

¹ В селе Гиндерешть отмечается как храмовый праздник Вознесение Господне (40-й день после Пасхи); зимний храм посвящен Богоявлению (19 января). В селе Сарикей празднуются Рождество Пресвятой Богородицы (21 сентября), Никола Зимний (19 декабря), Святой Василий Великий (14 января). В селе Мануйловка (Маноля) — Покров Пресвятой Богородицы (14 октября, летний храм), Рождество Иоанна Предтечи (7 июля, зимний храм), Тихвинская икона Богородицы (9 июля, женский монастырь), Воздвижение (27 сентября, мужской монастырь). В селе Климауцы — Успение Пресвятой Богородицы (28 августа), преподобный Сергей Радонежский (8 октября). См. также указания, касающиеся других липованских сел в Румынии, в издании: Prof. Evseev I., dr. Ivanov Andrei, Petuhov Feodor. *Cununa Apului. Месяцеслов (Православный старообрядческий и народный календарь на круглый год)*. Бухарест, 1996. С. 340–341.

вероисповедание и весьма близкие друг к другу в особенностях традиционной культуры, представители двух ветвей старообрядчества, живя в этих краях, несомненно, взаимодействовали друг с другом². Сарикёй стал первым селом, основанным старообрядцами (1740–1741 гг.) на этих землях, ныне принадлежащих Румынии. В свое время здесь были хозяевами и турки, и болгары. Неподалеку от этого села находится сохранившее и по сей день свой восточный облик селение Бабадаг с турецкой мечетью и старинными мавзолеями; по дороге к нему из Сарикёя путешественник может посетить высшую на горе турецкую крепость. Как мы увидим из дальнейшего рассказа, память о временах османского господства жива в памяти нынешних жителей села. В 1916–1918 гг. Сарикёем владели болгары. В селе, по словам председателя местной липованской общины Василия Васильевича Долгина, в ту пору была «строгая болгарская школа»; болгары отличались жестоким отношением к живущим здесь липованам. Так, были известны случаи, когда местных рыбаков вешали лишь за то, что они уходили на промысел слишком далеко от берега³. Липованские села в прошлом нередко меняли своих хозяев, переходя от турок к болгарам; это относится, в частности, к расположенному ныне в Румынии селу Гиндерешть и находящемуся в Болгарии селу Татарница. В.В. Долгин напомнил, что именно выходцами из Сарикёя было основано в 1905 г. на северном берегу Варненского озера Казашко — липованское село в Болгарии.

Отношение местных жителей к Румынии и румынам в целом положительное, если не принимать во внимание упреки в адрес некоторых представителей власти, от которых зависит решение социальных вопросов. Впрочем, встречаются и замечания о недружелюбии по отношению к старообрядцам как якобы представителям советской России: *«Румыны на нас лиходеи, называли нас "большевич", хотели, чтобы мы уехали отсюда»*. Подавляющее большинство местных старообрядцев считает Румынию своей родиной, прежде всего потому, что эти края освящены памятью об их благочестивых предках, поселившихся здесь в XVIII столетии ради спасения православной веры (об этом, в частности, говорит надпись на кресте, установленном не так давно в селе Гиндерешть, на высоком берегу Дуная).

За сотни лет, проведенных здесь, липоване не только основательно устроили свой быт, но и сохранили и воссоздали, пребывая в инонациональном окружении, свою духовно-культурную среду, ядром которой являются десятки храмов и монастырей, нередко примыкающих к русским селам (например, в Мануйловке на Буковине и в Русской Славе в Добрудже).

² А.А. Пригарин говорит о межгрупповой интеграции (некрасовцы-липоване). См.: Пригарин А.А. Переселение некрасовцев из Добруджи в Бессарабию: 1830–1835 гг. // Культура русских старообрядцев в национальном и международном контексте. Вып. 3. Бухарест, 2001. С. 376–377.

³ По-видимому, не желая давать липованам возможность вылавливать много рыбы в озере.

Поэтому и возникающие время от времени попытки «вернуть» местных староверов в Россию рассуждающим здраво представляются бесперспективными — в современной Российской Федерации им не удалось бы «пустить корни», подтверждением чему служит, в частности, не столь давний неудачный опыт переселения старообрядцев из Южной Америки.

Любопытен рассказ тетушки Марии, жительницы села Гиндерешть, о несостоявшемся переселении местных жителей в Россию, в котором о жизни в Румынии говорится как о жизни «в своей стране». Речь идет о кампании 1947 г., когда советское правительство решило привлечь в СССР трудовые ресурсы для восстановления народного хозяйства.

Трудно приходилось в те годы и живущим в Румынии старообрядцам: *«Был у нас голод дуже, не был О хлеба. Так-то рыбы было полно, ели без хлеба рыбу, — знаешь, голод дуже был. Ну, таперь с вашей стороны, с России приехали, записали, — кто в Россию хочет иттить, — совсем жить, жители чтоб были. И наших тьма пошли в Россию. Ну пошли они, пошли... Таперь другая серия — приезжают опять, опять пишут нам и мы записалися ... папа, тятенька — ну, позатисалися. Много ли у нас в селе — мало оставалося фамилий: одна пошла и другая пойдет. Таперь позатисалися, ну таперичи батьки-матки старые говОрют: “Мы пойдём, попа только постановют нам, да пойдём с попом в Россию”. Поставили того самого батюшку — то мой дядька родный. Поставили того батюшку: “И пойдём и мы за им в Россию на жизнь, тут голод у нас был страшный. Пойдём!”.* Багажи уже складаем, управляем хаты... *Когда отъезжали — продавали другим. Ну и что-то переворота была там и нас не взяли. И так мы поосталися тутотка — в своей стране — до этих пор, а хотели все в вашу страну...».* Этот рассказ лишний раз подтверждает, насколько близки понятия общины, с одной стороны, и Церкви, с другой, в сознании старообрядцев. Любые изменения в устройении общественного быта, в том числе, как это мы видим здесь, — переселение — становятся возможными лишь при условии должного устройства церковной жизни. Церковное начало во многом определяет общественное, следствием чего становится крепость бытового уклада, которая, в частности, отличает до сих пор и русские села в Румынии.

В связи с приведенным выше рассказом следует напомнить также, что среди липован тогда было немало и тех, кто, решившись на переезд, оказался в России. Так, в октябре 1947 г. старообрядцы из сёл Сарикёй, Русская Слава, Черкесская Слава, Каркалиу прибыли в Херсонскую область, откуда часть из них, в основном рыбаков, поселилась в селах Астраханской области, в Харабалинском и Камызякском районах (села Речное и Успех). Другая часть переселенцев присоединилась к общинам Краснодарского края (хутор Новопокровский) и Грузии⁴. Следствием этого переезда зачастую

⁴ Подробнее см.: Зудин А.И., Власкина Н.А. Русская связь: история и культура старообрядчества юга России и зарубежья. Приморско-Ахтарск, 2016. С. 6-7.

становилось разделение семей — среди родственников, оказавшихся по разные стороны границы, многим не суждено было больше увидеться. Да и самых близких людей могли, не задумываясь, отправить в разные места.

В хуторе Новопокровском нам удалось побеседовать с двумя бывшими жительницами села Черкесская Слава: они рассказали немного о том, как их семьи добирались до Краснодарского края. Речь сначала зашла о крещенских гаданиях. «Да, под Крещение гадали...под старый Новый год... В Крыму — там же церкви не было, службы никакие не было, — гадали», — с улыбкой говорит тетушка Феня, вспоминая о скитаниях своей семьи после прибытия ее на историческую родину. «С Асканьи — в Крым, из Крыма в Грузию мы поехали...» «Из Грузии уже сюда мы приехали, — подхватывает тетушка Татьяна. — В Крыму мы не были, а мы были в Херсоне, Аскания-Нова». «Мы тоже были в Аскания-Нова, — продолжает тетка Феня. — А потом же вербовали у Крым... Фросю берут, а Максима оставляют, а у ей дети маленькие. Тятюку берут и Василья берут, а мамку оставляют с детьми. Подогнали машину и всех гуртом посадили и уехали, а тятюку оставили с коровой в Аскания-Новой».

Несомненно, представляет интерес вопрос о соотношении уровня сохранности устной культуры среди липован, оставшихся в Румынии, с одной стороны, и переехавших в Россию, с другой. В процессе полевой работы нам удалось познакомиться с рядом образцов певческой культуры, сохраняющихся в среде старообрядцев Черкесской Славы и тех, кто перебрался оттуда в Россию, а именно, в хутор Новопокровский. Вспоминая песню «Вдоль по морю», исполнительницы и одного, и другого села не были вполне тверды в знании текста, однако на основании обеих записей можно было в какой-то степени его реконструировать. Вот что было напето в селе Черкесская Слава (с явными пропусками):

*Вдоль по морю
Плывет стадо лебединое.
А у лебедя золотая голова,
А у лебедки спозолоченная,
Черным шелком отороченная.
Откуль взялся млад сизой орел.
Убил-сгубил белую лебедушку,
Разбрызнул кровь по синему морюшку.
А перушки по дубровушке.
А мелкий пух на подушечку.*

На хуторе Новопокровском:

*Вдоль по морю плывет стадо лебединое.
Плывет лебедь за лебедушкой.
А у лебедя золотая голова,
А у лебедки позолоченная.*

*Откуль взялся млад сизой орел,
Убил-сгубил белую лебедушку,
Под самую белу крылышку.
Разбрызнул кровь по синему морюшку,
А белый пух по чистому полюшку.
Сбирала пух красна девица-душа
Своему дружку на перинушку,
А детищу на подушечку.*

Этот пример, помимо прочего, еще раз подтверждает, что независимо от места проживания ее носителей, традиционная певческая культура в старообрядческой среде, как и повсеместно, постепенно разрушается, — прежде всего, из-за ее не востребоваемости в самих общинах — например, свадьбы старинным «чином», с обрядовыми песнями, играют в липованских селах всё реже.

Однако вернемся к «устной прозе» старообрядцев Добруджи. Богатый местной диалектной лексикой рассказ тети Фени, одной из старейших жительниц села Сарикёй, интересен прежде всего тем, что на примере жизненного пути одного человека ставит вопрос о необходимости крепкой личной веры, без которой было невозможно выживание в «иноконфессиональном окружении» всего сообщества русских переселенцев. Речь идет о том, как старообрядка, молодая девушка, вынуждена была спасаться бегством из своего рода турецкого плена. Еще будучи девочкой, она находилась в услужении у турок, живших в турецком районе города Тульчи (турецкая магала). Когда турки стали покидать эти места, возвращаться в Турцию, они ее украли, и ей пришлось прожить у них несколько лет. Когда же она повзрослела, хозяева пожелали выдать ее замуж за турка, на что она ответила отказом, поскольку была христианкой, и стала искать способ бегства. Ей помог живший в городе христианин, который вывел ее на дорогу, ведущую в Болгарию, потом же ей показали дорогу в Румынию, однако найти родных ей не удалось, и она умерла в больнице.

Это семейное предание, хотя оно совсем невелико по объему, в известной степени берет на себя роль предания народно-исторического, поскольку повествует о конкретном периоде в жизни русских переселенцев в этих местах. Вместе с тем в образе липованки, с детских лет твердо стоящей в христианской вере и способной перенести за нее немалые страдания, ясно выражен народный религиозный идеал: «...Джамия (мечеть) ета, турки у Тулчи (есть)... И была девочка, ее (подруги рассказчицы, Фетиньи. — Л. Г.) как племянница, маткина от сестры. Так и говОрют: турецкая магала. И чичас все говорят: турецкая магала. Там турки жили... Ну и там ихний же этот... Девочка тая всё время приходила к йим... И она когда... брали их же всех турков у туретчину, — они украли эту девочку, християночку. Она всё время коло их была, — нянчила детей. И украли. Но таперь, когда она уже выросла, там, уже девка, нашолся у ей, там уже... Они говОрют:

“Мы тебе отдадим за турка”. Она почала плакать: “Как, я христианка, крещеная, че я пойду? Я не пойду никуда, я буду так жить”. Таперь один тама, у тым городе, жил всё христианнин. Она вьидеть на гору тую, да сама и глядит. А он знал ее, да говорит: “Доча, че ты глядишь самой дороги этой?” Она говорит: “Ты христиЯнин?” Он говорит: “Я христианнин”. “Наряди меня на путь. Я хочу утечь у Романию. Я христианка. Они мне хочут отдавать замуж, а я не хочю. Они же денег хочут. Еще христиЯнка, денег взяли бы.” Он г(овО)рит: “Постой, пойдем, я тебе покажу шушаву (дорога, асфальт), перше (сначала) на Булгарию — (от турчин, от турка-Булгария же, они граничут с Булгарией — пояснение тети Фени). Я тебе покажу. Ты лесом будишь иттить, а отдаля шушавы. Отдаля, а то они будут бегать, шукать тебя. А ты иди отдаля, но только ночем (ночью), а днем где-нибудь хоронися, чтоб не видали, а то убьют”. Тапериче она — это фетиньина племянница, — таперь она ишла усе время, утекла... утекла. Вот всё. Ноч(ь)ю она утекает. Сказала: “Никто мне не стрелся, никакой пагуба”. И пирашла (перешла) она у Булгарию. Когда пирашла у Булгарию, только тогда попросила кусочек хлеба, там у какей (-то) жєницины: “Дай мне кусочек хлебушка, я вот так...” Ноги у ей усе у ранах. “Я, говорит, это вот...” И она, эта жєница, провела до Романии до нашей. А там как от границе (так), там шпиталь (больница) есть, знаешь. Есть тамотка один городок прям(о). И она дотєда как дошла, яё провали, усе дали ей слободу. А когда она...на ноги упала...И она там говорила усем, — не могла добиться до рОды (не могла найти родственников). Померла там у шпитали. У тей у шпитали. От туретчины пирашла».

Беседы с липованами — как на севере Румынии, в Буковине, так и в Добрудже — позволяют сделать некоторые наблюдения, касающиеся не только вопросов веры и роли церкви в жизни прежних и современных липован, но и конкретных особенностей церковной дисциплины, которые, как мы могли убедиться, для них немаловажны. Ее требования, по всей видимости, выше, чем предъявляемые к староверам белокриницкого согласия в России. Прежде всего это касается ответственности родителей за поведение детей. В Мануйловке, на Буковине, мне рассказывали, что их старый священник (находящийся теперь на покое) накладывал епитимьи на родителей тех детей, которые ходили на дискотеку, и тех девочек, которые позволяли себе ходить по улице в брюках, а не в юбке. Однако ответственность родителей, как оказалось, остается столь же высокой и в случае, если дети — уже взрослые и самостоятельные люди. Здесь следует заметить, что проблема инационального (и иноконфессионального) окружения для липован — это зачастую проблема жизни не только в Румынии, но и за ее пределами, в европейских странах, куда массово уезжает на заработки молодежь. Там молодые люди, отнюдь не переставшие считать себя принадлежащими к старообрядческой Церкви, встречаются с соблазном устройства личной жизни с иноверцами и решают этот вопрос, в отличие от героини рассказа

тети Фени, положительно, что во многих случаях тяжело переживают, равно как и их родители. Одна из липованок рассказала, что не может — из-за наложенной на нее епитимьи — молиться вместе со всеми во время службы, но должна стоять в притворе храма, поскольку ее дети, находящиеся на заработках в Европе, «живут блудно». Она, однако, надеется, что дочь ее (разделяющая ее надежды) найдет способ уговорить своего избранника перейти в старообрядчество и заключить церковный брак.

Как мы видим, сохранение основ традиционного семейно-бытового уклада — один из наиболее важных и вместе с тем болезненных вопросов для современных липован, и это вполне понятно, поскольку этот уклад веками был как важнейшим свидетельством веры, так и основой выживания старообрядческих сообществ, в том числе и в тяжелейших условиях гонений и жизни на чужбине. Липоване, с которыми довелось беседовать, отмечают изменения традиционного образа жизни, поведения молодежи за последние десятилетия. Так, в Мануйловке мне рассказали, что довольно значимым рубежом в этом отношении является так называемая революция (имеется в виду свержение режима Н. Чаушеску). В предшествовавшие ей годы гораздо более строго соблюдалась чистота добрых взаимоотношений, не существовало понятия «пробный брак». После «революции» стали исчезать и некоторые традиции, касающиеся семейного быта, в частности, обычай, когда все собравшиеся за столом члены семьи едят из одной посуды. В селе Гиндерешть поведали о любопытном обычае — приготовлении «красной водки» свекровью на второй день свадьбы, перед тем, как молодые пойдут к матери невесты. Угощая ею односельчан, вновь созданное семейство свидетельствовало о том, что молодая «была честная». Приводим здесь отрывок из беседы с Анной Платон, жительницей этого села: *«Рано (утром второго дня свадьбы), молодые когда устанут (встают), ну уже красную водку пьют — молодая же какая бывает, красная или не красная, чи зеленая. Ну, свекор, свекруха обед готовят. Угостятся же, проздравить молодых с законным браком... и после идет молодая — ленты перевешивали красные, бутылку водки красной, банту красную и идет — красная девка была. Не свяжут ленточку так бравенько (красиво), а ... банту делают. Сделают и идут по улице — сват, сваха, молодые... Сватья ведут молодых домой к молодым (к молодой), к матке. Матка встречает. Ну, раньше курицу готовили. Сварют курицу, и там... ну, покладет на стол курицу. И че она, теща, ему говорит, молодому. Там чего скажет, — “благодарный был дочке, неблагодарный... Починай, как починал”. Он раздерет курицу тую и кушают... Молодой же стыдно...»*. Моя собеседница не преминула отметить, что обычай, который был жив во времена, когда она выходила замуж, теперь уже исчез. Однако исчезновению обычая соответствует, по ее мнению, и перемена нравов: *«Раньше так было стыдно, таперь ни стыду, ни красной водки, — ничего нема таперь»*.

В том же селе Гиндерешть (оно же — по-русски — Новенькое) мне не раз показывали любительские фильмы, снятые на местных свадьбах. По-видимому, снимать такие фильмы стало одним из новых обычаев; они запечатлевают весь ход этого торжества, в том числе и пение свадебных песен. Явным диссонансом к старинным русским песням звучат «осовременивающие» подобные ролики иноземные мелодии. В качестве положительного момента следует отметить, что, например, свадебную песню «*Не трубушки трубят рано по заре*» (приуроченную ко времени, когда девушки приходят к молодой «косу плесть») действительно поют, хотя и с акцентом, молодые подруги невесты, очевидно, не без трудностей для себя перенимающие навыки пения у своих родителей и бабушек. Один из таких фильмов подробно рассказывает о венчании молодых и заключении брака, который, увы, через некоторое время был расторгнут. Воспитанным в строгости традиции липованам подобные события, разумеется, кажутся почти невозможными. Анна Платон, говоря о своем (и традиционном) отношении к разводу, говорила, вспоминая об обычае разбивать во время венчания стакан, из которого пьют жених и невеста: только если сможешь собрать осколки и составить из них стакан, то тогда развод.

В жизни современных липован появились разводы, однако и свадеб становится, по наблюдениям моих собеседников, меньше, просто потому, что меньше рождается детей. Говоря о предсвадебных обычаях своего села, Анна посвятила большую часть своего рассказа так называемой «галушке», которая «делалась» прежде девешника и состояла в том, что молодая, нарядившись, проходила по селу, символически «прощаясь» с родными, одаривая их специально приготовленными платочками, «косиночками». «Девешник — собираются девки, а галушка, это — пройдет по селе молодая надетая. По селе идут, песни играют, калач несут». Анна отметила, что 40 лет тому назад, когда она выходила замуж, венчались восемь пар. Было и одновременно восемь галушек и, идя по селу, соревновались, кто звонче будет петь. Теперь повстречать в селе несколько «галушек», увы, было бы невозможно.

Свадебные традиции, сохранившиеся до последнего времени в старообрядческих селах Румынии, представляют собой, с нашей точки зрения, редкий теперь пример единства народного и церковного начал, их взаимного соответствия. Нельзя не отметить особого отношения к впервые вступающим в брак: священник приходит за новобрачными (сначала в дом к молодому, затем вместе с ним идет за невестой) и ведет их в храм. По свидетельству жителей села Мануйловка, в день венчания — в церкви, где молодые стояли обедню, им первым подносили просфоры; из церкви (в том случае, если брак был первым для обоих) священник вел молодых в дом жениха в венцах. Целый день молодые считались «князем и княгиней»⁵. В селе

⁵ Назарова М. Местные особенности свадебного обряда у русских-липован Румынии // Культура русских старообрядцев в национальном и международном контексте. Бухарест: Критерион, 2001. С. 301.

Гиндерешть об особом положении в этот день жениха и невесты было замечено: *«Был и он (то есть жених) 15 минут царем»*. Как рассказывает одна из жительниц Климауц, у них в селе во время венчания на престол клали не только венцы, но и кичку.

Довольно цельную картину представляет собой — в том виде, в котором он был описан местными жителями, — свадебный обряд в селе Мануйловка, которое заметно выделяется среди других сел высоким уровнем освоения церковной грамоты и крюкового пения большинством сельской общины, в том числе и молодежью. На примере некоторых деталей свадебного обряда этого села можно проследить очевидную связанность, причем именно иерархического характера, церковно-народной традиции и семейно-бытовой обрядности. Остановимся здесь на одном обстоятельстве. Интересно — и об этом мы слышали в Румынии пока что только от жителей Мануйловки, — что существовала определенная взаимосвязь между чередой подававшихся на свадебной трапезе блюд и исполняемых песнопений или же светских песен. Когда садились за стол, пели стихеру Покрову *«Наста днесь»*. Первым блюдом на свадебном обеде был так называемый аперитив (закуска, обычно в виде студня). Жители села отмечают, что *«на первой страве»*, то есть после подачи первого блюда, ничего не пели. На *«второй страве»* пели литию храму (в честь храмового праздника), то есть литию Покрову, или *«второму престолу — Иоанну Предотече»*. В это же время пели духовные стихи (*«могли стихов спеть, кто знал»*). Лишь после второй или третьей «стравы» шли кататься на лошадях, и только вернувшись, начинали петь мирские песни, среди них — песню *«Наехало полный двор бояр»*. Подарки молодым гости подносили после того, как в тарелки наложат лапшу — одно из традиционных свадебных блюд (лапша подавалась с маслом): *«Когда лапшу покладают, дорют молодых»*. Таким образом, на свадебном обеде друг за другом следуют два подчиненных один другому пласта певческой традиции — богослужебные песнопения (литейные стихеры) и духовные стихи, после них поются народные песни. Замечание одной из исполнительниц свадебных песен также обращает наше внимание на свойственную традиционной культуре и, в частности, культуре пения, иерархичность: *«Тогда начинали песни не без порядку. Теперь немай знают (то есть не знают — Л. Г.), что делают»*.

Жизнь в инонациональном окружении, разумеется, отразилась на особенностях речи липован. Для нее характерно свободное употребление румынских заимствований, которые определенным образом встраиваются в грамматическую систему, говоря условно, русской речи: *«с этого трендафилу делают дульчас»* (из этой розы делают варенье), *«тягают аларму на трену»* (останавливают стоп-краном поезд). Однако румынская лексика — лишь одна из сторон своеобразия липованского диалекта как диалекта русского языка, изобилующего, в частности, своеобразным словоупотреблением (*«наперед кады идтить — прежде чем идти»*), особенностями

грамматики («*по хатах*», «*по селе*», «*по однем стакану*», «*с хлебом-солем*»), включающего в себя также и заимствования из украинского и турецкого языков. Некоторые липоване достаточно ясно осознают, что пребывают как бы в трех речевых сферах — русской, собственно липованской и румынской. Пример — замечание одной из жительниц: «*по вашему — кладбище, по-румынски — сентирим, по нашему — могилки*». На мой взгляд, частота употребления румынских заимствований в речи старшего и среднего поколения липован неодинакова как в разных селах, так и у разных носителей традиции. Следует отметить, что представители среднего поколения, даже если они профессионально занимаются умственной деятельностью (учителя, врачи), как правило, не владеют русским разговорным языком (постоянно общаясь на румынском), однако усваивают от родителей липованское наречие (оно используется по необходимости, в частности, при общении с гостями из России). Что же касается молодежи, то, к сожалению, многие молодые люди, прежде всего живущие в городах, полностью утрачивают навыки родной речи. Вероятно, решающую роль играет здесь отсутствие контактов именно с людьми старшего поколения как носителями и языка, и липованских традиций в целом. В свете этого обстоятельства заслуживают особого внимания попытки приобщения молодого поколения к сохраненному ими культурному наследию. Одна из таких попыток — уроки местного народного пения в румынской школе села Мануйловка, которые проводила учительница русского языка. Посещавшие эти уроки усваивали образцы певческой культуры, которой владели их бабушки. И хотя на исполнении песен сказывались уже отмеченное отсутствие — или недостаток — навыков родной речи, хотя румынский акцент при пении очень заметен, это начинание, ставящее своей целью поддержание угасающей традиции, можно только приветствовать. Тем более, что такие, вполне верные представления о народной песне как явлении традиционной культуры, какие прививались русским учащимся мануйловской школы, по нашим наблюдениям, — редкость в среде тех, кто по долгу службы занимается в липованских селах «русским фольклором».

В праздник Вознесения Господня в селе Гиндерешть во второй половине дня начинаются «народные гулянья», отправной точкой для которых служит клуб (называемый по-румынски «камин»). Здесь же располагается центр местной липованской общины. Собравшись, группа девушек в одинаковых, ярких псевдорусских костюмах начинает свое шествие по селу в сопровождении аккордеониста. Легко догадаться, что исполняемые ими песни, как правило, — адаптация местных напевов к «клубной культуре». Посмотреть на праздничное шествие выходят очень многие, однако почти никто не присоединяется, хотя такой вариант, очевидно, предполагается. Это именно мероприятие, клубная самодеятельность. Знатоки старинных песен сидят по домам, и именно в этот день нам удалось собрать нескольких из них для записи. В этот же день довелось познакомиться с прежде не

встречавшимся в липованской среде явлением — предпочтением индивидуального исполнительства общему пению. Одна из жительниц села, на которую нам указали как хорошо знающую, в частности, свадебный репертуар, была готова только исполнять известные ей песни, сколько бы времени ни потребовалось. Однако при этом она не была расположена к тому, чтобы звать соседок или, наоборот, идти к ним, чтобы попеть вместе. В возникающих в среде староверов стремлениях такого рода нам видится начинающая проявлять себя тенденция к подмене основных принципов народной культуры. О ней свидетельствует уже само по себе изменение в представлении крестьянки о значении пения в ее жизни, ведь совместное и в большинстве случаев многоголосное пение всегда было прежде всего духовно значимым общением в кругу семьи и односельчан. Поскольку в семье певицы активно пользуются компьютером, у нее была возможность распечатать тексты известных ей песен, но что особенно примечательно — напечатаны они румынской графикой. Ниже приводим неполный текст полученной нами копии записи свадебной песни «*He no vyshnemu galuska letala*»:

*Ni pa visimu galuska litala
 Da lioli-lioli, galuska litala.
 Ni pa visimu Irinuska hadila
 Da lioli-lioli, Deameanovna hadila.
 Di zalatimi, ona kliuciami zvanila
 Da lioli-lioli, kliucami zvomila.
 Di radimava ona tiatinku v-zbudila,
 Da lioli-lioli. tiatiniku v-zbudila.
 Di I ustani, prasnisi teatinika radimii
 Da lioli-lioli, teatinika radimii.
 Di ni vek nam s-taboi, teatinika vekavati,
 Da lioli-lioli. teatinika vekavati
 Da pasledneiu za nociusku nacivati
 Da lioli-lioli, nociusku nacivati...*

Отметим, что подобный способ записи встречается нам не впервые. В селе Мануйловка одна из жительниц использовала при исполнении имеющийся у нее рукописный текст лирической песни «*Слава Богу, вина напилася*», также записанной румынскими буквами.

Говоря о «клубном фольклорном творчестве», широко распространенном в липованских селах, следует отметить явную опасность, прежде всего, вытеснения традиционного фольклора обработками музыкального материала и исполнением псевдонародных песен. Это делается в угоду неким ценителям «русскости», которую на официальных мероприятиях должны демонстрировать старообрядцы как национальное и конфессиональное меньшинство. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что в современных условиях в ряде случаев старообрядческие общины становятся объектом специального туристического интереса. Это — одно из следствий их пре-

бывания в инонациональном окружении, а вместе с тем и еще одна ступень к забвению наследия предков и к угасанию традиции. Приведем характерный пример. В 2009 г., будучи участниками конференции, организованной Общиной русских-липован в Румынии, мы посетили старообрядческое село, расположенное на одном из островов на Дунае (так называемая 23-я миля). Наш теплоход встречали взрослые и дети с хлебом-солью и с пением. Это были всё те же псевдонародные песни, однако, повторю, мы слышали пение. Плавание в эти края было совершено и во время следующей конференции, в 2013 г. Теперь на 23-й миле нас также встречали взрослые и дети, но они уже не пели, зато из громкоговорителей раздавалась оглушительная «музыка» неизвестного, отнюдь не русского происхождения.

В заключение следует отметить, что в старообрядческих селах Румынии, где условия для сохранения традиционной культуры были в XX столетии в целом более благоприятны, чем в России, жители среднего и старшего поколения за последние десятилетия стали свидетелями стремительного исчезновения целого ряда народных традиций, прежде всего связанных с семейно-бытовым укладом. Что касается свадебного обряда, то в случаях, когда в нем участвуют молодые люди (например, отмеченное выше заплетание косы невесте ее подругой), мы имеем дело в большей степени не с бытованием, а с воспроизведением обряда, который воспринимается как украшение праздника, как дань старине. И в этом случае мы вынуждены повторить, что рожденные народом песни уходят из жизни народа, даже оставаясь в его памяти.

Важно не забывать, что старообрядческое мировоззрение обладает существенной особенностью — это система ценностей, которая не должна меняться в угоду каким-либо внешним обстоятельствам, не может «подстраиваться» под меняющиеся мнения и взгляды «толпы». Тем более болезненно переживают тенденцию к «обмирщению» жизни, а вместе с ней и явное «падение нравов» липоване старшего поколения. Исчезновение же отдельных местных обычаев они справедливо рассматривают как отмирание тех форм, которые уже нечем заполнить. Нельзя не заметить, что своими рассказами они, отнюдь не стремясь к этому, указывают на определяющую роль веры и трезвого церковного сознания как условий «духовного выживания» для своих земляков, прежде всего живущих на чужбине. В последние десятилетия пребывание в инонациональном окружении из фактора, который не одно столетие способствовал упрочению народных традиций, внутренней духовной целостности старообрядческих сообществ, стало превращаться в фактор риска для их будущего, прежде всего потому, что за ним стоит опасность и физического, и духовного рассеяния молодого поколения, опасность утраты им как веры, так и навыков владения родным языком, а вслед за этим и осознания — как своего — духовно-культурного пространства старообрядчества.

Литература

1. Зудин А.И., Власкина Н.А. Русская связь: история и культура старообрядчества юга России и зарубежья. Приморско-Ахтарск: [б.и.], 2016.
2. Назарова М. Местные особенности свадебного обряда у русских-липован Румынии // Культура русских-липован (русских старообрядцев) в национальном и международном контексте. Вып. 3. Бухарест: Критерион, 2001.
3. Пригарин А.А. Переселение некрасовцев из Добруджи в Бессарабию: 1830–1835 гг. // Культура русских старообрядцев в национальном и международном контексте. Вып. 3 / ред. С. Молдован. Бухарест: Критерион, 2001.
4. Evseev I., Ivanov A., Petuhov F. *Cununa Anului. Mesaceslov (Pravoslavnyj staroobradceskij i narodnyj kalendar' na kruglyj god)* [Cununa Anului. Menologium (The orthodox folk calendar of old believers for the whole year)]. Bukharest: [s.n.], 1996.

References

1. Evseev, I., Ivanov, A., Petuhov, 1996. *Cununa Anului. Mesaceslov (Pravoslavnyj staroobradceskij i narodnyj kalendar' na kruglyj god)* [Cununa Anului. Menologium (The orthodox folk calendar of old believers for the whole year)]. Bukharest: [s.n.].
2. Nazarova, M., 2001. Mestnye osobennosti svadebnogo obriada u russkikh-lipovan Rumynii. In: Moldovan, S., ed. 2001. *Kul'tura russkikh staroobriadtsev v natsional'nom i mezhdunarodnom kontekste*. Vyp. 3. [The culture of Russian Old Believers in the national and international context. Issue 3]. Bukharest: Kriterion.
3. Prigarin, A.A., 2001. Pereselenie nekrasovtsev iz Dobrudzhi v Bessarabiiu: 1830–1835 gg. In: Moldovan, S., ed. 2001. *Kul'tura russkikh staroobriadtsev v natsional'nom i mezhdunarodnom kontekste*. Vyp. 3. [The culture of Russian Old Believers in the national and international context. Issue 3]. Bukharest: Kriterion.
4. Zudin, A.I., Vlaskina, N.A., 2016. *Russkaia sviaz': istoriia i kul'tura staroobriadchestva iuga Rossii i zarubezh'ia* [Russian connection: the history of old believers of the south of Russia and foreign countries]. Primorsko-Ahtarsk: [s.n.].

**... ЧТОБЫ КОРОВА ПОГУЛЯЛА:
О НЕКОТОРЫХ РИТУАЛАХ
В СЛАВЯНСКОЙ ПРОДУЦИРУЮЩЕЙ МАГИИ**

Татьяна Алексеевна Агапкина –

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук,
Ленинский проспект, 32А, Москва,
Россия, 119991.
indric@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются малоизвестные материалы из области славянской продуцирующей магии, относящейся к плодовым деревьям. Речь идет о ритуалах, обычаях, запретах и рекомендациях. Автор стремится показать, как традиция выстраивает диалог между двумя типологически близкими культурными символами, которые воплощают концепт плодородия и являются его носителями, — плодоносящим деревом и скотиной. В статье также анализируются аналогии в культурной лексике и фразеологии, связанной с этими символами плодородия.

Ключевые слова

Славяне, продуцирующая магия, плодовое дерево, скот.

**...CHTOBY KOROVA POGULYALA.
ON SOME RITUALS IN SLAVIC PRODUCING MAGIC**

Tatiana A. Agapkina –

Doctor of Sciences, Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
indric@mail.ru

Abstract

The article entitled “...Chtoby korova pogulyala” (“...let your cow graze”) provides an overview of relatively unknown materials on Slavic producing magic related to fruit trees. The author examines rituals, customs, prohibitions and recommendations. The author intends to show how the tradition establishes a dialogue between two typologically close cultural symbols that represent the concept of fertility and are its carriers — the fruit-bearing tree and the cattle. The article also discusses the analogies with these symbols of fertility in the cultural vocabulary and phraseology.

Keywords

Slavs, producing magic, fruit tree, livestock.

Известно, что плодовое дерево принадлежит к узкому кругу культурных символов, составляющих своего рода комплекс плодородия. В него входят: женщина — как носитель фертильности человека; скот и домашняя птица — как носители производительной силы («вода») культивируемых человеком животных; земля и все, что она производит, — злаковые культуры и их продукты (как носители плодородия земли); деревья, дающие плоды, которые могут употребляться в пищу (это собственно плодовые деревья, а также дуб с желудями, лещина с орехами, сосна с шишками), и некоторые другие. В хозяйственной обрядности и производственной магии все эти культурные символы являются объектами одних и тех же ритуалов, нацеленных на активизацию их продуцирующего начала. Одновременно эти объекты (женщина, скотина, земля, плодовое дерево) часто становятся партнерами по магической коммуникации, в ходе которой они «обмениваются» производительной энергией друг с другом, хотя понятно, что такое «перераспределение» плодородия осуществляется крайне неравномерно.

Ниже мы остановимся на нескольких таких ритуалах, в которых партнерами по магической коммуникации выступают дерево, дающее плоды, и скот.

Хотелось бы вначале отметить, что «параллелизм» плодового дерева и скотины как носителей производительной энергии объясняет некоторые аналогии, которые обнаруживаются в относящейся к ним культурной лексике и фразеологии. Приведем один выразительный пример. Известно, что в восточно- и западнославянских языках о животных, прежде всего домашних (корове, свинье), которые совокупились, говорили, что они «побегали», «бегались» (рус. *бегаться*, укр. *бігатися* и т.п. 'совокупляться'). Как выясняется, тот же глагол (в чешском языке) можетokkaзионально употребляться для описания плодовых деревьев, ожидающих плода. Чехи в Глинецко (вост. Чехия) в рождественский вечер, когда ветер раскачивал и гнул плодовые деревья так, что они касались друг друга, говорили, что это *stromy se běhají* [деревья «несутся, бегут / совокупаются»], и потому на них будет много плодов¹; ср. чеш. *běhati se* 'бегать, иметь течку (о животных)². И хотя, как показала С.М. Толстая, глаголы движения в целом имеют сексуальные коннотации и в том числе передают идею коитуса³, тем не менее приведенный факт примечателен тем, что относится не к животным или людям, а к деревьям. На аналогичную фразеологию у швабов обратил внимание А.Б. Страхов, связав это с общей заботой о плодородии, свойственной святочной обрядности: «Когда в святки подымается сильный

¹ *Adámek K. Lid na Hlinecku. Praha, 1900. S. 210.*

² *Kott F. St. Česko-německý slovník. Praha, 878. D. 1. S. 69.*

³ См.: *Толстая С.М. Сексуальные коннотации глаголов движения // Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индик, 2008. С. 328–330.*

ветер, так что деревья колышутся, то близ Тюбингена и в других местах Швабии говорят: «Деревья *спариваются* (*gammeln*), это — к урожаю фруктов»⁴. Этим фактам вторит другое свидетельство с северо-востока Чехии: в окрестностях Градец-Кралове, когда весной деревья склонялись друг к другу цветущими ветвями, говорили, что *se strome libaji* «деревья целуются», и значит — можно ожидать, что они принесут богатый урожай⁵. Ср. польское поверье о том, как в одном лесу росла красивая сосна, «któ-go rokochół swymi konarami dąb» [которую полюбил своими ветвями дуб] (Мазовецкое воев.)⁶. В качестве фольклорной параллели к мотиву «деревья соприкасаются ветвями = любят/целуются» приведем баллады о матери-отравительнице, где основным действием, указывающим на человеческую природу деревьев, которые выросли или были посажены на могилах гонимых влюбленных, является сплетение их ветвей или корней, понимаемое как объятия. О касании, соприкосновении как метафоре целования см. в специальной работе Е.Л. Березович⁷.

В рамках пары «плодовое дерево — скот» вектор влияния обычно направлен от плодового дерева к скотине. Назовем основные магические практики такого рода, применявшиеся для того, чтобы скотина была плодотворной, приносила приплод, давала много молока и т.д.

Чтобы корова не оставалась яловой, ее советовали выгонять пастись той палкой, которая застряла на зиму в ветвях плодового дерева, после того как ею осенью с ветвей яблонь и груш сбивали плоды; верили, что после этого корова обязательно «побегаёт» и делается тельной⁸. Это обыкновение было широко известно в Украине и Белоруссии, а свидетельства о самой магической процедуре поразительно однотипны: «От, грушы збивае тай яблони збивае та застра́не, та щипка, от эту щипку достаюць и ейо храняць, от як жэнуць, короўку, один раз не покрылось, другой раз, от ўжэ этою палочкою ейо погоняе, шоб покрылася короўка»⁹; «Як на грусци [груше] ти на яблоне палка зависяна — диты яблека бьють, то тыи палкою, кажуть, три разы корову потягти, то погуляе»¹⁰ и т.д. Между тем той же палкой (она называлось *parato*), которой со слив и других деревьев предыдущей

⁴ Страхов А.Б. Ночь перед Рождеством: народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян. Cambridge, Mass., 2003. С. 166.

⁵ Košťál J. Rostlinstvo v podání prostonárodním. Velké Meziříčí, 1902. S. 244.

⁶ Niebrzegowska S. Przestrach od przestachu: Rośliny w ludowych przekazach ustnych. Lublin, 2000. № 129. S. 94.

⁷ Березович Е.Л. В кустах ручей целуется с рекою... («семейные» образы в лексике речного ландшафта // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию Анатолия Федоровича Журавлева. М., 2011. С. 50–60.

⁸ Werenko F. Przyczynek do lecznictwa ludowego // Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. Kraków, 1896. T. 1. S. 225. Витебская губ.

⁹ Полесский архив Института славяноведения РАН (далее — ПА), Стодоличи Гомельской обл.

¹⁰ ПА, Ветлы Волынской обл.

осенью сбивали плоды, словаки в Страстную субботу слегка били ореховые деревья, чтобы они лучше плодоносили уже в текущем году¹¹.

Вторая столько же широко распространенная, но уже не у восточных славян, а на Балканах, практика касалась ритуального доения овец весной (чаще всего в день св. Георгия). Чтобы у овец было много молока, посуду для их первого доения или самих овец украшали венками из ветвей плодовых деревьев. В Болгарии (окрестности Пазарджика) в Юрьев день животное, предназначенное для жертвоприношения («курбана»), а также посуду для доения овец, украшали ветками сливы и айвы, чтобы обеспечить здоровье и плодовитость стада¹². В Буджаке (ю.-вост. Сербия) в канун Юрьева дня из цветов, оставленных на ночь на плодовом дереве, делали венки, которые надевали на овцу и ягненка¹³; в окрестностях Плевны венок из грушевых и яблоневых веток надевали на шею первой вышедшей из загона овцы¹⁴; в Шумадии первый котел с молодым овечьим сыром оставляли на ночь на грушевом дереве¹⁵. Скотину могли приобщать к производительной силе плодового дерева и более опосредованно. К примеру, в центральной Боснии на Вознесение, прежде чем подоить корову, сосуд, в который ее доили, обвязывали молодой веткой бука, а потом перед восходом солнца эту ветку бросали на молодое плодовое дерево, которое было дважды привито в прошедшем году и хорошо плодоносило, и говорили: «Како овај калем напредовао, онако моја стока напредовала у млијеку» [Как это дерево (привой) плодоносило, так пусть у моей скотины будет больше молока]¹⁶. В Болгарии (Кюстендильский край) из первого овечьего или козьего молока делали сыр, в который втыкали ветки расцветших яблонь¹⁷.

Наконец, третий магический ритуал, «передающий» производительную энергию древесного плода скотине, связан не с собственно плодовым деревом, а с сосной. Это центральнополесский ритуал, который был направлен на то, чтобы сделать корову тельной, и совершался в том случае, когда она долго оставалась яловой. В нем использовали сосновые шишки, которым традиционно приписывался фаллический смысл (вспомним хотя бы обрядовое печенье «шишки», помещавшиеся как украшение на свадебном караване).

¹¹ Červenák J. Tradičný život Lišovana. В. Bystrica, 1966. S. 105.

¹² Шулева Л. Зеленината в традиционната календарна обичайно-празднична система от Пазарджишко // Тракиецът и неговият свят. Хасково: Национална конференция на българските етнологии, 1995. С. 260.

¹³ Пантелић Н. Етнолошка грађа из Будака // Гласник етнографског музеја у Београду. 1974. Књ. 37. С. 219.

¹⁴ Маринов Д. Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1914. С. 449.

¹⁵ Павловић Ј.М. Живот и обичаји народни у Крагујевачкој Јасеници у Шумадији // Српски етнографски зборник. Београд, 1921. Књ. 22. С. 139.

¹⁶ Гласник Земалског музеја Босне и Херцеговине у Сарајеву. Сарајево, 1911. Књ. 2. С. 381.

¹⁷ Захаријев Й. Кюстендилско краище // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1918. Кн. 32. С. 157.

Суть описываемого ритуала в следующем. Чтобы корова «погуляла» (т.е. совокупилась с быком), хозяйка старалась скормить ей сосновую шишку, которую дятел положил в дупло, выдолбленное им в сосне, и оставил («забыл») там. Поскольку обычную сосновую шишку корова вряд ли стала бы есть (она колючая и жесткая), ее «вкусовые качества» улучшали: засовывали шишку в кусок хлеба, обмакивали ее в молоко, натирали творогом и т.д. Несмотря на некоторую эксцентричность ритуала (надо залезть на сосну и достать шишку из дупла дятла, который забыл ее там), этот эпизод фиксируется в центральнополесской традиции довольно регулярно — см. такие, например, свидетельства: «Ўот его такее у леси е, у деревине шышка у дупле — туу шышку ўутягають и ў хвост корове ўкручат и жануть к бугаю — ўот она покрыецца. Это ўроди она пополюе»¹⁸; «Карова, як не бегае, телушка, ў хвое шишку треба, шо дятел затыкае, ў хвост корове заплести, карове, телушке чипляти»¹⁹.

Иногда рассказы об этой магической процедуре читаются как развернутая метафора любовного акта: «Стоить хуйка [хвоя, сосна]. И ў хуйцы дырочка. То дятэл ўжэ продолбае большеньку. Шоб шышэчка залезла. Да ужэ ту шышэчку задолбе. А людына знае да найде ту шышэчку да достае зырнятко. То трэ ту шышэчку найты, вынять зэрнятко и дать коровэ, шоб она зъела. Ў хлэб ўлэпи. Шоб она побигала [совокупилась]»²⁰. Этот текст, благодаря глаголам активного действия («продолбать», «задолбать», «залезть»), а также соответствующему выбору субъекта муж. рода (дятел), объекта жен. рода (сосна), места действия (дырочка) и используемой лексике («хуйка»), читается так, как будто бы речь идет не о дятле, сосне и шишке, а о коитусе в собственном смысле слова. Мы, к сожалению, не готовы развивать эту тему более подробно, поскольку не владеем соответствующим материалом, однако рискнем предположить, что эротические коннотации, связанные с сосной и шишками, могут присутствовать в традиционной культуре более широко.

Более редкие обычаи, связывающие плодовое дерево и скотину, не слишком разнообразны и почти всегда основаны на простейшей контактной магии. Мораване и чехи привязывали к плодовому дереву теленка при отлучении его от коровы, чтобы он быстрее рос²¹; если это была телочка, то привязывали к груше, если бычок — к *štěpu* (привою)²². Хорваты Пригорья привязывали к плодовому дереву только что купленную корову — ради изоляции молока и приобщения к дому²³. В Глинецко (вост. Чехия), возвраща-

¹⁸ ПА, Замошье Гомельской обл.

¹⁹ ПА, Симоничи Гомельской обл.

²⁰ ПА, Выступовичи Житомирской обл.

²¹ Bartoš Fr. Moravský lid. Telč, 1892. S. 254.

²² Adámek K. Lid na Hlinecku. S. 222.

²³ Rožić V. Prigorje. Narodni život i običaji // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slave-
na. Zagreb, 1908. Knj. 13. z. 1. S. 105.

ясь домой после крестного хода на Пасху, хозяева шли от одного плодового дерева к другому, терли каждое из них платком, после чего этим же платком терли каждую скотину; в день св. Якуба (25.07) делали большой венок из веток молодой груши, который одна из девушек должна была носить целый день, а потом давали его съесть скотине²⁴. Болгары (Пазарджик) выгоняли скотину весной палкой сливового дерева²⁵. В белорусском Полесье, чтобы корова «погуляла», втыкали ей в хвост колючку или иголку с груши-дичка²⁶, и т.д.

Взаимосвязанность скотины и плодового дерева подтверждают и некоторые запреты, в которых причинение вреда плодovому дереву рассматривается как угроза благополучию скота. Чехи в окрестностях Градец-Кралове полагали, что, если человек срубит крепкое плодovое дерево, его скотина «потеряет Божье благословение», т.е. начнет болеть и т.д.²⁷

С помощью плодового дерева пытались воздействовать не только на скот. У словенцев было принято в один из праздничных дней декабря подкладывать под насест ветки, собранные тайком в чужом фруктовом саду, чтобы куры лучше неслись²⁸. В Среднечешском крае, если в маслoбойке не сбивалось масло, хозяйка, чтобы вернуть ей «производительность», должна была помыть маслoбойку отваром из верхушек груши и шиповника²⁹, и т.д.

Практически все ритуалы, о которых шла речь выше, транслировали «производительную энергию» от плодового дерева к скотине. В то же время встречаются и обратные по своей направленности магические практики, в которых объектом влияния вновь становится плодovое дерево. К ним, в частности, относится обычай хоронить скотину или других домашних животных под плодovым деревом — особенно в том случае, если деревья не плодоносят. В Польше (окрестности Пшемьшля) в корнях плодового дерева закапывали сдохших петуха или курицу³⁰. В Полесье, «то як ўжэ груша не родиць, то-от як цяля згине, тай не вязуць куды-нібудзь, а от тут, пуд тою грушою закопуюць, шчоб родила тая груша»³¹, см. также практику специально убивать животное в этих целях: «Трэба собаку убиць и закопаць под ним, коли нема плодov [у яблони]»³².

²⁴ Adámek K. Lid na Hlinecku. S. 222, 227.

²⁵ Шулева Л. Зеленината в традиционната календарна обичайно-празднична система... С. 259.

²⁶ ПА, Парохонск Брестской обл.

²⁷ Košťál J. Rostlinstvo v podání prostonárodním. S. 240.

²⁸ Kuret N. Praznično leto Slovencev. Celje, 1970. D. 4. S. 17.

²⁹ Košťál J. Rostlinstvo v podání prostonárodním. S. 261.

³⁰ Cisek M. Materiały etnograficzne z m. Żołyni w pow. Przemyskim // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1889. T. 13, cz. 1. S. 74.

³¹ ПА, Стодоличи Гомельской обл.

³² ПА, Замошье Гомельской обл.

* * *

В этой небольшой заметке мы стремились не только представить материалы, относящиеся к малоизвестным магическим практикам, но и показать, как традиция выстраивает отношения между двумя типологически близкими культурными символами, воплощающими концепт плодородия и являющимися его носителями, — плодоносящим деревом и скотиной.

Литература

1. *Березович Е.Л.* В кустах ручей целуется с рекою... («семейные» образы в лексике речного ландшафта) // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию Анатолия Федоровича Журавлева / отв. ред. Г.К. Венедиктов. М.: Индрик, 2011. С. 50–60.
2. *Захариев Й.* Кюстендилско краище // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1918. Кн. 32. С. 65–240.
3. *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи. София: Българско книжовно дружество, 1914.
4. *Павловић Ј.М.* Живот и обичаји народни у Крагујевачкој Јасеници у Шумадији // Српски етнографски зборник. Београд, 1921. Књ. 22. С. 87–154.
5. *Пантелић Н.* Етнолошка грађа из Буцака // Гласник етнографског музеја у Београду. 1974. Књ. 37. С. 210–237.
6. *Страхов А.Б.* Ночь перед Рождеством: народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян. Cambridge, Mass.: Palaeoslavica, 2003.
7. *Толстая С.М.* Сексуальные коннотации глаголов движения // *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 328–330.
8. *Шулева Л.* Зеленината в традиционната календарна обичайно-празднична система от Пазарджишко // Тракиецът и неговият свят. Материали от Осмата национална конференция на българските етнологии, Хасково-1995 / ред. кол. Рачко И. Попов и др. София: Етнографски институт с музей, 1997. С. 210–230.
9. *Adámek K.* Lid na Hlinceku. Praha: Archeologická komise při České akademii císaře F. Josefa pro vědy, slovesnost a umění., 1900.
10. *Bartoš Fr.* Moravský lid. Sebrané rozpravy z oboru moravské lidovědy. Telč: Nákl. E. Šolce., 1892.
11. *Červenák J.* Tradičný život Lišovana. Banská Bystrica: Stredoslovenské vydavateľstvo, 1966.
12. *Cisek M.* Materiały etnograficzne z m. Żołyni w pow. Przemyskim // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1889. T. 13, cz. 1. S. 70–106.
13. *Košťál J.* Rostlinstvo v podání prstonárodním. Velké Meziříčí: Naklad. Šaška a Frgala knihkupectví, 1902.
14. *Kott F. Št.* Česko-německý slovník. Praha: Tiskem a nákladem knihtiskárny Fr. Šimáčka, 1878. D. 1.
15. *Kuret N.* Praznično leto Slovencev. Celje: Mohórjeva družba, 1970. D. 4.
16. *Niebrzegowska S.* Przestrach od przetrachu: Rośliny w ludowych przekazach ustnych. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000.
17. *Rožić V.* Prigorje. Narodni život i običaji // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb, 1908. Knj. 13, z. 1. S. 53–156.

18. Werenko F. Przyczynek do lecznictwa ludowego // Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. Kraków, 1896. T. 1.

References

1. Adámek, K., 1900. *Lid na Hlinecku*. Praha: Archeologická komise při České akademii císaře F. Josefa pro vědy, slovesnost a umění.
2. Bartoš, Fr., 1892. *Moravský lid*. Telč: Nákl. E. Šolce.
3. Berezovich, E.L., 2011. V kustah ruchej celuetsya s rekoju... (“semejnye” obrazy v leksike rechnogo landshafta [In the bushes the stream kisses the river ... (“family” images in the vocabulary of the river landscape)]. In: Venediktov, G.K., ed. 2011. *Slova. Koncepty. Mify. K 60-letiyu Anatoliya Fedorovicha Zhuravleva*. Moscow: Indrik, pp. 50–60.
4. Červenák, J., 1966. *Tradičný život Lišovana*. Banská Bystrica: Stredoslovenské vydavateľstvo.
5. Cisek, M., 1889. Materiały etnograficzne z m. Żołyni w pow. Przemyskim. *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, 13 (1), pp. 70–106.
6. Košťál, J., 1902. *Rostlinstvo v podání prstonárodním*. Velké Meziříčí: Naklad. Šaška a Frgala knihkupectví.
7. Kott, F. Št., 1878. *Česko-německý slovník*. Praha: Tiskem a nákladem knihtiskárny Fr. Šimáčka. D. 1.
8. Kuret, N., 1970. *Praznično leto Slovencev*. Celje: Mohórjeva družba. D. 4.
9. Marinov, D., 1914. *Narodna vyara i religiozni narodni obichai* [Popular faith and popular religious customs]. Sofiya: Bylgarsko knizhovno druzhestvo.
10. Niebrzegowska, S., 2000. *Przestrach od przestrachu: Rośliny w ludowych przekazach ustnych*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
11. Pantelich, N., 1974. Etnoloshka gradzia iz Budzhaka [Ethnographic materials from Budzhak region]. *Glasnik etnografskog muzeja u Beogradu*, 37, pp. 210–237.
12. Pavlovich, J.M., 1921. Zhivot i obichaji narodni u Shumadiji [Life and folk customs in Sumadiya]. *Srpski etnografski zbornik*, 22, pp. 87–154.
13. Rožić, V., 1908. Prigorje. Narodni život i običaji [Prigorje. Folk life and customs]. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*, 13 (1), pp. 53–156.
14. Shuleva, L., 1997. Zeleninata v tradicionnata kalendarna obichajno-prazdnichna sistema ot Pazardzhishko [Plants in the traditional festival ceremonial system in Pazardzhishko region]. In: Popov, R.I., et al., ed. 1997. *Trakietsat i negoviyat svyat. Materiali ot Osmata natsionalna konferentsiya na balgarskite etnolozi, Haskovo–1995*. Sofiya: Etnografski institut s muzey, pp. 210–230.
15. Strahov, A.B., 2003. *Noch 'pered Rozhdestvom: narodnoe hristianstvo i rozhdestvenskaya obryadnost' na Zapade i u slavyan* [The night before Christmas: folk Christianity and Christmas rituals in the West and among the Slavs]. Cambridge, Mass.: Palaeoslavica.
16. Tolstaya, S.M., 2008. Seksual'nye konnotatsii glagolov dvizheniya [Sexual connotations of motion verbs]. In: Tolstaya, S.M., 2008. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshchieslavjanskoy perspektive*. Moscow: Indrik, pp. 328–330.
17. Werenko, F., 1896. Przyczynek do lecznictwa ludowego. *Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne*, 1, 28–187.
18. Zahariev, J., 1918. Kyustendilsko kraishche [Kiustendil region]. *Sbornik za narodni umotvoreniya, nauka i knizhnina*, 32, pp. 65–247.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД СЛОВЕНЦЕВ ПРЕКМУРЬЯ НА ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ. 1. ОБРЯДОВАЯ СТРУКТУРА*

Александр Викторович Гура –

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук.
Ленинский проспект, 32А, Москва,
Россия, 119991.
avgura@mail.ru

Аннотация

В относительно простой структуре прекмурского свадебного обряда в редуцированном, фрагментарном виде представлен предсвадебный стговор. Особенно слабо интегрировано в обрядовую структуру обручение, что может свидетельствовать о его позднем включении в свадебный обряд. Оно тяготеет то к сватовству, то к церковному оглашению, порой вовсе отсутствует, но при этом демонстрирует терминологическое разнообразие моделей номинации, дающих самые разные славянские соответствия. Широко представлен здесь и набор известных в других славянских зонах вариантов названия свадьбы. Наибольшее число схождений в структуре и ритуальном составе прекмурской свадьбы обнаруживается не столько с соседней южнославянской традицией, в первую очередь хорватской, сколько с западнославянской, в особенности словацкой. В этом небольшом периферийном ареале не только концентрируется значительное число языковых славянских архаизмов, но и удивительным образом собирается масса культурных «осколков» из разных, подчас весьма далеких от Прекмурья славянских регионов.

Ключевые слова

Свадебный обряд, Прекмурье, архаические славянские зоны, параллели.

WEDDING CEREMONY OF PREKMURJE SLOVENES IN THE GENERAL SLAVIC BACKGROUND. 1. RITUAL STRUCTURE

Aleksandr V. Gura –

Doctor of Sciences, Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
avgura@mail.ru

* Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

Abstract

The prenuptial arrangement in the relatively simple structure of the Prekmurje wedding ceremony is presented in a reduced, fragmentary form. The betrothal is poorly integrated into the ritual structure, which may indicate its late inclusion in the wedding rite. It gravitates towards matchmaking or to church announcement, sometimes betrothal is completely absent, but, by the same token, it demonstrates the terminological variety of nomination models that give the most different Slavic correspondences. Also, a set of the wedding name options well-known in other Slavic areas is widely presented here. The resemblance — in structure and ritual composition — of the Prekmurje wedding on the neighboring South Slavic tradition is not as evident as on the West Slavic one, especially Slovak. In this small peripheral area, not only a significant number of linguistic Slavic archaisms is concentrated, but also a surprisingly large number of cultural “splinters” from different Slavic regions, sometimes far from Prekmurje, are present.

Keywords

Wedding ceremony, Prekmurje, archaic Slavic zones, parallels.

Свадебный обряд в Прекмурье имеет относительно простую структуру. Предсвадебный сговор представлен в редуцированном или неполном, фрагментарном виде. Он носит ярко выраженный прагматический характер, в его составе — в основном утилитарные, слабо ритуализованные действия (главным образом хозяйственные, финансовые переговоры) и очень скудный набор магических приемов, оберегов, запретов и т.п. Наиболее четко в сговоре выделяется лишь сватовство. В Ганчанах (община Белтинцы) первое сватанье (*senje*) происходило на св. Стефана (27.XII), когда во время ярмарки (*senje*) парни высматривали себе невест и сватались к ним, а те, кто не смог посвататься, имел эту возможность чуть позже — во время церковного водосвятия на Богоявление¹. Нередко собственно сватовству предшествовало предварительное, когда сторона жениха негласно пыталась выяснить возможность заключения брака. С этой целью в Прекмурье к родителям невесты могли посылать кого-либо из родственников, иногда с женщинами старшего возраста (р-н Кузмы)², соседа или друга жениха (Град; Горни Петровцы; р-н Турнища)³. В соседнем Порабье, словенских селах на территории Венгрии, это мог быть и отец жениха⁴. В Белтинцах и окрестностях, в равнинных районах Прекмурья, уже первый визит представителей жениха (дальнего родственника,

¹ *Maučec I.* Kak so se inda v Gančanaj ženili. Beltinci: ZTK, 2017. S. 4.

² Ženitovanje. Kuzma (okoliške vasi: G. Slaveči; Dolič, Matjaševci, Trdkova). Zapisala Olga Čerpujak // Arhiv Inštituta za slovensko narodopisje ZRC SAZU (далее — AISN). Любляна. Št. 122. 5/4-1970. № 55, 56.

³ Ženitovanje. Grad v Prekmurju. Zapisala Marija Kočar // AISN. Št. 179. 1970 № 55–57; Ženitovanje. Gornji Petrovci. Zapisal Truhan Avgust // AISN. Št. 221. № 55 57; Ženitovanje. Turnišče in okolica (Črenšovci, Polana in Dobrovnik). Zapisal Nemes Štefan // AISN. Št. 270. 1973. № 56.

⁴ *Ložar-Podlogar H.* Ženitovanjske šege v Prekmurju s posebnim ozirom na Porabje // Traditiones. 1973. [Letn.] 2. S. 122.

пожилой женщины и соседа жениха) имел характер обычного сватовства. Второй же приход был официальным сватовством. Наименования сватовства у словенцев Прекмурья (*vogleđi*, *vougledi*, *vaugledi*, *vuogledi*, *ogledi*) сходны с его названиями у словаков, лужичан, хорватов и, реже, у других южных славян⁵. Сватать шли празднично одетые сват (*voglednik*, нередко дядя жениха), отец жениха и сам жених. Если жених был стеснительным, нанимали в качестве посредника специального переговорщика — *mešetara*. Как и во многих других славянских регионах, в том числе в некоторых словенских, посланники жениха уже во время первого визита говорили родителям невесты поначалу, что хотят купить корову, свинью или что-нибудь подобное⁶. В другом прекмурском приговоре сват, ведущий переговоры, сообщал, что к дому невесты их привела звезда⁷. На яркую звезду, подобную Вифлеемской, указавшую путь к невесте, он ссылался и по прибытии свадебной процессии жениха к дому невесты в день свадьбы⁸. Такой мотив, по нашим данным, встречается еще только у словаков северного Гемера и у восточных славян в Екатеринославской губернии. В Турнище и окрестных селах сват не заходил в дом невесты дальше первой несущей балки на потолке, пока обо всем не договорится⁹. Этот обычай находит соответствие в свадебном обряде у русских, у белорусов Гродненщины и в восточной Польше, где сваты также не заходили за матицу, пока не сосватают невесту.

К редким случаям фиксации относятся *vogleđi neveste* — смотрины дома и хозяйства жениха, обряд, известный всем группам славян. *Po vogleđih* невеста ходила вместе со своими родителями в случае перехода на житье к будущему мужу (р-н Кузмы)¹⁰.

Обручение, завершающее предбрачный сговор, представляет собой наиболее слабое звено всего обряда. Иногда, как, например, в Горичко, обручения не было (Крижевцы, община Горни Петровцы; Горни Петровцы)¹¹; молодых считали обрученными после того, как они сообщали об этом приходскому священнику (Прекмурье)¹². Обручение могло объединяться со

⁵ Здесь и далее славянские параллели приводятся по книге: *Гура А.В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012.

⁶ *Ženitovanje. Beltinci, okoliš Beltinci. Zapisala Zadavec Aranka // AISN. Št. 220. Od 1. IV do 25. V. 1970. № 55–61, 77–79; Белтинцы, соб. запись 16.05.2018 (полевые записи сделаны во время экспедиции в мае 2018 г. в Прекмурье. Благодарю Г.П. Пилипенко за помощь в их расшифровке).*

⁷ *Novak V. Ženitovanjski običaji v Slovenski Krajini // Mladika. 1935. [Letn.] 16. [Št.] 2. S. 65.*

⁸ *Novak V. O izvoru prekmurskega «Starišinstva i zvačinstva» // Slovenski etnograf. 1960. [Letn.] 13. S. 172; Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege... S. 130; Ганчани, община Белтинцы, *Maučec I. Kak so se inda... S. 15.**

⁹ *Ženitovanje. Turnišče... № 57.*

¹⁰ *Ženitovanje. Kuzma... № 101, 102.*

¹¹ *Соб. запись 23.05.2018; Ženitovanje. Gornji Petrovci... № 132.*

¹² *Žalik D. Ženitovanjska šega in vloga pozvačina v žižkih in okolici. Diplomsko delo. Murska Sobota, 2010. S. 16.*

сватовством и терминологически никак не выделяться¹³. Но и при отсутствии самого обряда и его наименования жених и невеста определялись как обрученные — *zaročena sta, v zaročkaj, zoričkaj* (Град)¹⁴. С другой стороны, обручение могло смыкаться и объединяться под одним названием с походом молодых в сопровождении двух свидетелей (*starešina*) и посаженной (*posnihalja, starišica*) записываться у приходского священника для последующего оглашения помолвки в церкви¹⁵. По пути посаженная раздавала встречным кусочки обрядового хлеба, которые нужно было побыстрее съесть, чтобы невеста скорее заговорила и не была слишком застенчивой (возможно, это относится к соблюдению невестой молчания, в частности, на свадебном пиру). В Прекмурье это называлось *iti k zapisavanji, na pisanje, na pisalo*, а в соседней штирийской Прлекии — *iti k zaročenji, k zaroki*¹⁶. В с. Горни Сеник, в Порабье, поход молодых к священнику *na pisanje, na pisalo* происходил непосредственно после сватовства¹⁷.

В равнинной части Прекмурья, как и в соседней Прлекии, распространены наиболее известные в Словении, связанные с рукой названия обручения, близкие к хорватским и сербским: *zaroka, zaročka, zaročki* или *zaročke*¹⁸. В Турнище и окрестностях (Долинско) термин *zaroka* пассивно известен, и о помолвленных говорят *sta zaročena*, но для обозначения обручения используется название *zapisavanje*, и молодые считаются обрученными только после *zapisavanja* у священника¹⁹. В начале XX в. в словенском селе Троше (ныне квартал г. Сентготтарда) в Порабье сохранялось еще два родственных наименования обручения: *iz rok séganja* или *zaročenja*. Вечером в дом невесты приходил жених с двумя свидетелями, один из которых был со стороны жениха, а другой — со стороны невесты. Их визит и переговоры с родителями невесты продолжались до утренней зари, после чего жених и невеста шли к священнику записываться. И только после этого жених с двумя свидетелями снова шел к невесте, где они подавали друг другу руки и выпивали принесенное женихом вино в знак окончательной договоренности²⁰.

В северо-западной части Горичко, на границе с Австрией, известно название обручения *obljuba*, буквально означающее обещание, обет, клятву. При этом, однако, для помолвленных использовали иное название: *sta v*

¹³ Novak V. Ženitovanjski običaji... S. 65.

¹⁴ Ženitovanje. Grad... № 131, 132, 154.

¹⁵ Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege... S. 136.

¹⁶ Žalik D. Ženitovanjska šega... S. 16; Novak V. Ženitovanjski običaji... S. 65.

¹⁷ Mukicsné Kozár M. Felsőszölnök — Gornji Senik. Szombathely: Savaria Múzeum; Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 1988. S. 131.

¹⁸ Žalik D. Ženitovanjska šega... S. 16; Камовцы, община Лендава, соб. запись 21.05.2018; Белтинцы, соб. запись 16.05.2018; р-н Белтинцев, Ženitovanje. Beltinci... № 132.

¹⁹ Ženitovanje. Turnišče... № 132, 136.

²⁰ Dravec A. Národná vera i navade v vési // Traditiones. 1974. [Letn.] 3. S. 171-172.

zaročkaj; обрученными молодые считались после того, как стороны договаривались о приданом (р-н Кузмы)²¹. Термин *obljuba* находит прямое соответствие в верхне- и нижнелужицких, кашубских и словацких названиях обручения, восходящих к *slubъ, а также семантическое сходство с отдельными хорватскими, болгарскими, словацкими и чешскими наименованиями этого обряда. Термины со сходным значением могут выступать и в качестве обозначения венчания. Семантика клятвенного обещания, обета, объединяющая наименования обручения (у кашубов, лужичан, чехов и словаков) и венчания (у поляков, кашубов, чехов и словаков), — отличительная особенность западнославянской свадьбы.

Обручение завершалось застольем в доме невесты после записи у священника. С этим были связаны еще такие названия обручения, как *mal* [mau] (из нем. *Mahl* ‘трапеза’)²²; *zapotki* или *zapotke*²³. Последнее название обручения, связанное с выпивкой, имеет наиболее близкие аналогии с терминологией этого обряда у восточных славян (бел. брест. *zapotki*, *zapotki*, рус. *zapotki*, *zapotki*, укр. *zapotki*, бел. *zapotki*, *zapotki*, рус., бел. *zapotki*, *zapotki*), а также у болгар (*zapotka*, *zapotki*, *zapotki*, *zapotki*) и, реже, у хорватов (хорв. *zapotki*, *zapotki*).

Наконец, в прекмурском Горичко известно так называемое *pršanjstvo* — празднование, устраиваемое родителями невесты, на котором впервые собираются по поводу обручения ближайшие родственники жениха и невесты, а сами виновники торжества с этого момента становятся помолвленными — *v zaročkaj* (Горни Петровцы)²⁴.

Каким образом такой расплывчатый, нечетко оформленный в ритуальном отношении и неустойчивый обряд, тяготеющий то к сватовству, то к церковному оглашению (а прекмурская свадьба несет на себе следы весьма ощутимого влияния христианской традиции, как католической, так и лютеранской), порой и вовсе отсутствующий, сочетается с присущим ему терминологическим разнообразием моделей номинации, дающих столь различные славянские соответствия, подчас весьма удаленные географически? Каким образом все эти разнообразные наименования собрались вместе на такой небольшой периферийной территории? Что это — результат разрушения обряда или, может быть, наоборот, следствие недостаточной интегрированности обручения в обрядовую структуру, свидетельство его позднего включения в свадебный обряд? Второе предположение кажется нам более вероятным. Если исходить из допущения, что структура свадебного обряда развивается от простой ко все более сложной (что подтверждается

²¹ Ženitovanje. Kuzma... № 132, 136, 154.

²² Р-н Кузмы, Ženitovanje. Kuzma... № 141.

²³ Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege... S. 137; Словенская Краина, Novak V. Ženitovanjski običaji... S. 65; Прекмурье, Žalik D. Ženitovanjska šega... S. 16; Ганчани, Maučec I. Kak so se inda... S. 5.

²⁴ Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege... S. 137.

на примере некоторых архаических славянских традиций, к которым относятся и прекмурская), то следует предположить, что обручение, частично повторяющее ритуалы сговора, а частично предваряющее и дублирующее ритуал бракосочетания, смыкающееся с церемонией кануна свадьбы и имеющее сходные названия с венчанием, скорее всего является относительно поздним элементом в структуре свадебного обряда. Ср. похожую ситуацию в Польше, где при всей пестроте терминов обручения (среди которых родственные наименованию венчания *wieńczone* и *ślubiny*) основное его название *zaręczony* оценивается исследователями как более позднее по происхождению, по сравнению с другими. Об этом свидетельствует его довольно широкое распространение в настоящее время, в то время как в старинных письменных источниках это название фиксируется единично, в словарях древнепольского языка отсутствует вообще (в отличие от *zrękwiny*, известного с XVII в.), а в пословицах и поговорках появляется лишь во второй половине XIX в.²⁵

После обручения до бракосочетания невеста в целях оберега должна была соблюдать ряд запретов. Ей нельзя было брать в руки убитую курицу, чтобы не родить мертвого ребенка, ходить на мельницу, так как это могло повредить ее будущему ребенку, шить, танцевать, есть мясо, ходить босиком и вообще выходить в темноте одной из дома. Чтобы нечистая сила не смогла опознать жениха и невесту, им нужно было в этот период надевать одежду наизнанку²⁶. Важное значение придавалось трехкратному оглашению помолвки в церкви по воскресным дням. Невеста не смела присутствовать в церкви во время оглашения ее помолвки (Ганчани)²⁷. В Порабье считалось, что это грозит невесте рождением глухих детей²⁸. Такая же мотивировка этого запрета известна у поляков, а сам запрет особенно широко распространен у словаков. После оглашения жених с невестой получали название *mladoženci* — *mladoženec* и *sneha*²⁹.

Перед свадьбой невеста ходила из дома в дом и собирала дары на свадьбу — ходила *po dareh*, *po daraj*, *po darej* или просила *na pocío* (на головной убор замужней женщины)³⁰. Ей давали яйца, лен, коноплю, полотно, пряжу, крупу, кое-что из продуктов и, реже, деньги. В районе Турнище (Долинско)

²⁵ Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego. T. 8. Zwyczaje i obrzędy weselne. Cz. 2: Rola i znaczenie swata w kojarzeniu małżeństw / Pieńczak A. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze; Cieszyn: Uniwersytet Śląski. Filia, 2007. S. 132-133.

²⁶ Žalik D. Ženitovanjska šega... S. 16.

²⁷ Maućec I. Kak so se inda... S. 6.

²⁸ Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege... S. 122.

²⁹ Прекмурье, Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege... S. 137; Турнище и окрестности, Ženitovanje. Turnišče... № 131; Горни Петровцы, Ženitovanje. Gornji Petrovci... № 131.

³⁰ Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege... S. 124-125, 137; Порабье, Kozar-Mukič M. Slovensko Porabje. Ljubljana; Szombathely, 1984. S. 69; Горни Сеник, Mukicsné Kozár M. Felsőszőlők... S. 132; Белтинцы, соб. запись 16.05.2018.

этот дар невесте называется *snehinšček*³¹. Иногда хозяйки, приглашенные на свадьбу, сами приносили невесте продукты в подарок³². Сходные обычаи известны у хорватов и у западных славян.

Самым главным и зрелищным ритуалом словенского Прекмурья и Порабья в этот предбрачный период обряда было приглашение гостей на свадьбу, о котором будет сказано особо. Свадьбы у словенцев приурочивались чаще всего к мясоеду перед масленицей, так же как у хорватов и большинства западных славян (особенно словаков и чехов). Вечером накануне свадьбы в Ганчанах сельские парни пели песни под окном дома жениха, а также невесты³³. Это напоминает предсвадебный обычай вечернего хождения с музыкой у поляков, словаков северного Спиша и чехов, когда музыканты играли перед домом жениха, невесты и некоторых других участников свадьбы. Что касается девичника (*dekliščina*) и мальчишника (*fantovščina, poj bistvo*), то они упоминаются вскользь и известны не повсеместно. Жених и невеста устраивали их каждый отдельно для своих гостей, в последнее время чаще в трактире, чем дома. Это была прощальная молодежная вечеринка, на которой пели, но обычно не танцевали³⁴. По всей видимости, в таком слабо ритуализованном виде этот обычай имеет недавнее происхождение.

Собственно свадьба начиналась рано утром с приезда свадебной процессии жениха за невестой. В доме невесты происходило небольшое угощение, последние сборы, благословление, а затем все отправлялись, обычно пешком, в церковь. Прекмурское наименование венчания *zdavanje*, связанное с выдачей замуж, прямо соответствует его восточнословацким (*zdavaňe*), моравским (*zdávání, zdávka, zdavky*) и центральночешским (*zdatki*) названиям. После венчания свадебный пир устраивался сначала в одном доме (нередко в доме невесты или же в том, в котором новобрачные будут вместе жить), потом в другом. Но предварительно участники свадьбы посещали корчму, что опять-таки объединяло словенскую обрядовую традицию с хорватской и западнославянской. На свадебном пиру, продолжавшемся всю ночь, пограничным временем служила полночь, когда невесте снимали венок, меняли его на женский головной убор и невеста переодевалась, когда приходили ряженые и когда невесте разрешалось встать из-за стола и танцевать. Подобным же образом полночь как временная граница маркировалась на свадьбе у словаков, чехов, отчасти поляков, а также в некоторых районах Хорватии, Сербии и Боснии.

Отметим отдельные ритуальные действия прекмурской свадьбы, которые дают параллели с другими славянскими традициями. Так, в Братонцах

³¹ Ženitovanje. Turnišče... № 190.

³² Novak V. Ženitovanjski običaji... S. 66.

³³ Maučec I. Kak so se inda... S. 10.

³⁴ Žalik D. Ženitovanjska šega... S. 17; Ženitovanje. Grad... № 194, 195, 201; Ženitovanje. Kuzma... № 193-197.

(община Белтинцы) невеста переодевалась к венчанию в кадке (с какой целью, не указано)³⁵. Это находит соответствие в лужицком и чешском обычае переодевать невесту к венчанию, поставив ее в дежу: в восточной Чехии (Глинецко) это делали для того, чтобы невеста не имела в будущем много детей, а у верхних лужичан одетая в венчальный наряд невеста старалась выпрыгнуть из дежи с первого раза, чтобы ей было легко рожать детей.

Магическое значение придавалось плачу невесты на свадьбе перед отходом к венчанию, при переходе в дом жениха. В районе Белтинцев считали, что невеста должна плакать, чтобы иметь больше грудного молока для своего ребенка (Доклежовье)³⁶. В Словенской Краине говорили, что если невеста проливает слезы, когда приходит в новый дом, корова будет давать больше молока³⁷. Представление о влиянии плача невесты на повышение удоев молока распространено в Словакии, известно в Моравии и Чехии и единично отмечено в юго-западной Болгарии.

Долинскую традицию Прекмурья объединяет с южночешской и с сербской обычай отгадывания загадок для получения пропуска в дом невесты по приезде за ней свадебной процессии жениха. В Ганчанах приехавшим задают вопросы библейской тематики: что такое рай, где Бог сотворил Адама, в какой день недели, сколько дней Адам пробыл в раю, сколько лет прожил, сколько сыновей было у Ноя, у Иакова и т.д.³⁸. У чехов района Вимперка жениху с поезжанами задавали обычные загадки — например, на вопрос, что у невесты в кармане, жених должен был ответить: темнота. Сходный обычай отгадывания загадок для доступа в дом невесты известен и сербам.

В окрестностях Белтинцев при встрече молодых после венчания невесте под ноги катили яйцо, на которое она должна была наступить, чтобы в будущем родить так же легко, как она раздавила яйцо (Ижаковцы; р-н Белтинцев)³⁹, а в Словенской Краине должна была через него перепрыгнуть, чтобы обеспечить себе удачные роды⁴⁰. Сходные по значению ритуалы с разбиванием невестой яйца в аналогичной ситуации известны в Земплине, на востоке Словакии.

В Великой Полане (Долинско) молодым стелили постель в первую брачную ночь в хлеву⁴¹. Это же место ночлега новобрачных в эту ночь встречается у хорватов района Карловаца, у болгар, а также у русских и белорусов. Перед укладыванием в постель жених и невеста должны были разуть

³⁵ *Rešek D. Šege in verovanja ob Muri in Rabi. Murska Sobota, 1983. S. 34.*

³⁶ *Ibid. S. 46.*

³⁷ *Novak V. Ženitovanjski običaji... S. 67.*

³⁸ *Mauček I. Kak so se inda... S. 17-21.*

³⁹ *Rešek D. Šege in verovanja... S. 36; Ženitovanje. Beltinci... Dodatek 1.*

⁴⁰ *Novak V. Ženitovanjski običaji... S. 67.*

⁴¹ *Rešek D. Šege in verovanja... S. 42.*

друг друга, чтобы мирно жить в браке⁴². Аналогичный обычай существует у хорватов Бании и у словаков Тренчинского края и Зволена. В Словенской Краине и Истрии молодым давали в постель печеную курицу⁴³. Кормление молодых в спальне курицей особенно распространено у восточных славян, оно зафиксировано в Домострое и в описаниях царских, княжеских и боярских свадеб XVI–XVII вв. На запрет коитуса в одну или несколько первых ночей после бракосочетания указывает редкий прекмурский обычай, когда *starešina* (посаженный отец) в спальне велел одному из новобрачных вернуться в постели на восток, а другому на запад и молиться богу. При этом он клал между ними розгу⁴⁴. Подобный запрет известен восточным славянам, всем южным, кроме болгар, а из западных славян — только словакам. Однако у словенцев этот архаический обычай воздержания в течение первых трех брачных ночей получил христианское осмысление, назывался «Tobijevi počí» (Товиевы ночи) и связывался с проведением Товией первой брачной ночи с женой Саррой в молитве, что спасло его от злого духа, который уже убил семерых ее женихов (Товит 3, 7–15; 7, 15–8, 9) (Корошка)⁴⁵.

Немало соответствий и прямых схождений наблюдается в играх и шутках ряженных, которые происходят под конец свадьбы. Так, противопоставление восточной группы южных славян их западной группе вместе с частью западных славян выявляет бритье в свадебном обряде. Как ритуальное действие в канун свадьбы бритье жениха известно у болгар, македонцев, восточных и боснийских сербов, тогда как у словенцев, словаков и чехов оно встречается в шутовской форме после брачной ночи. В Порабье ряженный парикмахером брил свою жертву, намазывая его пеной из взбитого яичного белка с сахаром, а тот в процессе бритья съедал содержимое «мыльницы»⁴⁶. В прекмурском Горичко, в районе Кузмы, «брадобрей» намазывал лицо «клиенту» сметаной и брил его щепкой, слизывая сметану⁴⁷. У словаков в окрестностях Зволена женщины «брили» мужчин щепкой, за что получали деньги на покупку спиртного, а у чехов Силезии намыливали деревенского дурачка красной краской и «брили» деревянной бритвой. В прекмурской игре «резать быка» один или двое ряженных, накрытые скатертью или постельным покрывалом и с глиняным горшком вместо головы, изображали быка. Ряженный «мясник» разбивал горшок топором, а собранные на быка деньги отдавал невесте (р-н Кузмы)⁴⁸. Ср.: у словаков на верх-

⁴² Словенска Краина, *Novak V. Ženitovanjski običaji...* S. 67; *Idem. Apotropijske prvine v slovenskih ženitovanjskih običajih // Etnolog. 1942. Knj. 14. S. 51; Ганчани, Мауџес I. Kak so se inda...* S. 36.

⁴³ *Novak V. Apotropijske prvine...* S. 49.

⁴⁴ *Ibid.* S. 52.

⁴⁵ *Austro-ogrska monarhija v besedi in podobi. Slovenci 1. Štajerska, Porabje in Prekmurje, Koroška / Uredili M. Kropelj Telban in I. Slavec Gradišnik. Ljubljana, 2016. S. 157.*

⁴⁶ *Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege...* S. 131.

⁴⁷ *Ženitovanje. Kuzma...* № 612.

⁴⁸ *Ženitovanje. Kuzma...* № 612; *Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege...* S. 134.

ней Нитре «быка» делали из трепала для льна и вели его в дом жениха. По дороге танцевали, хватали прохожих и сажали «быку» на рога. На дворе жениха «мясник» «закалывал» «быка» саблей и сливал бычью «кровь» в горшок без дна. Потом «быка» выставляли на продажу и на вырученные деньги устраивали выпивку.

Переход невесты на житье в дом мужа сопровождался различными ритуальными действиями, связанными с приобщением невесты к новому жилищу. В Порабье жених нес перед невестой черную курицу и по приходе к своему дому выпускал ее на двор. Считалось, что если курица побежит от дома, то и невеста вернется в родительский дом (Горни Сеник)⁴⁹. Чтобы новобрачная (*nova sneha*) не сбежала домой, ее три дня не выпускали из дома жениха (Порабье, Троще)⁵⁰. Запрет покидать невесте новый дом в течение нескольких первых дней после свадьбы известен в ряде западнославянских традиций. Лужицкая невеста всю первую неделю не должна была выходить за пределы своего нового жилища, чтобы люди не подумали, что она скоро сбежит от мужа. В восточной Словакии, в северо-западной Чехии, у украинцев Волини невеста не имела права посещать родительский дом в течение недели, а у словинцев района Слупска — до первого воскресного похода в церковь.

После празднования свадьбы устраивалась так называемая *kopanja* (букв. корыто для кормления свиней) — угощение остатками от свадебного пира. В селах Горичко и, реже, Долинско это происходило на третий день (Горни Петровцы, Крижевцы, община Горни Петровцы; Неделица, община Турнище)⁵¹, в равнинных селах Долинско — в ближайшее воскресенье (Жижки, община Чреншовцы; Ганчани, община Белтинцы)⁵² или в самом конце свадебного обряда (Турнище)⁵³. Угощение предназначалось для узкого круга родственников (Крижевцы), для тех, которые прислуживали на свадебном пиру, а теперь были гостями новобрачных (Ганчани). Иногда невеста раздавала детям остатки свадебных кушаний, стоя на свином корыте⁵⁴. Свиное корыто фигурирует в Словении и Хорватии также на масленицу, когда публично высмеивали засидевшихся женихов и невест — волочили их в свином корыте или заставляли их тащить корыто. Например, в соседней с Прекмурьем словенской Штирии, в районе Горней Радгоны, на правом берегу Муры, девушки в масленичной процессии волочили свиное корыто, в случае если ни одна из них в селе не вышла замуж перед масленицей⁵⁵.

⁴⁹ Rešek D. Šege in verovanja... S. 36.

⁵⁰ Dravec A. Národna vera... S. 173.

⁵¹ Соб. записи 20, 22, 23.05.2018.

⁵² Žalik D. Ženitovanjska šega... S. 22; Maučec I. Kak so se inda... S. 36.

⁵³ Соб. запись 22.05.2018.

⁵⁴ Novak V. Ženitovanjski običaji... S. 67; Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege... S. 144; Долинско, Огранцы, Rešek D. Šege in verovanja... S. 42.

⁵⁵ Šarf F. Občina Gornja Radgona. Ljubljana, 1982. S. 93.

Первое посещение невестой своих родителей (или первое посещение молодых ее родителями) устраивалось через неделю или в первое воскресенье после свадьбы. Нередко помимо новобрачных и их родителей в этой встрече и угощении принимали участие ближайшие родственники. Этот визит носил название *prvešče* (Словенская Краина; р-н Белтинцев; Долинско, р-н Турнище; Дольня Бистрица, община Чреншовцы)⁵⁶, *prvačina* или *prveščina* (Горичко, Горни Петровцы)⁵⁷, *prvoščina* (Горичко, р-н Кузмы)⁵⁸, *prviščije* или *prviščinje* (Горичко, Град)⁵⁹, *prvičüvanje* (Долинско, Жижки, община Чреншовцы)⁶⁰. С прекмурской терминологией этого визита, особенно с долиньским *prvešče*, сходны его названия у других южных славян, за исключением болгар: хорв. *prvići*, серб. *првиче* (*првече*), *првиште*, черногор., макед. *првиче*.

В целом наибольшее число сходжений в структуре прекмурской свадьбы, в ее ритуальном составе обнаруживается не столько с соседней южнославянской традицией, в первую очередь хорватской, сколько с западнославянской, в особенности словацкой.

В заключение вернемся еще к той любопытной особенности прекмурского ареала, которую мы наблюдали на примере терминологии обручения, и рассмотрим, как в этой окраинной славянской традиции отражены существующие названия свадьбы. Словения в целом заметно выделяется пестротой диалектных терминов для обозначения свадьбы. Не все они известны в Прекмурье (в частности, *ohcet*, *pir*, *žanitke*, *poroka*). Здесь в значениях 'свадьба' и 'свадебный пир' наиболее употребителен термин *gostiüvanje* (однокоренные названия свадьбы встречаются также в словенской Штирии и в северной Хорватии)⁶¹. Но не чужд прекмурской традиции и основной термин, представленный во всех славянских группах, — *svatba*, выступающий здесь не только в качестве наименования свадьбы, свадебного торжества, но и как собирательное обозначение свадебных гостей (*svat*, *svatje*), свиты, сопровождающей жениха и невесту, участников их свадебной процессии⁶². При этом на весьма небольшой территории выявляется максимальный набор известных в различных славянских зонах вариантов данного термина (+*svatъba*, +*svarъba*, +*svalъba*)⁶³ в производных прекмурских наименованиях

⁵⁶ Novak V. Ženitovanjski običaji... S. 67; Ženitovanje. Beltinci... № 822; Ženitovanje. Turlišče... № 822; соб. запись 23.05.2018.

⁵⁷ Ženitovanje. Gornji Petrovci... № 822.

⁵⁸ Ženitovanje. Kuzma... № 822.

⁵⁹ Ženitovanje. Grad... № 822.

⁶⁰ Žalik D. Ženitovanjska šega... S. 22.

⁶¹ Гура А.В. Названия свадьбы у славян // Slavica Svetlanica: Язык и картина мира: К юбилею Светланы Михайловны Толстой / редколл: А.В. Гура, О.В. Белова, Е.Л. Березович. М.: Индрик, 2013. С. 95, 96.

⁶² Novak F. Slovar beltinskega prekmurskega govora // Drugo, popravljeno in dopolnjeno izdajo priredil in uredil V. Novak. Murska Sobota, 1996. S. 143.

⁶³ См.: Гура А.В. Названия свадьбы у славян... С. 101. Карта 2.

Варианты названий девушки — дружки невесты в Прекмурье

- 1 – *posvatbica*; 2 – *posvarbica*; 3 – *posvalbica*; 4 – *posvablica* (*pošvablica*);
 5 – *svarblica*; 6 – *svatbica*; 7 – *svabica*; 8 – *svarbica*; 9 – *svalbica*;
 10 – *svablica*; 11 – *posvarblica*.

дружки невесты: *svatbica*, *svarbica*, *svalbica* и т.п. (см. карту). Отсутствуют в Прекмурье следы второй распространенной у славян группы названий свадьбы — с корнем *vesel-*. Возможно, с ней связано по происхождению название старинного свадебного хлеба *veseli kruh* из соседней словенской Штирии, которым угощают встречающих по пути свадебной процессии в церковь и из церкви (Здоле)⁶⁴.

⁶⁴ Orel B. Čarodejni obred in mit nakolenčiča ter bosmana v slovenskih ženitovanjskih običajih // Etnolog. 1942. Knj. 15. Ljubljana, 1943. S. 48.

Прекмурье, как, впрочем, Словения в целом, относится к архаическим славянским зонам. В этом небольшом периферийном ареале концентрируется не только значительное число языковых славянских архаизмов, но и удивительным образом собирается масса культурных «осколков» из разных, нередко весьма далеких от Прекмурья славянских регионов.

Литература

1. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012.
2. Гура А.В. Названия свадьбы у славян // *Slavica Svetlanica: Язык и картина мира: К юбилею Светланы Михайловны Толстой* / редколл: А.В. Гура, О.В. Белова, Е.Л. Березович. М.: Индрик, 2013. С. 90–102.
3. Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego. T. 8. Zwyczaje i obrzędy weselne. Cz. 2: Rola i znaczenie swata w kojarzeniu małżeństw / Pieńczak A. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze; Cieszyn: Uniwersytet Śląski. Filia, 2007.
4. Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege v Prekmurju s posebnim ozirom na Porabje // *Traditiones*. 1973. [Letn.] 2. S. 121–146.
5. Novak V. Apotropejske prvine v slovenskih ženitovanjskih običajih // *Etnolog*. 1942. Knj. 14. S. 46–52.
6. Novak V. O izvoru prekmurskega “Starišinstva i zvačinstva” // *Slovenski etnograf*. 1960. [Letn.] 13. S. 169–174.
7. Novak V. Ženitovanjski običaji v Slovenski Krajini // *Mladika*. 1935. [Letn.] 16. [Št.] 2. S. 65–67.
8. Orel B. Čarodejni obred in mit nakolenčiča ter bosmana v slovenskih ženitovanjskih običajih // *Etnolog*. 1942. Knj. 15. Ljubljana, 1943. S. 25–62.
9. Žalik D. Ženitovanjska šega in vloga pozvačina v Žižkih in okolici. Diplomsko delo. Murska Sobota, 2010.

References

1. Gura, A.V., 2012. *Brak i svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture: Semantika i simbolika* [Marriage and Wedding in the Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. Moscow: Indrik.
2. Gura, A.V., 2013. Nazvaniia svad'by u slavian [The names of the wedding of the Slavs]. In: Gura, A.V., Belova, O.V., Berezovich, E.L., eds. 2013. *Slavica Svetlanica: Iazyk i kartina mira: K iubileiu Svetlany Mikhailovny Tolstoi* [Slavica Svetlanica: Language and the picture of the world: On the jubilee of Svetlana Mikhailovna Tolstoy]. Moscow: Indrik, pp. 90–102.
3. Ložar-Podlogar, H., 1973. Ženitovanjske šege v Prekmurju s posebnim ozirom na Porabje. *Traditiones*, Vol. 2, pp. 121–146.
4. Novak, V., 1935. Ženitovanjski običaji v Slovenski Krajini. *Mladika*, Vol. 16, N 2, pp. 65–67.
5. Novak, V., 1942. Apotropejske prvine v slovenskih ženitovanjskih običajih. *Etnolog*, Vol. 14, pp. 46–52.

6. Novak, V., 1960. O izvoru prekmurskega “Starišinstva i zvačinstva”. *Slovenski etnograf*, Vol. 13, pp. 169–174.
7. Orel, B., 1943. Čarodejni obred in mit nakolenčiča ter bosmana v slovenskih ženitovanjskih običajih. *Etnolog. 1942*, Vol. 15, pp. 25–62.
8. Pieńczak, A., 2007. *Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego. T. 8. Zwyczaje i obrzędy weselne. Cz. 2: Rola i znaczenie swata w kojarzeniu małżeństw*. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze; Cieszyn: Uniwersytet Śląski. Filia, 2007.
9. Žalik, D., 2010. *Ženitovanjska šega in vloga pozvačina v Žižkih in okolici. Diploma thesis*. Murska Sobota.

**К 140-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ.
«НЕДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ»:
ПОЭМА М.А. ХИТРОВО «САН-СТЕФАНИАДА» (1878 Г.)**

Марина Михайловна Фролова –

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук,
Ленинский проспект, 32А, Москва,
Россия, 119991.
marinafrolova59@mail.ru

Аннотация

Статья, основанная на опубликованных воспоминаниях и письмах участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., рассказывает о некоторых сторонах пребывания на Балканском фронте Главной квартиры главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича (старшего). Об этих событиях идет речь в поэме М.А. Хитрово «Сан-Стефаниада». Поэма была запрещена цензурой в 1885 г. и ныне публикуется впервые.

Ключевые слова

«Сан-Стефаниада», М.А. Хитрово, русско-турецкая война 1877–1878 гг., цензура, М.И. Семевский, великий князь Николай Николаевич (старший), Ф.К. Гершельман, М.А. Газенкамф, Н.П. Игнатъев.

**THE 140TH ANNIVERSARY OF THE END
OF THE RUSSO-TURKISH WAR OF 1877–1878.
“IT IS NOT ALLOWED BY CENSORSHIP”:
THE POEM OF MIKHAIL A. KHITROVO “SAN-STEFANIADA” (1878)**

Marina M. Frolova –

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
marinafrolova59@mail.ru

Annotation

Based on the published memoirs and letters of the participants of the Russian-Turkish war of 1877–1878, the article explores some aspects of the commander-in-chief Grand Duke Nikolai Nikolayevich's (Senior) presence on the Balkan front. These aspects were described in the poem by Mikhail Khitrovo «San-Stefaniada». The poem was banned by censorship in 1885, and it is published now for the first time.

Keywords

“San-Stefaniada”, Mikhail Hitrovo, Russian-Turkish war of 1877–1878, censorship, Mikhail Semevsky, Grand Duke Nikolai Nikolaevich (Senior), Fedor Gershelman, Mikhail Hasenkampf, Nikolai Ignatiev.

На письменный стол М.И. Семевского, редактора и издателя исторического журнала «Русская старина», легли корректурные листы очередного февральского номера за 1885 год, которые, согласно правилам, за четыре дня до печатания тиража следовало представить в Санкт-Петербургский цензурный комитет. Еще в 1870 г. Семевскому удалось получить разрешение на освобождение журнала от предварительной цензуры, что давало бóльшую самостоятельность и свободу в подборе и публикации материалов¹. Но полностью избежать цензуры было невозможно, поэтому редактор волновался за каждый очередной номер. И на этот раз, как оказалось, не напрасно: председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета Е.А. Кожухов не признал возможным пропустить в печать шутку-поэму «Сан-Стефаниада» (1878 г.). Он мотивировал свое решение тем, что «здесь описаны страдания русского солдата», заключается «злая ирония» над «нашим парадным штабом», «над хвастовством новых Наполеонов»; говорится «о болячке-Плевне», «о походе без обоза, в лохмотьях, босой серой силы», о стремлении домой и «перемирии с убитым врагом». К тому же «имена лиц высокопоставленных и жестоко осмеянных обозначены очень прозрачно...». В результате вывод цензора был однозначным: «Представить в таком позорном виде великие события еще свежей борьбы, когда бывшие ее деятели торжественно вспоминают теперь подвиги войска, значит... не признавать всего величия свершившегося и волновать умы неуместной злобной шуткой»². Начальник Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистов полностью согласился с мнением цензурного комитета.

Тогда Семевский поспешил обратиться к министру внутренних дел графу Д.А. Толстому, который не раз поддерживал его в издательском деле. В письме от 28 января 1885 г. редактор просил отменить решение цензуры, так как, по его словам, поэма «Сан-Стефаниада» — «не более как шутливое стихотворение, которое в печати, появляясь в специальном сборнике, утрачивает и тот маленький острый характер, которое имело бы, ходя в рукописных списках»³. Феоктистов же, в ответ на запрос, доложил Д.А. Толстому, что «“Сан-Стефаниада” есть не что иное, как пасквильное стихотворение, исполненное едких насмешек над руководителями нашей армии в последнюю войну. Не думаю, — писал он, — чтобы оно понравилось в высших сферах... Прикажете ли потребовать от г-на Семевского, чтобы он подчинился заявленному ему требованию?». На полях около этой фразы министр карандашом начертил резолюцию: «Конечно»⁴. Таким образом, судьба «Сан-Стефаниады» была решена — она по-прежнему оставалась лишь в рукописных списках и в памяти тех, кто уже читал ее.

¹ Порох В.И. Офицер, историк, издатель. Всё о М.И. Семевском. Саратов: СГАП, 1999. С. 121, 123.

² Там же. С. 136.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 137.

Следует отметить, что во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в российских журналах и газетах печатались многочисленные корреспонденции с Балканского и Кавказского фронтов; после войны, в 1879 г., вышел в свет 6-томный «Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг.», а с 1878 г. на страницах различных изданий начали публиковаться их воспоминания. Так что горькая правда об отвратительной работе и злоупотреблениях интендантства, в результате чего русская армия воевала голодной, разутой и раздетой, а также о неурядицах в управлении и высшем командовании, в связи с чем войска несли значительные потери, была для читающей публики не новостью. Но после 1 марта 1881 г., убийства императора Александра II, новый самодержец России Александр III ужесточил цензуру. К тому же, вероятно, несомненная сила сатирических стихотворных строк, которые легко запоминались и поэтому быстрее достигали цели, серьезно беспокоила цензурное ведомство.

Семевскому, по прошествии времени, иногда удавалось опубликовать вырезанные некогда цензурой статьи, но «Сан-Стефаниада» так и не появилась на страницах его журнала. Ее текст сохранился в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН — благодаря тому, что председатель Петербургского цензурного комитета, впоследствии ставший сотрудником журнала «Русская старина», собрал два тома корректур изъятого цензурой материала под названием «М.И. Семевский. Вырезки цензурные. Годы 1870–1886». Нам посчастливилось обнаружить эти документы, благодаря которым появилась эта статья⁵.

В корректурных листах февральского номера «Русской старины» за 1885 год поэма «Сан-Стефаниада» обозначалась как одно из «множества стихотворений неизвестных авторов, вызванных событиями войны 1877–1878 гг.». Не названо имя автора и в монографии современного историка из Саратова В.И. Пороха «Офицер, историк, издатель. Все о М.И. Семевском» (Саратов, 1999). Одна из ее глав, основанная на документах Российского государственного исторического архива (Ф. 776 — Главное управление по делам печати МВД; Ф. 777 — Санкт-Петербургский цензурный комитет), посвящена сложным взаимоотношениям издателя Семевского с цензурой⁶.

⁵ В 2013 г. О.Л. Фетисенко, старший научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, заместитель главного редактора Полного собрания сочинений К.Н. Леонтьева, констатировала, что самые знаменитые сатиры М.А. Хитрово, упоминаемые в мемуарах дипломата К.А. Губастова, — «Над несчастною Болгариею...», «По прочтении Крейцеровой сонаты» и поэма «Сан-Стефаниада» к настоящему времени еще не найдены. См.: *Фетисенко О.Л. Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб.: Пушкинский Дом, 2014. С. 128.*

⁶ Таковых сведений нет и в более раннем исследовании другого советского автора. См.: *Сими́на Н.Г. Исторические документы на страницах «Русской старины» в 70–80-х годах XIX в. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященный 75-летию профессора С.Н. Валка / отв. ред. Н.Е. Носов.. М.; Л.: Наука, 1964. Вып. 7. С. 197–203.*

Однако имя автора «Сан-Стефаниады» — Михаила Александровича Хитрово — прекрасно знал редактор журнала, поскольку вместе с текстом произведения он получил и сопроводительное письмо (от 18 декабря 1883 г.), в котором присланную поэму предлагалось напечатать в «Русской старине». Это письмо сохранилось в архивном деле вместе с корректурными листами «Сан-Стефаниады», хотя первоначальный ее текст, написанный, скорее всего, от руки, до нас не дошел, как не дошел и сам автограф. К сожалению, подпись в письме оказалась неразборчивой, и нам не удалось ее разобрать. Любопытно, что неизвестный нам корреспондент просил Семевского сохранить произведение Хитрово в своем архиве «для обнародования» в «более благоприятное время», чего «оно вполне заслуживает», добавлял он, «если его нельзя напечатать теперь без согласия автора»⁷. Таким образом, корреспондент Семевского даже не предполагал, что препятствия к публикации встретятся не со стороны автора поэмы, а со стороны цензуры.

Авторство Хитрово подтверждается и в мемуарной литературе, например, в воспоминаниях о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Ф.К. Гершельмана, в 1878 г. капитана, состоявшего в полевом штабе действующей армии, а впоследствии генерала от кавалерии, председателя Варшавского отдела Императорского военно-исторического общества (с 1905 г.). Тот факт, что даже через 30 лет, в 1908 г., когда писались воспоминания, Гершельман не смог обойти вниманием «это высоко характерное и художественное произведение Хитрово», свидетельствует о большой популярности поэмы среди офицеров. Выражая мнение своих сослуживцев, Гершельман подчеркивал, что Хитрово написал с большим искусством и юмором длинное стихотворение, в котором представил жизнь Главной квартиры за весь поход, начиная со времени, проведенного в Кишинёве. Хотя у Гершельмана и не сохранился список «Сан-Стефаниады», он и через 30 лет смог процитировать некоторые строчки наизусть⁸.

В опубликованном в 2014 г. отрывке из мемуаров дипломата К.А. Губастова (1845–1919), товарища министра иностранных дел России (1906–1908 гг.), также содержится достаточно высокая оценка «Сан-Стефаниады»: «Несколько патриотических и проникнутых лиризмом мест и метко подмеченные слабые стороны главнейших героев войны составляют достоинство этой немного длинной сатирической поэмы, кажется, единственного русского поэтического произведения, воспевающего войну за освобождение турецких христиан»⁹. Губастов относил эту поэму к лучшим вещам Хитрово, так как в ней «много положено остроумия и злой наблюдатель-

⁷ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (далее — РО ИРЛИ РАН). Ф. 265. Оп. 2. Д. 2984. Л. 1-1 об.

⁸ Гершельман Ф.К. Воспоминания о Турецкой войне // Военный сборник. 1908. № 6. С. 89-90.

⁹ Из неизданных воспоминаний К.А. Губастова. Глава III. Константинополь (1866–1867). В: Фетисенко О.Л. Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово). С. 138.

ности»¹⁰, что обеспечило «большой успех в высших военных кругах»¹¹. Об этом дипломат знал не понаслышке, поскольку исполнял обязанности управляющего генеральным консульством в Константинополе (17.03.1878–04.07.1879 гг.) и постоянно контактировал с командным составом русской армии на Балканах.

Коллеги М.А. Хитрово, дипломаты Ю.С. Карцов и Н.К. Арбузов, в своих воспоминаниях указывали, что после «Сан-Стефаниады» офицеры его прозвали «бардом в стане русских воинов»¹².

Но прежде чем предложить современному читателю текст запрещенной в 1885 г. поэмы «Сан-Стефаниада», необходимо сказать о ее авторе М.А. Хитрово, а также об отдельных сюжетах, событиях и лицах, о которых идет речь в его произведении. Следует отметить, что уже в самих корректурных листах были добавлены некоторые пояснения, сделанные позднее самим Хитрово от руки чернилами. Они были необходимы для лучшего понимания широкой публикой содержания поэмы, так как «Сан-Стефаниада» изначально сочинялась для определенного круга участников русско-турецкой войны, в котором она ходила в рукописных списках и для которого каждое слово в ней было предельно ясно. Указанные глоссы на полях корректурных листов свидетельствуют еще и о том, что Семевский не терял надежды опубликовать поэму и получил разрешение на публикацию от самого Хитрово, который в один из своих приездов в Санкт-Петербург из далеких стран, где он служил, дополнил стихотворный текст соответствующими комментариями. Важно, что и Ф.К. Гершельман в начале XX в. считал необходимым объяснить те строчки из поэмы Хитрово, которые он запомнил.

Михаил Александрович Хитрово (1837–1896), правнук генерал-фельдмаршала светлейшего князя М.И. Голенищева-Кутузова, закончил Школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров (11 июня 1855 г.), в Крымскую войну в составе л.-гв. Конно-гренадерского полка охранял морское побережье Санкт-Петербургской губернии и Выборгского уезда от вторжения неприятеля. Но Хитрово более привлекала стезя дипломата, поэтому вскоре он перешел в министерство иностранных дел, служил консулом в македонском городе Битоле (Османская империя), генеральным консулом в Константинополе (Стамбуле), в Софии, столице Княжества Болгария, образованного после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в Александрии (Египет). Хитрово представлял Российскую империю в качестве ее посланника в Румынии, Португалии и Японии.

¹⁰ Из неизданных воспоминаний К.А. Губастова. С. 141.

¹¹ Фетисенко О.Л. Из босфорского table-talk 1874 года: М.А. Хитрово и его неизданная эпиграмма на прозелита трансцендентальной философии // Русская литература. 2016. № 1. С. 84.

¹² Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. С. 139; Арбузов Н.К. Из воспоминаний о Царьграде. Евгений Петрович Новиков — наш посол в Константинополе (1880–1882 гг.) // Исторический вестник. 1914. № 12. С. 816.

В светской среде Хитрово славился как мастер эпиграмм, пародий, акrostихов и сатир¹³, но в них, по мнению Вл.С. Соловьева, было «больше добродушного юмора, нежели желчи»¹⁴. Известный философ К.Н. Леонтьев признавал литературный дар Хитрово¹⁵, с которым был дружен еще с детства. В 1881 г. вышел сборник М.А. Хитрово «Стихотворения» (СПб.: тип. А.С. Суворина), а в 1896 г., незадолго до смерти автора, увидело свет второе дополненное издание (Стихотворения. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича). Вл. С. Соловьев в некрологе отмечал «несомненные достоинства» этого поэтического сборника: «В большей части его стихотворений господствует серьезная мысль и возвышенное настроение; многие отличаются прекрасным стихом; несколько переводов из Гёте и Гейне по точности и изяществу могут быть признаны образцовыми»¹⁶. Иного мнения придерживался Губастов: «“Стихотворения” успеха в свое время не имели и теперь совсем забыты. Довольно хорошие по форме и стиху, они не отличаются ни оригинальностью, ни глубиной мысли. Их прочтешь и тотчас же забудешь, без желания прочитать их вновь. Но сатирические его стихотворения, несомненно, очень удачны и хороши»¹⁷.

Во время подготовки к войне с Турцией в конце 1876 г. Хитрово был командирован в качестве дипломатического чиновника в распоряжение главнокомандующего армией на Балканском полуострове великого князя Николая Николаевича (старшего), дяди императора Александра II. Во время военных действий начальником дипломатической канцелярии стал А.И. Нелидов (1835–1910), советник русского посольства в Константинополе (1874–1877 гг.). После заключения Сан-Стефанского договора Нелидову было поручено управление посольством в столице Османской империи, а заведывание дипломатической канцелярией при главнокомандующем русской армией перешло к Хитрово.

После объявления мобилизации Дунайская армия начала сосредотачиваться в Бессарабии, а в Кишиневе расположилась Главная квартира главнокомандующего. По просьбе великого князя начальником штаба был назначен генерал-адъютант и генерал от инфантерии А.А. Непокойчицкий (1813–1881), помощником начальника полевого штаба — генерал-майор К.В. Левицкий (1835–1890).

12 (24) апреля 1877 г. в Кишинёве Александр II подписал манифест об объявлении войны Турции. А 19 апреля император со свитой обедал у великого князя и «был чрезвычайно весел, в особенности же развеселился под конец обеда, когда великий князь попросил у него разрешения скоман-

¹³ Фетисенко О.Л. Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово). С. 122.

¹⁴ В.С. [Вл.С. Соловьев]. Некролог М.А. Хитрово // Вестник Европы. 1896. Т. 4. Кн. 8. С. 904.

¹⁵ Письма К.Н. Леонтьева к М.А. Хитрово (1867–1873). В: Фетисенко О.Л. Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово). С. 116.

¹⁶ В.С. [Вл.С. Соловьев]. Некролог М.А. Хитрово. С. 904.

¹⁷ Из неизданных воспоминаний К.А. Губастова. С. 141.

довать, чтобы курили». «Хотя великий князь сам и не курит», свидетельствовал впоследствии полковник М.А. Газенкампф (1843–1913), профессор Николаевской академии Генерального штаба, «но под конец каждого завтрака и обеда громко командует: “вынимай па...”, а все присутствующие в один голос заканчивают: “трон”. Государь этого обычая не знал, он от души рассмеялся и впоследствии, когда прибыл на театр войны, завел тот же порядок и за своим столом»¹⁸.

Действительно, опубликованные письма бывшего посла России в Константинополе Н.П. Игнатьева¹⁹, лейб-медика С.П. Боткина, а также сочинение графа В.А. Соллогуба, находившегося в Императорской Главной квартире в качестве временного придворного историографа, свидетельствуют, что подобная традиция привилась за завтраком и обедом в Императорской Главной квартире. Во время обеда, который подавался в 7 час. вечера, великолепно, по отзыву Игнатьева, играли музыканты Преображенского полка. После последнего блюда, когда предлагался кофе, ставились на стол зажженные свечи, Александр II вынимал из кармана папиросу и громко командовал: «Вынимай па...», а все присутствовавшие (обычно около 70–75 человек) хором отвечали «трон». «Эти шутки, — писал Боткин своей супруге 15 июля 1877 г. из болгарского селения Бела (Бяла), — играют большую роль в теперешней монотонной жизни. Большая или меньшая их удача оставляет более или менее приятное настроение духа всего общества, лишённого здесь решительно всяких ресурсов: книг нет, газеты получаются далеко не всеми...»²⁰. Граф Соллогуб, будучи русским писателем (хотя и не первой величины), увидел в этом обычае не только «веселость» шутки, но и глубокий смысл: «Он служил доказательством, что перед общими трудами, перед общими опасностями, перед общими жертвами, если товарищество немислимо, то, тем не менее, устанавливаются некоторое сближение, некоторая семейная связь, выражающие милость и радушие»²¹. И Хитрово точно так воспринимал данную шутиливую команду и отразил этот момент в «Сан-Стефаниаде».

Из Бессарабии русские войска двинулись в Румынию. 15 (27) июня была осуществлена сложная операция по переправе через Дунай и очищению от турок высокого правого берега Дуная у г. Систово (Свиштов). Главная квартира вслед за армией меняла свою дислокацию — г. Плоешти, Зимница; 25 июня переправились через Дунай и расположились бивуаком у с. Царевец, где ожидалось прибытие огромного обоза в 350 повозок. Получив от генерал-адъютанта И.В. Гурко, начальника Передового отряда,

¹⁸ Газенкампф М.А. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 7.

¹⁹ Игнатьев Н.П. Походные письма 1877 года. Письма к Е.Л. Игнатьевой с Балканского театра военных действий. М.: РОССПЭН, 1999. С. 234.

²⁰ Боткин С.П. Письма из Болгарии 1877 г. СПб., 1893. С. 92.

²¹ Соллогуб В. Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 году. СПб., 1878. С. 14.

известие о занятии русскими войсками 25 июня 1877 г. г. Тырново, древней столицы Болгарии, Главная квартира направилась в этот город. По пути болгары, жители окрестных селений, встречали главнокомандующего с радостью. «Все кланялись, крестились, кричали “ура!”, хлопали в ладоши и бросали цветы под ноги лошадям»²², — сообщал Газенкамф. Торжествен был въезд главнокомандующего и его свиты в Тырново 30 июня; из-за «чрезвычайной узкости улиц» и необходимости ехать по городу «гуськом» шествие длилось около двух часов. Газенкамф признавался, что ему «нигде еще не случалось видеть такого одушевленного и неудержимого народного восторга»²³. Главная квартира встала бивуаком за городом.

Но наступление русской армии приостановилось из-за неудач под Плевной 8(20) и 18(30) июля 1877 г. 19 июля великий князь и его ближайшая свита были вынуждены покинуть Тырново. Передовому отряду Гурко, который, перейдя через Балканы, совершал рейд по Забалканской Болгарии, пришлось отходить на север, за проходы, отражая натиск турецкой армии под командованием Сулеймана-паши. Русские войска перешли к обороне на всем Балканском фронте. 28 июля Главная квартира великого князя переместилась в селение Горный Студень (Горна Студена), в центр расположения войск. Из России были вызваны дополнительные войска и гвардия. В августе разгорелись упорные бои за Шипкинский перевал, который был удержан благодаря героизму русских войск и дружин болгарского ополчения.

Третий штурм Плевны (30 августа 1877 г.) был особенно кровопролитным. Вызванный из Петербурга инженер-генерал Э.И. Тотлебен организовал осаду крепости, и 28 ноября она капитулировала. Великий князь Николай Николаевич намеревался перевести свой штаб из селения Богот в Плевну, но там все приличные дома были заняты под турецкие госпитали, в которых раненых и больных не лечили, а «просто оставляли на произвол судьбы», и все дома поэтому были зараженными²⁴. Пришлось задержаться в Боготе, где главнокомандующий и большая часть его свиты жили в войлочных палатках-кибитках. Осенние дожди превратили почву в Боготе, состоявшую из «красного жирного суглинка с черноземом», в ужасную и непролазную грязь²⁵, о чем вспоминал и Хитрово в «Сан-Стефаниаде».

Русские войска совершили невероятный по трудностям и лишениям переход через снежные и ледяные Балканы в страшную стужу, с боем овладели Филиппополем (Пловдивом) и форсированным маршем, гоня турок, по весенней распутице устремились в Адрианополь (Эдирне). 27 декабря великий князь и его Главная квартира оставили Богот и через Ловчу (Ловеч), Габрово и Шипкинский перевал добрались до Казанлыка (31 декабря 1877 г.). «Только теперь, видя своими глазами и испытав переход через

²² Газенкамф М.А. Мой дневник. С. 50.

²³ Там же. С. 53.

²⁴ Там же. С. 206.

²⁵ Скалон Д.А. Мои воспоминания 1877-1878 гг. СПб., 1913. Т. 2. С. 13.

горы сам, — писал главнокомандующий императору в одной из телеграмм, отправленных ночью 1 января 1878 г., — понимаешь все трудности этого громадного, гигантского дела. Затруднения и препятствия — невообразимые и немислимые. Просто становишься в тупик, как все это можно было сделать. Положительно одному русскому войску это возможно. Описать и рассказать невозможно: все будет бледно перед истиной»²⁶.

Обоз Главной квартиры (и то не весь) пришел в Казанлык только через два дня, к вечеру, чему «все страшно обрадовались», поскольку в городе нельзя было ничего достать. Самому великому князю два дня пришлось «заимствоваться» у генерал-адъютанта Ф.Ф. Радецкого «не только чаем и сахаром, но даже полотенцами и мылом»²⁷. 3 января Газенкампф констатировал: «Продовольствуемся со дня на день, чем придется, не говоря уже о полном отсутствии водки и вина, даже сахара нет»²⁸. Начальник наградного отделения полевого штаба Ан. П. Струков, состоявший при канцелярии главнокомандующего, вспоминал о тех днях в Казанлыке: «Галь²⁹ кормил рисом с сливяным вареньем или пастилой, которые тут нашли в изобилии»³⁰. А полковник Д.А. Скалон (1840–1919), адъютант при главнокомандующем, наслаждаясь разнообразными и изысканными блюдами у богатого и знатного армянина Аракал-бея-Дадиана (Аракель-бей-Дадиан) в Сан-Стефано, не мог не отметить: «Наш однообразный стол за год кампании весьма и весьма приелся, так что им вполне удовлетворялось только чувство голода; но вкусовые ощущения и требования надо было совсем забыть»³¹.

В своей поэме Хитрово упомянул «скудную трапезу Галла». Действительно в сложных переездах при отстающем обозе было трудно организовать полноценное питание в разграбленных болгарских селениях и городах.

8 января 1878 г. небольшой отряд авангарда русских войск под командованием адъютанта главнокомандующего генерал-майора Ал. П. Струкова (старшего брата упоминавшегося выше Ан. П. Струкова) занял Адрианополь. 12 января великий князь выехал из Казанлыка, через разрушенную Эски-Загру (Стара-Загора), Семенли в Херманли. Газенкампф с ужасом вспоминал о пути от Семенли до Херманли всего в 10 верст, который они с Левицким проехали верхом за пять часов: «Невылазная грязь, глубокие ямы и рытвины, бурные разлившиеся ручьи, полное отсутствие мостов и при этом еще густой туман и мелкий, дробный дождь»³².

²⁶ Газенкампф М.А. Мой дневник. С. 315.

²⁷ Там же. С. 316.

²⁸ Там же. С. 326.

²⁹ А.А. Галь (Галл) — генерал, гофмаршал великого князя, в ведении которого находилось довольствие Главной квартиры главнокомандующего во время войны.

³⁰ Струков Ан.П. Из семейной хроники. Мои воспоминания о турецкой войне 1877–1878 гг. // Русская старина. 1914. Т. 158. № 4. С. 109.

³¹ Скалон Д.А. Мои воспоминания. Т. 2. С. 296.

³² Газенкампф М.А. Мой дневник. С. 374.

14 января в Херманли великий князь и его свита сели на поезд до Адрианополя. Главнокомандующий, стоя у открытого окна вагона, здоровался и благодарил гвардейские войска, которые шли вдоль полотна железной дороги и отвечали ему восторженными криками «ура!». «Но в каком обтрепанном виде шла гвардия! — сокрушался Газенкампф. — По костюмам, головным уборам и обуви — настоящие башибузуки. Шинели порыжелые и дырявые, погоны оборванные, вместо фуражек — болгарские овчинные шапки, фески, чалмы, платки. А на ком сохранились фуражки — нельзя распознать цветов. Сапог почти ни у кого нет — все опанки, опорки, какие-то подобия лаптей, суконки, обвязанные веревочками, а то и просто босиком»³³.

Въезд великого князя и его свиты в Адрианополь 14 января 1878 г. был исполнен величия и триумфа. 18 января к главнокомандующему русской армией вновь явились турецкие уполномоченные — Сервер-паша, министр иностранных дел Высокой Порты, и Намык-паша, министр султанского двора, и уже «беспрекословно приняли как предварительные условия мира, так и условия перемирия»³⁴. 19 января в 6 час. вечера великий князь Николай Николаевич, Сервер-паша и Намык-паша «подписали главные основания мира, а около 7 час. вечера Непокойчицкий, Левицкий, Неджид-паша и Осман-паша — условия перемирия» (Адрианопольское перемирие). В этот день за вечерним чаем великий князь сказал, что мечтает «пригнать заключение окончательного мира к 19 февраля. Государь очень любит сближение достопамятных чисел, а тут вышло бы очень кстати освободить христиан от ига мусульманского в день освобождения крестьян от рабства»³⁵. Как известно, 19 февраля являлся также и днем восшествия императора Александра II на престол (в 1856 г.).

Однако «просвещенная Европа» встретила сообщение об окончании русско-турецкой войны отнюдь не восторгами и поздравлениями. 28 января 1878 г. британский посол в Петербурге сообщил, что эскадра Хорнби вступает в Дарданеллы. Попирая нормы международного права, британские броненосцы вошли в Мраморное море³⁶. 4 февраля четыре английских броненосца бросили якорь у Принцевых островов, что в часу хода от Константинополя. Правда, уже 5 февраля эскадра отошла от Принцевых островов, но осталась в Мраморном море.

5 февраля на совещании у главнокомандующего обсуждалось настойчивое требование Александра II занять Константинополь путем мирного соглашения с султаном, требование, которое, однако, невозможно было

³³ Газенкампф М.А. Мой дневник. С. 376.

³⁴ Там же. С. 392.

³⁵ Там же. С. 399.

³⁶ Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 1986. С. 357, 359.

исполнить ввиду реальной угрозы со стороны английской эскадры и отсутствия русского флота в Черном море. Игнатъев предложил компромисс, который чрезвычайно понравился великому князю: занять предместье Константинополя Сан-Стефано, «чудное местечко на берегу Мраморного моря»: «там мы будем все равно, что в Константинополе, а между тем англичанам придаться не к чему»³⁷. В Сан-Стефано поезд с великим князем прибыл 12 февраля около 4 час. утра «при чудном лунном свете». Главнокомандующий въехал в город в сопровождении своей свиты в 50 человек под охраной всего лишь одной конвойной роты и эскадрона собственного конвоя под командованием полковника Жукова, поскольку два головных поезда, на которых был отправлен конвой в Сан-Стефано раньше поезда великого князя, были задержаны турками на одной из промежуточных станций³⁸. Головные войска Гвардейского корпуса (л.-гв. Преображенский полк, л.-гв. саперный батальон, гвардейская стрелковая бригада и л.-гв. Уланский полк) подошли значительно позднее, хотя и в тот же день, 12 февраля. Именно это обстоятельство вспоминается в поэме Хитрово. На станции великого князя Николая Николаевича ожидали военный министр Реуф-паша, бывший главнокомандующий Мехмет-Али-паша и местное греческое духовенство. «Сознание, что находишься в предместье Царьграда, наполняло сердце и душу отраднейшим чувством достигнутого успеха»³⁹, — делился своими впечатлениями Д.А. Скалон.

Переговоры с турецкими уполномоченными о мире едва продвигались: турки изыскивали «всевозможные предлоги затянуть дело», а 16 февраля и вовсе их прервали. Тогда 17 февраля главнокомандующий русской армией произвел «демонстрацию наступления на Константинополь»: русские войска и «вся наличная артиллерия» были построены возле Сан-Стефано «правым флангом к Мраморному морю и фронтом к Константинополю» на поле близ маяка. Столица Османской империи лежала перед русскими как на ладони. Войска с песнями, под музыку и барабанный бой двинулись вперед, прошли 200–300 шагов, великий князь отдал команду «стой!», и нижним чинам было разрешено бежать врассыпную вперед — смотреть Константинополь. Затем войска прошли церемониальным маршем мимо главнокомандующего и были распущены. И Скалон, и Газенкампф удивлялись, что эта «невинная демонстрация» произвела желаемое воздействие на турок, и переговоры были возобновлены⁴⁰.

19 февраля (3 марта) 1878 г. Н.П. Игнатъев и Савфет-паша подписали Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор. В 17.30 эту радостную весть Игнатъев привез в русские войска, которые томились ожиданием с

³⁷ Газенкампф М.А. Мой дневник. С. 441.

³⁸ Там же. С. 466.

³⁹ Скалон Д.А. Мои воспоминания. Т. 2. С. 239.

⁴⁰ Там же. С. 272–273; Газенкампф М.А. Мой дневник. С. 472–473.

14 час., будучи выстроенными для парада. Был отслужен благодарственный молебен, подобного которому, по словам Газенкампа, не было «со дня взятия Парижа в 1814 г.»⁴¹. Его также поразил и парад, закончившийся в темноте: «Насколько скучны и надоедливо мирные парады, чересчур частые, настолько же был величественным этот в полном смысле торжественный парад, — писал он. — Надо было видеть, с каким воодушевлением, с каким гордым сознанием своей несокрушимости проходили мимо своего вождя эти войска, прославившиеся целым рядом геройских подвигов, и с каким почтительным благоговением смотрела на них многотысячная толпа, собравшаяся из Царьграда и окрестностей»⁴².

Следует сказать, что в своей поэме Хитрово довольно пренебрежительно и грубо отозвался об Игнатьеве, который, по его словам, «сварганил» договор. Дело в том, что между двумя дипломатами были довольно непростые отношения. Хитрово приходился троюродным братом супруге Н.П. Игнатьева, Екатерине Леонидовне (урожд. княжне Голицыной). Назначенный в 1872 г. генеральным консулом в Константинополе, он, по воспоминаниям Губастова, «развлекал собой посольский кружок и отчасти министерство [иностраных дел] препирательством с Игнатьевым, посвящая в эту бумажную борьбу своих родственниц княгиню Голицыну⁴³ и Екатерину Леонидовну, которые вздыхали, охали, не знали, кто из спорящих был прав и на чьей стороне им быть»⁴⁴. Современная исследовательница О.Л. Фетисенко полагает, что по отношению к Игнатьеву Хитрово «состоял скорее в небольшой фронде»⁴⁵. Игнатьев, в свою очередь, в «Походных письмах...», если и упоминает имя Хитрово, то почти всегда с негативным оттенком. Кроме того, представление о том, что Сан-Стефанский договор — плод усилий лишь одного Игнатьева, в историографии, как известно, давно и убедительно опровергнуто⁴⁶.

После заключения Сан-Стефанского мира войска настроились на близкий отъезд домой, в Россию, но простояли еще полгода в ожидании решений Берлинского конгресса. Ухудшение здоровья великого князя заставило его просить императора уволить его от командования действующей армией. 16 апреля 1878 г. новым главнокомандующим был назначен генерал-адъютант Тотлебен. Вместо Непокойчицкого должность начальника штаба армии занял генерал-майор князь А.К. Имеретинский.

⁴¹ Газенкампф М.А. Мой дневник. С. 476.

⁴² Там же. С. 476–477.

⁴³ Речь идет о княгине Анне Матвеевне Голицыной (1809–1897), урожденной Толстой, внучке М.И. Кутузова, которая постоянно жила в семье Игнатьевых (ее супруг камергер Л.М. Голицын умер в 1860 г.).

⁴⁴ Из неизданных воспоминаний К.А. Губастова. С. 138.

⁴⁵ Фетисенко О.Л. Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово). С. 101.

⁴⁶ См.: Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. С. 360–361.

«Безызвестность о том, предстоит ли скорое возвращение в Россию или придется начинать новую войну, порождала какую-то безотрадность. От этого после длительной и полной всевозможных ощущений жизни военного времени праздная стоянка с каждым днем делалась все более и более унылой. Ни ежедневная игра на берегу полковых оркестров, ни прогулки верхами за город, ни катанья на лодках по заливу, ничто не помогало...»⁴⁷, — вспоминал генерал-лейтенант П.П. Карцов. Это душевное настроение, порожденное неопределенностью положения, бездействием, скукой, усугублялось эпидемией тифа в войсках, в результате которой в ближайшем к Константинополю районе и далее к югу до городов Родосто и Силиври, на берегу Мраморного моря, появилось 37 русских кладбищ⁴⁸.

В Сан-Стефано открылось множество лавочек, ресторанов, был построен деревянный барак для итальянской оперы. Популярностью у офицеров пользовался сад «Конкордия» с кафе-шантаном, в котором играл оркестр из Вены и выступали шансоньетные певицы. Этот сад, принадлежавший Аракал-бею-Дадиану, был разбит вокруг большого трехэтажного дома на набережной Мраморного моря, где расположилась канцелярия Главной квартиры, а также разместились генерал-майор К.В. Левицкий, полковник Газенкамф (до 10 апреля, когда он выехал в Россию), Хитрово и другие офицеры. Капитан Ф.К. Гершельман вспоминал, что соседство с кафе-шантаном заставило Левицкого бежать из квартиры, так как по вечерам в саду гремела музыка, не дававшая ему заниматься. И это обстоятельство, указывал Гершельман, было воспето в «высокоталантливом» произведении М.А. Хитрово «Сан-Стефаниада»⁴⁹.

Левицкого в армии не любили, в дни поражений под Плевной раздавалось требование его сменить, его называли «негодным Казимиркою». Офицеры Генштаба нелестно отзывались о своем начальнике, поскольку с ним нелегко было служить из-за его человеческих качеств, ибо он был беспокойным, суетливым, раздражительным, заносчивым, при этом крайне рассеянным и забывчивым, «без сколько-нибудь участливого отношения к подчиненным»⁵⁰.

Любопытно, что строки, которые запомнил и воспроизвел по памяти Гершельман о Левицком, отличаются от текста в корректурных листах, что можно объяснить существованием нескольких вариантов поэмы, которую Хитрово, похоже, переделывал и дополнял, оттачивая рифму.

Так, в корректурных листах напечатано:

⁴⁷ Карцов П.П. Воспоминания участника минувшей войны // Сборник военных рассказов [составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. Т. 5. СПб., 1879. С. 425.

⁴⁸ Эжк Э.В. От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе. 1868–1918. М.: Кучково поле, 2014. С. 55.

⁴⁹ Гершельман Ф.К. Воспоминания о Турецкой войне. С. 89.

⁵⁰ Там же.

*Принимает Левицкий доклад?
Обсуждает в науке легионов
Все, что выдумать мог человек,
Уж сошлись перед ним: Артамонов,
Гершельман, Кантакузен и Экк⁵¹.
Гершельман помнил строки в таком варианте:
С утра сменяются чредою
Гершельман, Кантакузен и Экк...*

В этом перечислении офицеров Генштаба пропущен Н.Д. Артамонов. Далее Гершельман пояснял: «План выработан, Левицкий, увлекаясь в мечтах своих, заносится дальше».

*И вот решил, еще займется,
Готов разить уж целый мир,
И вдруг из сада раздаётся:
«Finissez, finissez, Kazimir!».*

В корректурных листах дается другой текст. Словом «finissez», т.е. «заканчивайте» (фр.), Левицкий обыкновенно прерывал доклады своих подчиненных.

Следует отметить, что редактор журнала «Русская старина» напечатал «Сан-Стефаниаду» не полностью, на что указывает строка с отточием перед завершающим четверостишием. Карцов писал, что в поэме попадались весьма меткие замечания на счет лиц действующей армии: Э.И. Тотлебена, князя А.К. Имеретинского, а также Левицкого. Вероятно, Семевский сознательно выпустил строфы, посвященные Тотлебену и Имеретинскому. Но Хитрово вписал в корректурные листы несколько четверостиший, где говорится о «новом Ганнибале», т.е. о князе Имеретинском (Хитрово сам расшифровал, кого он имел в виду).

«Сан-Стефаниаду», как и другие свои стихотворения Хитрово, по словам Карцова, знал наизусть и при каждом удобном случае, нараспев и слегка картавя, их декламировал⁵². Многие современники считали, что Михаил

⁵¹ Здесь перечислены офицеры Генерального штаба: полковник Н.Д. Артамонов (1840–1918), который в ноябре 1876 г. был назначен штаб-офицером над вожатыми в полевом штабе действующей армии и занимался организацией агентурной разведки в Болгарии, поисками проводников и переводчиков для штабов отдельных отрядов. Во время войны его назначили исправляющим дела начальника военнотопографического отдела полевого штаба действующей армии; впоследствии — генерал от инфантерии. Генерал-майор князь М.А. Кантакузен (1840–1891), заместитель начальника штаба действующей армии в 1877–1878 гг., в 1884–1885 гг. исполнял обязанности военного министра в Княжестве Болгария. Э.В. Экк (1851–1937), помощник штаб-офицера над колонновожатыми действующей армии, в 1878 г. закончил Николаевскую академию Генерального штаба, впоследствии — генерал от инфантерии.

⁵² Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке. С. 139.

Александрович «писал прекрасные, звучные стихи на все злобы дня»⁵³, хотя нам кажется, что в литературном отношении к поэме «Сан-Стефаниада» могут быть претензии (несоблюдение размера, хромающая «рифма» и т.д.). Но она важна прежде всего как историческое свидетельство очевидца войны и как критика многих событий 1877–1878 гг.

Позвольте теперь, спустя 140 лет со дня создания, представить поэму М.А. Хитрово «Сан-Стефаниада» и небольшое вступление к ней М.И. Семевского, которые не пропустила цензура в 1885 г.

* * *

«В “Русской старине” 1870–1885 гг. между множеством вновь открытых литературных произведений лучших наших писателей прежнего времени немало помещено юмористических произведений, издавна ходивших по рукам в рукописных, зачастую безграмотных и искаженных списках. В шутке “Сан-Стефаниады” — сквозь смех слышны слезы: те слезы были вызваны и в русских людях, близко принявших к сердцу те тяжкие обстоятельства, под гнетом которых геройские подвиги и бесчисленные жертвы самоотвержения наших воинов и их доблестных вождей не увенчались миром, вполне достойным геройских побед русского войска! Это горечь разочарования и не вполне осуществившихся надежд».

*На цветущих брегах Пропонтиды,
Где легко так и сладко дышать,
Там в объятиях южной Киприды
Отдыхает российская рать.*

*Там ни горя, ни зол, ни страданья,
Место злачно и место светло!
Там полгода в бесплодном стояньи
Как мгновенье одно протекло.*

*В утешенье усталым героям
После долгих и тяжких трудов
Там стекались грации роем
И теряется счет кабаков.*

*Там везде процветают искусства,
Насладиться там всякому страсть,
Заведенья для всякого чувства
Созидает там местная власть.*

*Недостатка нет в пойле и пище:
«Веселись, дескать, русский герой!»...
А кресты по окрестным кладбищам
Разрослись будто лес молодой...*

⁵³ Арбузов Н.К. Из воспоминаний о Царьграде. С. 816.

*И я, бард в этом стане военном,
И все слушают песню мою —
Но кого ж я стихом вдохновенным
Я из главных вождей воспою?*

*Воспою ль о начале похода,
О великих, минувших тех днях,
Когда мы — тому скоро два года —
В путь пустились в больших сапогах?!*

*«Разумеете языцы!» — не надо
Нам ума и наук... «С нами Бог!»
Не нуждаясь в уме, до Царьграда
Дотащился смазной наш сапог.*

*Но ведь это — лишь мысли убранство!
И украшен лавровым венком —
Не в обиду сказать интендантству,
Наш солдат воевал босиком.*

*Сомневаться в успехе напрасно,
Не минуем мы к цели прийти, —
Русский Бог, шаг за шагом, всечастно
Нас ведет на благие пути.*

*Воспою ль я те дни, как бывало, —
Дни, мелькнувшие в жизни, как сон, —
Мы за скудною трапезой Галла
Всякий день вынимали патрон?!*

*В Кишиневе, Плоэшти, Зимнице,
На заветных Дуная берегах,
И в Болгарской древней столице,
И в Боготских грязи и снегах, —*

*Много горя и зла испытали,
Но не пали мы гордой душой,
И все так же патрон вынимали
Мы в ответ на призыв удалой...*

*Воспою ль, как среди легионов
Удалось нам себя воспитать,
Как десятками Наполеонов
Порождала российская рать;*

*Как стратегию нынче научно
Сам в уме я своем возрастил:
Ведь два года почти безразлично
Я с стратегами нашими жил.*

Воспою ль я обоз тот громадный,
На котором, придя за Дунай,
Завоевывал штаб наш парадный
Неприятелем брошенный край?

Воспою ль я, как мы ликовали,
Как пред нами все падало ниц, —
В целом мире встречалось едва ли
Столько славой сияющих лиц!!!

Воспою ль, как вперед слишком рано
Забежали мы лавры собирать,
Как из Тырнова мы (с Балкана)
В Горный Студень вернулись вспять?!

Как застыла триумфа горячка,
Как споткнулися мы на скаку,
Как нежданно назрела болячка, —
Эта Плевна у нас на боку...

Как возились с нею мы долго —
Неприятный период настал:
Умирал наш солдат из-за долга,
Нос повеся, ходил генерал...

Как потом подошли подкрепления,
Встрепенулась усталая рать,
И взирал целый мир в изумлении,
Как пошли мы врага попирать!

Пала Плевна... И русская сила, —
Сила та, что в народе живет,
Пред собой все мела и ломила,
И пошла она грозно вперед!!

Тут смеяться уж я не умею!
Каким именем я назову
Пережитую ту эпопею,
Тот чудовищный сон наяву?

Без обоза, в лохмотьях, босая
Через горы, чрез снег, через лед
Эта серая сила святая
Совершила гигантский поход...

И к стенам Цареграда дорога
Перед нею легла впереди...
На Руси мужика очень много,
Мужиком хоть плотину пруди!..

Воспою ль я умеренность нашу,
 Воспою ль голубиный наш дух,
 И как мы, заварив эту кашу,
 Преисполнились кротости вдруг?

Воспою ль наши чувства благие
 И тоску по отчизне родной,
 Как постыли нам дни боевые,
 Как нам вдруг захотелось домой?

Как премудростью высшей богаты,
 Как гарцуя блестящим умом,
 Перемирие нам дипломаты
 Заключили с убитым врагом.

Торопитесь! Ведь счастье какое!
 Исторической личностью стать:
 И вдруг имя свое небольшое
 Под трактатом большим увидеть?

Воспою ль я момент тот, как рано
 В быстром поезде — трах-тарарах!
 Прежде войска одни в Сан-Стефано
 Прикатали на всех мы парах?!!

Воспою ль я все то, что тут было,
 Сколько видели тут мы чудес,
 Как приветно нам солнце светило
 С этих ласковых, южных небес?

Что за слава над нами сияла —
 Это был торжествующий сон!
 Воспою ль, как за трапезой Галла
 Мы и здесь вынимали патрон!

Как Европу смущенную занял
 Наш у стен Цариграда народ?
 Воспою ль, как И[гнатъ]в сварганил
 Нам Сан-Стефанский мирный трактат?

Как с тех пор, сего прочного мира,
 Мы вкушаем от сладких плодов,
 И поет вдохновенная лира
 Тишину Сан-Стефанских садов...

Мы стоим на берегах Пропонтиды,
 Перед нами в глазах Цариград,
 Призывают нас дивные виды,
 Нам нельзя — ни вперед, ни назад...

Воспою ль я тот храм песнопенья,
 Воспою ли волшебный тот сад,
 Близ которого в тягостном бдении
 Принимает Левицкий доклад?

Обсуждает в науке легионов
 Все, что выдумать мог человек,
 Уж сошлись перед ним: Артамонов,
 Гершельман, Кантакузен и Эрк.

Громче звуки гармонии шумной
 Средь ночной тишины полились,
 Смолк Л[еви]цкий, на лоб многотумный
 Золотые очки поднялись:

В голове его план созревает,
 Поразить долженствующий мир...
 А из сада в окно долетает:
 «Finissez, finissez, Kazimir!»

.....

Но я смолк и бросаю перо я,
 На уста налагаю печать.
 Бо не в силах такого героя
 Я достойным пером воспевать.

(Хитрово дописал в корректурных листах следующие четверостишия.)

Воспою ль, как в сей новой Капуе
 Ныне новый сидит Ганнибал,
 И как к Остану ездил он всеу,
 Как под вышкою он воевал?

Как несет он тяжелое бремя
 Непомерных военных трудов,
 Как стратегией в мирное время
 Он сражает сраженных врагов?

Как ушедши в свой мир идеальный,
 Где бессмертные планы кипят,
 Он походкою монументальной
 Измеряет Дабояновский⁵⁴ сад.

Воспою ли, как вождь сей счастливый,
 Дань отдавши великим трудам,
 В час досуга беседой игривой
 Занимает Сан-Стефанских дам?⁵⁵

⁵⁴ Имеется в виду сад «Конкордия», принадлежавший богатому армянину Аракалбею-Дадьяну.

⁵⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2984. Л. 7-9 об.

Литература

1. Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 1986.
2. Порох В.И. Офицер, историк, издатель. Все о М.И. Семевском. Саратов: СГАП, 1999.
3. Сими́на Н.Г. Исторические документы на страницах «Русской старины» в 70–80-х годах XIX в. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященный 75-летию профессора С.Н. Валка / отв. ред. Н.Е. Носов. М.; Л.: Наука, 1964. Вып. 7. С. 197–203.
4. Фетисенко О.Л. Из босфорского table-talk 1874 года: М.А. Хитрово и его неизданная эпиграмма на прозелита трансцендентальной философии // Русская литература. 2016. № 1. С. 80–89.
5. Фетисенко О.Л. Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2013 год. СПб.: Пушкинский Дом, 2014. С. 97–146.

References

1. Fetisenko, O.L., 2014. Ehpizody iz zhizni konsula (K.N. Leont'ev i M.A. Hitrovo) [Episodes from the consul's life (K.N. Leontyev and M.A. Hitrovo)]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2013 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House. 2013]. Saint Petersburg: Pushkinskij Dom, pp. 97–146.
2. Fetisenko, O.L., 2016. Iz bosforskogo table-talk 1874 goda: M.A. Hitrovo i ego neizdannaya ehpigramma na prozelita transcendental'noj filosofii [From the Bosphorus table-talk of 1874: M.A. Hitrovo and his unpublished epigram on a proselyte of transcendental philosophy]. *Russkaya literatura*, N 1, pp. 80–89.
3. Vinogradov, V.N., 1986. *Mezhdunarodnye otnosheniya na Balkanah. 1856–1878 gg.* [The international relations in the Balkans. 1856–1878.]. Moscow: Nauka.
4. Poroh, V.I., 1999. *Oficer, istorik, izdatel'. Vse o M.I. Semevskom* [Officer, historian, publisher. All about M.I. Semevsky]. Saratov: SGAP.
5. Simina, N.G., 1964. Istoricheskie dokumenty na stranicah “Russkoj stariny” v 70–80-h godah XIX v. [Historical documents on pages of “Russkaj starina” in the 70–80th years of the 19th century]. In: Nosov, N.E., ed. 1964. *Issledovaniya po otechestvennomu istochnikovedeniyu: Sb. statej, posvyashchennyj 75-letiyu professora S.N. Valka* [Researches on Russian Source Studies: Dedicated to the 75th anniversary of Professor S.N. Felling]. Moscow; Leningrad: Nauka, Vyp. 7, pp. 197–203.

**HRABOVEC E. SLOVENSKO A SVÄTÁ STOLICA
V KONTEXTE Vatikánskej východnej politiky
(1962–1989). BRATISLAVA, 2016. 400 s.**

**[Грабовец Э. СЛОВАКИЯ И СВЯТОЙ ПРЕСТОЛ
В КОНТЕКСТЕ ВАТИКАНСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ
(1962–1989). БРАТИСЛАВА, 2016. 400 с.]**

Михаил Юрьевич Дронов –

кандидат исторических наук,
научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук.
Ленинский проспект, 32А, Москва,
Россия, 119991.
mikhaildronov@rambler.ru

Аннотация

Рецензия посвящена одной из последних монографий известной исследовательницы Эмилии Грабовец. В представляемой книге анализируются отношения Словакии и Святого Престола в 1962–1989 гг.

Ключевые слова

Э. Грабовец, Ватикан, Римско-католическая церковь, Святой Престол, Словакия, Чехословакия.

**HRABOVEC E. SLOVENSKO A SVÄTÁ STOLICA
V KONTEXTE Vatikánskej východnej politiky
(1962–1989). BRATISLAVA, 2016. 400 s.**

Mikhail Yu. Dronov –

Ph.D., Researcher,
Institute of Slavic Institute,
Russian Academy of Sciences.
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
mikhaildronov@rambler.ru

Abstract

This review focuses on one of the latest monographs written by the renown Slovak historian Emilia Hrabovec. The author analyses relations between Slovakia and the Holy See in 1962–1989.

Keywords

Vatican, Catholic Church, Holy See, Slovakia, Czechoslovakia, Emilia Hrabovec.

Заметным явлением в словацкой историографии стал выход в Издательстве Университета им. Коменского очередной монографии проф. Эмилии Грабовец (*Emília Hrabovcová*), посвященной перипетиям церковной истории прошлого столетия. Однако если ранее исследовательница сосредотачивала свое внимание преимущественно на XIX-м и первой половине XX столетия, новая работа этого известного словацко-австрийского автора касается более близкого к нам периода — 1962–1989 гг. При этом Э. Грабовец продолжает знакомить профессиональную и широкую общественность с темой взаимоотношений Словакии (являвшейся независимым государством, да и то формально, лишь в 1939–1945 гг.) со Святым Престолом.

Обширный труд открывает трогательное предисловие крупного словацкого церковного деятеля кардинала Йозефа Томко, близкого соратника покойного Папы Иоанна-Павла II (1978–2005 гг.). Уже это косвенно свидетельствует о мировоззренческой платформе Э. Грабовец, что неоднократно подтверждается во время знакомства с основной частью ее книги. К слову, неудивительно и членство автора в Папском совете по историческим наукам, которое является большой честью, но одновременно накладывает определенные обязательства.

Основу книги составляет 10 пронумерованных тематических глав. В качестве введения выступает глава «Католическая церковь в Словакии в преддверии переговоров со Святым Престолом» («Katolícka cirkev na Slovensku v predvečer rokovani so Svätou stolicou», S. 9–19), в которой кратко проанализирована церковная (саркастически названная Э. Грабовец «скорее антицерковной») политика Чехословакии после окончания Второй мировой войны и особенно после усиления власти компартии на рубеже 1947–1948 гг. Здесь же содержатся интересные замечания об отличиях между словаками и чехами, тесной связи словацкой национальной идеи, как альтернативы чехословакизму, с католицизмом. Во многом это объясняет сложности, изначально сопровождавшие отношения Чехословакии и Ватикана.

Следующая глава «Ватиканская восточная политика в историческом контексте» («Vatikánska východná politika v historickom kontexte», S. 20–42) является обзорным экскурсом в восточноевропейское направление политики Пап Пия XII (1939–1958 гг.) и Иоанна XXIII (1958–1963 гг.) с многочисленными отсылками к предыдущим и последующим понтификатам. Именно начиная с Иоанна XXIII Святой престол, не отказываясь от глубинно антикоммунистического мировоззрения, принял курс на диалог и взаимное сближение с социалистическими странами. В данном контексте затрагивается и установление более близких контактов с православными церквями, особенно с Русской православной церковью.

Одним из важнейших разделов книги является глава, посвященная переговорам между Ватиканом и Прагой в 1960-х годах (S. 43–94). Сложный

дипломатический диалог, заложниками которого являлись католические верующие республики, проходил во время и по окончании II Ватиканского собора (1962–1965). Хотя в этот период он и остался без конкретных результатов, детальное освещение данных контактов — вклад в историографию проблемы.

Особое внимание Э. Грабовец уделила проблеме Греко-католической церкви, официально ликвидированной в Чехословакии в 1950 г., но продолжавшей свое служение в подполье. Восточнословацкие греко-католики, проживавшие в Северной Америке, выступали против каких бы то ни было соглашений с Чехословакией до легализации своей церкви (это произошло только на волне Пражской весны в 1968 г.). Правда, не совсем понятно утверждение автора о том, что «православизированные греко-католики» в Словакии принадлежали (в 1965 г.) к юрисдикции Московского патриархата (S. 72), поскольку Акт о даровании автокефалии Чехословацкой православной церкви был подписан еще в 1951 г. Возможно, Э. Грабовец ориентировалась на непризнание этой автокефалии вплоть до 1998 г. Константинопольским патриархатом. Однако, думается, важнее то, что сам Московский патриархат уже де-юре не считал православных верующих в Словакии находящимися в своей юрисдикции.

В небольшой главе «Под эгидой нормализации» («V znamení normalizácie», S. 95–108) рассмотрены события 1968 — начала 1970-х годов, последовавшие после ввода в Чехословакию войск Организации Варшавского договора в августе 1968 г. Одним из редких дипломатических успехов Ватикана в переговорах с Чехословакией в указанный период считается рукоположение в 1973 г. трех новых словацких и одного чешского епископов. В то же время Э. Грабовец анализирует и жертвы, на которые был вынужден пойти Святой Престол. В частности, речь идет об обязательствах Ватикана перед чехословацким государством в отношении так называемой «подземной» церкви, действовавшей в Чехословакии нелегально, и политических инициатив священников-эмигрантов, проживавших на Западе. Детальными, прекрасно документированными разборами ситуации в своем развитии на территории самой Словакии и, так сказать, в словацком зарубежье являются две следующие обширные главы монографии — «Словацкая церковная провинция» («Slovenská cirkevná provincia», S. 109–162) и «Словацкая церковная эмиграция» («Slovenská cirkevná emigrácia», S. 163–208).

Обстоятельства восшествия на папский престол первого Папы-славянина Иоанна-Павла II в общемировом контексте проанализированы в главе «От Павла VI к Иоанну-Павлу II» («Od Pavla VI. k Jánovi Pavlovi II.», S. 209–237). Портрет Папы, недавно причисленного к лику святых, выведен Э. Грабовец в традиционных для Центральной Европы апологетических сусальных тонах. Примечательно, что многие приведенные тогдашние оценки советской дипломатии относительно нового римского первосвященника оказались пророческими. Особенный интерес в этом контексте представ-

ляют следующие главы монографии — «Иоанн-Павел II и Словакия» («Ján Pavol II. a Slovensko», S. 238–282) и «Под эгидой святого Мефодия» («V znamení svätého Metoda», S. 283–301), которые посвящены энергичному и скорее успешному противостоянию Святого Престола сценариям церковной жизни, предлагавшимся чехословацкими госорганами. Как показывает автор, действенным инструментом воздействия на словаков, а также на другие славянские народы, проживавшие в соцстранах, стало новое обращение к Кирилло-Мефодиевскому культу (на 1985 год выпадало 1100-летие со дня кончины св. Мефодия).

Заключительная глава монографии, «На пути к 1989 году» («Na ceste k roku 1989», S. 302–347), посвящена периоду 1986–1989 гг., когда после прихода в СССР на пост генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева начала серьезно меняться политическая повестка дня. В апреле 1990 г., всего через полгода после Бархатной революции, Иоанн-Павел II посетил с официальным визитом Чешскую и Словацкую Федеративную Республику. Это итог непростого дипломатического пути длиной в несколько десятилетий, тонко проанализированного Э. Грабовец.

Отдельно хочется сказать о перечне источников и литературы (S. 350–383). Автор использовала материалы из 16 государственных и прочих архивов Австрии, Ватикана, Италии, Словакии и Чехии. Особый интерес, несомненно, представляют документы из архивохранилищ Римско-католической церкви, открывающих свои фонды далеко не каждому исследователю. Уникальными источниками являются интервью автора с целым рядом видных церковных и светских деятелей, в том числе с двумя кардиналами, тремя архиепископами, сенатором Джулио Андреотти и др. Также Э. Грабовец использовала ранее неопубликованные воспоминания свидетелей событий, многочисленные опубликованные источники, документы Пап и Святого Престола. Впечатляет список литературы, насчитывающий более трех с половиной сотен позиций на различных славянских, романских и германских языках. Присутствуют в нем и публикации отечественных авторов, правда, их совсем немного.

Книга Э. Грабовец снабжена и столь необходимым именованным указателем (S. 384–399), в котором насчитывается свыше 700 персоналий, а также перечнем сокращений (S. 348–349).

С одной стороны, автор, так сказать, не стесняется собственного яркого конфессионального и национального «фона», что заметно отличает ее от многих представителей словацкой академической историографии. При этом для русского читателя несколько непривычна некоторая идеализация образа Ватикана, которая имплицитно пронизывает текст монографии. С другой стороны, блестящий профессионал Э. Грабовец бесконечно далека от тех церковных историков, как правило, из числа действующих священнослужителей, которые едва различают особенности церковно-исторического и собственно теологического жанров.

Хотя монография Э. Грабовец предназначена прежде всего для словацкой аудитории (об этом говорит отсутствие в книге резюме на иностранных языках), думается, что издание ее перевода на русский язык вызвало бы неподдельный интерес у читателей, интересующихся церковной историей, на постсоветском пространстве.

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ*

Елена Семёновна Узенёва –

кандидат филологических наук, доцент,
заместитель директора,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Ленинский проспект, 32А, Москва,
Россия, 119991.
lenuzen@mail.ru

Аннотация

Рецензируется монография болгарской исследовательницы Цв. Георгиевой «Родството и роднинските названия в българския език (семантика и лексикографско представяне)». София, 2016. 213 с., в которой дан детальный анализ лексической семантики более 1200 общеупотребительных, а также диалектных и устаревших терминов родства, экскерпированных из различных словарей болгарского языка.

Ключевые слова

Терминология родства, семантика, лексикография, диалектология, болгарский язык.

KINSHIP TERMINOLOGY IN THE BULGARIAN LANGUAGE: NEW APPROACHES TO THE STUDY

Elena S. Uzeneva –

PhD, Executive Director,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
lenuzen@mail.ru

Abstract

The monograph of the Bulgarian researcher Tsv. Georgieva “The family and kinship names in the Bulgarian language (semantics and lexicography)”. Sofia, 2016. 213 s. is reviewed. A detailed analysis of the lexical semantics of more than 1200 common, as well as dialect and outdated kinship terms, extracted from various Bulgarian dictionaries, is given.

Keywords

Kinship terminology, semantics, lexicography, dialectology, Bulgarian language.

---

* Авторская работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН I.1.24 «Культурно-сложные общества: понимание и управление» (2018–2020).

В болгарской науке интерес к теме и номенклатуре родства возник давно и не утихает и в наши дни. Ей уделяли внимание как языковеды (диалектологи, лексикологи, этимологи), так и этнографы и фольклористы, которых интересовала система родственных отношений в социуме. Еще полвека назад известный болгарский диалектолог Ст. Стойков составил специальные вопросники для изучения народной терминологии родства. В последующие годы эти вопросники активно использовались при сборе материалов для Болгарского диалектного атласа. Позднее лексика, связанная с отношениями родства, собиралась в Болгарии и в рамках Лингвистического атласа Европы. Многочисленные этнографические региональные издания содержат специальные рубрики, посвященные терминологии родства, собранной в полевых экспедициях¹. В начале 80-х годов XX века на основе этого богатейшего полевого материала, а также данных из опубликованных этнографических и лингвистических трудов усилиями выдающихся болгарских ученых-диалектологов М. Младенова, Л. Радевой и Хр. Холиолчева и этнографов Ив. Георгиевой и Д. Московской был подготовлен к изданию комплексный этнодиалектный атлас «Болгарский этнографический атлас. Родственные отношения у болгар (Ч. I: Карты. Ч. II: Статьи. Комментарии. Указатели)». К сожалению, этот труд не увидел свет по ряду причин, в том числе из-за преждевременного ухода из жизни М. Младенова (1992) и Л. Радевой (1997).

Начало третьего тысячелетия в болгаристике ознаменовалось выходом нескольких книг разного научного жанра, связанных с темой родства. Для болгарской традиционной культуры характерно наличие нескольких видов родственных связей: кровное родство, родство по кумовству, родство по сватовству и родство, приобретенное в результате ритуала побратимства (*побратимство* и *посестримство*). Соответственно и терминология, обозначающая родственников, также делится на эти четыре группы. М. Иванова провела детальный анализ свойства у болгар (2003 г.)².

В 2010 г. вышла монография М. Китановой, где одна из глав посвящена исследованию всех четырех групп терминологии родства у болгар и дан подробный словарь (более 470 единиц) данной лексики, составленный по алфавитному принципу³. Коллектив болгарских этнолингвистов (П. Легур-

¹ См., напр., *Иванова М.* Традиционни родови институти и роднинска терминология // Сакар. Етнографско, фолклорно и езиково изследване. София, 2000. С. 372–392.

² *Иванова М.* Родство по сватовство у българите. Велико Търново, 2003. Несколько статей о родственных отношениях и терминологии у болгар см. в сборнике «Категория родства в языке и культуре». М., 2009. В частности, статью *Узневой Е.С.* Терминология родства в словаре болгарской свадьбы // Категория родства в языке и культуре. М., 2009. С. 129–147.

³ *Китанова М.* Етнолингвистични етюди. Велико Търново, 2010. С. 70–98. См. также рецензию на этот труд: *Узнева Е.С.* Этюды о болгарской этнолингвистике // Славянский альманах 2012. М., 2013. С. 468–474.

ска, Н. Павлова, М. Китанова) опубликовал в 2012 г. тематический словарь семейной обрядности болгар, также содержащий интересующую нас лексику⁴. И наконец, в 2018 г. увенчался успехом многолетний кропотливый труд болгарских этнолингвистов — вышел из печати фундаментальный том «Словарь народной духовной культуры болгар» (504 с.)⁵, включающий словарные статьи по родственным отношениям. Отметим, что в настоящее время в Болгарии, в Институте болгарского языка БАН, продолжается работа над очередным томом Общеславянского лингвистического атласа, посвященным терминологии родства всех славянских народов.

Особое место в ряду изданий, изучающих и систематизирующих термины родства в болгарском языке, принадлежит изданному Хр. Холиолчевым в 2012 г. энциклопедическому словарю болгарской терминологии родства⁶. Этот серьезный труд основан на материалах неопубликованного «Болгарского этнографического атласа». Автором была проведена масштабная лексикографическая обработка данных, при этом ему удалось сохранить экстралингвистическую информацию о самих отношениях родства, о функциях отдельных лиц в общей системе родства, а также о роли различных признаков (возрастных, социальных, гендерных) в иерархии и аксиологии родства. По богатству лексики, тщательности ее обработки и обилию экстралингвистической информации этот словарь не имеет аналогов в славистике.

Несмотря на обилие трудов по тематике родства в болгарском языкознании, рецензируемая нами монография болгарского ученого Ц. Георгиевой, специалиста в области лексикологии и словообразования, «Родство и терминология родства в болгарском языке (семантика и лексикографическое представление)» («Родството и роднинските названия в българския език (семантика и лексикографско представяне)»), вышедшая в 2016 году, имеет свое особое значение для болгаристики. В книге дан детальный анализ лексической семантики более 1200 общеупотребительных, а также диалектных и устаревших терминов родства, эксцерпированных из различных словарей болгарского языка.

Впервые терминология родства была подробно рассмотрена как часть концептосферы родственных отношений у болгар с точки зрения происхождения, значения и употребления в разговорной речи Е. Пернишкой в

⁴ Човешкият живот — раждане, сватба, погребение. (Тематичен речник на семейната обрядност) / П. Легурска, Н. Павлова, М. Китанова. София, 2012. Подробнее см. о нем в работе Е.С. Узеновой: Терминология обрядов жизненного цикла у болгар: рождение, свадьба, погребение // Славянский альманах 2013. М., 2014. С. 563–568.

⁵ Речник на народната духовна култура на българите / З. Барболова, М. Симеонова, М. Китанова, Н. Мутафчиева, П. Легурска. София, 2018. 504 с.

⁶ Холиолчев Х., Младенов М., Радева Л. Българска семейно-родова лексика. Енциклопедичен речник. София, 2012. 775 с. 48 карт.

томе 1 академического труда «Болгарская лексикология» (2013 г.)⁷. Однако в болгарской лексикологии, в отличие от диалектологии, этимологии и этнолингвистики, очень мало работ, посвященных глубокому семантическому анализу терминологии родства. До появления рецензируемой монографии в болгарской науке не было целостного теоретического исследования терминов родства, в котором они были бы многосторонне проанализированы как системные языковые единицы, главным образом в семантическом и лексикографическом аспекте.

Монография состоит из введения, 4 глав, заключения, библиографии (списка цитированной литературы, списка лексикографических источников и сокращений), 4 приложений и 2 указателей (терминов родства, упоминаемых в исследовании, и терминов, анализируемых в книге). Во введении дан подробный обзор научной литературы, посвященной названиям родства в болгарском языке, разных жанров и направлений: монографии, статьи, заметки, словари и пр., главным образом в области этнологии и лингвистики (диалектологии, этимологии, этнолингвистики, сравнительно-типологического славянского языкознания).

Основным объектом исследования в книге являются односоставные лексемы, с помощью которых обозначаются родственники в болгарском языке. Внимание автора направлено на общеупотребительную лексику, хотя иногда упоминаются и диалектные слова, и архаизмы с целью дать исчерпывающий анализ различных видов родства, а также для уточнения структуры в системе «родственных» обозначений. В книге не рассматриваются диминутивы и аугментативы, а также двусоставные номинационные единицы типа *първи братовчед* 'двоюродный брат', *втора братовчедка* 'троюродная сестра', *доведен син* 'пасынок', *заверена дъщеря* 'падчерица' и под. Автор различает собственно термины родства (мать, отец, сын, дочь, бабушка, дедушка) и «неистинные», вторичные — субстантивированные прилагательные типа *старите* 'старика', *младите* 'молодежь, молодые', а также субстантивированные местоимения (*нашите*, *вашите*) и некоторые имена существительные, например *жена* 'женщина'. Ц. Георгиева отмечает, что анализируемая ею микросистема впечатляет богатством языковых единиц, с помощью которых в болгарском языке проводится разграничение между кровными родственниками (по материнской и отцовской линии) и некровными родными.

В рецензируемой монографии предметом исследования становится лексико-семантическое поле «родственники», включая и реализующиеся в нем системные связи, т.е. отношения оппозиции, полисемии, синонимии и т.д. Целенаправленный анализ словарных статей в толковых словарях показал,

⁷ Пернишка Е. Лексикална семантика. Структурно-семантични особености на българската лексика // Крумова-Цветкова Л., Благоева Д., Колковска С., Пернишка Ем., Божилова М. Българска лексикология. Т. 1. Българска лексикология и фразеология / Научни редактори: Е. Пернишка, Крумова-Цветкова Л. София, 2-13. С. 395-581.

что термины родства имеют свои особенности, которые обнаруживаются в их дефинициях и в иерархии значений многозначных слов, а также в иллюстративном материале. Все это вызвало необходимость более глубокого теоретического анализа лексического материала и выработки его объективного лексикографического представления.

Ц. Георгиева поставила перед собой следующие цели: описать особенности болгарской терминологии родства; классифицировать собранную терминологию по различным критериям; описать семантическую структуру названий родственников, используя метод компонентного анализа; предложить лексикографические типы при выработке дефиниций семем терминов родства; представить модели лексикографического описания и словарь терминов, с помощью которых называются конкретные референты в болгарской системе родства.

Подбор языкового материала был ограничен и соотнесен с целями исследования при сохранении обязательного условия: языковая единица должна называть лицо, которое состоит в родственных отношениях с другим лицом. В анализируемый материал не вошли те лексемы, у которых дополнительные признаки типа «время рождения», «специфические (физические, поведенческие) качества» являются доминирующими и накладываются на основное бинарное отношение (*изтърсак* ‘последний ребенок’, *близнак* ‘близнец’, *къщовница* ‘хозяйка дома’ и др.). За основу были взяты академические толковые словари болгарского языка, однако наиболее многочисленные данные были excerpiрованы из энциклопедического словаря Х. Холиолчева «Болгарская семейно-родовая лексика».

В Первой главе представлены теоретические положения, общие теоретические вопросы, связанные с терминологией родства, методология исследования, а также терминологический аппарат. Вторая глава посвящена анализу системы родства у болгар и обозначениям родственников в языке. Третья глава предлагает классификацию названий различных отношений родства. Терминология родства рассматривается в качестве лексических единиц в системе болгарского языка и в болгарской системе названий родства, как объект описания в толковых словарях общего типа. Четвертая глава посвящена семантической характеристике терминов родства, как первичных, так и вторичных, и их лексикографическому представлению в словарях.

Приложение № 1 «Семантический словарь элементарных и неэлементарных терминов родства, обозначающих конкретных лиц» состоит из 8 таблиц, представляющих соответствующие термины для взрослых лиц и детей мужского, женского пола, а также для пары лиц. Приложение № 2 «Примеры словарных статей для собственно терминов родства и вторичных обозначений»; Приложение № 3 содержит примерный словарь односоставных терминов родства для лиц, находящихся в кровном родстве; Приложение № 4 дает примерный словарь односоставных терминов родства для лиц, находящихся в некровном родстве.

Ц. Георгиева констатирует, что в основе проведенного семантического анализа названий родственников в болгарском языке как на уровне системы языка, так и на уровне текста, лежит разграничение между двумя различными по типу системами: системой родства и системой терминологии родства. Анализ собственно системы родства выявил тот факт, что она может быть представлена как четко структурированная общественная единица, состоящая из двух основных видов родства — кровного и некровного, у каждого из которых есть свои подвиды. Кровное родство может быть родством по прямой линии (восходящим и нисходящим) и родством по боковой линии. Некровное родство также состоит из двух видов: свойства (включая и усыновление) и ритуального родства (кумовство, крёстные, побратимство, молочное родство и родство, появляющееся в результате помолвки — *годяване*). Каждый член семейно-родовой общности имеет свое определенное место в этой системе, от чего зависит и его отношение к остальным членам, и его собственное обозначение с помощью языкового знака — термина родства.

Лексико-семантическое поле ‘родственники’ находится в непосредственной связи с системой родства и также состоит из двух микрополей: ‘кровные родственники’ и ‘некровные родственники’, каждое из которых в свою очередь наполнено соответствующими терминами родства. В общем лексико-семантическое поле ‘родственники’ входят как собственно термины родства, имеющие квалифицирующую функцию (это имена существительные, общеупотребительные (кодифицированные) и диалектные, устаревшие, жаргонные, разговорные и звукоподражательные слова), так и не собственно термины, имеющие «указывающую» функцию (субстантивированные прилагательные, производные от собственно терминов родства, субстантивированные притяжательные местоимения, равно как и некоторые лексемы, не являющиеся терминами родства).

Будучи частью языковой системы, рассмотренные лексические единицы показывают, что они могут быть охарактеризованы с различных точек зрения: с точки зрения их употребления (обще/необщеупотребительные), происхождения (исконные или заимствованные, даже только с заимствованными компонентами), частотности (устаревшие, общепринятые и новые единицы), словообразовательной структуры (непроизводные и производные, причем последние иногда являются результатом интересного деривационного процесса, при котором от лексемы женского рода образуется лексема мужского) и, наконец, специфики субстантивной односоставной единицы (собственно и несобственно термины). Часть терминов родства обозначают одного референта (определенного и неопределенного), другие — множество референтов, причем это множество может быть определенным (у имен *dualia tantum*), или неопределенным (у имен *pluralia tantum*) и у языковых единиц, а также у семем, с собирательным значением). Было выявлено, что некоторые термины родства, главным об-

разом диалектные, имеют только вокативные формы, а у других таковые отсутствуют.

В результате проведенного анализа представления терминологии родства в словарях болгарского языка Ц. Георгиева приходит к выводу о том, что для того, чтобы создать полный и точный «портрет» слова в современном лексикографическом труде и подготовить словник языковых единиц определенного лексико-семантического поля, необходимо опираться не на формальный принцип, а на ономазиологический.

Автор рецензируемой книги также констатирует, что, несмотря на закрытость системы терминов родства в болгарском языке, наблюдается тенденция к ее сужению и упрощению, это выражается в замещении терминов родства (преимущественно в функции обращения) личными именами, благодаря чему стираются родственные отношения между людьми, особенно по возрасту и другим признакам. Более устойчивыми к воздействию общественно-экономических перемен остаются названия лиц, состоящих в кровном родстве.

Предложенная в монографии концепция разработана для болгарского языка, но она может быть успешно использована и для других языков сходного типа. Книга будет полезна не только лингвистам, специалистам по лексикологии и лексикографии, диалектологии, словообразованию и семантике, но и более широкому кругу читателей, интересующихся культурой болгарского народа. Уверена, она займет свое достойное место в ряду монографических исследований терминологии родства.

Литература

1. *Георгиева Ц.* Родството и роднинските названия в българския език (семантика и лексикографско представяне). София, 2016. 213 с.
2. *Иванова М.* Традиционни родови институти и роднинска терминология // Сакар. Етнографско, фолклорно и езиково изследване. София, 2000. С. 372–392.
3. *Иванова М.* Родство по сватовство у българите. Велико Търново, 2003.
4. Категория родства в языке и культуре / Редколлегия: С.М. Толстая (отв. ред.), Т.А. Агапкина, Е.С. Узенёва. М., 2009.
5. *Китанова М.* Етнолингвистични етюди. Велико Търново, 2010.
6. *Пернишка Е.* Лексикална семантика. Структурно-семантични особености на българската лексика // *Крумова-Цветкова Л., Благоева Д., Колковска С., Пернишка Ем., Божилова М.* Българска лексикология. Т. 1. Българска лексикология и фразеология / Научни редактори: Е. Пернишка, Л. Крумова-Цветкова. София, 2013. С. 395–581.
7. Речник на народната духовна култура на българите / З. Барболова, М. Симеонова, М. Китанова, Н. Мутафчиева, П. Легурска. София, 2018.
8. *Узенёва Е.С.* Терминология родства в словаре болгарской свадьбы // Категория родства в языке и культуре / Редколлегия: С.М. Толстая (отв. ред.), Т.А. Агапкина, Е.С. Узенева. М., 2009. С. 129–147.

9. Узенёва Е.С. Этюды о болгарской этнолингвистике // Славянский альманах 2012. М., 2013. С. 468–474.
10. Узенёва Е.С. Терминология обрядов жизненного цикла у болгар: рождение, свадьба, погребение // Славянский альманах 2013. М., 2014. С. 563–568.
11. Човешкият живот — раждане, сватба, погребение. (Тематичен речник на семейната обредност) / П. Легурска, Н. Павлова, М. Китанова. София, 2012.
12. Холиолчев Х., Младенов М., Радева Л. Българска семейно-родова лексика. Енциклопедичен речник. София, 2012. 775 с. 48 карт.

References

1. Georgieva, T., 2016. *Rodstvo i rodninskite nazvaniya v balgarskiya ezik (semantika i leksikografsko predstaviane)*. Sofiya: AVANGARD PRIMA.
2. Ivanova, M., 2000. Traditsionni rodovi instituti i rodninska terminologiya // *Sakar. Etnografsko, folklorno i ezikovo izsledvane*. Sofiya, pp. 372–392.
3. Ivanova, M. *Rodstvo po svatovstvo u balgarite*. Veliko Tarnovo: UI “Sv.sv. Kiril i Metodi”.
4. Tolstaia, S.M., Agapkina, T.A., Uzeneva, E.S., ed. 2009. *Kategoriia rodstva v iazyke i kul'ture*. Moscow: Indrik.
5. Kitanova, M., 2010. *Etnolingvistichni etyudi*. Veliko Tarnovo: Znak'94.
6. Pernishka, E., 2013. Leksikalna semantika. Strukturno-semantichni osobenosti na balgarskata leksika. In: Krumova-Tsvetkova L., Blagoeva D., Kolkovska S., Pernishka Em., Bozhilova M., ed. *Balgarska leksikologiya. T. 1. Balgarska leksikologiya i frazeologiya / Nauchni redaktori: E. Pernishka, L. Krumova-Tsvetkova*. Sofiya: AI “Prof. Marin Drinov”, pp. 395–581.
7. Barbolova, Z., Simeonova, M., Kitanova, M., Mutafchieva, N., Legurska, P., 2018. *Rechnik na narodnata duhovna kultura na balgarite*. Sofiya: Nauka i Izkustvo.
8. Uzeneva, E.S., 2009. Terminologija rodstva v slovare bolgarskoj svad'by. In: *Kategoriia rodstva v iazyke i kul'ture / Redkollegiia: S.M. Tolstaia (otv. red.), T.A. Agapkina, E.S. Uzeneva*. Moscow: Indrik, pp. 129–147.
9. Uzeneva, E.S., 2013. Ètiudy o bolgarskoj ètnolingvistike. *Slavianskii al'manah 2012*. Moscow: Indrik, pp. 468–474.
10. Uzeneva, E.S., 2014. Terminologija obriadov žiznennogo cikla u bolgar: roždenie, svad'ba, pogrebenie. *Slavianskii al'manah 2013*. Moscow: Indrik, pp. 563–568.
11. Legurska, P., Pavlova, N., Kitanova, M., 2012. *Choveshkiyat zhivot — razhdane, svatba, pogrebenie. (Tematichen rechnik na semeynata obrednost)*. Sofiya: AI “Prof. Marin Drinov”.
12. Holiolchev, H., Mladenov, M., Radeva, L., 2012. *Balgarska semeyno-rodova leksika. Entsiklopedichen rechnik*. Sofiya: “Iztok-Zapad”. 775 p. 48 kart.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТОЛЕТИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В СЕРБИИ: ИТОГИ И СУДЬБЫ»

Евгений Андреевич Колосков –

кандидат исторических наук, доцент,
факультет международных отношений,
Санкт-Петербургский государственный
университет.
Ул. Смольного, 1/3, подъезд № 8,
Санкт-Петербург, 191060.
e.koloskov@spbu.ru

Аннотация

В статье представлено описание прошедшей 27 июня 2018 г. в Санкт-Петербурге международной научной конференции «100-летие русской эмиграции в Сербии: итоги и судьбы».

Ключевые слова

Сербия, Россия, эмиграция, Видовдан, российско-сербские отношения, Ленинградская область, Санкт-Петербург, конференция, хроника.

INTERNATIONAL CONFERENCE “100 YEARS OF RUSSIAN EMIGRATION IN SERBIA: RESULTS AND FATES”

Evgenii A. Koloskov –

Ph.D., Associate Professor,
School of International Relations,
Saint Petersburg State University.
Smolny Street, Entrance VIII,
Saint Petersburg, 191060.
e.koloskov@spbu.ru

Abstract

The article is devoted to the description of the international conference “100 years of Russian Emigration in Serbia: Results and Fates” held on June 27, 2018 in St. Petersburg.

Keywords

Serbia, Russia, emigration, Vidovdan, Russian-Serbian relations, Leningrad region, St. Petersburg, conference, chronicle.

27 июня 2018 г. в Санкт-Петербурге прошла международная научная конференция «100-летие русской эмиграции в Сербии: итоги и судьбы». Мероприятие прошло в ГБУК ЛО «Музейное агентство», его организаторами выступили комитет по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области и Гатчинская епархия РПЦ. Конференция проводилась в рамках Дней сербской культуры в Ленинградской области и была организационно связана с праздником «Видовдан», проходившим на следующий день в неформальной столице области городе Кингисеппе. Функции модераторов и, фактически, оргкомитета конференции с российской стороны взяли на себя Д. Дракулич-Прийма, к. филол.н., научный сотрудник Библиотеки Академии наук, и И.В. Гучкова, к. филол.н., ассистент кафедры славянской филологии СПбГУ.

Необходимо отметить, что это второе подобное российско-сербское мероприятие, проходящее в Санкт-Петербурге и области. Годом ранее, 26–27 июня 2017 г., была проведена международная научно-практическая конференция «Вместе сквозь века: К истории русско-сербских культурных, духовных и политических связей». Тогда конференция прошла одновременно в Санкт-Петербурге и Гатчине и также сопровождалась весьма внушительной культурной программой для участников.

В этом году мероприятие началось с осмотра фотовыставки Архива Сербской Православной Церкви и выступления ансамблей «Даница», «Ефимия», «Огрлица од бисера». С приветственным словом к участникам и гостям конференции обратился вице-губернатор Ленинградской области С.Н. Перминов, который, отметив особую близость российско-сербских отношений («Отношения русского и сербского народов всегда были самыми теплыми и дружелюбными, и цель конференции — развить это направление, передать накопленный опыт наших предшественников тем, кто придет после нас»¹), также зачитал приветственное слово губернатора области А.Ю. Дрозденко. Затем с приветственным словом выступили: иерей Тимофей (Смирнов), зачитавший приветственное слово епископа Гатчинского и Лужского Митрофана (Осяка); епископ Сербской Православной Церкви (Буэнос-Айреский и Южно-Центральноамериканский) Кирилл (Бойович); заместитель председателя Законодательного собрания Ленинградской области Д.В. Пуляевский. Все выступления неизменно сопровождались положительными оценками российско-сербских отношений, роли русской эмиграции в межвоенном развитии королевской Югославии и весьма любопытными сюжетами истории двух стран.

¹ Изучая историю русской эмиграции в Сербии / Официальный сайт Администрации Ленинградской области. URL: <http://www.lenobl.ru/news25782.html> (дата обращения: 10.10.2018).

Честь открыть конференцию была предоставлена директору Архива Сербской Православной Церкви (Белград, Сербия) д.и.н. Р. Пилиповичу, координатору мероприятия с сербской стороны, который выступил с докладом «Встреча Сербской православной церкви и русской эмиграции в период между двумя мировыми войнами». Молодой директор открытого в 2012 г. Архива СПЦ, в 2017 г. защитивший докторскую диссертацию по теме «Сербская Православная Церковь, Русская Православная Церковь, Московский Патриархат: взаимоотношения, влияния и отношения (1920–1940)» на кафедре общей истории Философского факультета Белградского университета², поприветствовав участников на русском языке, выступил с докладом, основанным на тезисах своего исследования, проведенного на основании обширных, не введенных ранее в научный оборот материалах Архива СПЦ.

Продолжил конференцию доклад И.Ф. Прийма «Русско-сербское сотрудничество в создании Чехословацкой Церкви», который вызвал оживленную дискуссию об отдельных персоналиях в процессе формирования православной церкви Чешских земель и Словакии, а также о роли Московского патриархата в этом процессе. Доклад А. Вуйовича, магистра богословских наук, представляющего Сербскую православную семинарию св. Петра Цетиньского (Цетинье, Черногория), «Русская эмиграция в Черногории (1920–1940)» был посвящен ее влиянию на развитие черногорских земель в составе королевской Югославии. Доклад выпускницы магистратуры факультета международных отношений СПбГУ Е.П. Катковой, младшего научного сотрудника ФГБУ «Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи» Министерства обороны Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), «Организация военно-патриотического воспитания русской эмигрантской молодежи в Королевстве СХС и Югославии» был в основном посвящен формированию и развитию скаутских и аналогичных военизированных организаций. Доклад Д. Марьяновича, д.и.н., научного сотрудника Белградского государственного университета, «Вклад русской эмиграции в развитие сербской византологии в период между двумя мировыми войнами» познакомил участников и гостей конференции с вкладом ученых русского Зарубежья в развитие соответствующей дисциплины в королевской Югославии. Выступление Й. Пеин, представляющего Архив СПЦ (Белград, Сербия), «Об архивном наследии русской эмиграции в Сербии» был посвящен характеристике имеющихся фондов русской эмиграции недавно открытого архива. Доклад Б. Бранковича, д.и.н., доцента Университета Баня-Луки, «Русский эмигрант Григорий Спиридонович Петров и сербское культурно-просветительское общество

² Директор Архива Српске Православне Цркве г. Радован Пилиповић одбранио докторску дисертацију // Српска Православна Црква. URL: http://www.spc.rs/sr/direktor_arhiva_srpskepravoslavnecrkve_g_radovan_pilipovitsh_odbranio_doktorsku_disertaciju (дата обращения: 10.10.2018)

“Просвета”» открыл весьма представительный блок выступлений, посвященных персоналиям русской эмиграции. После перерыва его продолжили Л.В. Кузьмичева, к.и.н., доцент МГУ им. М.В. Ломоносова, выступившая с докладом «Сергей Николаевич Смирнов — организатор помощи русским эмигрантам в Югославии со стороны королевской семьи Карагеоргиевичей в 1919–1941 гг.», и Д. Дракулич-Прийма, к.филол.н., научный сотрудник Библиотеки Академии наук (Санкт-Петербург, Россия), выступившая с докладом «Н.П. Краснов и Сербия».

Также после перерыва выступили: с докладом «Русская диаспора во внешней политике России: опыт Западных Балкан 2008–2014 гг.» Е.А. Колосков, к.и.н., старший преподаватель СПбГУ; второй модератор конференции И.В. Гучкова с докладом «Журнал “Русский Архив” (1928–1937): сербское окно в Россию» и А.С. Аникеев, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия) с докладом «Русские художники-эмигранты в Югославии в 20–30-е годы XX века», сопровождаемым яркой и интересной презентацией. Отдельно стоит отметить выступление не включенного в программу конференции монаха Вениамина (А.В. Семенова), представителя прихода храма Всех святых в земле Санкт-Петербургской просиявших г. Кингисеппа. Археолог по образованию и идейный вдохновитель российско-сербских конференций, он выступил с кратким сообщением, сопровождаемым подробным фотоотчетом, о своих поисках захоронений ямбургских помещиков в Сербии.

Для участников были организованы обзорная экскурсия по Санкт-Петербургу и, на следующий день, поездка в Кингисепп, где участники смогли посетить праздничную божественную литургию на территории храма Всех святых в земле Санкт-Петербургской просиявших г. Кингисеппа, чин закладки храма св. Лазаря Косовского с приделом в честь св. царя-страстотерпца Николая Романова и концерт с участием сербских фольклорных коллективов.

По итогам конференции было отмечено появление молодых участников, выражено сожаление по поводу отсутствия шести из заявленных участников, в основном представляющих Белградский университет, и высказана надежда на продолжение традиции организации российско-сербских конференций в канун дня св. Вита. Представители администрации Ленинградской области пообещали свою поддержку.

Также необходимо отметить, что конференция стала весьма посещаемым событием (общее число зрителей — 40–50 человек), что является весьма редким случаем для однодневных научных конференций.

**ДЕВЯТЫЕ АРКАИМСКИЕ ЧТЕНИЯ
«ГОРИЗОНТЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ. ВОДА В ИСТОРИИ
И СОВРЕМЕННОСТИ: РЕСУРС, ОБРАЗ, СИМВОЛ»***

**Екатерина Николаевна
Струганова –**

младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук.
Ленинский пр., 32А, Москва,
Россия, 119991.
lu4.solnza@gmail.com

Аннотация

Данная статья освещает проведение Девятого Аркаимского чтения «Горизонты цивилизации. Вода в истории и современности: ресурс, образ, символ», которые состоялись в Аркаиме, в Музее Природы и Человека.

Ключевые слова

Девятое аркаимское чтение, стихия воды, Аркаим, экология, ценности.

**THE NINTH ARKAIM SYMPOSIUM
“THE HORIZONS OF CIVILIZATION. WATER IN HISTORY
AND MODERNITY: RESOURCE, IMAGE, SYMBOL”**

Ekaterina N. Struganova –

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
lu4.solnza@gmail.com

Abstract

This article presents a review of the Ninth Arkaim Conference “The horizons of civilization. Water in history and modernity: resource, image, symbol”, which took place in Arkaim, in the Nature and Human Museum.

Keywords

The Ninth Arkaim symposium, element of water, Arkaim, ecology values.

---

* Участие в конференции, подготовка публикации и доклада, а также данная хроника финансировались из гранта РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUSCall 2018 (проект #472-LED-SW).

22–25 мая 2018 г. прошли Девятые аркаимские чтения «Горизонты цивилизации», посвященные теме «Вода в истории и современности: ресурс, образ, символ». Их организаторами выступили различные научно-исследовательские, учебные и медиа-центры; председатель оргкомитета — М.В. Загидуллина. На конференции обсуждались вопросы, находящиеся в ведении различных наук: экологические, культурные, аксиологические, лингвистические, археологические. Вода, как культурный символ и как жизненно важная для человека субстанция, получила освещение с перечисленных выше ракурсов. Данное научное мероприятие стало началом целого цикла конференций в Аркаиме, которые будут посвящены первоэлементам.

Стоит сказать несколько слов о месте проведения чтений. Аркаим находится на Южном Урале, недалеко от деревни Александровка, где при строительстве водохранилища был найден древний город круглой формы. Строительство водохранилища на реке Большая Караганка было приостановлено. Территория города (XX–XVII вв. до н.э.) сейчас почти полностью скрыта под землей в целях его сохранения. В городе были обнаружены колодцы, система канализации, керамика, остатки колесниц и другие объекты. находка представляет собой исключительную ценность и входит в ряд подобных ей городов или (прото)городов на Южном Урале и в Монголии. В наши дни здесь создан музей, проводятся конференции. Это место считается как «важная энергетическая точка», сюда съезжаются люди, исповедующие разные религии и занимающиеся духовными практиками.

Конференция была разделена на три пленарных заседания. Все они, как уже было сказано, были объединены темой воды, ее местом в истории и культуре человечества. Организаторы выделили два главных направления работы конференции — гуманитарное (теоретическое) и экологическое (практическое). Первая секция — историко-филологическая — включила в себя доклады о поэзии, современных ритуальных практиках, о воде в культурах ханты и манси, в древнегреческой мифологии, японской культуре и в Ригведе. Каждый доклад сопровождался вопросами и оживленной дискуссией.

В докладе М.В. Загидуллиной (Челябинск, Челябинский государственный университет) сравнивались эпитеты, используемые со словом «вода» в поэзии А.С. Пушкина и в «Антологии русской поэзии» 2016 г., где были опубликованы произведения 109 анонимных авторов (что дает выборку языка определенного среза). Оказалось, что эпитеты в данном сборнике разнообразнее, хотя во время дискуссии и было отмечено, что было бы интересно сделать выборку ряда авторов, например, 1816 г. — для чистоты эксперимента.

С.М. Шакиров (Челябинск, Челябинский государственный университет) сделал доклад о мотиве водной глади как цивилизационном коде русской поэзии. Водная гладь, по М.Н. Эпштейну, является частью русского нацио-

нального пейзажа. В докладе исключительно интересно анализировалось стихотворение А.А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека»: первая строфа представляет собой жизнь, а вторая — смерть, где смерть — это опрокинутое через «ледяную рябь канала» отражение жизни.

Т.В. Волдина (Ханты-Мансийск, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок) и В.К. Ледков (Ханты-Мансийск, Театр обско-угорских народов «Солнце») рассказали о мифологических представлениях о воде в культуре казымских хантов. Так, в культуре хантов почитаются духи воды: отец *Jiŋk-Wərt* и его дочь *Jiŋk-Wərt Evi*, которая прошла три испытания и стала править вместе с отцом. Также у хантов существуют представления об огненной воде, которая является первостихией, давшей жизнь всему.

С.А. Попова (Ханты-Мансийск, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок) продолжила тему с докладом о воде в ритуалах северных манси, где тоже существует поверье о дочери водного царя Вит хон аги, которой приносят в жертву животных, так как она считается более кровожадной, чем ее отец. У манси весьма распространены представления о разнообразных духах водоемов, которые выступают в женской ипостаси; в обращении к водным мифологическим персонажам используют слово «бабушка».

Т.В. Кудрявцева (Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена) рассказала о воде в древнегреческой мифологии. В ее докладе была упомянута исключительно интересная практика проклятий, запечатленных на свинцовых табличках, большая часть которых касается судебных тяжб. Сами таблички бросали в колодцы (и были найдены в колодцах). Предположительно логика использования табличек таким образом заключается в метафорическом переносе качества воды *холодная* на закрепление, заморозку самого проклятия.

М.Г. Смирнов (Челябинск, Челябинский государственный университет) сделал доклад о воде в восточной философской традиции, опираясь преимущественно на материалы Ригведы. Докладчик вывел пять состояний воды, упомянутых в текстах: вода как «небесные воды», олицетворяющие переход потенциального в реальное; водоемы; вода как влага, являющаяся носителем сомы (божественного напитка); вода в общепринятом смысле и персонифицированная вода (например, реки Шатадру, Випаша, Сарасвати, Инд и др.).

В этой же секции выступила Е.Н. Струганова (Москва, Институт славяноведения РАН) с докладом «Болгарское благопожелание *да ти върви (като) по вода* и аксиология воды в болгарской культуре». Автор рассказала о реализации витальных ценностей с помощью магической практики поливания водой вслед уходящему или перед ним, сопровождающейся упомянутым в названии доклада благопожеланием.

Второе пленарное заседание было полностью посвящено формированию образа воды в медиапространстве. Так, Э.В. Булатова (Екатеринбург,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина) выступила с докладом «Концепт “вода” в современной медиакоммуникации», в котором проанализировала специфику концепта на примере изданий «Эксперт» и «Русский репортер». Свой метод автор называет «когнитивно-дискурсивный анализ», в ходе которого выявляются позитивные и негативные признаки концепта. Все они касаются трех больших тематических групп: стихийные бедствия, водопользование, традиции.

В докладе В.В. Антроповой (Челябинск, Челябинский государственный университет) «Вербализация концепта “вода” в рекламном дискурсе» было проанализировано содержание понятия, исходя из его суггестивной способности: как рекламные тексты и изображения достигают своего эффекта? Автор выявляет ядерную зону значения — «бесцветная, прозрачная жидкость» — и периферийную зону, для формирования которой задействован метафорический перенос. Все эти данные объясняют специфику рекламы воды.

В докладе А.И. Агапова (Челябинск, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет) и К.В. Киуру (Челябинск, Челябинский государственный университет) «От природных свойств воды к формированию образа luxury — продукта: рекламные практики как инструмент символизации» анализировались ролики дорогих брендов бутилированной воды и способы данных брендов обращаться к заложенным в языке ценностям: вода — молодость, вода — золото и т.д.

В докладе А.А. Селютина (Челябинск, Челябинский государственный университет) «Образ воды в гейм-журналистской практике (на примере обзоров “World of Warcraft”)» прослеживается путь репрезентации воды от «пиксельных», то есть весьма условных картинок, к полноценному ресурсу создания атмосферы игры. Наибольший интерес у аудитории вызвала иерархия стихий в играх и фильмах, использующих магические миры: в каких-то вселенных магия воды считается самой слабой, почему? Докладчик объяснил, что для игр такая иерархия уже уходит в прошлое и что победа игрока достигается знанием приемов, которые позволяют противодействовать любому виду магии (в том числе огонь-вода).

Третье пленарное заседание было посвящено археологии и экологии.

О.Ю. Цитцер (Минприроды России, Центр «Эко-Согласие») представила доклад «Состояние и перспективы использования водных ресурсов планеты: результаты 8-го “Всемирного водного форума”», Бразилия-2018, и сообщила для широкой публики информацию о том, как на международном уровне обсуждаются вопросы водосбережения. Одной из интересных секций на форуме была межконфессиональная, где представители разных религий и конфессий выработали совместную декларацию, касающуюся водных ресурсов.

Д.С. Бугаев (Варшава, Варшавский университет) в докладе «Археологическое исследование искусственных источников воды пшеворской культуры» рассказал о раскопках на территории Польши, в зоне строительства

трассы А2, и о колодцах, найденных в границах поселений пшеворской культуры на данной территории. Докладчик очертил круг использования колодцев в пшеворской культуре и обозначил их типизацию, исходя из цели применения: колодцы для гончарных работ, для металлургических работ; отдельно — цистерны для промывки льна и шерсти, цистерны для промывки зерна, основания для мельниц.

Заключительным стал доклад Г.Б. Здановича, зам. директора по научной работе заповедника, — «Аркаим: водоснабжение и водопользование». В нем была представлена не только сложнейшая система водоснабжения Аркаима в прошлом, но и поставлены вопросы: что такое цивилизация и можно ли считать техническое совершенство, которое демонстрирует (прото) город Аркаим, признаком цивилизации?

По итогам работы конференции издан сборник, где можно прочитать статьи докладчиков и многие другие работы, так как было предусмотрено и заочное участие.

Девяты аркаимские чтения не только смогли осветить проблематику воды в человеческой цивилизации, но и поставить вопрос о ее роли в построении последней. Современные экологические проблемы, несомненно, выводят и на совершенно иной уровень обобщения: уничтожение воды ощущается как уничтожение культуры и жизни в целом. Актуализация представлений о воде как о ценности приведет к более сознательному водопользованию и бережному отношению к данному ресурсу.

Литература

1. Горизонты цивилизации. Материалы Девяты аркаимских чтений 22–25 мая 2018 года / ред. Загидулина М.В. Аркаим; Челябинск, 2018.
2. Иванов Вяч.Вс. Двадцать лет спустя о доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из Древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации. Сб. статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди / ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М.: Старый сад, 2004.

References

1. Zagidulina, M.V., 2008. *Gorizonty tsivilizatsii. Materialy Devyatykh arkaimskikh chtenij 22–25 maya 2018 goda* [Horizons of civilization. Ninth Arkaim Conference Proceedings, 22–25, May 2018]. Arkaim; Chelyabinsk.
2. Ivanov, Vyach.Vs., 2004. *Dvadsat' let spustya o dovodakh v pol'zu rasseleniya nositelej indoevropskikh dialektov iz Drevnego Blizhnego Vostoka* [Twenty years later. Arguments in favour of the resettlement of speakers of Indo-European dialects from the Ancient Middle East]. In: Kosarev, M.F., Kozhin, P.M., Dubova, N.A., eds. 2004. *U istokov tsivilizatsii. Sb. statej k 75-letiyu Viktora Ivanovicha Sarianidi* [Origins of civilization. Dedicated to the 75th anniversary of Viktor Ivanovich Sarianidi]. Moscow, p. 59.

ЮБИЛЕЙ ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРЫ БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Игорь Иванович Калиганов –

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук,
Ленинский проспект, 32А, Москва,
Россия, 119991.
kalganov2009@mail.ru

Аннотация

В мае 2018 г. в Болгарии отмечался 70-летний юбилей Института литературы Болгарской академии наук. Его чествование сопровождалось торжественным заседанием и двухдневной Международной научной конференцией литературоведов. В заметке упоминается об истории создания данного академического подразделения, пройденных им этапах развития, многочисленных научных достижениях, отмечаются его высокий рейтинг в научном мире и авторитет, которым он пользуется в общественных и властных структурах Болгарии. В заключении звучит пожелание болгаристов Института славяноведения РАН дальнейших научных успехов своим болгарским коллегам из Института литературы БАН.

Ключевые слова

Институт литературы Болгарской академии наук, юбилей, научные достижения.

SEVENTIETH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF LITERATURE OF THE BULGARIAN ACADEMY OF SCIENCES

Igor I. Kaliganov –

Doctor of Sciences, Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
kalganov2009@mail.ru

Abstract

In May 2018, Bulgaria celebrated the seventieth anniversary of the Institute of Literature of the Bulgarian Academy of Sciences. A festive meeting and a two-day International Scholarly Conference of Literary Critics accompanied the celebration. The author recalls the history of the creation of this academic institution, the development stages the institute has passed, its numerous academic achievements, high rating in the scholarly world and the respect it enjoys among Bulgarian public and governmental institutions. In conclusion, on behalf of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences the author wishes further success to the Bulgarian colleagues.

Keywords

Institute of Literature of the Bulgarian Academy of Sciences, anniversary, scholarly achievements.

9–10 мая 2018 г. Институт литературы (ИЛ) БАН отметил 70-летие своего существования. Возникнув как небольшой научный центр по изучению русской и советской литературы при БАН, он начал стремительно расширять сферу своих литературоведческих исследований и совершенствовать свою организационную структуру. К русской и советской литературе быстро прибавилась литература отечественная, а затем и литературы других стран и народов. В Болгарии он фактически выполняет функции двух российских академических институтов: Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в Санкт-Петербурге и Института мировой литературы РАН в Москве. У истоков создания ИЛ БАН стояли такие замечательные академики и писатели, как Элин Пелин, Николай Райнов, Людмил Стоянов и Николай Лилиев, в нем трудились видные ученые, академики и членкоры: Георгий Цанев, Петр Динеков, Эфрем Карамфилов и Тончо Жечев. Работу Института отличают ширина и глубина подхода в решении научных проблем и успешная разработка таких важных научных направлений, как история и теория болгарской литературы, сравнительное литературоведение, рецепция европейских зарубежных литератур в болгарской национальной литературе и критике, библиография и пр.

За истекший период благодаря деятельности ученых Института были созданы фундаментальные научные труды, которые по праву считаются ярчайшими достижениями мировой славистики: «Кирилло-Мефодиевская энциклопедия» в четырех томах, подготовлена «Энциклопедия болгарского Возрождения», вышли «История болгарской литературы» в трех томах, одностомная «История средневековой болгарской литературы», многотомная «История переводной рецепции европейских литератур в Болгарии» и др. Новаторским явилось и использование в Институте современных компьютерных технологий применительно к литературоведению — направление, результаты которого отражаются в институтском журнале «Scripta & scripta».

О том, каким научным авторитетом в Болгарии и за рубежом пользуется данное академическое учреждение, свидетельствуют многочисленные факты. Так, во время международного аудита Болгарской АН, проводившегося с привлечением комиссии ЕС (несколько лет назад в Болгарии имел место «натиск» правительства на БАН с целью ее ликвидации), ИЛ получил наибольшее количество баллов среди болгарских гуманитарных академических институтов. Его научная деятельность стала одним из оснований для вывода комиссии о том, что БАН может служить для Болгарии предметом гордости. Научный и общественный авторитет ИЛ БАН в стране подтвердил и высокий статус торжественных мероприятий, проводившихся в Софии по случаю его юбилея. Институт получил поздравления не только от председателя БАН академика Юлиана Ревалского, но и от президента Болгарии Румена Радева; поздравительные адреса прислали также многочисленные отечественные и зарубежные университеты и институты.

За официальными торжествами последовала двухдневная научная конференция, проходившая в трех залах заседаний Столичной библиотеки. В ней приняли участие свыше 70 исследователей, причем не только из Болгарии, но и Бельгии, Германии, Литвы, Польши, России и Украины. Тематика конференции и ее секции были непосредственно связаны с направлением деятельности ИЛ БАН: «Источники и их интерпретация», «Литературная история и герменевтика», «Литературная история: модернизм и анти(канон)», «Теория литературы как мультидисциплинарность», «Межкультурные диалоги» и др. Конференция протекала в атмосфере оживленных дискуссий ученых; о внимании к ней свидетельствовало присутствие в залах, помимо докладчиков, заинтересованной научной аудитории.

В заключение от имени болгаристов Института славяноведения РАН хочется еще раз поздравить своих болгарских коллег из ИЛ БАН с юбилеем и пожелать им здоровья и дальнейшей плодотворной деятельности.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КАТЕГОРИИ “ВОЛЯ” И “ПРИНУЖДЕНИЕ”
В СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРАХ»**

**Александра Николаевна
Красовец –**

кандидат филологических наук,
научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук,
Ленинский проспект, 32А, Москва,
Россия, 119991.
aleksandrakrasovec@yahoo.com

Аннотация

Статья посвящена прошедшей 18–19 сентября 2018 г. в Москве международной научной конференции «Категории “воля” и “принуждение” в славянских культурах».

Ключевые слова

Категории, воля, принуждение, славянские культуры.

**INTERNATIONAL CONFERENCE
“CATEGORIES OF ‘WILL’ AND ‘COERCION’
IN SLAVIC CULTURES”**

Aleksandra N. Krasovets –

Ph.D., Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
aleksandrakrasovec@yahoo.com

Abstract

This article is devoted to the international scholarly conference “Categories of ‘will’ and ‘coercion’ in Slavic cultures” held on September 18–19, 2018 in Moscow.

Keywords

Conference, categories, will, coercion, Slavic cultures.

Отдел истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН на протяжении многих лет работает над общей темой «Категории и механизмы славянской культуры» и в рамках этой проблематики организует регулярные научные конференции. По их материалам вышли сборники научных статей, посвященные категориям «повседневность», «вещь», «гибрид», «взрыв» и «документ». Продолжением этой работы стала нынешняя международная конференция «Категории “воля” и “принуждение” в славянских культурах», проходившая в стенах Института славяноведения РАН 18–19 сентября сего года. Задачей конференции было показать многогранные проявления категории «воля» и ее функций в «тексте» славянских культур на разных уровнях — в языке, литературе, искусстве, а также в исторической практике и общественной мысли разных веков. Помимо сотрудников Института в конференции участвовали гуманитарии разных специальностей из других академических и образовательных учреждений Москвы и Петербурга, а также университетов Кракова, Загреба, Таллина.

Первое заседание открыл доклад Д.К. Полякова (ИСл РАН) «Рус. *voľa* vs. чеш. *vůle*: синтаксические связи и словообразовательные возможности». Остановившись на этимологии этих слов, докладчик рассмотрел их сочетаемость и словообразовательный потенциал, а также семантические отличия: в чешском языке *vůle* понимается как принадлежащая субъекту и исходящая исключительно от него (в таких контекстах эквивалентом рус. *воли* будет чеш. *svoboda*). В рамках той же лингвистической секции прозвучал доклад Т.И. Вендиной (ИСл РАН) «Философия диалектного слова в языке традиционной культуры: воля», в котором подробно был рассмотрен широкий смысловой диапазон этого понятия — от конкретно-бытового, связанного с хозяйственной деятельностью крестьянина, до абстрактного, отсылающего к представлениям о жизни и судьбе человека; диалектная категоризация была также сопоставлена с литературной. В докладе О.Е. Фроловой (МГУ им. М.В. Ломоносова) «Манипуляция как форма когнитивного принуждения» были проанализированы механизмы речевой манипуляции как формы некорректного речевого воздействия, а именно инструментализации адресата и изменения его когнитивной картины мира. Речь шла о когнитивном насилии в СМИ, к которому относятся композиционные приемы построения текста и дискурсивные приемы.

Переходя к проблемам истории, О.Б. Неменский (ИСл РАН) в докладе «Вообразить свой народ на Западной Руси в первой половине XVII в.» рассмотрел ситуацию сосуществования трех направлений христианского исповедования на территории Западной Руси в Раннее Новое время (католичество, православие, униатство) и их влияние на этническое самосознание, критерии определения «своего» сообщества на разных уровнях идентичности и представления о возможности свободного выбора человеком своей конфессиональной принадлежности.

Т.В. Волокитина (ИСл РАН) в докладе «Принуждение / насилие в контексте “технологии власти” (Из опыта послевоенной Восточной Европы)» обратилась к явлению политического насилия в странах Восточного блока, к природе его возникновения, обусловленности и функционирования с отсылками к принципу «революционной целесообразности». Докладчик отметила наличие трех «волн» применения репрессивно-силовых методов в управлении и общественно-политической жизни региона во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов, связанных с наказанием военных преступников и коллаборационистов, устранением с политической сцены оппозиции и, наконец, с борьбой за власть в высших эшелонах партийного (коммунистического) руководства. Автор доклада «Патриотизм “в рамках дозволенного”»: исторические столкновения России и Польши в отражении польских журнальных публикаций 1815–1830 гг.» Н.М. Филатова (ИСл РАН) рассмотрела ситуацию первых лет существования созданного в 1815 г. под эгидой России конституционного Королевства Польского, когда от польских авторов требовалось отдать дань патриотическим чувствам, не выходя за рамки дозволенного, то есть сочетать прославление героических страниц прошлого Польши с прославлением ее настоящего, связанного с миролюбивой политикой Александра I. И.Е. Адельгейм (ИСл РАН) в сообщении «“Я — труп на обочине ее повествования”». Насилие памяти о Холокосте и маскарад как способ освобождения в “Произведении о Матери и Отчизне” Б. Кефф» проанализировала роман польской писательницы, в котором речь идет о пережившей Холокост матери и транслировании ею травмы на свою дочь. Автор доклада выделяет те художественные и психологические приемы, при помощи которых «второе поколение» детей Холокоста пытается преодолеть свое жертвенное положение. И. Перушко (Загребский университет, Хорватия) в своем выступлении «Лагерная проза Карла Штайнера (“7000 дней в ГУЛАГе”) между волей и принуждением» обратилась к концептам «свобода, воля и принуждение» в лагерной прозе А. Солженицына, В. Шаламова и хорватского австрийца Карла Штайнера. Его книга «7000 дней в ГУЛАГе» была опубликована в Югославии в 1971 г., переведена на русский язык в 2017 г. и является одним из главных лагерных свидетельств XX века.

В.Г. Щукин (Ягеллонский университет, Краков, Польша) в докладе «Мицкевич и Пушкин: метафизика и диалектика воли vs. диалектика судьбы» сопоставил трактовку мотивов воли в произведениях А. Мицкевича («Дзяды», «Пан Тадеуш») и А.С. Пушкина («Евгений Онегин», «Медный всадник», «Капитанская дочка»). По мысли докладчика, если у Мицкевича принуждение — воплощение произвола чужой политической власти, а воля — высшее проявление человечности, рожденное из национальной традиции, то Пушкин изображал волю как право человека на личную жизнь, свободную от политики и от светских условностей; принуждение же исходит от судьбы. Е.А. Яблоков (ИСл РАН) в докладе «Коллизия воли / принуждения в “Запи-

сках юного врача” М.А. Булгакова» обратился к кругу идей, которые сформировали отношение Булгакова к проблеме воли: нищезанятость, марксизм, космизм Н.Ф. Федорова, проблема свободы воли в произведениях Лермонтова, Л. Толстого, Пушкина, Достоевского. Докладчик показал, что если творчество Булгакова говорит о том, что человек способен проявить свободную волю в любых условиях, писатель также задается вопросом — «кто управляет жизнью человеческой?». В докладе П.В. Корольковой (РГГУ) «“Путевые мелочи” Антуана Немчица и хорватский “патриотический тревелог”: судьба одного литературного бунта» речь шла о необычном для хорватского путевого очерка тексте середины XIX в. Произведение, не затрагивающее напрямую патриотическую проблематику, не поучающее своих сограждан, долгое время оставалось непонятым и малоизвестным. «Путевые мелочи», однако, стали одной из первых попыток отделить сферу общественного служения от области искусства. А.В. Усачева (ИСл РАН) в докладе «Нормы, традиции и табу деревенской жизни в Трансильвании: женские судьбы в романе Марты Петреу “Дома, в долине Армагеддон”» проанализировала образы романистки румынской писательницы и то, к каким разрушительным последствиям привело следование традиционному патриархальному укладу: навязанный женщине выбор приводит к распаду семьи, взаимной ненависти мужа и жены, смерти; вставал вопрос о пробуждении собственной воли человека.

Доклад Т.И. Чепелевской (ИСл РАН) «Школьная программа Антона Мартина Сломшека и проблема конфессиональной и культурной идентификации у словенцев в XIX в.» был посвящен вкладу епископа А.М. Сломшека (1800–1862), народного просветителя и организатора церкви, в развитие школьного образования у словенцев на родном языке, в формирование детской литературы. Деятельность епископа отражала как устремления малого славянского народа к объединению, так и надежду народа сохранить свои национальные традиции. Н.М. Куренная (ИСл РАН) в докладе «Оппозиция “воля / неволя” в поэзии Янки Купалы: общее и особенное» обратилась к поэзии белорусского классика, где одно из центральных мест заняла бинарная оппозиция — воля/неволя, посредством которой на художественно-эмоциональном уровне поэт раскрывает читателю причины и последствия угнетенного, подневольного существования как всей белорусской общности, так и отдельно взятой личности — крестьянина-белоруса. Е.В. Байдалова (ИСл РАН) в докладе «Принуждение совестью: теория “честности с собой” В.К. Винниченко в контексте эпохи» провела анализ категории «конкордизм» и теории «честности с собой» в творчестве украинского политика и писателя В.К. Винниченко (1880–1951), созданных как идейно-философская концепция устройства мира и «переустройства» человека, в которой социальные, национальные и морально-этические начала неразрывно связаны между собой.

А.Н. Красовец (ИСл РАН) в докладе «Категория “воли” как “насилия” в поэзии московских “экспрессионистов” (1919–1922)» рассмотрела поэти-

ческие сборники 1919–1920-х годов поэта-экспрессиониста Гурия Сидорова-Окского (1899–1967). Она показала, что центральные темы его поэзии, такие как революция, Гражданская война, любовь содержат в себе образы насилия и в сжатой форме выражают весь пафос ницшеанской «воли к власти», раскрывающей мощные сексуальные коннотации. В докладе «Словенские искусствоведы и их восприятие концепции *Kunstwollen* Алоиза Ригля» Д. Красовец (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) обратился к контексту возникновения термина в Вене в 1893 г. и к тому, как этот термин преломился в трудах словенских искусствоведов — Й. Мантуани, А. Стегеншек, Ф. Стеле, Изидора Цанкара, В. Моле и повлиял на формирование словенской истории искусств в XX веке. Выступление Н.В. Злыдневой (ИСл РАН) «Концепт *воля* в позднем авангарде: от России до Балкан» было посвящено проблеме репрезентации модальности в художественном изображении и соотношению категорий *слово* и *власть* в русском историческом авангарде 1910-х и 1920 — начала 1930-х годов («творческая воля» А. Габричевского, позднее — творчество К. Малевича). Была затронута и тема югославянского авангарда и показано, что, в отличие от русского авангарда, здесь *свобода* как синоним *воли* выступала ведущей категорией в проникнутом духом витализма понятии «балканского варварогения», призванного обновить культуру одряхлевшей Европы. Н.В. Надеждина (ИСл РАН) и П.А. Казарновский (Женевский университет, Швейцария) представили совместный доклад на тему «Не-воля к пробуждению. Сюрреалистические ландшафты А. Ника». А. Ник (Николай Аксельрод, 1945–2011) — поэт, прозаик, художник, яркий представитель «второй культуры», принадлежал к неофициальному ленинградскому сообществу творческих людей с Малой Садовой, а с 1972 г. жил в Праге. Докладчики установили преемственность «зрелого» периода творчества А. Ника от чешского авангарда 1920-х и андеграунда 1970-х годов.

Заключительное заседание конференции открыл доклад Ж. Бенчич-Примц (Загребский университет, Хорватия) «Образ Катерины Измайловой в интерпретации Дмитрия Шостаковича и проблема индивидуальной воли». После критического отзыва И.В. Сталина в 1936 г. на оперу Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» был наложен запрет. Докладчик показала, что причиной во многом послужил образ главной героини, показанной не как преступница, а как женщина, одержимая своей необузданной волей, понимаемой здесь как «желание, стремление, хотение, похоть» (В.И. Даль), как своего рода «стихийное Я» (Н.Д. Арутюнова), что приходило в противоречие с тоталитарной советской идеологией. И. Латкович (Загребский университет, Хорватия) прочитала свой доклад «Bunt i robuna u reprizi (Intermedijalni režimi neo- i post-avangarde)» по-хорватски, и речь в нем шла о бунте и восстании в репризе, об интермедийальных режимах нео- и пост-авангарда в Югославии после Второй мировой войны; особое внимание было уделено художественной практике словенской группы

ОХО, опыту так называемой визуальной поэзии. Т.Д. Кузовкина (Институт гуманитарных исследований Таллинского университета, Эстония) свой доклад «“Я продолжаю заниматься...”: Тема самообразования в письмах Ю.М. Лотмана 1940–1946 гг.» посвятила материалам архива Лотмана и его личной переписке с семьей во время его службы в армии в период Второй мировой войны. Кузовкина показала, что усердное самообразование, изучение иностранных языков в условиях фронтовой жизни свидетельствуют об исключительной воле и стремлении к знаниям будущего ученого, которые также помогли ему пережить тяжелейший военный опыт.

По материалам докладов, прозвучавших на конференции, Отдел истории культуры планирует публикацию сборника статей.

БЛАЖЕ ПЕТРОВ РИСТОВСКИЙ (1931–2018)

Марина Михайловна Фролова –

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук,
Ленинский проспект, 32А, Москва,
Россия, 119991.
marinafrolova59@mail.ru

BLAŽE RISTOVSKI (1931–2018)

Marina M. Frolova –

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
marinafrolova59@mail.ru

28 ноября 2018 г. умер академик Македонской Академии наук и искусств Блаже Петров Ристовский, который, прожив насыщенную и яркую жизнь, внес заметный вклад в развитие филологии и исторической науки Республики Македония.

Он родился 21 марта 1931 г. в с. Гарниково близ г. Кавардаци. Вторая мировая война нарушила привычный уклад неторопливой жизни крестьянской семьи, и юный Блаже включился в национально-освободительную борьбу своего народа: с 1943 г. являлся связным подпольщиков. В 1945 г. Блаже Ристовский стал одним из создателей конспиративной группы Македонской активной народно-коммунистической организации (МАНКО). Подпольная деятельность была небезопасна, и подросток за печатание, хранение и распространение листовок не раз подвергался арестам и даже тюремному заключению.

После окончания войны Б. Ристовский решил продолжить образование и поступил на филологический факультет Института санитарного просвещения в Скопье, который окончил в 1955 г. Еще в стенах родного факультета юноша работал в качестве редактора журнала «Народное здоровье» («Народно здравје»), затем учителем в г. Кавардацы, редактором «Радио

Скопье» («Радио Скопје»). Молодого и талантливого педагога приглашали преподавать македонский язык и литературу на философском факультете университета г. Любляна и в Педагогической академии в г. Марибор (1961–1966 гг.).

После защиты докторской диссертации «Крсте П. Мисирков — жизнь и деятельность» («Крсте П. Мисирков — животот и делото») в 1965 г. он был избран директором Института фольклора в Скопье. В исследовательское поле ученого входили прежде всего вопросы, касавшиеся развития македонской культурной и национальной мысли, болгаро-македонских отношений. Результаты работы освещались в более 800 публикациях, книгах и статьях. Последние печатались в различных сборниках и журналах как в Македонии, так и за рубежом. Среди его книг следует назвать «Крсте П. Мисирков (1874–1926)» (1966), «Македонский народ и македонское национальное сознание» («Македонскиот народ и македонската национална свест») (1968), «Вклад в изучение македонско-русских отношений и развития македонского национального мышления» («Прилози кон проучувањето на македонско-руските врски и развитокот на македонската национална мисла») в двух томах (1978), «Македонский народ и македонская нация» («Македонскиот народ и македонската нација») в двух томах (1983), «Македонский фольклор и национальное сознание» («Македонскиот фолклор и националната свест») в двух томах (1987), «История македонской нации» («Историја на македонската нација») (1999) и др.

Плодотворно занимаясь изучением и публикацией произведений народного творчества, Б. Ристовский основал международный симпозиум балканского фольклора в Охриде и стал его президентом. Его как известного ученого приглашали войти в состав редколлегии многих македонских и зарубежных журналов и газет — «Етнология Славица» (Братислава), «Демос» (Берлин), «Народно стваралаштво-Фолклор» (Белград), «Погледи», «Современост», «Гласник» Института национальной истории (Скопье) и др.

Благодаря многогранной научной и общественной деятельности Б. Ристовский получил широкую известность в Македонии, и в 1991–1992 гг. занял кресло первого вице-премьера в первом правительстве независимой Республики Македонии. После выхода на пенсию он столь же интенсивно трудился в должности научного руководителя Института старославянской культуры (1993–1995 гг.).

Коллектив Института славяноведения РАН вместе со всем ученым миром скорбит о невосполнимой утрате для науки и приносит соболезнование коллегам из Македонской академии наук и искусств, родным и близким Блаже Петрова Ристовского.

**РИНА ПАВЛОВНА УСИКОВА
(1933–2018)**

**Александра Игоревна
Чиварзина –**

младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук,
Ленинский пр., 32А, Москва,
Россия, 119991.
mss-vah@yandex.ru

**RINA PAVLOVNA USIKOVA
(1933–14.11.2018)**

Alexandra I. Chivarzina –

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
mss-vah@yandex.ru

14 ноября на восемьдесят шестом году жизни от нас ушла Рина Павловна Усикова — основатель македонистики в нашей стране, человек, открывший язык этого славянского и балканского народа для Советского Союза.

Рина Павловна родилась в Москве в 1933 г. Войну она застала уже в сознательном возрасте. Своим ученикам она много раз рассказывала, как их семья жила в метро, спасаясь от бомбежек, как затем была эвакуирована в Среднюю Азию.

Поступив вначале на отделение русского языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, будущая македонистка полюбила болгарский язык и перевелась на славянскую кафедру, которую окончила в 1955 г.

Благодаря прекрасным знаниям, полученным в университете, и многочисленным стажировкам в стране изучаемого языка, Рина Павловна стала блестящим болгаристом, преподавателем болгарского языка, соавтором классического университетского учебника болгарского языка, редактором издательства иностранных языков, переводчиком-синхронистом высшего уровня (в частности она переводила в 1960 г. в ООН знаменитую речь тогдашнего советского лидера Н.С. Хрущева с упоминанием «кузькиной матери»).

В 1965 г., после обучения в аспирантуре Института славяноведения АН СССР под руководством выдающегося ученого-слависта проф. С.Б. Бернштейна, Рина Павловна защитила кандидатскую диссертацию «Морфология имени существительного и глагола в македонском литературном языке». Взяться за грамматику недавно (в 1945 г.) кодифицированного македонского языка было идеей ее научного руководителя. Это продолжало интерес отечественной славистики к региону, отразившийся еще в трудах А.М. Селищева. Таким образом, Рина Павловна стала первым специалистом-македонистом не только в СССР, но и в мире, так как до этого не было опубликовано ни одной специальной работы по морфологии имени и глагола в македонском языке.

После защиты диссертации Рина Павловна впервые оказалась в Македонии. Там она познакомилась с проф. Блаже Конеским — одним из кодификаторов македонского литературного языка. Общаясь с самыми разными людьми, с представителями македонской интеллигенции, писателями, режиссерами, учеными, она блестяще овладела македонским языком, а вернувшись в Москву, активно продолжила исследования в этой области. Ей принадлежит более 120 работ. Одной из них является фундаментальное описание современного македонского языка (Грамматика македонского литературного языка. М., 2003). Ею была также написана статья «Македонский язык» в Лингвистическом энциклопедическом словаре (М., 1990). Очерки Р.П. Усиковой представляют македонский как славянский и балканский язык (Македонский язык // Основы балканского языкознания. Часть 2. Славянские языки. СПб., 1998; Македонский язык // Языки мира. Славянские языки. М., 2005). Она была инициатором издания, редактором и одним из авторов двух македонско-русских словарей (Скопье, 1997; М., 2003). Рина Павловна также заведовала кафедрой славянских языков МГУ на Отделении по преподаванию иностранных языков филологического факультета нефилологам (позднее на основе этого отделения был создан факультет иностранных языков и регионалистики). В 2005 г. Рина Павловна защитила докторскую диссертацию (по совокупности научных трудов) «Македонский литературный язык как предмет славистики и балканистики».

Многие годы спустя в болгарской печати появлялись сообщения вроде: «Усикова продолжает вводить в заблуждение научный мир», «Усикова — предатель болгарского народа» и т.д. Сама Рина Павловна была далека от политизации науки и в 1985 г. стала одним из авторов учебника болгарского языка, который до сих пор используется в преподавании.

Огромный вклад Р.П. Усиковой в распространение и популяризацию македонского языка в нашей стране. Благодаря ее заботам и трудам его стали преподавать в университетах Воронежа, Перми, Санкт-Петербурга, в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете в Москве и даже в некоторых московских общеобразовательных школах в качестве факультатива. За свои заслуги она была избрана членом Македонской ака-

демии наук и искусств (МАНУ), почетным профессором Университета им. Кирилла и Мефодия в Скопье, награждена орденом Югославского знамени с золотым венком, а уже после получения Македонией независимости ей вручили медаль «За заслуги перед Македонией».

Рина Павловна всем сердцем любила эту маленькую солнечную страну. По ее собственным словам, Македония давала ей силы на целый год научной работы. Под конец жизни Рина Павловна из-за своей болезни передвигалась с трудом, но всегда после поездки на Охридское озеро даже внешне преображалась — уникальное озеро и Македония ее оздоравливали. Последний раз Рина Павловна смогла приехать на вручение медали только в инвалидной коляске, но отказаться от заплыва в озере не смогла. Она рассказывала, что долго плыла и не хотела выходить из воды, потому что понимала — это ее последний в жизни заплыв.

Светлая память большому ученому и основательнице отечественной македонистики. Новые поколения учеников продолжают ее дело...

Литература

1. Библиография научных трудов доктора филологических наук Рины Павловны Усиковой // *Stephanos*. № 2. М., 2018. С. 144–152.
2. *Платонова И.В.* Рина Павловна Усикова как организатор и первый заведующий межфакультетской кафедрой славянских языков Московского университета // *Stephanos*. № 2. М., 2018. С. 134–140.
3. *Црвенковска Е.* Рина Павловна Усикова — Учитель и Пријател // *Stephanos*. № 2. М., 2018. С. 141–143.
4. *Шешкен А.Г.* Рина Павловна Усикова — основатель российской македонистики // *Stephanos*. № 2. М., 2018. С. 131–133.

References

1. Bibliografija nauchnykh trudov doktora filologicheskikh nauk Riny Pavlovny Usikovoï, 2018. *Stephanos*, N 2, pp. 144–152.
2. Platonova, I.V., 2018. Rina Pavlovna Usikova kak organizator i pervyi zaveduiushchii mezhfakul'tetskoï kafedroi slavianskikh iazykov Moskovskogo universiteta. *Stephanos*, N 2, pp. 134–140.
3. Tsrvenkovska, E., 2018. Rina Pavlovna Usikova — Uchitel i Prijatel. *Stephanos*, N 2, pp. 141–143.
4. Sheshken, A.G., 2018. Rina Pavlovna Usikova — osnovatel' rossiiskoi makedonistiki. *Stephanos*, N 2, pp. 131–133.

**БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
РИНЫ ПАВЛОВНЫ УСИКОВОЙ**

Составитель:

**Елена Владимировна
Верижникова –**

кандидат филологических наук, доцент,
филологический факультет,
МГУ имени М.В. Ломоносова.

**LIST OF WORKS
BY RINA PAVLOVNA USIKOVA**

Prepared by

Elena V. Verizhnikova –

Ph.D., Associate Professor,
Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University.

1. О настоящем времени глаголов совершенного вида в македонском литературном языке // Славянская филология. 1963. № 4. М.: Изд-во Моск. ун-та.
2. Морфологическая классификация глаголов в македонском литературном языке // Вестник Московского университета. Серия 7. Филология, журналистика. № 5. 1964.
3. Об ударении в современном македонском языке // Краткие сообщения Института славяноведения. Т. 41. Славянская и балтийская акцентология, М., 1964.
4. Классификация существительных и категория рода в македонском литературном языке // Македонски јазик. Год. XVI. Скопје, 1965.
5. О некоторых изменениях норм в македонском литературном языке // Краткие сообщения Института славяноведения. Т. 43. История славянских литературных языков. М., 1965.
6. Морфология существительного и глагола в современном македонском литературном языке // Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков». Посебни изданија. Кн. 5. Скопје, 1967.
7. Памяти профессора А.М. Селищева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1968. № 3.
8. О залоговом значении причастия на -н/-т в македонском литературном языке // Исследования по славянскому языкознанию. Сб. в честь шестидесятилетия проф. С.Б. Бернштейна. М.: Наука, 1971.

9. Значение и употребление причастий в македонском литературном языке // Балканское языкознание. М.: Наука, 1973.
10. Из наблюдений над языком Кирилла Пейчиновича (Глагол в книге «Оутѣшеніе грѣшнымъ») // Славянская филология. Вып. 8. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.
11. К вопросу о системе модальных и темпоральных форм глагола в македонском языке / Македонска академија на науките и уметностите. Прилози. Год. V. № 1–2. Скопје, 1974.
12. Гость из Югославии // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1976. № 5.
13. Тополинска, Зузана «Грамматика на именската фраза во македонскиот литературен јазик» // Обществени науки за рубежом. Серия 6. Языкознание. 1976. № 3.
14. Македонский язык // Большая советская энциклопедия. 3-е издание. Т. 15. М.: Сов. энцикл., 1976.
15. Македонский язык // Славянские языки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.
16. К вопросу о системе категорий глагола в македонском языке // Македонски јазик. Год. XXIX. Скопје, 1978.
17. Книга для чтения по болгарскому языку для гуманитарных факультетов. Учебное пособие / В соавторстве с З.И. Карцевой, И.В. Платоновой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
18. Программа курса «Современный македонский язык для филологических факультетов госуниверситетов, специальность — славянские языки и литература». М.: изд-во МГУ, 1978.
19. Македонский язык для филологических факультетов госуниверситетов, специальность — русский язык и литература. Программа курса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
20. К вопросу о грамматических категориях глагола в македонском литературном языке (категория переходности/непереходности) // Македонски јазик. Год. XXIX. Скопје, 1979.
21. О характере переходности/непереходности глаголов в македонском языке // Славянская филология. Вып. XI, М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
22. За темпоралниот систем во јазикот на К.П. Мисирков // Зборник на трудови од V Научна дискусија во Охрид. Скопје, 1979.
23. Допринос југословенских слависта решавању проблема глаголских категорија у македонском књижевном језику // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд: МСЦ, 1980.
24. За структурата на зборообразувачкото поле на агенсот во македонскиот јазик во споредба со рускиот // Македонски јазик. Год. XXXI. Скопје, 1981.
25. Способы передачи чужой речи в македонском литературном языке // Македонски јазик. Год. XXXII–XXXIII. Скопје, 1982.

26. Местото на формите со помошен глагол *има* и глаголските придавки во среден род на *-но/-то* во македонскиот глаголски систем // II Научна дискусија, Охрид, 19–21.08.1975. Скопје, 1983.
27. Местото на глаголските формации со повратниот елемент *се* во македонскиот јазик // Македонски јазик. Год. XXXV. Скопје, 1984.
28. Современный македонский язык для филологических факультетов госуниверситетов. Специальность 2003 — славянские языки и литература. Программа курса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
29. Македонский язык для филологических факультетов госуниверситетов. Специальность 2001 — русский язык и литература. Программа курса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
30. К вопросу о функционировании модально-темпоральных форм глагола при передаче чужой речи в балканославянских языках // Исследования по глаголу в славянских языках. Warszawa, 1985.
31. Македонский язык. Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем. Скопје: Македонска книга, 1985.
32. Учебник болгарского языка / под ред. Р.П. Усиковой. В соавторстве с С. Гининой, И.В. Платоновой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
33. К вопросу о функционировании глагольных времен при передаче чужой речи в балканославянских языках // Вопросы языка и литературы народов балканских стран. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
34. О деятельности межфакультетской кафедры славянских языков // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских языков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
35. К вопросу о лингвистических и методических основах практических учебников по славянским языкам // Лингвистичко-дидактические исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
36. Межфакультетской кафедре славянских языков — 15 лет / В соавторстве с В.Н. Зенчук // Славянская филология. Вып. 6. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.
37. Македонистиката во Советскиот Сојуз // XIV Научна дискусија. Охрид, 1987; Скопје, 1988.
38. Кон проучувањето на словенскиот глагол од балканистички аспект // Пристапни предавања, прилози и библиографија на новите членови на МАНУ. (IX). Скопје, 1988.
39. Кон описот на модално-темпоралниот систем во балканословенските јазици од функционална гледна точка (врз материјалот од македонскиот литературен јазик) // Македонски јазик. Год. XXXVIII–XXXIX. Скопје, 1987–1988.
40. Этапы становления и развития македонского литературного языка // Теория и практика изучения славянских языков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

41. К типологии глагола в балканославянских языках (функционирование грамемы настоящего времени) // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-восточной Европы. София 30.08.–6.09.1989. Лингвистика. М., 1989.
42. К вопросу о сопоставительном изучении функционирования модально-временной системы в славянских языках // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков. М., 1989.
43. Кон описот на модално-темпоралниот систем во македонскиот јазик од функционална гледна точка // XV Научна дискусија. Охрид, 15–18.08.1988. Скопје, 1989.
44. Исследования В.М. Иллича-Свитыча по македонскому языку. Македонско-русский словарь // Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе. Памяти В.М. Иллича-Свитыча. М., 1990.
45. Македонский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990.
46. Состояние и проблемы македонской лексикографии // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1991. № 1.
47. Кон формирањето на функционалните стилови во македонскиот јазик и некои задачи на македонската лексикографија // XVII Научна дискусија. Охрид, 13–15.08.1990. Скопје, 1991.
48. Шеесет години плодна научна дејност (кон 60-годишнината на проф. д-р С.Б. Бернштејн) // Прилози на МАНУ, XVI, 2. Скопје, 1991.
49. Кон изразување на модалноста на веројатност во македонскиот литературен јазик // VIII Научна дискусија. Охрид, 12–14.08.1991. Скопје, 1992.
50. Обид за функционално-семантичката карактеристика на изразните средства за модалноста на веродостојност во македонскиот јазик контрастно со рускиот // Прилози на МАНУ, XVI, 1. Скопје, 1992.
51. Способы выражения модальности достоверности в македонском языке сопоставительно с русским // Актуальные проблемы славянской филологии (материалы научной конференции). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
52. Контрастивный анализ русского и македонского языков. Учебная программа для филологического факультета Университета в г. Скопје // Учебен план и програми на учебните предмети на филолошкиот факултет. Скопје, 1993.
53. Функционирование грамемы настоящего времени в македонском языке сопоставительно с болгарским и русским // Исследования по глаголу в славянских языках. Типология и сопоставление. Warszawa–Москва, 1993.
54. О языковой ситуации в Республике Македонии // Язык. Этнос. Культура. М.: Наука, 1994.
55. Towards a contractive analytic of the Balkan slavic languages: Makedonian and Bulgarian // Balkan forum. Vol. 3. № 1 (10), Skopje, 1995.

56. Замечания о значении и функционирования аориста в македонском литературном языке // Македонски јазик. Год. XL–XLI. Скопје, 1995.
57. Забелешки по повод функционалните стилови во современiot македонски јазик // Крсте Мисирков. Симпозиум. Скопје, 1993. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 1996.
58. Кон контрастивното изучување на балканословенските јазици: македонски и бугарски // Јазиците на почвата на Македонија. Кн. 3. Скопје: МАНУ, 1996.
59. Руски јазик за сите (курс за напреднати). Русский язык для всех (курс для продвинутого этапа). Учебное пособие / В соавторстве с Т. Попспировой и Р. Тасевской. Скопје, 1996.
60. Кон контрастивното изучување на балканословенските јазици: македонски и бугарски // Јазиците на почвата на Македонија. Скопје: МАНУ, 1996.
61. Македонско-руски речник. Македонско-русский словарь. Т. I, А–М, 569 с.; Т. II, Н–П, 527 с.; Т. III, Р–Ш, 589 с. (Под ред. Р. Усиковой, соавторы — Е. Верижникова, З. Шанова, М. Поварничина). Скопје, 1997.
62. Кон модификациските значења на глаголските префикси во македонскиот јазик контрастивно со рускиот // XXII Научна дискусија. Охрид, 1995; Скопје, 1997.
63. Забелешки кон значењата на некои модални глаголи во македонскиот јазик контрастивно со рускиот // Научен зборник во чест на проф. д-р Рада Угринова-Скаловска. Скопје, 1997.
64. Концепирање на одразувањето на лексиката во Македонско-рускиот речник // Македонско-руски јазични, литературни и културни врски (Материјали од I научна славистичка руско-македонска конференција, август 1995) / В соавторстве с Е. Верижниковой и Р. Тасевской. Скопје, 1998.
65. Кон развојот на македонскиот јазик со оглед на јазичната ситуација во Македонија // 50 години на македонската наука за јазикот. Скопје: МАНУ, 1997.
66. К.П. Мисирков и руската славистика во XX век за македонскиот јазик (Од историјата на науката) // Македонското научно-литературно другарство и неговиот континуитет до основањето на Македонската академија на науките и уметностите (Прилози од научниот собир). Скопје, 1997.
67. Кон типологијата на македонскиот литературен (стандарден) јазик // Науката и културата за заедничка иднина на Југоисточна Европа. Скопје, 1998.
68. Языковая ситуация в Македонии и современное состояние македонского языка // Славяноведение. 1997. № 2.
69. Македонский язык // Основы балканского языкознания. Часть 2. Славянские языки. СПб.: Наука, 1998.
70. *Балканскост* современного македонского языка // В поисках балканского на Балканах. Балканские чтения–5. М., 1999.

71. Языковая ситуация в Македонии и явления языковой интерференции и диглоссии // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте. Сборник материалов международной российско-македонской научной конференции. (Москва, 15–16 сентября 1998 г.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
72. К пятидесятилетию выхода в свет первой научной статьи о македонском литературном языке // Македония: проблемы истории и культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 1999.
73. Структурные и функциональные изменения в коммуникативном статусе македонского литературного языка // Сопоставительное совещание-семинар преподавателей славянских языков. Информационные материалы и тезисы к докладам. М., 1999.
74. Кон значењата и функционирањето на имперфектот во македонскиот литературен јазик // Придонесот на Блаже Конески за македонската култура. Скопје, 1999.
75. Размислувања околу изборот на лексичкиот материјал и неговата лексиколошка, граматичка и лексикографска обработка во толковниот речник на македонскиот јазик // XXV Научна дискусија на XXXI Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 1999.
76. Б. Видоеский. Диалекты македонского языка. Т. I. Скопје, 1998 // Славяноведение. 1999. № 5.
77. ‘Балканско’ во современиот македонски јазик // XXVI Научна дискусија на XXXII Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2000.
78. Кон “балканскоста” на современиот македонски јазик // Македонски јазик. Год. XLVIII–L. 1997–1999. Скопје, 2000.
79. Сеќавање. Академик Самуил Борисович Бернштејн (1911–1997) // Македонски јазик. Год. XLVIII–L. 1997–1999. Скопје, 2000.
80. Прилог кон синтаксичките проучувања на македонскиот јазик // Македонски јазик. Год. XLVIII–L. 1997–1999. Скопје, 2000.
81. Кон модално-темпоралниот систем на глаголот во современиот македонски јазик // XXVII Научна конференција на XXXIII Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2001.
82. К вопросу о сопоставительном изучении близкородственных славянских языков: македонский и болгарский // Исследование славянских языков в русле сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания (тезисы докладов международной конференции). М., 2001.
83. С.Б. Бернштейн и развитие македонистики в нашей стране // Филологический сборник памяти профессора С.Б. Бернштейна: К пятилетию со дня кончины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.
84. Основной славянский язык. Македонский язык // Программы общих и теоретических курсов для студентов славянского отделения. Македонистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.

85. История македонского языка // Программы общих и теоретических курсов для студентов славянского отделения. Македонистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.
86. Ориентальные влияния в Республике Македонии // Балканские чтения-7. В поисках «ориентального» на Балканах. Античность. Средневековье. Новое время. Тезисы и материалы. 24–26 марта 2003. М., 2003.
87. Некоторые сопоставления типологии македонского и русского литературных языков в аспекте историко-литературно-языковых ситуаций // Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы. Информационные материалы и тезисы докладов международной научной конференции 21–22 октября 2003. М., 2003.
88. Б. Видоески. Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје 1998. Т. 1. 365 с.; Скопје, 1999. Т. 2. 250 с.; Т. 3. 263 с. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1997–2000. Сборник научных трудов. М., 2003.
89. Связь между типологией македонского литературного языка и его интенсивным развитием (1945–2004) // Материалы научных чтений памяти заслуженных профессоров МГУ Р.Р. Кузнецовой и А.Г. Широковой / Под. ред. В.Ф. Васильевой и А.Г. Машковой. М.: МАКС Пресс, 2004.
90. Из истории македонского литературного языка (типология литературного языка К.П. Мисиркова) // Славянский вестник. 2000. Вып. 2.
91. Балканский менталитет и функционирование македонского литературного языка // Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08–03.09.2004). СПб.: Наука, 2004.
92. Балканский менталитет и функционирование мак. лит. языка (*тезисы*) // IX congres internationale d'etudes du Sud-Est Europeennes. Tirana, 30.08–03.09.2004.
93. В.М. Иллич-Свитыч и македонско-русская лексикография конца XX — нач. XXI в. // Славяноведение. 2005. № 6.
94. Капитално научно дело за стилистиката на современиот македонски јазик (*рецензия на кн.: Лилјана Минова-Гуркова. Стилистика на современиот македонски јазик. Скопје, 2003, 350 с.*) // Македонски јазик. Год. LIV–LV. Скопје, 2003–2004.
95. Македонский язык // Языки мира. Славянские языки / РАН. Институт языкознания; ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. М.: Akademia, 2005.
96. Типологические характеристики македонского литературного языка // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. М.: МАКС Пресс, 2005.
97. Кон типолошките карактеристики на македонскиот јазик, кодифициран од Крсте П. Мисирков // Делото на Крсте Мисирков. Зборник од Меѓународен собир по повод стогодишнината од излегувањето на книгата *За македонските работи*. Скопје, 27–29 ноември 2003 година. Том II. Скопје, 2005.

98. Этноязыковые и этнокультурные проблемы в македонском языке // Глобализация — этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 2006.
99. Предисловие // Македония глазами россиян. М.: Рудомино.
100. Македонските *да*-конструкции и нивните руски еквиваленти // Руско-македонски јазични, литературни и културни врски. 3. (Материјали од Третата македонско-руска научна славистичка конференција, Охрид, 2001 год). Скопје, 2006. С. 83–90.
101. Связи македонского языка с другими балканскими языками (лингвистический и социолингвистический аспекты) // Балканские чтения-9. К юбилею Т.В. Цивьян, 6 февраля 2007. М., 2007.
102. Руската наука за македонскиот јазик пред неговата кодификација // Меѓународен научен собир «За откривањето и проучувањето на Македонија во европската наука до формирањето на македонски државни институции», МАНУ 40 години 1967–2007. Скопје, 29–30 октомври 2007 година. Скопје, 2007.
103. Современный македонский литературный язык как предмет славяноведения и балканистики (Текст научного доклада, представленного к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук). М., 2005.
104. Формирование терминологической лексики в истории современного литературного македонского языка // Пуристические тенденции в истории славянских литературных языков: Сборник тезисов. М.: Институт славяноведения РАН, 2005.
105. Современный литературный македонский язык как предмет славяноведения и балканистики. Современниот литературен македонски јазик како предмет на славистиката и на балканистиката. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2008.
106. Выражение субъективной модальности в македонском литературном языке в сопоставлении в болгарским и русским // Славянское языкознание. XIV съезд славистов. (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации. М.: Индик, 2008.
107. Исследование по истории славянского вокализма // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М.: Институт славяноведения РАН, 2008.
108. 2008 г. — год македонского языка // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2008. № 6.
109. Македонскиот литературен јазик и 2008 година. // Меѓународен македонистички собир. Охрид, 2008 г. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2010.
110. Кон 65-годишнината на литературниот македонски јазик // Зборник во чест на проф. д-р Лилјана Минова-Гуркова по повод 70 години од раѓањето. Скопје, 2009.

111. Роль форм перфекта типа *сум+л-форма* в модально-темпоральной системе македонского и болгарского языков // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 г.): Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2009.
112. Об учебниках по славянским языкам / В соавторстве с И.В. Платоновой // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 г.). Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2009.
113. Македонский язык // Большая Российская энциклопедия: в 30 т. Том 18: Ломоносов — Манисер. М.: Большая Российская энциклопедия, 2011.
114. О развитии македонистики в России // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна. Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.
115. Об изучении славянских языков в российских университетах / В соавторстве с И.В. Платоновой // Славистички студии. Скопје, 2011.
116. Улогата на Блаже Конески во создавањето на литературниот македонски јазик и на македонската национална култура // Блаже Конески и македонскиот јазик, литература и култура: меѓународен научен симпозиум (15–16 декември 2011 година — Скопје). Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2012.
117. Языковая ситуация и языковая политика в Республике Македонии // Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный симпозиум (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 21–24 марта 2012 г.): Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012.
118. О кафедре славянских языков (к ее сорокалетию) // Языки и культуры славянских народов: научный юбилейный сборник кафедры славянских языков и культур. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Факультет иностранных языков и регионоведения, Центр оперативной печати. 2013.
119. Об истоках кафедры славянских языков и культур (из воспоминаний основателя кафедры Р.П. Усиковой) // Языки и культуры славянских народов. Научный юбилейный сборник кафедры славянских языков и культур. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. Факультет иностранных языков и регионоведения, 2013.
120. Сопоставление литературных южнославянских балканских языков — болгарского и македонского // Stephanos. 2014. № 6 (8).
121. Јазичната ситуација и јазичната политика во Република Македонија // Руско-македонски јазични, литературни и културни врски. V. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2014.
122. Сопоставление литературных южнославянских балканских языков — болгарского и македонского. Warszawa, 2016.

123. Лингвистические и социолингвистические связи между македонским и другими славянскими балканскими языками // *Язык. Сознание. Коммуникация* Вып. 55. Сборник научных статей к юбилею профессора Н.Е. Ананьевой. М.: МАКС Пресс, 2017.
124. Македонский язык // *Языки мира: Славянские языки* (изд. 2-е, испр. и доп.) / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. СПб.: Нестор-История, 2017.

Художественные переводы

1. Рассказы Георгия Абаджиева, Томе Момировского и Симона Дракула // *Талый снег*. М.: Художественная литература, 1965 // *Современная югославская новелла*. М.: Прогресс, 1965.
2. Ѓорѓи. Абаџиев. Пустина. (Абаџиев Георгий, Пустыня) // *Пустыня / Г. Абаџиев. И боль, и гнев / С. Яневский. Серебряные снега / Ж. Чинго / сост. А. Романенко*. М.: Прогресс, 1981 (Библиотека югославской литературы.) (под псевдонимом Р. Ростовцева).
3. Горан Стефановски. Диво месо (*Дикое мясо*) // *Стефановский Горан. Полет на месте и другие пьесы*. М.: Радуга, 1987.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**СЛАВЯНСКИЙ МИР
В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ.
2018**

Выпуск 13

№ 3–4

Главный редактор:

Е. С. Узенёва

Компьютерная верстка:

П. Н. Морозов

Дизайн обложки:

П. К. Донской

На обложке журнала:

«Словенская свадьба»

Автор фотографий:

Миран Камбич

Panjska končnica.

Motiv: Poroka. 1881

(URL: <http://mro.si/zbirke/zbirke-in-gradivo/poslikane-panjske-koncnice/>)

Panjska končnica.

Motiv: Svadba v galilejski Kani. 1882

(URL: <http://mro.si/zbirke/zbirke-in-gradivo/poslikane-panjske-koncnice/>)

Институт славяноведения РАН

119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»

Адрес электронной почты:

inslav@inslav.ru

Подписано в печать 14.12.2018. Формат 70×100¹/₁₆

Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 21,29.

Объем 16,38 печ. л.

Заказ № 102.

Тираж 500 экз.